

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Баландин Д. А. <i>Отдельные тенденции размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для нужд УИС</i>	4
Веселов М. И. <i>Отдельные вопросы организационно-структурного построения оперативных отделов женских исправительных колоний</i>	6
Виноградов В. В. <i>Психосоциальная работа в местах лишения свободы: концептуальные подходы осуществления</i>	10
Горяинов К. К. <i>Оперативно-розыскное обеспечение противодействия пенитенциарной преступности</i>	13
Жуков С. А., Шаханов В. В. <i>Роль пословиц, поговорок, афоризмов и максим в правовом воспитании и профессиональном становлении курсантов образовательных учреждений ФСИН России</i>	19
Злобин В. С. <i>Оперативно-розыскные меры по обеспечению режима содержания в исправительных учреждениях: определение понятия</i>	23
Кудрявцев А. В. <i>Предпосылки возникновения проблемной ситуации, связанной с определением сущности оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе</i>	25
Малолеткина Н. С. <i>Некоторые проблемы правового положения условно осужденных</i>	28
Сенатов А. В. <i>Формы предупредительного воздействия в отношении лиц, склонных к совершению преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания в тюрьмах</i>	32
Смирнова И. Н. <i>Роль прокурорского надзора в обеспечении законности уголовно-исполнительными инспекциями при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, и иных мер уголовно-правового характера</i>	35
Соколов А. Н. <i>Организация взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел при предупреждении правонарушений, совершаемых в колониях-поселениях: сущность понятия</i>	38
Чайковский А. А. <i>Современное состояние преступности в следственных изоляторах ФСИН России</i>	41

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Абозин Р. В. <i>Особенности реализации потерпевшим и подсудимым права дачи показаний и представления доказательств</i>	44
Амелин Н. М. <i>Субъекты правовых отношений государства с религиозными объединениями в гражданском обществе</i>	49
Афанасьева А. Н., Устинов А. Э., Ланцов М. В., Ланцов В. М. <i>Метод экономико-правовой минимизации налога на жилище и жилье</i>	53
Головинский М. М. <i>Особенности процесса заключения сторонами досудебного соглашения о сотрудничестве в порядке ст. 317.1–317.3 УПК РФ</i>	56
Голубев В. Б., Секретарева Т. М. <i>Право человека, пострадавшего от общественно опасных деяний невменяемых лиц, называться потерпевшим: постановка проблемы</i>	62
Григорьев А. С. <i>Механизм индивидуально-правового регулирования: проблемы обоснования понятия</i>	67
Гришина Т. Ю. <i>Классификационная модель символов в праве</i>	70
Илиджев А. А. <i>Общие начала и специальные правила назначения наказания</i>	73

Карасев Е. В. <i>Организационно-правовые аспекты возмещения вреда от чрезвычайных ситуаций путем развития системы страхования</i>	76
Кирилова Ю. С. <i>Некоторые проблемы применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях</i>	80
Кисляков С. В. <i>Некоторые проблемы первоначального этапа расследования дорожно-транспортных происшествий</i>	85
Климов Е. В. <i>Институт выдачи в уголовном процессе: определение понятия и значение</i>	89
Косых А. А. <i>Методологические аспекты убеждения в правовом регулировании общественных отношений</i>	94
Кулаженкова Н. В. <i>Актуальные аспекты деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в сфере защиты семьи, материнства и детства</i>	97
Левит А. А. <i>Категория «обращение» в правовом регулировании общественных отношений</i>	104
Лопатин С. А. <i>Некоторые проблемы производства допроса, очной ставки и предотвращения лжи со стороны допрашиваемых при расследовании мошенничества в области инвестиционного строительства</i>	109
Лысенко Т. И. <i>Процедурные вопросы реализации норм гражданско-правового института возмещения внедоговорного вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина</i>	114
Маликов С. В. <i>Концепция военно-полевой криминалистики</i>	118
Ткачук Т. А., Михайлов А. Е. <i>Роль специалиста в подготовке предъявления для опознания, осуществленного нетрадиционным способом с целью розыска и установления объектов</i>	126
Фортова Л. К., Лапшин В. Е. <i>Социальная ценность жизни и смерти человека и их взаимосвязь</i>	129
Халак О. Н. <i>Проблемы понимания и применения категории «права человека» как центрального элемента правового положения гражданина в современном российском обществе</i>	134
Шаханов В. В. <i>Некоторые вопросы технологии заключения гражданско-правового договора</i>	137

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Агарков А. В. <i>Трансформация задач оперативных подразделений пенитенциарной системы СССР в первой половине XX в.</i>	141
Богданов М. А. <i>Новая страница в истории института условно-досрочного освобождения (февраль – октябрь 1917 г.)</i>	145
Волков В. С. <i>Борьба органов милиции Пермской области с беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны как основное средство предупреждения подростковой преступности</i>	148
Ерин Д. А. <i>Особенности организационно-штатной структуры ведомственной милиции РСФСР в период ее становления (1924–1925 гг.)</i>	154
Иваняков Р. И. <i>Финансовое обеспечение воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников и правонарушителей в дореволюционной России</i>	158
Коломенцев Д. В. <i>Попытки тюремных преобразований в Российской империи 1845 г. (проект Николая I о строительстве одиночных тюрем)</i>	162
Черкашина Н. В. <i>Госпитали для «зазорных» младенцев: условия, порядок образования и особенности правового регулирования</i>	164
Ябанжи И. И. <i>Расследование дел о государственных преступлениях в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.</i>	173

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Богатырев В. В., Лукьянова Н. А.

Роль и место стран – лидеров цивилизационного процесса в развитии права 177

Витина М. Д.

Система исполнения наказания в Западной Европе 183

Махмутов Р. А.

Некоторые спорные вопросы о сроках содержания под стражей (на примере Кыргызской Республики) 187

Молдобаев Б. Т.

Правовой статус Конституционного суда как основного субъекта Конституции Кыргызской Республики 191

Е-mail наших авторов 197

Требования к рукописям, представляемым для опубликования

в «Вестнике Владимирского юридического института» 199

Анкета автора публикации и оператора персональных данных 200

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Д. А. Баландин,
начальник кафедры
экономических и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

D. A. Balandin,
Head of the Department for Economics
and Financial Law
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗМЕЩЕНИЯ ЗАКАЗОВ НА ПОСТАВКИ ТОВАРОВ, ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТ И ОКАЗАНИЕ УСЛУГ ДЛЯ НУЖД УИС

Some Trends of Placement of Orders for the Delivery of Goods, Fulfillment of Works and Rendering of Services for the Penitentiary System

Аннотация. В данной статье рассматривается такое направление деятельности Федеральной службы исполнения наказаний, как размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для нужд оперативных подразделений. При этом показаны отдельные тенденции и особенности размещения заказов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для нужд вышеуказанной службы.

Ключевые слова: размещение заказов, нужды оперативных подразделений.

Annotation. The article deals with such a trend in the activity of the Federal Service for Execution of Penal Sentences as placement of orders for the delivery of goods, fulfillment of works and rendering of services for the needs of operative units. The paper also represents some tendencies and peculiarities of placement of orders for the delivery of goods, fulfillment of works and rendering of services for the needs of the above-mentioned Service.

Key words: placement of orders, needs of operative units.

Вопросам государственного регулирования экономической деятельности хозяйствующих субъектов сегодня уделяется значительное внимание как со стороны Правительства РФ, руководителей федеральных органов исполнительной власти, коммерческих структур, так и со стороны ученых, экономистов, юристов.

Известно, что политика государственного регулирования экономической деятельности выражается в основном в принимаемых законодательных и подзаконных нормативных правовых актах.

Среди них особое значение имеет Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30, ст. 3105). В настоящее время он является основным нормативным правовым актом, регламентирующим отношения, возникающие в процессе размещения заказов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных нужд, в том числе для нужд УИС, а также устанавливает единый порядок размещения заказов в целях эффективного использования средств бюджетов и внебюджетных источников финансирования, расширения возможностей для участия физических и юридических лиц в размещении заказов,

развития добросовестной конкуренции, обеспечения гласности и прозрачности размещения заказов.

Говоря об экономическом эффекте применения данного Закона следует заметить, что, по сведениям Минэкономразвития за 2006–2007 гг., экономия бюджетных средств составила почти 300 млрд руб. (Смолякова Т. Госзаказ // Рос. газ. 2008. 30 мая). В 2008 г. бюджеты сэкономили с помощью конкурсов и аукционов 220 млрд руб. Общий объем государственных и муниципальных закупок в 2009 г. оценивался в 4 трлн руб. (Ее же. Закупка под контролем // Рос. газ. 2009. 27 окт.).

В рамках настоящей статьи проведен анализ имеющихся тенденций размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для нужд УИС за 2006–2008 гг., в том числе рассмотрен экономический эффект, достигнутый за время действия вышеуказанного Закона.

Так, в 2006 г. было заключено контрактов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для нужд учреждений и органов ФСИН России на сумму 27,35 млрд руб., при этом первоначальная стоимость предложения заказчика – УИС составляла 37,31 млрд руб. Таким образом, было сэкономлено 9,96 млрд руб., или 26,7 % от первоначальной цены. В 2007 г. рассматриваемый показатель равен 41,15 млрд руб., при этом первоначальная стои-

мость предложения заказчика – 46,13 млрд руб. Экономия составила 4,98 млрд руб., или 10,8 % от первоначальной цены. В 2008 г. было заключено контрактов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для нужд УИС на сумму 42,77 млрд руб., при этом первоначальная стоимость предложения заказчика – УИС составляла 44,55 млрд руб. По данным Управления ресурсного обеспечения ФСИН России за 2006–2008 гг., было сэкономлено 1,78 млрд руб., или 3,99 % от первоначальной цены.

При этом необходимо отметить стабильный рост такого специфического показателя, как динамика уровня конкуренции, определяющего среднее число участников торгов (он увеличился с 1,9 в 2006 г. до 2,1 в 2007 г.) (Григорьев А. Требование к госзаказу – открытость и прозрачность // Преступление и наказание. 2008. № 5. С. 5).

Рассмотрим некоторые тенденции, касающиеся способов размещения заказов для нужд УИС за анализируемый период.

Так, по данным Управления ресурсного обеспечения ФСИН России за 2006–2008 гг., в 2006 г. в форме аукциона или конкурса было проведено 51533 торгов, в 2007 г. – 94245.

В структуре способов размещения заказов доля такого способа, как запрос котировок, за указанный период сократилась с 17 до 9 %, а доля аукционов, наоборот, возросла с 2 до 17,8 %. В свою очередь, за период 2006–2008 гг. доля конкурса в структуре способов размещения заказов сократилась с 50 до 12,4 %, а заказа у единственного поставщика – возросла с 20 до 50,7 %.

В целом проведенный анализ деятельности в сфере размещения заказов на поставки товаров, оказание услуг и выполнение работ для нужд УИС позволил выделить следующие тенденции:

1) увеличились расходы на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для нужд УИС в 2006–2008 гг. более чем на 50 %;

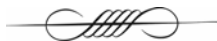
2) произошла значительная экономия средств при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для нужд УИС в 2006–2008 гг. в абсолютных цифрах (16,72 млрд руб.);

3) за период 2006–2007 гг. существенно увеличилось количество проведенных в органах и учреждениях УИС торгов (+83 %);

4) основными способами размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для нужд УИС являются размещение заказа у единственного поставщика и аукцион. Такая ситуация вызвана внесенными в 2007 г. изменениями в Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (О внесении изменений в Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон : [от 20 апр. 2007 г. № 53-ФЗ] // Рос. газ. 2007. 25 апр. ; О внесении изменений в Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон : [от 24 июля 2007 г. № 218-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 31, ст. 4015) и утверждением распоряжением Правительства РФ от 27 февраля 2008 г. № 236-р Перечня товаров (работ, услуг), размещение (выполнение, оказание) которых осуществляется путем проведения аукциона (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 9, ст. 884).

5) величина экономии при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для нужд УИС в 2008 г. по сравнению с 2006 г. уменьшилась более чем в 5 раз.

В заключение необходимо отметить, что Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» в УИС с каждым годом становится все менее действенным инструментом экономного использования бюджетных средств. По нашему мнению, причины этого имеют как субъективный, так и объективный характер. Требуется скорейшее проведение специальных исследований, по результатам которых должен быть принят комплекс организационно-практических мер. Реализация последних позволит увеличить экономии денежных средств, выделяемых органам и учреждениям УИС, и добиться эффективности их использования.

Библиографический список

1. Попондопуло, В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право : учебник / В. Ф. Попондопуло. – М., 2004.
2. Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Е. П. Губин и П. Г. Лахно. – М., 2008.
3. Российское предпринимательское право : учебник / под ред. И. В. Ершовой, Г. Д. Отнюковой. – М., 2008.

Bibliographical list

1. Popondopulo, V. F. Commercial (Business) Law / V. F. Popondopulo. – M., 2004.
2. Business Law of the Russian Federation / ed. by E. P. Gubin, P. G. Lahno. – M., 2008.
3. Russian Business Law / ed. by I. V. Yershova, G. D. Otnyukova. – M., 2008.

М. И. Веселов,
преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России

M. I. Veselov,
Lecturer of the Department
of Organizing Operative Work
of VLI of the FPS of Russia

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНОГО ПОСТРОЕНИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ОТДЕЛОВ
ЖЕНСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ**

**Some Issues Concerning the Organization and Structure
of Operative Departments in Women's Colonies**

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы организационно-структурного построения оперативных отделов женских исправительных колоний. Анализ особенностей исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин позволил автору определить ключевые направления, которые позволяют улучшить организацию деятельности оперативных отделов женских исправительных колоний в решении задач предупреждения и раскрытия преступлений.

Ключевые слова: организационно-структурное построение, женские колонии, объекты оперативного обслуживания.

Annotation. In the article some problems connected with the organization and structure of operative departments in women's colonies are examined. The analysis of peculiarities of women's imprisonment allows the author to identify the key tendencies, which can help to improve the organization and structure of the operative departments for the purpose of prevention and clearance of crimes.

Key words: organizational construction, women's colonies, operative service objects.

Формирование действенной системы, обеспечивающей предупреждение и раскрытие преступлений в женских исправительных колониях (далее: ИК), предполагает определение организационно-структурного построения подразделений, компетентных в решении поставленных задач и выполнении возложенных функций. В первую очередь таким подразделением является оперативный отдел ИК.

В соответствии со ст. 84 УИК РФ оперативные отделы ИК решают следующие задачи: обеспечение личной безопасности осужденных, персонала ИК и иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в ИК преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыск осужденных, совершивших побег из ИК; оказание содействия иным субъектам оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в ИК.

Сфера деятельности оперативных отделов пенитенциарных учреждений в целом и ИК, в частности, отличается существенными особенностями, о чем свидетельствуют результаты проведенных исследований (Лукашов В. А. Управление оперативно-розыскными аппаратами органов внутренних дел : курс лекций. М., 1976. С. 31–32).

Во-первых, оперативные работники реализуют свои полномочия в первую очередь применительно к специфическому контингенту – осужденным, лицам, которым судом назначено уголовное наказание в виде лишения свободы за со-

вершение преступления и которые находятся на ограниченной, охраняемой территории.

Во-вторых, оперативные отделы ИК ведут борьбу со всеми видами преступлений, а также с не менее опасными в силу своего характера нарушениями режима отбывания наказания (Кваша Ю. Ф. Личность злостного нарушителя режима и правовые последствия отношения осужденного к данной категории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 4).

В-третьих, отличительной чертой деятельности оперативных отделов ИК является их ограниченная компетенция в сфере ОРД в отношении лиц, не являющихся осужденными.

Таким образом, вышеприведенные характерные особенности ОРД в ИК позволяют сделать вывод о том, что оперативный аппарат исправительного учреждения в современных условиях представляет собой специализированное подразделение, характерной организационно-структурной чертой которого является единоличное обеспечение различных направлений оперативно-розыскной работы. За пределами пенитенциарных учреждений эти обязанности рассредоточены по независимым друг от друга оперативным службам МВД России, иным правоохранительным органам и спецслужбам (Кваша Ю. Ф. Организация и тактика оперативно-розыскной деятельности: Оперативно-розыскные мероприятия : курс лекций. М., 1993. С. 92). Кроме того, распределение функций существует и на уровне оперативных управлений территориальных органов ФСИН России.

Рассматривая вопросы структурно-функционального обеспечения ОРД в ИК, необходимо исходить из содержательного аспекта такой деятельности. Следует учитывать, что если набор структурных элементов представляет собой систему в статическом состоянии, то функции, наоборот, характеризуют движение системы, ее динамические свойства. Такая тесная связь функционального и структурного аспектов, касающихся организации деятельности любого органа управления, обусловлена тем, что именно наличие определенных целей, задач, функций предопределяет необходимость создания определенной системы, структурных звеньев того или иного структурного элемента. В этой связи мы солидарны с мнением профессора Г. А. Туманова, который считает, что «существование какого-либо структурного подразделения системы управления обосновано лишь в том случае, если оно действительно имеет конкретную целевую нагрузку, выполняет объективно необходимую функцию» (Основы научной организации управления и труда в ОВД / под ред. Г. Р. Зуйкова. М., 1974. С. 28).

Эффективность выполнения функций и решения поставленных задач оперативными подразделениями пенитенциарных учреждений зависит от того, насколько их деятельность будет учитывать те реальные потребности в сборе информации, которые обуславливают необходимость оптимального обеспечения оперативно-розыскного сопровождения исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. В связи с этим структура оперативного подразделения должна в полной мере соответствовать содержанию выполняемых им функций борьбы с преступностью, согласовываясь с задачами, поставленными перед исправительным учреждением, в интересах их эффективного разрешения.

С учетом вышеизложенного рассмотрим некоторые проблемные вопросы организационно-структурного обеспечения деятельности оперативных отделов женских ИК в части решения задач предупреждения и раскрытия преступлений на объектах оперативного обслуживания¹.

Во-первых, анализ практической деятельности оперативных отделов ИК показывает, что, несмотря на различные организационные формы данных подразделений на определенных этапах их развития (оперативные или оперативно-режимные), а также их ведомственную принадлежность, существуют общие закономерности в формировании и функционировании рассматри-

ваемых структур, которые желательно соблюдать при организации оперативного отдела ИК и в его практической деятельности (Кваша Ю. Ф., Васильев Н. Н. Основные направления (концепция) оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания : учеб.-метод. материалы по курсу «Организация и тактика ОРД органов, исполняющих наказания». М., 1994. С. 51).

Так, для того чтобы оперативный отдел ИК успешно решал задачи предупреждения и раскрытия преступлений, по нашему мнению, необходимо, чтобы его сотрудники специализировались по объектовому и линейному принципам. Еще в 1976 г. В. А. Лукашов отмечал, что важным условием успешной деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью является научно обоснованное разделение труда в системе этих органов, правильная расстановка сотрудников, учитывающая их деловую квалификацию, наклонности и личные способности (Лукашов В. А. Указ. соч. С. 91–92). Специализация, как указывает А. Ю. Тихомиров, проявляясь в сфере управления, направлена на обеспечение его квалифицированности и оперативности, более эффективное воздействие на управляемые процессы, повышение эффективности самого управления (Тихомиров А. Ю. О специализации в государственном управлении // Правовые проблемы науки управления. М., 1966. С. 40).

Специализация по объектовому принципу в уголовно-исполнительной системе означает, что за каждым оперативным сотрудником ИК закрепляется конкретный объект оперативного обслуживания, где он осуществляет предупредительную деятельность, а при необходимости и раскрытие преступлений. При этом мы разделяем мнение тех ученых и практических работников, которые считают, что оптимальной реализации объектового принципа благоприятствует разумное сочетание функциональных обязанностей оперативного работника и сотрудника отдела безопасности путем одновременного закрепления за каждым объектом обслуживания двух указанных сотрудников (Михайличенко А. В., Фатахов С. Г. Основные условия обеспечения эффективности решения задач ОРД в ИТУ // Проблемы совершенствования деятельности оперативных аппаратов ИТУ по повышению эффективности исполнения уголовных наказаний : материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. Рязань, 1989. С. 16). Взаимодействуя друг с другом, эти сотрудники могут комплексно использовать оперативно-розыскные и режимные мероприятия для изучения вновь прибывающих в ИК осужденных, выявлять скрытые процессы в их среде, определять характер межгрупповых и межлично-

¹ Под объектами оперативного обслуживания в женских ИК мы понимаем: отряды, бригады осужденных, производственные цеха, столовую, склады, банно-прачечный комбинат, школу, клуб, ПТУ и др.

стных отношений, настроение и реакцию этих лиц на воздействие со стороны администрации ИК, обнаруживать их замыслы и намерения (особенно тех, кто стоит на профилактическом учете), а также выявлять другие сведения, представляющие интерес для предупреждения и раскрытия преступлений.

Во-вторых, при комплектовании личного состава оперативного отдела женской ИК необходимо учитывать, что женщины, подвергавшиеся до осуждения насилию со стороны мужчин или осужденные за преступления, совершенные в их отношении, очень трудно идут на контакт с оперуполномоченным противоположного пола. В связи с этим в состав оперативного отдела должны входить оперуполномоченные женского пола, которые смогут установить контакт с данной категорией осужденных. Кроме того, проведение отдельных оперативно-розыскных и режимных мероприятий, направленных на выявление и фиксацию фактов преступной деятельности (в частности, при производстве личного досмотра осужденной на предмет обнаружения запрещенных к использованию в ИК предметов), согласно положениям ч. 5 ст. 82 УИК РФ должны осуществлять только оперуполномоченные женского пола.

В-третьих, сотрудники оперативного отдела женских ИК при осуществлении оперативного обслуживания объектов должны учитывать определенные особенности исполнения наказания в отношении осужденных женщин. Одной из таких особенностей является отсутствие локальных участков между общежитиями и отрядами. Данное обстоятельство дает возможность свободного общения осужденных вне пределов помещений отряда, в том числе и возможность посещения помещений отрядов лицами из других общежитий, несмотря на существующий запрет «находиться без разрешения администрации в общежитиях, в которых они не проживают...» (Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений : утв. приказом Минюста России от 3 нояб. 2005 г. № 205. Разд. 3. П. 15 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. 2005. № 47). В связи с этим у оперативного состава возникает возможность:

- использовать лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, без перевода их на интересующий объект, что благоприятствует зашифрованности источника информации;
- проводить беседы и получать информацию от осужденных, имеющих знакомых на интересующем объекте или посещавших его по тем или иным причинам;
- осуществлять оперативно-розыскные мероприятия в отношении лица вне объекта его проживания.

В таких условиях оперативный состав получает преимущество как при организации работ конкретных лиц на объектах оперативного обслуживания, так и при замещении оперативными сотрудниками друг друга на время отпусков, командировок и возникновении других обстоятельств.

В-четвертых, эффективное функционирование оперативных отделов ИК предусматривает специализацию не только по объектовому, но и линейному принципу. Проведенные нами исследования показали, что в 78 % случаев организация работы оперативных отделов ИК основана на сочетании объектового и линейного принципов. При этом 56 % опрошенных нами оперативных сотрудников ИК считают необходимым выделять наиболее опытного оперативного сотрудника ИК для организации работы по отдельной линии преступных проявлений (экономические преступления, терроризм, предупреждение побегов, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, организованная преступность и др.). Однако решение этой проблемы вызывает определенные трудности. И вот почему. Знания по таким линиям преступных направлений, как: терроризм, предупреждение побегов, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, организованная преступность, – могут быть получены сотрудниками оперативных подразделений при обучении в высших учебных заведениях системы ФСИН России, а организация работы по линии экономических преступлений требует специфических знаний, получить которые возможно при обучении в учебных заведениях финансово-экономического профиля. В связи с этим 63 % опрошенных оперативных сотрудников указали, что именно отсутствие знаний в финансово-экономической сфере препятствует более качественной работе в указанном направлении. Учитывая тот факт, что получение второго высшего образования является платным, то нам представляется возможным выделить денежных средств на обучение отдельных сотрудников в финансово-экономических учебных учреждениях, которые в последующем будут работать в данной области.

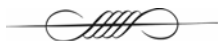
Однако эту точку зрения могут поддержать не все, ссылаясь на то, что не лучше ли принимать на работу лиц, уже имеющих экономическое образование, и давать возможность получения ведомственного юридического. Между тем, учитывая особенности платного юридического образования, можно констатировать, что программа дисциплины «Основы оперативно-розыскной деятельности» предполагает ее изучение только в рамках Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг.), и выделяется на

нее небольшое количество часов, т. е. теоретических знаний, полученных при обучении, будет явно не достаточно. Пополнить их можно при проведении служебной подготовки или в рамках наставничества в подразделениях, но, как показывает практика и проведенное нами исследование, они не всегда организованы на должном уровне.

Таким образом, вслед за В. А. Лукашовым мы считаем, что положительный эффект линейной специализации проявляется в следующем: во-первых, повышается результативность работы сотрудников, выполняющих те или иные обязанности, благодаря накоплению в их памяти специализированной информации; во-вторых, появ-

ляется возможность концентрировать обширную информацию по конкретному участку оперативно-служебной деятельности с последующим использованием ее в аналитической работе, планировании и осуществлении профилактических и оперативно-розыскных мероприятий (Лукашов В. А. Указ. соч. С. 100).

В заключение отметим, что на современном этапе, характеризующемся реформированием всей уголовно-исполнительной системы, учет обозначенных особенностей организационно-структурного построения оперативных отделов женских ИК будет способствовать успешному решению задач предупреждения и раскрытия преступлений в пенитенциарных учреждениях.

Библиографический список

1. *Кваша, Ю. Ф.* Основные направления (концепция) оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания : учеб.-метод. материалы по курсу «Организация и тактика ОРД органов, исполняющих наказания» / Ю. Ф. Кваша, Н. Н. Васильев. – М., 1994.
2. *Лукашов, В. А.* Управление оперативно-розыскными аппаратами органов внутренних дел : курс лекций / В. А. Лукашов. – М., 1976.

Bibliographical list

1. *Kvasha, Yu. F.* The Main Tendencies (concept) of Crime Detection of Operative Divisions and Bodies Executing Criminal Penalties / Yu. F. Kvasha, N. N. Vasilyev. – M., 1994.
2. *Lukashov, V. A.* Managing Crime Detection Divisions of the Internal Affairs Agencies (OVD) / V. A. Lukashov. – M., 1976.

В. В. Виноградов,
*профессор кафедры пенитенциарной педагогики,
психологии и социальной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент
заслуженный учитель Российской Федерации*

V. V. Vinogradov,
*Professor of the Department of Penal Pedagogy,
Psychology and Social Work
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant professor
Distinguished Teacher of the Russian Federation*

ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Psychosocial Work in Imprisonment Places: Conceptual Approaches to the Realization

Аннотация. Рассматриваются концептуальные подходы осуществления психосоциальной работы с осужденными в условиях гуманизации исполнения наказания. Данная концепция определяет осуществление психосоциальной работы на различных уровнях (индивидуальном, групповом, массовом) и основные этапы ее реализации в исправительном учреждении.

Ключевые слова: практический гуманизм, готовность осужденного к полноценной жизнедеятельности в обществе, психосоциальная работа, уровни психосоциальной работы, этапы психосоциальной работы.

Annotation. In the article conceptual approaches to the realization of psychosocial work with the convicted under the present conditions of the humanization of an execution of the punishment are considered. The given concept defines realization of psychosocial work at various levels (individual, group, mass) and the basic stages of its realization in correctional facilities.

Key words: practical humanism, readiness of the convicted for the full-fledged life in a society, psychosocial work, levels of psychosocial work, stages of psychosocial work.

Новые условия гуманизации исполнения наказания в свете реформ, проводимых в отечественной уголовно-исполнительной системе, требуют и новых подходов в работе исправительных учреждений, их служб и подразделений. Эти подходы должны учитывать и опираться на гуманистические психологические модели личности. Сущностная основа данных моделей – это предположения о том, что любой человек есть целостное существо. Его бытие разворачивается в социокультурной среде, в контексте отношений с другими людьми; он обладает способностью к самопознанию, свойствами субъекта. При этом человек не является пассивным наблюдателем процесса своего существования, наоборот, он творит свой собственный опыт и обладает правом выбора, он интенционален и обращен в будущее. В его жизни есть цель, ценности и смысл, а если в жизни человека что-то сложилось не так, то ему *нужно помочь раскрыться*.

Это идея *практического гуманизма*, выдвинутая в современной теории социальной работы, которую поддерживают такие теоретики, как: Г. П. Медведева, В. А. Никитин, С. А. Беличева и ряд других. Мы поддерживаем данную точку зрения и считаем, что именно в этой идее кроются смысл и предназначение социальной работы с осужденными, психологической помощи, воспитательной работы с ними. Помощь осужденному должна стать в русле идей практического гуманизма интегрирующей основой этих трех видов деятельности. Оказание такой помощи должно строго опираться в первую очередь на принцип добровольности. Однако встает вопрос: как вызвать желание у осужденных принять данную помощь от сотрудников социальной, психологической, воспитательной служб исправительного учреждения?

Главной задачей комплексного вида деятельности с осужденными должно стать *формирование их готовности к полноценной жизнедеятельности в обществе, которая обеспечит добровольное участие осужденных в данной работе с ними*.

Под готовностью осужденного к полноценной жизнедеятельности в обществе мы понимаем совокупность личностных особенностей осужденного, обеспечивающую его успешный переход из исправительного учреждения к жизни на свободе.

В русле гуманистических концепций личности можно выделить такие личностные особенности осужденных, как: наличие мотивов к исправлению; принятие себя и других; согласованность собственного внутреннего мира; открытость для переживаний и изменений; эмоциональная устойчивость; ответственность и гибкость поведения; устойчивая адекватно высокая самооценка; способность к самоконтролю; наличие творческих интересов; уважение общественных интересов.

Результат сформированной готовности осужденных к полноценной жизнедеятельности в обществе мы видим в улучшении физического, психологического и психического здоровья осужденных, повышении эффективности их жизнедеятельности, увеличении степени их автономности и самостоятельности. Данный результат оценивается по следующим параметрам: реальные позитивные изменения в жизни осужденного, субъективные изменения в мироощущении, данные психологических исследований.

Содержательно и технологически такой результат достигается в процессе эффективно организованной психосоциальной работой с осужденными. Сущностный смысл ее состоит в оказании

социальной и психологической помощи, организации социально-педагогической поддержки и социально-психологического сопровождения осужденных в исправительном учреждении с целью преодоления социально-психологического неблагополучия. В центре внимания психосоциальной работы находится психика осужденного, которая обобщенно понимается как система управления индивидуальной жизнью и поведением, т. е. жизнедеятельностью. Центральным тезисом психосоциальной работы – здоровая психика обеспечивает оптимальную жизнедеятельность. В случае возникновения нарушений в психике нарушается и жизнедеятельность человека, и наоборот, деструктивные изменения в жизни человека ведут к деструктивным изменениям его психики.

Понятие «психосоциальный», с одной стороны, определяет точку зрения на причины человеческого страдания – социальные и психические проблемы, которые взаимодействуют друг с другом, с другой стороны, указывает способы решения проблемы, учитывающие как социальные, так и психологические аспекты, с которыми специалисты должны работать параллельно.

Психосоциальная работа носит как индивидуальный, так и групповой характер, поскольку осуществляется психологическая коррекция не только личности отдельного осужденного(ой), но и всей системы отношений в его (ее) ближайшем окружении.

Цель психосоциального подхода – поддерживать равновесие между внутренней психической жизнью осужденного и межсистемными отношениями, влияющими на его жизнедеятельность. При психосоциальном подходе оптимистически рассматриваются возможности осужденного, высоко оцениваются потенциал его личности и способности последней к росту и развитию при наличии соответствующих условий, ресурсов и помощи. Суть помощи заключается в эффективном участии при решении психологических, межличностных и социальных проблем личности осужденного в сложной жизненной пенитенциарной ситуации.

На индивидуальном уровне (микроуровне) психосоциальной работы с осужденными предусматривается процедура оформления «социальной истории» осужденного(ой), т. е. осуществляется сбор информации об особенностях его (ее) личности, образе жизни, о социальных ролях, ценностях, стереотипах поведения, типе запроса и возможных вариантах помощи. На данном уровне психосоциальной работы с осужденным(ой) придается большое значение его (ее) индивидуальности. В функции консультанта (специалиста по социальной работе или психолога) входит:

- составление «портрета индивидуальности»;
- определение возможностей и средств социальной и психологической помощи;

– направление к нужному специалисту, если это необходимо;

– сообщение необходимых знаний о сложившейся проблеме и путях ее решения.

На групповом уровне (мезоуровне) психосоциальной работы с осужденными применяются различные виды социально-психологических тренингов: тренинг коммуникативных умений, ассертивного поведения, деловые игры, игротерапевтические методы, нацеленные на коррекцию эмоционально-волевых и коммуникативных качеств, метод социодрамы и психодрамы, позволяющий осужденным отразить различные социальные роли и эмоциональные состояния, групповые дискуссии, сказкотерапия.

На уровне исправительного учреждения (макроуровень) необходимо сделать психосоциальный подход основой организации социальной, психологической и воспитательной служб исправительного учреждения, он будет интегративным стержнем их деятельности, для чего необходимо обеспечить соответствующие условия.

Концепция реализации данного подхода должна, по нашему мнению, содержать как минимум три этапа.

Первый этап – психосоциальная терапия, которая заключается в применении множества психосоциальных индивидуальных и групповых методов, направленных на восстановление когнитивных, мотивационных, эмоциональных ресурсов индивида, а также на развитие у него навыков социальной адаптации. Такую работу в исправительном учреждении можно реализовать лишь при взаимодействии психиатра, психолога, начальника отряда и социального работника.

Второй этап – этап практического освоения прежних или новых ролевых функций. В данном случае преследуется цель восстановления способности к самостоятельному принятию решений и личной ответственности. Данную деятельность необходимо осуществлять в исправительных учреждениях на базе центров социальной реабилитации, поскольку их режим работы приближен к реальной жизни на свободе.

Третий этап – закрепление и поддержка полного или частичного социального восстановления. Его основная задача – повторение достигнутого успеха и обращение за помощью по мере необходимости, поскольку эффект любых образовательных, тренинговых программ ограничен по времени. Работа на данном этапе осуществляется уже после отбывания наказания в условиях жизни на свободе и требует участия гражданских учреждений, способствующих социальной реабилитации осужденных, в первую очередь органов и центров социальной защиты, общественных организаций, лечебно-профилактических учреждений и психологических служб.

Библиографический список

1. *Беличева, С. А.* Психологическое обеспечение социальной работы и превентивной практики / С. А. Беличева. – М., 2004.
2. *Медведева, Г. П.* Аксиологические аспекты социальной работы / Г. П. Медведева. – Н. Новгород, 2004.
3. *Морозов, В. М.* Социальная работа в уголовно-исполнительной системе / В. М. Морозов, В. В. Виноградов. – Владимир, 2006.

Bibliographical list

1. *Belicheva, S. A.* Psychological Support of Social Work and Prevention Practice / S. A. Belicheva. – M., 2004.
2. *Medvedeva, G. P.* Axiological Aspects of Social Work / G. P. Medvedeva. – N. Novgorod, 2004.
3. *Morozov, V. M.* Social Work in the Criminal-executive System / V. M. Morozov, V. V. Vinogradov. – Vladimir, 2006.

К. К. Горяинов,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института ФСИН России
доктор юридических наук, профессор
заслуженный деятель науки России

K. K. Goryainov,
Senior researcher
of the Research Institute of the FPS of Russia
Doctor of Law, Professor
Distinguished scientist of Russia

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Operative and Detective Activities for Combating Penal Crimes

Аннотация. В работе раскрываются основные проблемы оперативно-розыскного обеспечения противодействия пенитенциарной преступности. Данный процесс обозначается автором как целенаправленно функционирующая совокупность структурных компонентов оперативно-розыскной деятельности и субъектов их исполнения для решения законодательно установленных задач безопасности осужденных, персонала и иных лиц в исправительных учреждениях, охраны правопорядка и борьбы с преступностью. Кроме того, анализируются проблемы правового статуса оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе, коллизии правового характера, возникающие в практической деятельности оперативных подразделений. Автором предлагаются меры, направленные на повышение эффективности оперативно-розыскного обеспечения противодействия пенитенциарной преступности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, пенитенциарная преступность, оперативно-розыскное мероприятие, противодействие.

Annotation. The paper outlines the main problems of operative and detective activities for combating penal crimes. The author defines this process as a combination of structural components of crime detection and subjects who perform the tasks envisaged by the current legislation. These tasks include ensuring the security of inmates, prison personnel and other persons in a correctional institution; keeping law and order and combating penal crimes. Besides, a number of legal issues of crime detection within a penal institution are considered. The author also studies legal controversies in the practical work of operative departments. The author offers measures aimed at increasing the efficiency of crime detection activities for combating penal crimes.

Key words: crime detection, penal crime, operative and detective measures, countermeasures.

В условиях внесения существенных принципиальных корректив в уголовную политику, систему уголовных наказаний и их исполнения вопросы оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) должны найти свое разрешение с учетом современных реалий. Тенденции сосредоточения в исправительных учреждениях (далее: ИУ) наиболее криминально опасного контингента обуславливают необходимость усиления роли ОРД в обеспечении безопасности функционирования ИУ, осуществлении превентивной составляющей в противодействии пенитенциарной преступности, повышении результативности оперативно-розыскных усилий.

К сожалению, в проекте Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации до 2020 г. данные проблемы не получили своего освещения. Несмотря на это, они заслуживают самостоятельного изучения и разработки представлений о перспективном развитии. В этой связи, по нашему мнению, целесообразно разработать и принять на ведомственном уровне самостоятельную Концепцию развития ОРД в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС)¹, в

которой должны получить отражение принципиальные теоретические, правовые, организационные, методические положения, а также вопросы подготовки специалистов в сфере ОРД для практических оперативных подразделений УИС. Такая концепция позволит системно представить проблемы оперативно-розыскного обеспечения исполнения наказания в виде лишения свободы и противодействия пенитенциарной преступности.

В данном контексте под системой оперативно-розыскного обеспечения понимается целенаправленно функционирующая совокупность структурных компонентов ОРД и субъектов их исполнения для решения законодательно установленных задач безопасности осужденных, персонала и иных лиц в ИУ, охраны правопорядка и борьбы с преступностью. Это предполагает определение предмета применения оперативно-розыскных средств и методов, осознание проблемной ситуации, четких и непротиворечивых нормативно-правовых регламентаций, стимулирующих критериев оценки деятельности оперативных подразделений и ряд других вопросов.

В юридической литературе существует несколько точек зрения относительно понятия и содержания пенитенциарной преступности. По мнению одних ученых, это общесоциальное явление, порожаемое противоречиями общест-

¹ Эту идею автор выдвигал еще в 2005 г. (Горяинов К. К. Некоторые направления развития оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Проблемы оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе : сб. статей. М., 2005. С. 17).

венного бытия и сознания в сфере исполнения уголовных наказаний и проявляющееся в массе повторных преступлений, а также в возрождении противоречий этой же сферы (Старков О. В., Милюков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001. С. 102). Другие полагают, что это такие преступления, которые посягают на общественные отношения в сфере уголовных наказаний в условиях изоляции от общества, и потому круг пенитенциарных преступлений ограничивается только специфическими составами (ст. 313 УК РФ «Побег из мест лишения свободы или из-под стражи», ст. 314 УК РФ «Уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы», ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества») (Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. Рязань, 2009. С. 51–52). Третьи ученые говорят о том, что пенитенциарная преступность представляет собой совокупность преступлений, совершаемых осужденными в учреждениях УИС в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы (Калинин Ю. И. К вопросу о понятии, сущности и основных чертах пенитенциарного преступления // Человек: преступление и наказание. Вестн. АПУ Минюста России. 2004. № 4. С. 13).

Не вдаваясь в полемику по оценке приведенных точек зрения, мы полагаем, что для целей системного оперативно-розыскного обеспечения противодействия пенитенциарной преступности необходимо самостоятельное операциональное, рабочее понятие данного явления с учетом высказанных позиций.

Пенитенциарная преступность – это объективно существующее социальное негативное явление в местах отбывания наказания в виде лишения свободы или содержания под стражей, обусловленное условиями общественной жизни внутри и вне этих мест, состоящее из совокупности уголовно наказуемых действий и поступков.

Составными значимыми элементами в данном случае выступают:

а) специфические субъекты преступлений: осужденные; лица, содержащиеся под стражей; персонал; лица, постоянно или временно посещающие эти учреждения;

б) пространственные ограничения территории ИУ (жилые, производственные, учебные и иные помещения, прилегающие к ним режимные территории; иные места при осуществлении розыска (как правило, во взаимодействии с территориальными органами внутренних дел) осужденных, совершивших побег из ИУ, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы);

в) законодательно определенные задачи:

– обеспечение личной безопасности осужденных, персонала ИУ, иных лиц;

– выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в ИУ преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания;

– розыск осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы;

– содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в ИУ (ст. 84 УИК РФ).

Из данного перечня задач видно, что организация и осуществление ОРД должны быть нацелены на выявление, предупреждение и раскрытие всех видов преступлений и форм преступной деятельности в учреждениях УИС, а не избирательно, например, насильственных проявлений или специфических явлений (побеги, дезорганизация деятельности и др.).

Однако неясно, куда относить выявление, предупреждение и раскрытие тех нарушений установленного порядка отбывания наказания в местах лишения свободы, которые по своей правовой природе к преступлениям не относятся, но за их совершение к виновным применяются меры дисциплинарной или административной ответственности.

Из регламентированных ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг.) задач ОРД служит для выявления, предупреждения и раскрытия преступлений. Для достижения иных целей и задач, включая нарушение режима в ИУ и следственном изоляторе, ее использовать нельзя, что прямо оговорено в данном Законе. Это установление распространяется на все субъекты ОРД, функционально решающие как общие, так и специфические задачи. Указанный Закон и УИК РФ по своему статусу в правовой системе однопорядковые, но в данной ситуации приоритет должен быть отдан Закону, который определяет основы ОРД как самостоятельной отрасли законодательства, устанавливает допустимые оперативно-розыскные мероприятия, условия и процедуры их применения и т. д.

Следует отметить, что перечень правонарушений в ИУ, совершаемых осужденными и лицами из числа персонала, весьма разнообразен по содержанию, степени общественной опасности, последствиям и ответственности за них.

В него входят: приобретенные осужденными запрещенные предметы и вещества, деньги, действия по дезорганизации функционирования ИУ, организация группировок отрицательной направленности, а также нарушения в ношении форменной одежды, отказ от работы или прекращение работы без уважительных причин,

мелкое хулиганство и мелкие кражи и т. п. Очевидно, что для выявления всех нарушений режима расточительно и, главное, неправомерно применять весь арсенал средств и методов ОРД, особенно если учесть, что они должны использоваться вынужденно, когда решить возникающие задачи иными путями невозможно или затруднительно (например, для обнаружения законспирированных каналов поступления в ИУ запрещенных предметов и денег, выявления фактов подготовки побегов и др.).

В гл. 12 УИК РФ сотрудникам ИУ предоставлено право проведения достаточно эффективных мер административного контроля на режимных территориях: досмотры, обыски, технические средства аудио- и видеоконтроля. Такого рода гласными режимными мероприятиями при умелом их проведении можно успешно выявлять и предупреждать большинство из дисциплинарно и административно наказуемых правонарушений.

При этом нельзя отрицать связи некоторых видов нарушений режима, особенно злостных, и преступлений.

Результаты сравнения уровней совершенных преступлений и злостных нарушений режима в различных видах ИУ зафиксировали жесткую корреляцию на уровне 0,97. По нашему мнению, злостные нарушения порождают преступления. Математически так называемый переводной коэффициент составил 11,75, т. е. в среднем из 12 злостных нарушений «вырастает» одно преступление (Пенитенциарная криминология. С. 66–67).

С учетом вышеизложенного выявление, предупреждение и раскрытие нарушений режима с помощью ОРД следует понимать как одну из предпосылок борьбы с преступлениями в ИУ. Поэтому из всего перечня правонарушений должны быть выбраны те из числа злостных, когда без применения средств и методов ОРД обойтись невозможно. К ним можно отнести: приобретение и употребление наркотических средств и психотропных веществ, изготовление, получение или хранение запрещенных предметов, организация группировок отрицательной направленности, насильственные действия в отношении осужденных, установление противоправных связей с осужденными в других учреждениях УИС или с криминалом за ее пределами и др. Все это следует четко обозначить в ст. 84 УИК РФ и ведомственных нормативных актах.

Правомерно и необходимо использовать оперативно-розыскные возможности в осуществлении оперативно-профилактического наблюдения за отдельными категориями осужденных, которые могут негативно влиять на обстановку в ИУ и основную массу спецконтингента, вынашивать планы и осуществлять подготовку противоправных действий. К ним в первую очередь относятся: осужден-

ные так называемой категории «воры в законе» и иные лидеры преступной среды; бывшие участники незаконных вооруженных формирований; лица, совершившие преступления террористического характера, ранее совершавшие побеги из ИУ, захват заложников; организаторы массовых беспорядков и иных групповых эксцессов и др. В нормативно регламентированных формах и видах оперативно-розыскного производства оперативным подразделениям предписано принимать меры не только по наблюдению за такими категориями осужденных, но и активно включать их в оперативную разработку при наличии подготовки или совершения действий, которые должны оцениваться прежде всего с уголовно-правовых позиций.

Помимо этого заслуживает внимания неопределенность законодательного положения и ч. 2 ст. 84 УИК РФ, предусматривающей полномочия по осуществлению ОРД оперативными аппаратами ИУ, а также другими уполномоченными на то органами в пределах их компетенции. Возникают вопросы: какие другие уполномоченные органы имел в виду законодатель; предполагается ли, что это оперативные подразделения территориальных органов УИС или такое право предоставлено другим субъектам ОРД?

Согласно ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» на территории России право осуществлять ОРД предоставлено оперативным подразделениям ФСИН России, т. е. аппаратам всех уровней, а не только учреждений. Фактически оперативно-розыскные действия проводят все оперативные аппараты системы. Однако их полномочия в сфере ОРД законодательно не определены, а полномочия, задачи и функции установлены нормативными актами ФСИН России.

Данная неопределенность, обусловленная в том числе нечеткой формулировкой ст. 84 УИК РФ, позволяет трактовать ее положения как ограничение на проведение оперативно-розыскных мероприятий оперативными подразделениями федеральных и территориальных органов УИС.

Если под другими уполномоченными органами имеются в виду иные субъекты ОРД, то и тогда возникают неясности. Например, как они должны осуществлять ОРД в ИУ – самостоятельно или во взаимодействии с оперативными подразделениями УИС? Очевидно, что самостоятельность проведения оперативно-розыскных мероприятий другими субъектами ОРД в ИУ неизбежно вторгалась бы в полномочия оперативных аппаратов УИС, что вряд ли приносило бы пользу. В ст. 84 УИК РФ говорится о содействии в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в ИУ (в настоящее время можно говорить и об участии осужденных в совершении преступлений вне

территории учреждений). В таком понимании должно быть взаимодействие, совместное проведение оперативно-розыскных мероприятий в ИУ различными субъектами ОРД.

В целях комплексного решения поставленной проблемы необходимо, на наш взгляд, внести изменения в ст. 84 УИК РФ, а именно: уточнить задачи ОРД, пределы использования ее средств и методов; указать полномочия оперативных подразделений УИС в редакции ч. 8 ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»; регламентировать права других субъектов ОРД на проведение оперативно-розыскных мероприятий совместно с оперативными подразделениями учреждений и органов как в ИУ, так и за их пределами (подобно тому, как это установлено ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в отношении следственных изоляторов).

В целом представляется необходимым все регламентации ОРД в УИС вынести за рамки гл. 12 УИК РФ путем разработки самостоятельного раздела.

Оценка любого вида социальной деятельности, производимая с целью стимулирования и коррекции системы, — одна из ключевых и сложных задач.

Сложность разработки критериев оценки деятельности всей УИС, ее структурных звеньев и отдельных направлений работы, построение методики самого оценивания обусловлена сложностью и противоречивостью тех общественных отношений, с которыми связана указанная деятельность. Существуют также методические трудности выбора универсальных удовлетворяющих критериев и перевода качественных параметров работы в количественные оценки.

Вместе с тем имеющиеся научные разработки рассматриваемой проблемы, а также федеральный и региональный опыт оценки и стимулирования правоохранительной деятельности, включая УИС, позволяют сделать некоторые обобщения, касающиеся требований к концепции системы оценки специфических видов деятельности и методических возможностей ее реализации.

Оценка деятельности УИС в целом и оперативных подразделений, в частности, имеет смысл лишь с учетом оценки той конкретной ситуации, влияние на состояние которой является целью их деятельности. В этой связи объективная комплексная характеристика обстановки в УИС, регионах, а также на территории ИУ и прилегающих районов контингента лиц, содержащихся под стражей, представляет собой необходимое условие правильной оценки деятельности.

Система показателей оценки должна отражать количественные и качественные аспекты деятельности оперативных подразделений:

а) качественно-количественные характеристики фактически выполненной работы согласно возложенным функциям;

б) качество деятельности по критерию ее соответствия нормативно-правовым требованиям.

Критерии оценки деятельности и методики оперирования должны давать возможность объективно оценивать работу оперативных подразделений разного уровня; они должны быть понятны для работников оцениваемых подразделений, не быть слишком трудоемкими для реализации и обладать качеством развития.

При выборе критериев оценки и методических приемов оценивания был использован имеющийся опыт, в частности основные положения и практика применения систем рейтинговой оценки работы территориальных органов УИС, предусмотренная приказом Минюста России от 16 сентября 2003 г. № 223 «Об изменении рейтинговой оценки работы территориальных органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» (Ведомости уголов.-исполнит. системы. 2003. № 8). С учетом современного ресурсного состояния федерального и региональных информационных центров ФСИН России она позволяет проводить систематическую работу по оценке деятельности низовых и региональных учреждений и органов УИС, а также их ведущих функциональных подразделений.

Вместе с тем при общем положительном отношении к указанной методике некоторые ее подходы к оценке, особенно когда речь идет о функциональных подразделениях, в частности оперативных, вызывают затруднения при сопоставлении их с критериями оценки.

При пользовании рейтинговой системой достаточно сложно получить полную и объективную оценку, поскольку она не учитывает натуральный объем работы, приходящийся на одного работника. Однако именно эти показатели для разных видов учреждений и органов, в том числе расположенных на существенно различающихся территориях, имеют значительные вариации. Поэтому одним из положений, обеспечивающих объективность и справедливость оценок, является сходство условий работы оцениваемых подразделений.

Кроме того, в рассматриваемой системе оперативно-розыскная работа и состояние правопорядка подлежат оценке как единое целое, в одной графе, усредненным балом (пп. 2.1, 3.3, 3.4 Положения о рейтинговой оценке работ территориальных органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации). Конечно, показатели оперативно-розыскной работы должны учитывать данные о состоянии правопорядка, ибо между ними существует

достаточно тесная связь. Однако следует учитывать, что состояние правопорядка, например в исправительной колонии, является суммой слагаемых как объективных условий, в данном случае характеристик осужденных, так и эффективности деятельности всех функциональных подразделений. Существующий же подход к оценке, с одной стороны, стимулирует стремление фальсифицировать статистические данные о состоянии правопорядка, а с другой – дает возможность «набирать» показатели оперативно-розыскной работы, которые являются лишь средствами достижения конечного результата (количество приобретенных источников информации, число дел оперативного учета и т. п.). Все это приводит к искаженному представлению о состоянии правопорядка и эффективности оперативно-розыскной работы.

Необходимо также принимать во внимание, что в условиях, когда финансовое, ресурсное положение, штатная численность не зависят, как правило, от характеристик контингента лиц, содержащихся под стражей, и реального состояния соблюдения режима; органы и учреждения, их структурно-функциональные звенья с целью создания «благополучной» картины всеми возможными и невозможными (в том числе с нарушениями нормативно-правовых предписаний) средствами и способами начинают регулировать статистическую отчетность, т. е. искажать, создавать «благоприятные» показатели состояния правопорядка, нередко оставляя без должного реагирования факты нарушений режима, а иногда и преступных посягательств. Фактическая закрытость системы от внешнего, в том числе общественного, контроля усиливает эти тенденции.

Тем самым оперативно-розыскная служба, ее территориальные структурные звенья не только «спасают» себя от отрицательных оценок (по состоянию правопорядка), но и, как это ни парадоксально, действуют как существенный, хотя и латентный фактор, осложняющий оперативную обстановку в ряде учреждений и территорий. Но такой самообман чреват взрывами и массовыми неповиновениями в ИУ и не мотивирует оперативных работников на эффективную предупредительную работу.

Поэтому качественно-количественная оценка трудовой загруженности и эффективности работы должна отражать уровень качества выполнения функций, возложенных на оперативные подразделения и каждого сотрудника в отдельности.

В целом система оценки продуктивна лишь тогда, когда она стимулирует заинтересованность оперативных подразделений в эффективности решения задач, предусмотренных ст. 84 УИК РФ, и позволяет объективно отражать результаты деятельности в соответствии с имеющимися ресурсами и сложившимися условиями.

Решающее значение имеет отбор критериев, которые могли бы наиболее полно охватывать основные направления деятельности и ее составляющие элементы, однако при этом они должны быть представлены в виде компактного комплекса. Сложность отбора заключается в том, что многоаспектная деятельность оперативных подразделений может быть оценена широким спектром критериев. Вместе с тем при построении системы оценки приходится отказываться от некоторой части из них в интересах снижения трудоемкости и большей доступности системы. Следует учитывать, что отбираемые критерии, как правило, находятся в определенной корреляции друг с другом, и в силу этого для представления результатов деятельности обычно достаточно выделить 5–7 основных критериев. Их увеличение дает лишь незначительную прибавку к объективности, но значительно усложняет всю систему оценки.

Отобранные критерии должны соответствовать четырем основным условиям:

- достаточно содержательно и полно определять конкретный аспект деятельности;
- иметь «сквозной» характер, приемлемость для всех субъектов системной иерархии (для отдельных работников, оперативных подразделений местного, территориального и федерального уровней);
- возможность измерения (т. е. количественной оценки) работы по данному критерию;
- информационное и организационное обеспечение регистрации хода и результатов деятельности по данному критерию (мониторинг).

Следует принимать во внимание и то обстоятельство, что окончательная оценка (вывод) деятельности должна быть однозначной и выраженной в большей мере качественно, нежели количественно. Количественные показатели являются лишь ориентирами для качественной оценки. Они более приемлемы для сравнения результатов деятельности сотрудников и подразделений, оценки тенденций, осуществления рейтингового построения и т. п. Поэтому вывод об оценке деятельности по избранным критериям должен быть в виде таких определений, как «удовлетворительно», «хорошо», «плохо», «достаточно», «недостаточно» и др.

Данный подход к оценке как бы замыкает определенный логический круг: качественные критерии переводятся в количественные показатели. Затем эти показатели группируются и по ним в конечном счете делается качественно определенный вывод. Таким путем обеспечивается возможность перехода от разработок оценок направлений деятельности к разработке оценок субъектов этой деятельности, от отдельного сотрудника до оперативно-розыскной службы в

целом. Только в этом случае можно рассчитывать, что новая система будет реализована и работать эффективно.

Сложный и многоплановый характер работы оперативных подразделений и оперативных работников ФСИН России предполагается оценивать по следующим критериям, определяющим основные результаты этой работы: состояние оперативной обстановки в ИУ, состояние предупредительной работы; результаты работы со спец-

контингентом; результативность взаимодействия оперативных работников органов и учреждений УИС с органами внутренних дел и другими правоохранительными органами; трудовая нагрузка оперативных работников (Горяинов К. К., Кондратюк Л. В. О критериях и показателях деятельности оперативно-розыскных подразделений ФСИН России // Проблемы оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе : сб. статей. М., 2007. С. 30–40).

Библиографический список

1. *Горяинов, К. К.* О критериях и показателях деятельности оперативно-розыскных подразделений ФСИН России / К. К. Горяинов, Л. В. Кондратюк // Проблемы оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе : сб. ст. – М., 2007.

2. *Старков, О. В.* Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ / О. В. Старков, С. Ф. Милюков. – СПб., 2001.

3. *Пенитенциарная криминология : учебник* / под ред. Ю. М. Антоныяна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. – Рязань, 2009.

Bibliographical list

1. *Goryainov, K. K.* On the Criteria and Statistics of the Activity of Operative and Detective Divisions of the Federal Service of Execution of Punishments (FSIN) of Russia / K. K. Goryainov, L. V. Kondratyuk // Problems of Crime Detection in the Penal System. – M., 2007.

2. *Starkov, O. V.* Punishment: Criminal and Criminological Analysis / O. V. Starkov, S. F. Milyukov. – SPb., 2001.

3. *Penal Criminology* / ed. by Yu. M. Antonyan, A. Ya. Grishko, A. P. Filchenko. – Ryazan, 2009.

С. А. Жуков,
начальник курса факультета очного обучения
ВЮИ ФСИН России
В. В. Шаханов,
старший преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

S. A. Zhukov,
Chief of the Course of the Faculty
of the full-time teaching
of VLI of the FPS of Russia
V. V. Shakhonov,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law Studies
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law

**РОЛЬ ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРК, АФОРИЗМОВ И МАКСИМ В ПРАВОВОМ ВОСПИТАНИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ
СТАНОВЛЕНИИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ**

**Role of Proverbs, Sayings, Aphorisms and Maxims in Legal Education and Professional Becoming
of Students of Educational Institutions of the FPS of Russia**

Аннотация. Пословицы, поговорки, афоризмы и максимы рассматриваются в статье как инструментальные средства убеждения. Исследуется их роль в правовом воспитании и профессиональном становлении курсантов, предлагаются конкретные сферы их применения, исходя из целей учебно-воспитательного процесса.

Ключевые слова: правовое воспитание, пословица, поговорка, афоризм, максима.

Annotation. In the article proverbs, sayings, aphorisms and maxims are looked on as tools of persuasion. Their role in legal education and professional becoming of students is studied, the concrete spheres of their application are offered in accordance with the aims of the educational process.

Key words: legal education, proverb, saying, aphorism, maxim.

В проекте Концепции развития УИС РФ до 2020 г. (далее: Концепция) отмечается, что служба в данной системе не считается престижной среди населения. Причины этого разработчики Концепции видят в низкой заработной плате, несоответствии денежного довольствия объему, сложности и характеру работы. Безусловно, они правы, но лишь отчасти. Достойная плата за труд является не единственной составляющей мотивации качественного несения службы и престижа той или иной профессии. Большую роль играет и идеологическая составляющая. В период финансового кризиса существенно повысить денежное довольствие проблематично, однако ничто не мешает сосредоточиться на идеологии. Средства ее формирования достаточно разнообразны и многие из них не требуют капитальных вложений. Одним из эффективных способов идеологического воздействия на формирование личности человека, мотивацию его поступков, выбор целей деятельности являются пословицы, поговорки, афоризмы и максимы.

Перечисленные выше инструментальные средства убеждения являются важным элементом в правовом воспитании и профессиональном становлении курсантов образовательных учреждений ФСИН России. Их сущность достаточно точно определил С. С. Алексеев: «То, что... названо “максимами”, имеет давнее, древнее происхождение. Наверное, со времен Древнего Рима, потом — средневековья, особенно начальных фаз нового времени, когда мыслители, их ученики и последователи стремились изложить свои идеи или идеи своих учителей сжато, в сокра-

щенном, броском виде. Назывались такие сгустки по-разному: “изречениями”, “афоризмами”, или вот так, как здесь — “максимами”» (Алексеев С. С. Избранное. М., 2003. С. 474).

На наш взгляд, максимы лежат в основе построения мыслительной деятельности человека и выражения воли во вне. Они представляют собой концентрированное формулирование социального опыта. Люди делают разные выводы из совершаемых ими поступков либо из поведения окружающих. В повседневной жизни нет времени на то, чтобы каждый раз заново создавать модель необходимого поведения. Эти модели объективируются на уровне подсознания в наиболее приемлемые для человека максимы и трансформируются в автоматизмы. Для того чтобы социальные ожидания оправдались и на выходе получился предсказуемый результат, не обязательно занимать созерцательную позицию, довольствуясь лишь анализом поведения окружающих. За основу желаемого поведения можно брать признаваемые большинством людей модели, объективированные в пословицах, поговорках, афоризмах и максимах. Безусловно, это не совсем тождественные понятия, но для цели настоящего исследования считаем допустимым ведение дискуссии относительно их сущности в едином ключе без уточнения индивидуальной специфики.

Наши предположения базируются на серьезных психологических исследованиях. Наиболее существенное воздействие на человека можно оказать не на уровне сознания, а на уровне подсознания. «Не в гипнозе дело, — считает психолог Н. Власова. — Известно, что языком подсознания

не могут являться слова – только образы, то есть картинки и еще афоризмы, которые тоже несут спрессованный смысл и содержат образ. Как сказал педагог Шаталов: “Поместите огурец в раскол, и он станет соленым без ваших призывов и назиданий”. Нужные, воспитывающие образы, социальная реклама особого рода – это и есть та среда, в которую надо всех нас погрузить. Вот вы где-то сидите, работаете, а на стене висит картинка, например, с подписью “Когда горишь на работе, работе это нравится”. Тут же – ежедневник, где тоже картинка с афоризмом, рядом – блокнот. Вы должны везде на это наталкиваться, вас должны окружать вещи, несущие идеологический заряд, и это будет пропитывать ваше подсознание» (Рузанова Н. Мутанты – на выход (Психолог Нелли Власова воспитывает чиновников антикоррупционными афоризмами) // Рос. газ. 2010. 27 янв.).

Заметную роль в правовом воспитании и профессиональном становлении курсантов, обучающихся в образовательных учреждениях ФСИН России, играет профессорско-преподавательский состав, а также курсовое звено в лице начальника курса, его заместителя, командиров взводов и старшины курса. Это те люди, с которыми курсант общается ежедневно и от которых в немалой степени зависит формирование не только его мировоззрения, но и правосознания. Аргументы, достаточные для убеждения одного курсанта, не срабатывают, а иногда и неприемлемы при общении с другим курсантом, например, воспитанным в другой социальной среде. Традиционные педагогические методы часто требуют индивидуальной методики реализации, что не всегда возможно в условиях работы с группой курсантов. Более универсальным методом является использование пословиц, поговорок, афоризмов и максим. Так, они позволяют подчеркнуть наиболее важные моменты в тексте лекции, а также экономить время при принятии управленческого решения и доведении его до исполнителей. Эффект от их использования объясняется формированием в сознании оппонента ярких, запоминающихся образов. «Помните: мы мыслим образами, а не абстракциями. Абстракции не слышны и не видны. Они льются из профессорских ртов как из рога изобилия, но даже эти ученые мужи плохо воспринимают абстракции других людей. Почему мы конспектируем лекции? Из-за неспособности профессорских ртов употреблять другой язык, кроме языка абстракций, а их неумение рассказывать истории требует от нас запоминать слова, а не словесные картинки», – отмечает известный американский адвокат Д. Спенс. (Спенс Д. Настольная книга адвоката: Искусство защиты в суде / пер. с англ. А. В. Савинова. М., 2009. С. 185). Мы отчасти согласны с

данным мнением. Нужно больше использовать образных сравнений в общении с курсантами. Однако читать лекции, не оперируя абстракциями вообще, не представляется возможным. Лектор должен ориентироваться на уровень знаний аудитории и употреблять лишь те абстракции, значение которых известно слушателям.

Рассмотрим тематику пословиц, поговорок, афоризмов и максим, которые могут лечь в основу правового воспитания и профессионального становления курсантов образовательных учреждений ФСИН России.

Выпускники данных учебных заведений, став сотрудниками правоохранительных органов, являются прежде всего субъектами публичных правоотношений, так как по роду своей деятельности будут наделены определенной властью. Их действия будут формировать общественное мнение о работниках данных органов. В связи с этим необходимо ориентировать курсантов на то, что та власть, которая будет им предоставлена, должна быть направлена в позитивное русло, а не использоваться в целях демонстрации своего превосходства или личного обогащения. В этом смысле можно использовать следующие максимы: «Человек, попавший во власть, должен с самого начала и без устали сопротивляться соблазнам и благам, ее сопровождающим»; «Не достоин власти тот, кто видит во власти предмет наслаждения»; «Власть – это неизбежная потребность, которая за гранью необходимого оборачивается абсолютным злом»; «Власти не потребно право – ей достаточно закона»; «Абсолютный антипод всевластия – права человека: только они способны возвыситься над властью» (Алексеев С. С. Указ. соч. С. 474–476).

Другой не менее важной темой в правовом воспитании курсантов является борьба с коррупцией. Необходимо сформировать у них нетерпимость к данному социальному явлению. Нельзя допустить, в частности, того, чтобы для характеристики осуществления современного правосудия оставались актуальными русские пословицы XIX в.: «В суд ногой – в карман рукой»; «Перед богом ставь свечку, а перед судьей – мешок!»; «С кого судья взял, тот и прав стал»; «Когда судью подаришь, то всех победишь»; «Дари судью, так не посадят в тюрьму»; «Дарами и праведного судью к неправде приведешь»; «Мздою, что уздою, обратишь судью в твою волю»; «Перед судом все равны: все без окупа виноваты»; «Судьи за деньги страх Божий забыли – стараются, чтобы виноватые правы были»; «Утиного зоба не накормишь, судейского кармана не наполнишь»; «Скорее дело вершишь, коли судью подаришь»; «С сильным не борись, с богатым не тяжись»; «В суде убогий с богатым, хоть и прав, бывает виноватым».

Искоренить коррупцию можно только в условиях соблюдения законности. Формировать такие условия помогут, например, такие изречения: «За закон народ должен биться, как за городскую стену» (Гераклит); «Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов» (Вольтер); «У того, кто решит изучить все законы, не останется времени их нарушать» (Гёте).

Большое внимание в процессе обучения курсантов и слушателей уделяется научной деятельности. В этой сфере вполне приемлемы следующие афоризмы: «Ученость пребудет с тобой до скончания дней, другие богатства – ничто перед ней»; «Не низок ученый, пред более мудрым собратом склоняющийся, как бедняк пред богатым».

Проблемы современного образования выразительно и наглядно иллюстрируют такие изречения, как: «Можно привести лошадь к водопою, но нельзя заставить ее пить» (английская пословица); «Человек, который слишком стар, чтобы учиться, по всей вероятности, всегда был слишком стар, чтобы учиться» (Г. Хаскинс); «Нужно много учиться, чтобы немного знать» (Ш. Монтескье); «Образование – это то, что большинство получает, многие передают и лишь немногие имеют» (К. Краус).

В современной юриспруденции, как и тысячи лет назад, особое внимание уделяется вопросам справедливости. Это отражено, например, в следующих высказываниях: «Несправедливость по отношению к одному представляет угрозу для всех» (Ш. Монтескье); «Какою мерою мерите, такую же отмерится и вам» (Евангелие от Луки).

Неподдельный интерес вызывают афоризмы, поговорки и пословицы, ориентированные на познание объективной правовой действительности: «Врет, как очевидец»; «Где два юриста, там три мнения»; «Суд присяжных состоит из двенадцати человек, которые должны решить, чей адвокат лучше» (Р. Фрост); «Верховный суд – это группа юристов, которые исправляют ошибки других судов и увековечивают свои собственные»; «Обычно подсудимый считается виновным до тех пор, пока он не докажет свою влиятельность» (Л. Питер); «Адвокат никогда не проигрывает, клиент – довольно часто» (Ю. Булатович); «Эксперт излагает объективную точку зрения. А именно свою собственную» (М. Дасаи); «Не зарплата, а компенсация морального ущерба» («Русское радио»).

Приведем несколько примеров, свидетельствующих о роли пословиц, поговорок, афоризмов и максим в профессиональной деятельности юриста.

Так, изучение пословиц и поговорок позволяет лучше познать контрагента независимо от его процессуального статуса, выбрать наиболее эффективную правоприменительную тактику. Не

случайно родоначальник научной криминалистики Г. Гросс в одну из глав своей книги «Руководство для судебных следователей как система криминалистики», посвященной преступникам-цыганам, поместил параграф о цыганских поговорках (Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 486).

Умение интерпретировать содержание рассматриваемых изречений иногда просто необходимо в ходе познания явлений правовой действительности. Так, отвечая на вопрос, является ли объект одним из элементов правоотношения, ученый-цивилист И. Б. Новицкий отмечал следующее: «...Тот, кто субъекту права противопоставляет объект права как один из элементов правоотношения, скатывается тем самым в буржуазную точку зрения о возможности правоотношения между лицом и вещью. Сделать такой вывод значило бы, по известной поговорке, вместе с грязной водой выплеснуть из ванны и ребенка» (Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2006. Т. 2. С. 49). Очевидно, что читателю, не понимающему смысла данной поговорки, не ясна мысль, содержащаяся в данном высказывании.

Употребление одной и той же пословицы, поговорки, афоризма и максимы в речи юриста в одной ситуации может быть уместно, а в другой нет. Например, по мнению М. К. Треушникова, при написании судебных актов не следует руководствоваться поговоркой «Краткость – сестра таланта», иначе не ясно, какие факты судом установлены и имеют преюдициальное значение, а какие нет (Треушников М. К. Судебные доказательства. 4-е изд. М., 2005. С. 31, 32). Однако в других видах юридической практики краткость не только допускается, но и приветствуется.

Как мы уже отмечали, рассматриваемые инструментальные средства убеждения играют важную роль в правовом воспитании и профессиональном становлении курсантов – будущих сотрудников правоохранительных органов. Однако в основной цели Концепции и задачах, которые необходимо решить для ее достижения, акцентируется внимание лишь на улучшении положения осужденных и нет ни слова о совершенствовании системы подготовки кадров УИС. Без такого упоминания наличие раздела «Кадровое обеспечение и социальный статус работников уголовно-исполнительной системы» выглядит нелогичным и второстепенным.

Кроме того, употребляемое в основной цели Концепции выражение «повышение эффективности работы» считаем неточным. Повышать или понижать эффективность нельзя. Если в результате выполненной работы ее цель не достигнута, значит говорить об эффективности данной рабо-

ты нет смысла. Нужно говорить о «достижении эффективности в работе».

Термин «идеология» используется в Концепции два раза и не всегда удачно. Так, одна из задач, которую необходимо решить для достижения основной цели Концепции, звучит следующим образом: «*Изменение идеологии* (курсив наш. – С. Ж. и В. Ш.) и направленности применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы в сторону более углубленной социализации личности и подготовки к освобождению». Нужно говорить не об изменении идеологии применения основных средств, а об изменении идеологии реализации отбывания наказания в виде лишения свободы, иначе девальвируется само понятие идеологии как системы взглядов и идей. И именно с этих слов должна начинаться основная цель Концепции. Необходимо различать общее и частное. Слово «идеология» в приведенной выше задаче следует исключить, опубликовав ее в следующей редакции: «Изменение направленности применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы в сторону более углубленной социализации личности и подготовки к освобождению».

Второй раз термин «идеология» используется в выражении «для изоляции идеологически мотивированных террористов». Здесь мы согласны, что существуют осужденные, для которых террористическая деятельность становится частью их идеологии, т. е. составляет систему их взглядов и идей, и поэтому упомянутое выше выражение вполне допустимо.

В связи с вышесказанным предлагаем уточнить основную цель Концепции, опубликовав ее в следующей редакции: «Основной целью Кон-

цепции является изменение идеологии реализации отбывания наказания в виде лишения свободы: достижение эффективности в работе учреждений и органов, исполняющих наказания; использование европейских стандартов в обращении с осужденными; сокращение уровня рецидивной преступности лиц, отбывших наказание, за счет улучшения социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной адаптации данных лиц; обеспечение гуманизации условий содержания лиц, заключенных под стражу; соблюдение их прав и законных интересов».

В перечень задач, которые необходимо решить для достижения основной цели Концепции, предлагаем включить еще одну – «совершенствовать систему подготовки кадров, усилить идеологическую составляющую в правовом воспитании сотрудников».

Изучение роли пословиц, поговорок, афоризмов и максим в правовом воспитании и профессиональном становлении курсантов образовательных учреждений ФСИН России позволило нам сделать следующие выводы:

1. Одним из важных средств в правовом воспитании курсантов образовательных учреждений ФСИН России является выразительная, образная речь педагога с использованием пословиц, поговорок, афоризмов и максим.

2. Языковые феномены, рассмотренные в настоящей статье, являются мощным идеологическим средством, способным сыграть неопценимую роль в позитивном развитии УИС. Проникая в сознание сотрудников правоохранительных органов, претворяясь в их действиях, они становятся неотъемлемым элементом их профессионального становления.

Библиографический список

1. *Введенская, Л. А.* Риторика для юристов : учеб. пособие / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Ростов н/Д, 2005.
2. *Душенко, К. В.* Большая книга афоризмов / К. В. Душенко. – М., 2003.
3. *Рузанова, Н.* Мутанты – на выход (Психолог Нелли Власова воспитывает чиновников антикоррупционными афоризмами) / Н. Рузанова. // Рос. газ. – 2010. – 27 янв.
4. *Черданцев, А. Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А. Ф. Черданцев. – Екатеринбург, 1993.

Bibliographical list

1. *Vvedenskaya, L. A.* Rhetoric for Lawyers / L. A. Vvedenskaya, L. G. Pavlova. – Rostov-on-Don, 2005.
2. *Dushenko, K. V.* The Big Book of Aphorisms / K. V. Dushenko. – M., 2003.
3. *Ruzanova, N.* Mutants – Go out (Nelly Vlasova, Psychologist, Educates the Officials on Anti-Corruption Aphorisms) / N. Ruzanova // Rossiyskaya Gazeta – 2010. – 27 Jan.
4. *Cherdantsev, A. F.* Logic and Linguistic Phenomena in Law, Legal Science and Practice / A. F. Cherdantsev. – Yekaterinburg, 1993.

В. С. Злобин,
*адъюнкт заочной формы обучения
лаборатории изучения проблем безопасности
функционирования УИС
Научно-исследовательского института ФСИН России*

V. S. Zlobin,
*post-graduate student of the part-time form
of learning at the laboratory for penalty system safety
problems investigation
of the Research Institute of the FPS of Russia*

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РЕЖИМА СОДЕРЖАНИЯ
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ**

Crime Detection Measures for Securing the Treatment in Correctional Institutions: Concept Definition

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с сущностью оперативно-розыскных мер по обеспечению режима содержания в исправительных учреждениях. На основе анализа мнений различных ученых автор формулирует собственное определение понятия оперативно-розыскных мер по обеспечению режима содержания в исправительных учреждениях.
Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, исправительные учреждения, правонарушение.

Annotation. Issues, connected with the main point of crime detection measures for securing the treatment in correctional institutions, are contemplated in the article. On the basis of the analysis of the main scientists' works the author formulates his own definition of crime detection measures for securing the treatment in correctional institutions.
Key words: crime detection activity, correctional institution, offence.

Известно, что борьба с преступностью имеет экономические, политико-правовые, социально-психологические и иные аспекты. В процессе предупреждения и раскрытия преступлений вырабатывается определенный комплекс средств и методов, которые применяются при решении управленческих, организационно-правовых, тактических и иных задач оперативно-розыскной деятельности (Лекарь А. Г. Научные основы организационно-тактических мер повышения эффективности борьбы ОВД с преступностью : учеб. пособие. М., 1992. С. 3).

Из всего комплекса мер, используемых в учреждениях и органах УИС, особую важность для решения задачи недопущения со стороны осужденных совершения нарушений установленного порядка исполнения наказания имеют оперативно-розыскные меры.

Анализ юридической литературы показал, что в настоящее время ученые в области теории оперативно-розыскной деятельности не пришли к единому мнению относительно вопроса об оперативно-розыскных мерах, мероприятиях и действиях. По нашему мнению, данное положение вполне закономерно, так как теория оперативно-розыскной деятельности постоянно развивается, осмысливая происходящие социально-экономические и иные преобразования в обществе.

Так, одни авторы (В. А. Лукашов и др.) полагают, что оперативно-розыскные меры (мероприятия) – это действия, осуществляемые оперативно-розыскными аппаратами в целях своевременного предупреждения, быстрого и полного раскрытия преступлений, розыска скрывшихся преступников и без вести пропавших лиц, основанные на использовании оперативно-розыскных сил, средств и методов (Лукашов В. А. Введение в курс «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» : учеб. пособие. Киев, 1976. С. 29). Аналогичное определение оперативно-розыскных мероприятий дают Н. С. Железняк и А. Д. Васильев (Железняк Н. С., Василь-

ев А. Д. Словарь-справочник терминов, применяемых в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие. Красноярск, 1998. С. 69). Данное мнение разделяют А. И. Алексеев и Г. К. Синилов: «Оперативно-розыскная деятельность представляет собой определенную систему, структурными элементами которой являются разнообразные оперативно-розыскные действия или меры (мероприятия)» (Алексеев А. И., Синилов Г. К. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности. М., 1973. С. 98). А. Ю. Шумилов под оперативно-розыскным мероприятием понимает общественно значимое умышленно и конфиденциально совершаемое, предусмотренное Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», оперативно-розыскное активное деяние (действие, мероприятие или операция), посредством совокупности которых осуществляется оперативно-розыскная деятельность (Шумилов А. Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий : учеб. пособие. М., 1999. С. 6).

Анализ приведенных выше определений позволяет констатировать, что оперативно-розыскное мероприятие – это действие (совокупность действий).

Таким образом, сторонники данной точки зрения полагают, что понятия «меры», «мероприятия» и «действия» являются однопорядковыми.

Другие авторы (И. И. Басецкий, В. П. Шиенок) не отождествляют термины «оперативно-розыскные меры» и «оперативно-розыскные мероприятия». В частности, оперативно-розыскное мероприятие они рассматривают как совокупность объединенных единым тактическим замыслом действий оперативных работников и иных участвующих в оперативно-розыскной деятельности лиц, направленных на решение стоящей в данной оперативно-розыскной ситуации задачи (Басецкий И. И., Шиенок В. П. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел : учебник. Минск, 1994. С. 79).

Проблема, связанная с определением понятия оперативно-розыскных мер, интересует специалистов не только в области теории оперативно-розыскной деятельности, но и других отраслей знаний. Например, с точки зрения Р. С. Белкина, «оперативно-розыскные меры – это действия органов дознания при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» (Белкин Р. С. Криминалистика : крат. энцикл. М., 1993. С. 48). Из приведенного определения видно, что меры и действия рассматриваются как синонимы. В результате можно сделать вывод, что и оперативно-розыскные меры, и оперативно-розыскные мероприятия – это действия.

В заключение, обобщая различные точки зрения относительно понятий «оперативно-розыскные меры» и «оперативно-розыскные мероприятия» и рассматривая их соотношение друг с другом, отметим следующее:

1) под оперативно-розыскными мероприятиями понимается совокупность отдельных оперативно-розыскных действий, основанных на использовании сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, объединенных целью защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств и направленных на решение задач оперативно-розыскной деятельности;

2) оперативно-розыскные мероприятия являются одним из основных элементов (частей) оперативно-розыскной деятельности. Несмотря на то, что они не исчерпывают всего ее содержания, тем не менее составляют основу данной деятельности (Бобров В. Г. О правовой природе оперативно-розыскных мероприятий: исходные положения к исследованию проблемы // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. Акад. управления МВД России. М., 2001. С. 65);

3) термин «оперативно-розыскные меры» является базовым. Он включает в себя совокупность действий субъекта организации оперативно-розыскной деятельности, направленных на достижение определенных целей, связанных с осуществлением данной

деятельности. Эти действия не ограничиваются оперативно-розыскными мероприятиями. Они могут носить организационно-управленческий, организационно-тактический и оперативно-тактический характер, быть связаны с применением методов оперативно-розыскной деятельности, оперативной техники, оперативных учетов и т. д. (Атмажитов В. М., Бобров В. Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Там же. С. 21).

В связи с этим можно утверждать, что в основе организации оперативно-розыскной деятельности лежат такие государственно-правовые меры, которые в состоянии обеспечить достижение поставленных целей путем решения специализированных задач. При этом главная роль в системе государственно-правовых мер по борьбе с преступностью принадлежит именно мерам оперативно-розыскного характера. Мы разделяем мнение Д. В. Гребельского в том, что «для быстрой ликвидации преступности недостаточно только мер, объективно устраняющих причины этого социального явления. Нужны еще и меры, специально направленные на борьбу с преступностью. К таким специальным мерам относятся и оперативно-розыскные, как предупреждающие и пресекающие преступления, так и рассчитанные на раскрытие преступлений и установление лиц, их совершивших. Именно с их помощью практически осуществляется непосредственная борьба с преступностью» (Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1977. С. 19).

На основании вышеизложенного возможно предложить под оперативно-розыскными мерами, направленными на поддержание режима в исправительных учреждениях, понимать базирующуюся на законах и подзаконных нормативных правовых актах совокупность действий, направленных на устранение причин и условий, провоцирующих осужденного на совершение правонарушения, и недопущение деяний, предусмотренных ст. 116 УИК РФ, путем принятия соответствующих управленческих решений.

Библиографический список

1. Бобров, В. Г. О правовой природе оперативно-розыскных мероприятий: исходные положения к исследованию проблемы / В. Г. Бобров // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. Акад. упр. МВД России. – М., 2001.
2. Лекарь, А. Г. Научные основы организационно-тактических мер повышения эффективности борьбы ОВД с преступностью : учеб. пособие / А. Г. Лекарь. – М., 1992.
3. Шумилов, А. Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий : учеб. пособие / А. Ю. Шумилов. – М., 1999.

Bibliographical list

1. Bobrov, V. G. On the Legal Nature of Crime Detection Measures: Basic Points of the Problem Studying / V. G. Bobrov // Topical Problems of the Theory and Practice of the Crime Detection Activity. – M., 2001.
2. Lekar, A. G. Scientific Basis of Organizational-tactical Measures for the Increase of Effectiveness of Crime Fighting Conducted by Internal Affairs Agencies (OVD) / A. G. Lekar. – M., 1992.
3. Shumilov, A. Yu. Legal Foundations of Crime Detection Activities. – M., 1999.

А. В. Кудрявцев,
заместитель начальника кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

A. V. Kudryavtsev,
Deputy Chief of the Department
of Organizing Operative Work
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

**ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИИ,
СВЯЗАННОЙ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ СУЩНОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ**

**Preconditions of Emergence of the Problem Situation Connected with Defining
the Essence of Crime Detection in the Penal Executive System**

Аннотация. В статье анализируются предпосылки возникновения проблемной ситуации, связанной с определением сущности оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе. Автором обосновывается необходимость применения научного подхода при выработке путей совершенствования данной деятельности.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, проблемная ситуация, оперативно-розыскная деятельность.

Annotation. The preconditions of emergence of the problem situation connected with defining the essence of crime detection in the penal system are studied in the article. The author proves the necessity of using the scientific approach when generating ways for perfecting this activity.

Key words: penitentiary criminality, problem situation, crime detection.

Сегодня систему отечественных правоохранительных органов трудно представить без эффективно функционирующей уголовно-исполнительной системы. Последняя является атрибутом любого государства, уголовное законодательство которого предусматривает исполнение уголовных наказаний, в том числе в виде лишения свободы, что предполагает создание исправительных учреждений. Потребность в их функционировании обусловлена тем, что исполнение уголовного наказания ограждает общество и правопослушных граждан от лиц, отличающихся криминально активным поведением. Это достигается за счет изоляции лиц, совершивших преступления, и принудительного содержания их в исправительных учреждениях.

Современная уголовно-исполнительная система в России переживает беспрецедентное по своим масштабам реформирование. Это вызвано в первую очередь тем, что до настоящего времени масштабы уголовно-исполнительной системы, ее содержательную составляющую нельзя признать адекватными состоянию преступности в стране и международным стандартам обращения с заключенными (Реймер А. А. Актуальные вопросы реформирования уголовно-исполнительной системы // Науч.-практ. конф. по вопросам реформирования УИС, 10 сент. 2009 г. Москва. URL: http://gov.cap.ru/list2/view/02SV_SPE-ECN_OV/form.asp?id161&pos=4&GOV_ID=94).

Для исправительных учреждений, входящих в уголовно-исполнительную систему ФСИН России, присуща проблема контроля за сферой и инфраструктурой пенитенциарной среды, решение которой традиционно обеспечивалось и

обеспечивается при помощи оперативно-розыскной деятельности.

Научные исследования свидетельствуют о целесообразности пересмотра подходов к оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе и в первую очередь к ее сущности.

Новые теоретические знания становятся необходимыми там и тогда, где и когда возникают научные проблемы, решение которых невозможно без теоретического исследования. Научная проблема – это суждение (или система суждений), содержащее в себе теоретически осознанный вопрос, при этом не существует известного алгоритма его разрешения, а решение этого вопроса имеет (должно иметь) существенную новизну (Ушаков Е. В. Введение в философию и методологию науки : учебник. М., 2005).

По мнению приверженцев системного анализа, грамотная постановка научной проблемы представляет собой целую систему, состоящую из центрального вопроса (того самого, который составляет существо проблемы и который часто отождествляется со всей проблемой) и некоторого количества других, вспомогательных, вопросов, ответы на которые необходимы для разрешения основного вопроса (Спицнадель В. Н. Основы системного анализа. СПб., 2000. С. 189).

Однако этим постановка проблемы не ограничивается. Грамотное конструирование проблемы как системы знаний, логически отражающих проблемную ситуацию, предполагает выполнение еще целого ряда действий, направленных на формулирование, построение, оценку и обоснование проблемы (Жариков Е. С. О дейст-

виях, составляющих постановку научной проблемы // Филос. науки. 1973. № 1 ; Спицнадель В. Н. Указ. соч. С. 191–193).

Проблемная ситуация, связанная с определением гносеологической сущности оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе, закономерна и обусловлена рядом предпосылок.

Первая предпосылка возникновения проблемной ситуации обусловлена состоянием и результатами борьбы с пенитенциарной преступностью.

В 2008 г. численность лиц, содержащихся в исправительных колониях, выросла на 2,46 % (17 637 чел.) и составила 734 292 человек (Сведения о преступлениях в уголовно-исполнительной системе : информ.-аналит. сб. Тверь, 2009. С. 5).

Экспертами отмечается, что криминальная ситуация в местах лишения свободы еще более усугубляется в связи с тем, что в исправительных колониях отбывают наказания значительное число рецидивистов, представителей наркобизнеса, рэкета, теневой экономики и других форм организованной преступности, а рост уровня общей и групповой преступности носит устойчивый характер.

Наряду с ухудшением криминогенного состава спецконтингента увеличивается количество осужденных, больных наркоманией, психическими расстройствами, ВИЧ-инфицированных, не имеющих образования, трудовых навыков. Сейчас каждый четвертый отбывает наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, каждый пятый – за разбой или грабеж. Более четверти осужденных приговорены к длительным срокам лишения свободы, 46 % отбывают наказание второй раз и более.

Среди содержащихся в местах лишения свободы более 400 тыс. человек склонны к различным формам деструктивного поведения – членовредительству, суициду, агрессии, непредсказуемым действиям, нападениям на сотрудников исправительных учреждений, других осужденных. Большинство состоит на диспансерном учете по поводу различных заболеваний (О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : стеногр. отчеты заседания президиума Гос. совета, Вологда, 11 февр. 2009 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/sched/2009/02/212815.shtml>). В места отбывания наказаний попадает все больше людей, выросших в постперестроечный период, в сложных социальных условиях 90-х гг. прошлого столетия.

Очевидно, что увеличение количества вышеперечисленных категорий осужденных в значительной степени затрудняет деятельность практически всех служб органов и учреждений пенитенциарной системы: оперативных аппаратов, режимных, воспитательных, психологических,

медицинских служб, производственного сектора, служб тыла и др., а также негативно влияет на возможности использования средств исправления осужденных, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством.

На современном этапе развития правоотношений возросла активность криминальных лидеров, пытающихся координировать противоправные действия осужденных. Экономические реформы существенно обогатили элиту криминального мира, способствовали продвижению ее в органы власти и управления, в легальный бизнес. Это значительно расширило возможности лидеров криминальной среды воздействовать на обстановку в местах лишения свободы.

Вышеуказанные тенденции, безусловно, являются одними из основных причин высокого уровня преступности в пенитенциарной системе: уровень особо учитываемых преступлений увеличился на 9 %, число убийств возросло с 14 до 23, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью – с 28 до 40, дезорганизации деятельности исправительных учреждений – с 6 до 8 случаев, количество побегов увеличилось с 213 до 231 (Статистические данные ФСИН России за 2009 г.). Высоким остается уровень нападений на сотрудников пенитенциарных учреждений в связи с выполнением ими профессиональной деятельности.

Таким образом, на современном этапе развития государства наблюдается изменение качественного состава лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы. По мнению экспертов, в среднесрочной перспективе следует прогнозировать увеличение лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности. Так, на основе материалов Верховного Суда РФ в прошлом году было осуждено 1 300 взяточников, из них каждый пятый – женщина (Куликов В. Перепись в крупную клетку // Рос. газ. 2009. 3 февр. С. 9). Кроме того, увеличатся и сроки отбывания наказаний за данные преступления.

Без сомнения, указанные тенденции не могут не сказываться на специфике оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе. Столь радикальное изменение объекта данного обеспечения требует выработки специфических методик его осуществления, разработки научных основ организации и тактики оперативно-розыскной работы в пенитенциарной системе.

Второй предпосылкой возникновения проблемной ситуации является то, что реализация основной задачи оперативно-розыскной деятельности в системе ФСИН – обеспечение отбывания наказаний – сегодня связана с преодолением многих трудностей и разрешением имеющихся противоречий.

Во-первых, организационное обеспечение деятельности по противодействию пенитенциарной

преступности не всегда соответствует складывающейся оперативной обстановке. Структурно-функциональное построение системы оперативных подразделений ФСИН России нестабильно, постоянно реформируется и изменяется. Уровень их оперативно-тактической готовности к реагированию на изменения оперативной обстановки в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы не всегда обеспечивает возможность проведения всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий по ее стабилизации.

Кроме того, система управления оперативно-розыскными подразделениями ФСИН России не является гибкой. Это подтверждают результаты проведенных нами опросов сотрудников оперативных подразделений органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания (на данную ситуацию указали более 60 % опрошенных).

Следует также отметить, что для всех регионов страны применяются единообразные схемы организации оперативно-розыскной деятельности, единые критерии оценки ее эффективности. В недостаточной степени учитывается экономическая, географическая, социально-культурная, конфессиональная и иная неоднородность российских регионов.

Узковедомственные интересы нередко препятствуют взаимодействию оперативных сотрудников с иными субъектами в процессе противодействия пенитенциарной преступности. В частности, в рамках выездного заседания постоянно действующего Координационного совещания МВД России и ФСИН России (г. Владимир, 18–20 ноября 2009 г.) по вопросам повышения эффективности взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и ФСИН России при раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений в Центральном федеральном округе РФ был отмечен ряд серьезных проблем, имеющих место в данном направлении деятельности.

Значительная часть респондентов, участвовавших в проведении опроса (68 %), отметили, что в процессе управления органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы их руководители порой выделяют в качестве приоритета не

основную цель, стоящую перед указанными субъектами, а лишь отдельные направления деятельности.

Во-вторых, искусство осуществления оперативно-розыскной деятельности в пенитенциарной среде в ряде случаев продолжает формироваться методом проб и ошибок. Об этом свидетельствуют возникшие в ряде регионов страны чрезвычайные ситуации в исправительных учреждениях.

Новые условия развивающихся правоотношений в области исполнения наказаний, технический прогресс, стремительно развивающееся правовое регулирование и юридическая грамотность населения предъявляют к оперативным работникам иные качественные требования. Многие из числа оперативного состава к этому оказываются не готовыми, на что указывают опрошенные оперативные работники.

Таким образом, при старых, апробированных десятилетиями подходах к организации и тактике противодействия пенитенциарной преступности сегодня усилия оперативных подразделений в этом направлении нередко оказываются недостаточно эффективными.

В настоящее время следует отметить проявление научного интереса к проблемам оперативно-розыскной деятельности в местах лишения свободы. Однако можно констатировать, что полученные учеными результаты и сделанные на их основе рекомендации носят узконаправленный, закрытый характер, что не позволяет сформировать целостную систему научных подходов к оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе, носящую доктринальный характер.

В этой связи одной из серьезных задач при формировании указанной системы является анализ сущности оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе. Он должен включать в себя проработку проблем научно-теоретического, правового, организационно-структурного, тактического аспектов осуществления оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе.

Библиографический список

1. Горяинов, К. К. Некоторые направления развития оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе / К. К. Горяинов // Оперативник (сыщик). – 2006. – № 1.
2. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – М., 2004.
3. Ушаков, Е. В. Введение в философию и методологию науки : учебник. – М., 2005.

Bibliographical list

1. Goryainov, K. K. Some Directions of the Development of Crime Detection Activity in the Penal System / K. K. Goryainov // Operativnik (Sishchik). – 2006. – № 1.
2. Crime detection / ed. by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinskiy, A. Yu. Shumilov. – M., 2004.
3. Ushakov, E. V. Introduction to the Philosophy and Methodology of Science / E. V. Ushakov. – M., 2005.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ

Some Problems of the Legal Status of the Condemned on Probation

Аннотация. Статья посвящена проблеме правового положения условно осужденных. Рассматривается понятие правового статуса. Особое внимание уделяется правам и обязанностям осужденных.

Ключевые слова: институт, наказание, условное осуждение, уголовная ответственность, преступление, правовое положение.

Annotation. The article is devoted to the problem of the legal status of the condemned on probation. The concept of the legal status is examined. Rights and duties of the condemned on probation are emphasized.

Key words: institution, punishment, probation, probation, criminal liability, crime, legal status.

Лица, попадающие в сферу регулирования отношений, возникающих при исполнении наказания, приобретают определенное правовое положение (статус). В общем виде под правовым положением осужденных понимается совокупность конституционных, гражданских и иных специальных прав и обязанностей, которыми обладают осужденные.

Понятия «правовое положение» и «правовой статус» в теории права и доктрине уголовно-исполнительного права рассматриваются как равнозначные. Во втором понятии отражаются основные стороны юридического существования осужденного: его интересы, потребности, взаимоотношения с государством, трудовая деятельность, социальные притязания и их удовлетворение. Это собирательная, аккумулирующая категория. В самом кратком виде правовой статус осужденного определяется как юридически закреплённое положение осужденного в обществе.

Как известно, в УИК РФ достаточно четко определено понятие правового положения осужденных в период отбывания наказания, в то время как статус условно осужденных в законе не раскрыт в полном объеме. В настоящей статье поднимается проблема правового положения условно осужденных, возникающая при определении их правового статуса.

Правовой статус условно осужденных можно определить лишь косвенно, анализируя особенность содержания данного вида уголовно-исполнительных правоотношений.

Само понятие «условно осужденный» в определенной мере отрицает понятие «осужденный», несмотря на то, что условно осужденные лица реально приговорены судами к наказанию за совершенные ими преступления как субъекты уголовной ответственности. В связи с этим Л. Л. Кругликов отмечает: «Обозначение “условное осуждение” неточно отражает сущность описанного в ст. 73 и 74 УК РФ института. Осужде-

ние как порицание виновного от имени государства является безусловным, реальным. Условной же является реализация (применение) наказания» (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный) / В. К. Дуюнов [и др.] ; отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005). Однако данное обозначение закрепилось как в законодательстве, так и на практике.

Следовательно, осужденных данной категории лиц можно именовать условно наказанными. При такой постановке проблемы реализации уголовной ответственности, на наш взгляд, лица, условно освобожденные от отбывания наказания, сохраняют статус лиц осужденных, находящихся в правовом режиме уголовной ответственности и в сфере действия уголовного правосудия.

Оставаясь на основании приговора суда осужденными за преступления в течение испытательного срока, они в целом должны иметь правовое положение данной категории осужденных с некоторыми особенностями, отличающими их от осужденных, отбывающих наказание.

Если же целью института условного осуждения является придание иной формы реализации уголовной ответственности, отличной от наказания, то его применение не должно означать акт ослабления связи осужденного и совершенного им преступления.

В настоящем виде процедура применения условного осуждения на уровне обыденного сознания, в частности осужденных, как раз и порождает эффект «отрыва» осужденного от совершенного преступления с последующим применением закономерной формы «безнаказанности» – условным наказанием.

По нашему мнению, условное осуждение – это институт не всепрощения, а форма уголовной ответственности, при которой осужденный, осознавая степень своей вины, а также гуманность закона и правосудия, должен приложить личные усилия под контролем и с помощью спе-

циализированных государственных органов для своего исправления (искупления вины), доказать своим поведением, что он не опасен для общества и тем самым вернуть к себе доверие. Для этого судебная практика по применению условного осуждения должна быть в корне изменена на основе усовершенствования уголовного закона.

Находясь в системе уголовно-исполнительных правоотношений, осужденные должны обладать определенными правами, например, на юридическую, психологическую, медицинскую, социально-реабилитационную и иную помощь.

«Права» и «обязанности» – неразрывные, взаимосвязанные понятия. В современной России права человека являются наиболее обсуждаемой темой. Когда мы говорим о правах, то следует помнить также об обязанностях. Поскольку первое понятие не отделимо от второго, то права и обязанности условно осужденных необходимо рассматривать одновременно. Обязанность выражает вид и меру должного поведения обязанного лица, в нашем случае условно осужденного. Права гражданина России регулируются гл. 2 Конституции РФ.

Основное назначение права заключается в том, чтобы быть мощным социально-нормативным регулятором, определителем возможного и обязательного поведения индивидов и их коллективных образований. При этом обязательность права, в отличие от всех других социальных регуляторов, обеспечивается возможностью государственного принуждения; правовые положения становятся для всех тех, к кому относятся, общеобязательным правилом (нормой) поведения.

Мы полагаем, что точное установление законом перечня обязанностей осужденного сужает простор судебного усмотрения, не позволяет более дифференцированно и гибко устанавливать режим испытания в отношении конкретного осужденного. Однако, по нашему мнению, преимущество данного перечня состоит в том, что он будет содействовать укреплению принципа законности, ограничивая судебское усмотрение определенными рамками. Наконец, он облегчит суду задачу определения осужденному условий его пребывания на свободе в период испытательного срока.

Точное законодательное закрепление обязанностей условно осужденных позволит решить вопрос правового положения условно осужденных, поможет дополнить статус названной категории граждан, переведя их на другой уровень. В связи с этим заслуживает внимания предложение ряда ученых-криминалистов, которые предлагают в перечень, установленный в ч. 5 ст. 73 УК РФ, ввести следующие обязанности: воздерживаться от общения в той или иной форме с определенными лицами; возместить потерпевшему

ущерб от преступления; не общаться с соучастниками, которые остались на свободе; являться для регистрации в уголовно-исполнительную инспекцию; выполнять общественно полезные работы.

Кроме того, в рамках ч. 5 ст. 73 УК РФ на неработающего условно осужденного суды могут возлагать такую обязанность, как трудоустройство. Однако следует помнить о таких категориях лиц, как инвалиды 1, 2-й группы и пенсионеры, в отношении которых применение обязанности трудоустройства будет не совсем эффективно и может повлечь массу проблем. По нашему мнению, вышеперечисленные обязанности лучше будет поместить в УИК РФ, в статью «Права и обязанности условно осужденных».

Так, например, вряд ли целесообразно возлагать обязанность в виде оказания материальной поддержки семьи нетрудоспособному лицу, которое и само нуждается в опеке. Вместе с тем на неработающего трудоспособного вполне допустимо возложение такой обязанности. Необходимость регулярной выплаты денежных средств семье будет дисциплинировать осужденного, поскольку предполагает наличие постоянного источника дохода. Соответственно осужденному придется трудоустроиться и заботиться о сохранении за ним рабочего места (Егоров В. Меры обеспечения в уголовном праве // Уголов. право. 2005. № 4).

Иные, не предусмотренные в УК РФ обязанности, должны соответствовать тем же требованиям и основываться на законе. Такая, например, обязанность, как «не совершать административных правонарушений», не может накладываться на условно осужденного и подлежит отмене судом (Обзор судебной практики по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан за 1-й квартал 2004 г. URL: www.tatsud.ru). Воздержание от совершения административных правонарушений (как и преступлений) является нормой поведения любого человека. Для условно осужденного последствием нарушения общественного порядка, за которое налагалось административное наказание, помимо прочего может стать отмена условного осуждения. Нельзя рассматривать такого рода положение и в качестве уголовно-правового стимула (Голик Ю. В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: вопросы теории. Новосибирск, 1992. С. 31–52).

Мы полагаем целесообразным включить в обязанности условно осужденных указанные по ограничению свободы в ч. 1 ст. 53 УК РФ следующие обязанности: «не уходить из дома (квартиры, иного помещения), не посещать места проведения массовых мероприятий». Положения об ограничении свободы достаточно полно нашли отражение в действующем законодательстве.

Кроме того, необходимо в УИК РФ включить ст. 187.1 «Права и обязанности условно осужденных». Так, в число обязанностей данной категории лиц должно входить: исполнение установленных законодательством РФ обязанностей граждан РФ; соблюдение принятых в обществе нравственных норм поведения и требований федеральных законов, определяющих порядок исполнения меры уголовно-правового характера; вежливое отношение к сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций; выполнение требований, определяющих взаимоотношения с представителями правоохранительных органов, осуществляющих контроль за их поведением, их привод, розыск, применение административного принуждения. Помимо этого условно осужденные обязаны не уходить из дома (квартиры, иного помещения), не посещать места проведения массовых мероприятий в определенное время суток, а также соблюдать все имеющиеся обязанности в уголовном законодательстве РФ. Данные обязанности следует закрепить в ч. 1 ст. 187.1 УИК РФ.

По нашему мнению, в ч. 2 ст. 187.1 УИК РФ необходимо закрепить следующие права условно осужденных: «лица, которым назначено условное осуждение, пользуются правами, которые установлены для граждан Российской Федерации. Они имеют право на получение необходимой информации, вежливое обращение как со стороны сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, так и со стороны обычных граждан; условно осужденные не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или взысканию; они пользуются правами, которые установлены международными договорами РФ (право на переписку, на обращение с предложениями, заявлениями и жалобами в соответствующие органы), правом на социальное обеспечение».

С нашей точки зрения, включение в УИК РФ новой статьи значительно упростит задачу сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций и самим условно осужденным, которые будут знать, что их права защищены и закреплены законодательно. Здесь имеет место психологический фактор, который поможет данной категории лиц быть уверенными в совершении тех или иных действий в отношении себя и сотрудников уголовно-исполнительных инспекций.

Исходя из того, что законодатель определяет основной целью условного осуждения исправление осужденного, важно не только установить за ним контроль со стороны государства, но и всячески оказывать помощь лицу в его решении встать на путь исправления. Анализ уголовного законодательства зарубежных стран свидетельствует о популярности так называемых мер помощи условно осужденным лицам (Бельгаро-

ва Н. Роль уголовно-исполнительных инспекций в исправлении условно осужденных // Акт. вопр. уголов.-исполн. системы. 2007. № 2).

Так, УК ФРГ отдает осужденного на период испытательного срока под надзор и руководство специального помощника, который содействует осужденному и опекает его от совершения преступных деяний. В функции помощника входит обязанность наблюдать и сообщать суду о выполнении осужденным возложенных на него обязанностей и указаний, а также сообщать о допущенных осужденным нарушениях (Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. А. В. Серебренниковой. М., 2000. С. 30–31).

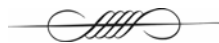
В соответствии с УК Франции меры помощи могут носить общественный либо материальный характер и осуществляются службами пробации с правом привлечения любых государственных и частных организаций (Уголовный кодекс Франции / науч. ред.: Л. В. Головкин, Н. Е. Крылова ; пер. с фр. и предисл. А. Е. Крыловой. СПб., 2002. С. 143–144).

В настоящее время в России работники уголовно-исполнительных инспекций активно сотрудничают лишь с теми организациями и учреждениями, которые напрямую связаны с осуществлением возложенных на условно осужденного обязанностей. Вместе с тем, по нашему мнению, расширение круга лиц, участвующих в исполнении условного осуждения, поможет наиболее активному достижению его целей. Так, по УК Польши на период испытательного срока суд может передать виновного под надзор куратора, общественной организации либо лица, заслуживающего доверия (Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред.: А. И. Лукашов, Н. Ф. Кузнецова ; пер. с польск. Д. А. Барилович. СПб., 2001. С. 79–80).

Привлечение как можно большего количества людей, организаций, общественности и других к исполнению обязанностей условно осужденных позволит улучшить работу сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, создать необходимый контроль за условно осужденными.

Частично данный опыт в России существует: работодатели, руководители организаций следят на протяжении всего периода времени, пока условно осужденный у них работает; в случае нарушений и прогулов они вправе сообщать об этом в уголовно-исполнительные инспекции. Далее уже со стороны сотрудников данных учреждений предпринимаются соответствующие меры для устранения правонарушений.

В заключение еще раз отметим, что решению проблемы правового положения условно осужденных будет способствовать включение ст. 187.1 «Права и обязанности условно осужденных», так как условное осуждение является на сегодняшний день наиболее применяемой судами мерой уголовно-правового характера.

Библиографический список

1. *Бельгарова, Н.* Роль уголовно-исполнительных инспекций в исправлении условно осужденных / Н. Бельгарова // Акт. попр. уголов.-исполн. системы. – 2007. – № 2.
2. *Голик, Ю. В.* Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: вопросы теории / Ю. В. Голик. – Новосибирск, 1992.
3. *Егоров, В.* Меры обеспечения в уголовном праве / В. Егоров // Уголов. право. – 2005. – № 4.

Bibliographical list

1. *Belgarova, N.* The Role of Criminal Executive Inspections in the Rectification of the Condemned on Probation / N. Belgarova // Aktualnie Voprosy Ugolovno-ispolnitelnoy Sistemy. – 2007. – № 2.
2. *Golic, Yu. V.* Criminal and Legal Stimulation of Positive Behaviour: Questions of the Theory / Yu. V. Golic. – Novosibirsk, 1992.
3. *Egorov, V.* Measures of Securing in Criminal Law / V. Egorov // Ugolovnoe Pravo. – 2005. – № 4.

**ФОРМЫ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ,
СКЛОННЫХ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НАРУШЕНИЙ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА
ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ТЮРЬМАХ**

**Forms of Precautionary Influence Applied to Persons Prone to Commit Crimes and Infringements
of the Established Order of Serving a Sentence in Prisons**

Аннотация. В статье рассматриваются понятие «воздействие», а также различные классификации форм предупредительного воздействия. С учетом современного состояния специальной техники предлагается авторская классификация форм предупредительного воздействия в отношении лиц, склонных к совершению преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания в тюрьмах.

Ключевые слова: оперативный отдел, оперативный работник, предупредительное воздействие, осужденный.

Annotation. In the article the concept of the influence as well as various classifications of the forms of precautionary influence are covered. Considering the current state of special techniques available the author offers a classification of the forms of precautionary influence applied to persons prone to commit crimes and infringements of the established order of serving a sentence in prison.

Key words: operative section, operative worker, precautionary influence, condemned.

Предупредительное воздействие на лиц, склонных к совершению преступлений и нарушений режима содержания в тюрьмах, имеет большое значение в предупреждении противоправных деяний и побуждении лица к правопослушному поведению.

Понятие «воздействие» широко используется в педагогике, психологии, социологии, криминологии и других отраслях научного знания (Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психология высшей школы: Особенности деятельности студентов и преподавателей вуза. Минск, 1978. С. 39 ; Михайловская И. Б., Спиридонов Л. И. Основы социологических знаний. М., 1988. С. 111–117 ; Педагогика : учебник / под ред. Ю. К. Бабанского. М., 1988. С. 110). Семантическое толкование данного термина позволяет использовать его в широком плане как действие, направленное на кого-либо с целью добиться, достичь определенного результата (Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. 1: А–Й. С. 199).

Рассматриваемое понятие применяется также в теории оперативно-розыскной деятельности для предупреждения преступлений и осуществления мероприятий, направленных на побуждение лиц к определенному поведению.

По мнению И. В. Каретникова, О. П. Василеги, воздействие выступает одним из этапов индивидуальной профилактики (Каретников И. В., Василега О. П. Организационно-тактические основы предупреждения преступлений против жизни и здоровья оперативными частями ИТУ. М., 1984. С. 39). Ученые полагают, что индивидуальная профилактика преступлений состоит из нескольких этапов деятельности:

- выявления осужденных, от которых можно ожидать совершения преступлений;
- их изучения;
- оказания на них воздействия с целью недопущения формирования у них замысла на совершение преступлений.

С точки зрения В. Н. Кудрявцева, индивидуально-профилактическая деятельность подразделений криминальной милиции связывается, как правило, с оказанием предупредительного воздействия на конкретное лицо (Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 277).

Вместе с тем названные ученые рассматривали предупредительное воздействие только в рамках индивидуальной профилактики, несмотря на то, что воздействие может оказываться на всех направлениях предупредительной деятельности. По нашему мнению, такая узкая трактовка предупредительного воздействия (только в рамках индивидуальной профилактики) не совсем корректна. Так, в рамках общей профилактики после выявления причин и условий совершения преступлений оперативные аппараты могут оказывать воздействие на лиц, которые не в полном объеме выполняют свои служебные обязанности, что приводит к совершению преступлений. Кроме того, на таком направлении предупреждения, как предотвращение замыслаемых и подготавливаемых преступлений, воздействие оперативными работниками может осуществляться путем склонения осужденных к отказу от преступных намерений. Таким образом, предупредительное воздействие может применяться на различных этапах предупредительной деятельности.

Следует отметить, что такое воздействие осуществляется в различных формах. Например, ряд ученых предлагают следующую классификацию:

- непосредственно оперативными работниками, другими сотрудниками учреждений, а при необходимости их руководителями;
- конфидентами по заданиям оперативных работников;
- другими осужденными, имеющими авторитет у лиц, склонных к совершению преступлений и правонарушений;
- родственниками, друзьями, иными лицами, пользующимися доверием у этих лиц (Предупреждение и раскрытие преступлений аппаратами уголовного розыска : учебник / под общ. ред. проф. А. Н. Харитонов. 2-е изд. М., 2001. С. 34).

В свою очередь, И. В. Каретников, О. П. Василега выделяют три формы воздействия оперативных аппаратов на профилируемого:

- непосредственно оперативным работником;
- опосредованно (через конфидентов, других работников исправительного учреждения, родственников осужденных и т. п.);
- в разнообразных по объему сочетаниях двух предыдущих форм (Каретников И. В., Василега О. П. Указ. соч. С. 40).

Основываясь на классификации данных авторов и учитывая современное состояние специальной техники, по нашему мнению, целесообразно предложить следующие формы предупредительного воздействия в отношении лиц, склонных к совершению преступлений и нарушений режима содержания:

- непосредственно оперативными аппаратами, а при необходимости их руководителями;
- опосредованно (при помощи персонала, работающего в тюрьмах; конфидентов по заданиям оперативных работников; других осужденных, имеющих авторитет и пользующихся доверием у лиц, склонных к совершению преступлений или нарушений режима содержания; родственников и друзей; представителей других правоохранительных органов; священнослужителей; кинологических служб; при помощи специальной техники).

С нашей точки зрения, самой эффективной формой является предупредительное воздействие, осуществляемое непосредственно оперативными аппаратами тюрем. Согласно результатам опроса, проведенного в семи тюрьмах ФСИН России, 46 % сотрудников оперативно-режимных служб тюрем разделяют данное мнение. Именно они, располагая негласными силами и средствами, используя оперативно-розыскные методы, осуществляют предупредительную работу по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, выявлению лиц, склонных к совершению преступлений, разобщению групп отрицательной направленности и т. д.

Следует отметить, что именно конфиденты, персонал исправительного учреждения, родственники и другие субъекты, участвующие в предупредительном воздействии на лиц, склонных к совершению преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания, используя доверительные отношения в ходе осуществления бесед, смогут подтолкнуть профилируемого к выбору правильной, позитивной линии поведения.

Рассматривая опосредованную форму предупредительного воздействия, необходимо особое внимание обратить на использование администрацией тюрем специальной техники.

Миниатюризация технических средств, применение цифровых методов обработки данных, новых физических принципов действия не только повышают эффективность решения традиционных задач, но и позволяют реализовать принципиально новые, недоступные ранее технологические схемы добывания информации.

Так, аппаратура фиксации визуальной информации, т. е. видеокамеры, которые устанавливаются на территории тюрьмы (режимных корпусах, сборном отделении и т. д.), несомненно, оказывают предупредительное воздействие как на лиц, склонных к совершению различных преступлений и нарушений режима содержания, так и на сотрудников исправительных учреждений. Например, видеокамера, установленная в сборном отделении, помогает фиксировать качество проводимых обысков, предохраняет сотрудников от вступления в неслужебную связь. Видеокамера, установленная в режимных коридорах, оказывает предупредительное воздействие на всех осужденных (предохраняет от совершения различных нарушений режима содержания во время проведения режимных мероприятий). Также на примере одной из исправительных колоний Владимирской области, где видеокамеры установлены в помещениях штрафного изолятора и помещениях камерного типа, можно сделать вывод, что специальная техника оказывает неоценимую услугу в предупреждении преступлений и нарушений режима содержания.

Во ФСИН России для повышения надежности охраны и изоляции, профилактики преступлений и нарушений режима продолжают внедряться интегрированные комплексы технических средств контроля. Их применение, например, в 2008 г. позволило выявить 43,2 тыс. случаев нарушения режима содержания (Калинин Ю. И. Курсом укрепления правопорядка и законности // Ведомости уголов.-исполн. системы. 2008. № 9. С. 7).

Таким образом, учитывая современное состояние специальной техники и исходя из специфики тюрем (покамерного содержания осужденных), оперативные аппараты помимо традиционных форм предупредительного воздействия должны использовать возможности служб инженерно-технических средств охраны, выступая координатором совместной работы.

Библиографический список

1. Дьяченко, М. И. Психология высшей школы: Особенности деятельности студентов и преподавателей вуза / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович. – Минск, 1978.

2. Калинин, Ю. И. Курсом укрепления правопорядка и законности / Ю. И. Калинин // Вестности уголов.-исполн. системы. – 2008. – № 9.

3. Педагогика : учебник / под ред. Ю. К. Бабанского. – М., 1988.

4. Предупреждение и раскрытие преступлений аппаратами уголовного розыска : учебник / под общ. ред. А. Н. Харитонов. – 2-е изд. – М., 2001.

Bibliographical list

1. Dyachenko, M. I. The Psychology of High School: Peculiarities of the Activity of Students and Teachers in High School / M. I. Dyachenko, L. A. Kandybovich. – Minsk, 1978.

2. Kalinin, Yu. I. Following the Direction of Strengthening the Legal Order and Legality / Yu. I. Kalinin // Vedomosti Ugolovno-ispolnitelnoy Sistemy. – 2008. – № 9.

3. Pedagogics / ed. by Yu. K. Babanskiy. – M., 1988.

4. The Preventing and Disclosing of Crimes by Criminal Investigation Departments / ed. by A. N. Haritonov. – 2nd ed. – M., 2001.

И. Н. Смирнова,
начальник организационно-научного
и редакционно-издательского отдела
Псковского юридического института ФСИН России
кандидат юридических наук

I. N. Smirnova,
Head of the Organizational-scientific and Editorial
and Publishing Department of Pskov
Law Institute of the FPS of Russia
Candidate of Law

**РОЛЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ИНСПЕКЦИЯМИ
ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ,
И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА**

**The Role of Prosecutor's Supervision in Securing Legality
by Criminal-executive Inspections during the Execution of Punishments without Isolation from the Society
and Other Measures of Criminal Legal Nature**

Аннотация. В статье анализируются основные нарушения законодательства при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Кроме того, показана роль прокурорского надзора в недопущении нарушений законодательства в деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная инспекция, нарушения законодательства, прокурорский надзор, наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, иные меры уголовно-правового характера.

Annotation. In this work the author analyzes basic infringements of law during the execution of punishments without isolation of prisoners from the society. Besides, prosecutor's supervising role in the prevention of law infringements in the activity of criminal-executive inspections is shown.

Key words: criminal-executive inspection, infringements of law, prosecutor's supervision, punishments without isolation prisoners from the society, other ways of criminal law character.

Применение наказаний без изоляции осужденных от общества обусловлено гуманизацией уголовной политики Российской Федерации, приведением ее в соответствие с общепринятыми международными нормами.

Численность лиц, прошедших по учетам уголовно-исполнительных инспекций (далее: УИИ) в 2009 г., составила 1 091 149 (2008 г. – 1 124 350) человек. Как показало проведенное нами исследование, в деятельности УИИ имеют место нарушения требований уголовно-исполнительного законодательства в отношении всех категорий осужденных, состоящих на учете. Рассмотрим состояние законности при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, иных мер уголовно-правового характера по каждому виду наказания.

Согласно полученным данным прокуратура довольно интенсивно подвергает проверке органы и учреждения, исполняющие наказания без изоляции от общества. Так, только в 2009 г. прокурорами проведено 18 423 (аналогичный период прошлого года – 16 812) проверки законности при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, в том числе в УИИ – 10 583 (10 509), в органах внутренних дел – 3896 (3443) и в иных организациях, участвующих в исполнении этих наказаний, – 3944 (2860). Внесено 9820 представлений об их устранении, по результатам рассмотрения которых привлечено к ответственности 6839 (4845) работников, виновных в нарушении законности, в том числе сотрудников УИИ – 1494 (1141), органов внутренних дел – 3306 (2583), иных организаций, участвующих в исполнении этих наказаний, – 2039 (1121).

Прокурорами выявляются многочисленные нарушения закона в деятельности УИИ, других пра-

воохранительных органов и организаций, участвующих в исполнении исправительных работ. Данный вид наказания содержит в себе три аспекта: привлечение к труду, некоторое ограничение прав и воздействие материального характера.

За 2009 г. по учетам УИИ прошло 78,2 тыс. осужденных к исправительным работам (7,2 %). Анализ прокурорских проверок показывает, что наиболее распространенными нарушениями, допущенными УИИ при исполнении исправительных работ, являются следующие:

- в ряде регионов постановлением глав администраций местом отбывания исправительных работ определены не конкретные организации, а муниципальные округа в целом;

- УИИ ряда регионов неоднократно направляют одних и тех же осужденных отбывать исправительные работы в такие организации, учреждения или предприятия, где им отказывают в трудоустройстве, ссылаясь на отсутствие вакансий. Это противоречит требованиям ст. 39 УИК РФ;

- руководители организаций и предприятий, включенных в перечень, отказывают в принятии на работу осужденных к исправительным работам;

- в нарушение ст. 39 УИК РФ осужденные отбывают наказание в виде исправительных работ на предприятиях и организациях, не указанных в перечне, утвержденном главой администрации местного самоуправления;

- иногда места отбывания наказания находят сами осужденные, информируя впоследствии об этом УИИ;

- не выполняется требование ч. 2 ст. 39 УИК РФ, согласно которому УИИ обязана в течение 30 дней после поступления соответствующего

распоряжения суда и копии приговора направить осужденного отбывать наказание;

- не выполняется требование ч. 3 ст. 39 УИК РФ по контролю за отбыванием исправительных работ в организациях, где работают осужденные, проведению с ними воспитательной работы, в том числе по месту жительства, соблюдению ими возложенных на них обязанностей;

- в нарушение ч. 6 ст. 40 УИК РФ осужденным к исправительным работам ежегодно предоставляется оплачиваемый отпуск продолжительностью 18 рабочих дней. Тем не менее в некоторых случаях в нарушение названной нормы закона очередные отпуска осужденным предоставляются на общих основаниях;

- не выполняется запрет на увольнение осужденного без соответствующего разрешения УИИ;

- в нарушение требований ст. 42 УИК РФ допускаются ошибки при исчислении срока исправительных работ, в частности осужденные досрочно снимаются с учета;

- не контролируются должным образом порядок удержаний из заработной платы осужденных к исправительным работам со стороны УИИ и перечисление удержанных сумм в доход государства администрациями предприятий и организаций, где работали осужденные. Это противоречит ст. 44 УИК РФ;

- в ряде случаев осужденным незаконно устанавливается испытательный срок и размер заработной платы ниже минимального размера оплаты труда;

- не выполняются требования ст. 46 УИК РФ о привлечении к ответственности осужденных за нарушение порядка и условий отбывания исправительных работ и злостное уклонение от их отбывания, своевременном ненаправлении в суд представлений о замене наказания в соответствии с ч. 3 ст. 50 УК РФ, невозложении обязанностей являться в УИИ для регистрации и отчета о своем поведении;

- в суд преждевременно направляются представления о замене исправительных работ более строгим наказанием, что противоречит ст. 46 УИК РФ;

- в нарушение ч. 6 ст. 173 УИК РФ УИИ в день окончания срока исправительных работ не предлагает администрации организации, в которой осужденный отбывал наказание, прекратить удержания из заработной платы;

- в нарушение ст. 20 УИК РФ судебные органы не информируются о начале и месте отбывания исправительных работ.

Кроме того, проведенное нами исследование показало, что нарушения законов имеют место и при исполнении других видов наказаний, не связанных с лишением свободы. Так, за 2009 г. по учетам УИИ прошло 28,4 тыс. осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (из них 4,2 тыс. – в качестве основного вида наказания (0,4 %).

Анализ проведенных прокурорами проверок свидетельствует, что наиболее распространенными

нарушениями закона в деятельности УИИ при исполнении данного вида наказания являются:

- грубейшее неисполнение ст. 33 УИК РФ, которое выражается в том, что УИИ допускают нарушение закона в части осуществления контроля за соблюдением осужденными предусмотренного приговором суда запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также проведения с этой категорией осужденных воспитательной работы;

- неисполнение требований ст. 36 УИК РФ о порядке исчисления срока лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.

Более того, отмечается нарушение закона при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, и иных мер уголовно-правового характера в части обеспечения контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания осужденным беременным женщинам и осужденным женщинам, имеющим малолетних детей. Вместе с тем в структуре осужденных к различным мерам наказаний, не связанных с изоляцией от общества, названная категория является самой малочисленной. Так, за 2009 г. по учетам УИИ прошло 10,7 тыс. осужденных беременных женщин и осужденных женщин, имеющих малолетних детей, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста (около 1 %).

Из числа осужденных женщин, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, состоявших на учете УИИ на конец 2009 г., более 2 тыс. ранее были судимы за совершение преступлений, более 3,7 тыс. – не заняты трудом или учебой. Между тем ежегодно каждая пятая осужденная с отсрочкой отбывания наказания снимается с учета по отбытии наказания, истечении срока отсрочки отбывания наказания; столько же – в связи с заменой наказания более строгим, отменой отсрочки отбывания наказания и исполнением назначенного судом наказания; 7 % – в связи с осуждением за совершение повторного преступления.

По результатам изучения личных дел осужденных, одно из самых распространенных и устойчивых нарушений закона, допускаемых сотрудниками УИИ, состоит в ненадлежащем исполнении требований ст. 177 УИК РФ в части осуществления контроля за поведением указанной категории осужденных. В нарушение требований ст. 178 УИК РФ работники УИИ, имея сведения об уклонении осужденных женщин от воспитания детей либо наличии административных или дисциплинарных взысканий, не принимают к ним предусмотренные законом меры воздействия.

В ходе проведения исследования выявлены многочисленные нарушения в работе УИИ с осужденными к обязательным работам (за 2009 г. по учетам в УИИ прошло 79,3 тыс. человек (7,3 %):

- не выполняются требования уголовно-исполнительного законодательства о привлечении осужденных к обязательным работам и отбыванию на-

казания не позднее 15 дней со дня поступления в УИИ соответствующего распоряжения суда с копией приговора. Кроме того, нарушаются требования закона при исчислении срока обязательных работ. Осужденные без законных на то оснований ежедневно после работы отбывают наказание в течение завышенного количества часов. Контроль за отбыванием обязательных работ в это время работниками УИИ не осуществляется. Таким образом, приговор суда исполняется формально и часто отработанные осужденными время не соответствует назначенному судом сроку обязательных работ;

– в нарушение положений УИК РФ осужденные привлекаются к отбыванию обязательных работ по истечении установленного законом срока, направляются для отбывания наказания в организации, учреждения или на предприятия, которые не определены органами местного самоуправления, не ведется должным образом суммарный учет отработанного ими времени. Более того, не исполняются надлежащим образом нормы ст. 27 УИК РФ о порядке исчисления срока и времени обязательных работ и ст. 29 УИК РФ о привлечении к ответственности осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания обязательных работ.

Самой многочисленной категорией из лиц, проходящих по учетам УИИ, являются условно осужденные – 918,6 тыс. человек (84,1 %). В деятельности УИИ и органов внутренних дел при осуществлении контроля за данной категорией осужденных также выявлены многочисленные нарушения уголовно-исполнительного законодательства.

Наиболее распространенными из них являются следующие:

– ненадлежащее исполнение обязанностей по контролю за своевременной явкой условно осужденных для регистрации в УИИ;

– неисполнение в своей служебной деятельности требований ч. 1 и 4 ст. 188 УИК РФ;

– несвоевременное принятие мер по направлению представлений в суд об отмене условного осуждения.

Факты нарушений требований ст. 188 УИК РФ и ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 24 июня 1999 г.

№ 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (Рос. газ. 1999. 30 июня) прокурорами выявляются повсеместно. В некоторых регионах они установлены по всем направлениям контроля за условно осужденными: непроведение профилактической работы либо создание видимость ее проведения; невыяснение причин и обстоятельств неисполнения обязанностей в период испытательного срока, невынесение предупреждений, невнесение представлений в суд по этим фактам; непроведение первоначальных розыскных мероприятий для установления местонахождения осужденных и др.

При осуществлении прокурорского надзора обращают на себя внимание факты нерегулярного проведения УИИ проверок осужденных по месту жительства и в общественных местах, формального проведения подобных проверок со стороны органов внутренних дел. Как показало проведенное исследование, в ряде случаев единственной формой контроля за поведением условно осужденных является периодическая регистрация в УИИ, поскольку из-за отсутствия контроля осужденные часто совершают преступления, в том числе тяжкие. В деятельности УИИ распространена незаконная практика произвольного установления должностными лицами периодичности явки условно осужденных в УИИ для ежемесячной регистрации, а также другие нарушения закона, связанные с использованием УИИ полномочий, не предусмотренных законом.

В заключение следует отметить, что роль прокурорского надзора велика независимо от вида наказания, которое отбывает осужденный. Однако как средство профилактики преступлений она возрастает в условиях отбывания наказаний, альтернативных лишению свободы, когда осужденный практически не ограничивается в основных правах, не изолируется от общества. В этих условиях за его поведением осуществляется менее строгий контроль со стороны органов, исполняющих наказания, чем за поведением осужденных к лишению свободы, следовательно, осужденный имеет более широкие возможности для совершения нового преступления.

Библиографический список

1. Басков, В. И. Прокурорский надзор / В. И. Басков. – М., 1996.

2. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина : приказ Генер. прокурора Рос. Федерации от 22 мая 1996 г. № 30. – Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федер. закон : [от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ] // Рос. газ. – 1999. – 30 июня.

Bibliographical list

1. Baskov, V. I. Public Prosecutor's Supervision / V. I. Baskov. – M., 1996.

2. On the Organization of Public Prosecutor's Supervision over the Execution of Law and Observance of Rights and Freedoms of Man and Citizen : Order № 30 of the Prosecutor General of Russia of 22 May, 1996. – The Document was taken from the information and legal service network «ConsultantPlus».

3. On the Basics of the System of Prevention of the Neglect and Law Violations of the Under Age : Federal Law № 120 [of 24 June, 1999] // Rossiyskaya Gazeta. – 1999. – June 30.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ФСИН РОССИИ
И ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В КОЛОНИЯХ-ПОСЕЛЕНИЯХ: СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ**

**Organization of Cooperation between Departments of the Federal Service of Execution of Punishment
and Internal Affairs Agencies (OVD) in the Prevention of Law Violations Committed in Colonies-Settlements:
Essence of the Concept**

Аннотация. В статье анализируются научные подходы к термину «организация оперативно-розыскной деятельности». Приводится также авторское определение понятия организации взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел при предупреждении правонарушений, совершаемых в колониях-поселениях.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, организация, взаимодействие.

Annotation. The author analyses scientific approaches to the term «organization of crime detection». The article also introduces the author's vision of the organization of cooperation between operative departments of the Federal Service of Execution of Punishment and Internal affairs agencies (OVD) in the prevention of law violations committed in colonies-settlements.

Key words: crime detection, organization, cooperation.

В настоящее время в связи с изменением социально-экономических условий, влияющих на рост преступности (Четвериков В. С., Четвериков В. В. Основы управления в органах внутренних дел : учеб. пособие. М., 1997. С. 6), а также реформированием уголовно-исполнительной системы России особую актуальность приобрело совершенствование взаимодействия оперативных подразделений исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел. От качества организации работы зависят результаты оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению правонарушений. Организация – это сознательная деятельность, направленная на упорядочение тех или иных социальных образований (Там же. С. 13).

Рассмотрим определение понятия организации. Данное понятие достаточно подробно разработано в теории оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) и социального управления. Одно из первых определений принадлежит А. Г. Лекарю, который под организацией ОРД органов внутренних дел понимает наиболее целенаправленную при данных условиях систему использования органом (аппаратом) сил, средств и методов в предотвращении и раскрытии преступлений, а также в розыске скрывшихся преступников (Лекарь А. Г. Научные основы организации предотвращения преступлений органами внутренних дел. М., 1969. С. 49).

Аналогичной точки зрения придерживается Д. В. Гребельский, который полагает, что «организация оперативно-розыскной деятельности – это наиболее целесообразная при имеющихся условиях система комплексного применения оперативно-розыскных сил и средств для обес-

печения эффективного решения задач в области борьбы с преступностью при обеспечении установленного режима социалистической законности» (Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1977. С. 38).

Следует заметить, что в приведенных определениях речь идет преимущественно об организационном аспекте на оперативно-тактическом уровне. По нашему мнению, неперенным структурным элементом организации взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел при предупреждении правонарушений, совершаемых в колониях-поселениях, должны быть как организационно-управленческий, так и организационно-тактический и оперативно-тактический аспекты, которые играют существенную роль в обеспечении рассматриваемой деятельности.

В связи с этим рассмотрим определения организации ОРД, сформулированные В. А. Лукашовым и А. Б. Утевским. По нашему мнению, подход названных ученых к уяснению сущности данного понятия является наиболее перспективным.

В. А. Лукашов под научной организацией ОРД понимает целенаправленную деятельность руководителей органов (аппаратов) внутренних дел по созданию оптимальных условий функционирования служб и подразделений, осуществляющих оперативно-розыскные функции, по организации взаимодействия между ними, направлению их усилий на успешное выполнение задач борьбы с преступностью путем объективной и глубокой оценки складывающейся оперативной обстановки, принятию научно обоснов-

ванных управленческих решений, обеспечивавших комплексное использование оперативно-розыскных сил, средств и методов, и реализации решений в ходе повседневной оперативно-розыскной работы (Лукашов В. А. Сущность и задачи научной организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Омск, 1982. С. 6).

Определение организации ОРД в еще более широком понимании сформулировал А. Б. Утевский: она «представляет собой систему организационных, правовых, материально-технических (экономических) мер, обеспечивающих с учетом современного состояния и перспектив изменения оперативной обстановки специализированное и комплексное использование сил, средств, методов и форм оперативно-розыскной деятельности для успешного решения профессиональных задач по борьбе с преступностью во взаимодействии с другими службами и правоохранительными органами» (Утевский А. Б. Организация и тактика оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел на транспорте и научно-практические меры повышения ее эффективности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1986. С. 22).

Таким образом, в приведенных определениях можно выделить три существенных аспекта. Во-первых, одним из основополагающих элементов организации ОРД является система комплексных управленческих мер, направленных на создание оптимальных предпосылок, обеспечивающих готовность функционирования оперативных подразделений.

Во-вторых, эта организация находится в тесной взаимосвязи с оперативно-розыскной тактикой использования специальных сил, средств и методов.

В-третьих, эффективность результатов их применения зависит от многих факторов (условий), игнорирование которых влияет на показатели ОРД в целом.

Данные авторами понятия организации ОРД предоставляют широкие возможности для детализации ее элементов. Исходя из этого применение системного подхода, который, по мнению В. А. Лукашова, является ключом к освещению организационного аспекта ОРД (Лукашов В. А. Введение в курс «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» : учеб. пособие. Киев, 1976. С. 18), позволяет рассматривать организацию взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел при предупреждении правонарушений, совершаемых в колониях-поселениях, как условную систему, состоящую из отдельных взаимосвязанных элементов, каждый из которых обладает специфическими признаками и обусловлен содержанием этой деятельности.

В современной науке понятие «организация» употребляется в двух значениях:

1) состояние системы, предназначенной для решения конкретных функций-задач;

2) организация как функция управления, т. е. деятельность: а) построение и совершенствование структуры системы; б) проведение управленческих решений в рамках функционирования системы. Первое значение может быть охарактеризовано как своеобразная «организация организации»; второе – как составная часть процесса управления.

Следует отметить, что в организации анализируемого взаимодействия в обоих значениях решающая роль принадлежит формулированию ее целей и задач (Маркелов М. В., Фролов В. Ю. Основные элементы организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. Омск, 1986. С. 91–92). Оперативные подразделения ФСИН России и органов внутренних дел призваны не только вести борьбу с готовящимися преступлениями или раскрывать уже совершенные, на них также возложены задачи разработки и осуществления системы мер по борьбе с преступностью, выявления причин преступности, совместного принятия мер и внесения предложений об устранении условий, способствующих преступности, коррупции и терроризму (Вопросы Министерства Внутренних дел Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 19 июля 2004 г. № 927 // Рос. газ. 2004. 21 июля ; Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : указ Президента Рос. Федерации от 13 окт. 2004 г. № 1314 // Рос. газ. 2004. 12 марта). В функции данных подразделений входят, в частности, разработка и исполнение федеральных программ по предупреждению и пресечению противоправной деятельности. Без эффективной и согласованной работы, организованной в четко спланированном и отрегулированном взаимодействии, весьма затруднительно достичь успехов в выполнении данных задач.

В теории управления под дефиницией «организация» понимается: а) государственный или общественный орган; б) состояние объекта или субъекта управления, их упорядоченность в функциональном и структурном отношениях; в) основная функция управления, деятельность, направленная на упорядочение той или иной системы.

О соотношении понятий «организация» и «управление» Г. А. Туманов пишет, что суть организации состоит «в целенаправленном и (или) целесообразном упорядочении субъекта и объекта управления» (Туманов Г. А. Организация как функция государственного управления // Сов. государство и право. 1986. № 1. С. 41).

В свою очередь, В. Г. Афанасьев и А. М. Омаров полагают, что организация – самостоятельная

общая функция управления, состоящая в формировании управляющей и управляемой систем, создании состояния как их упорядоченности, так и определенных отношений между ними (Афанасьев В. Г. Научное управление обществом (опыт системного исследования). М., 1973. С. 221 ; Омаров А. М. Социальное управление. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1980. С. 111).

В. Д. Малков, разделяя точку зрения об отнесении «организации» к самостоятельной функции управления, отмечает, что она решает задачу «формирования в системе соответствующих отношений и поддержания их на требуемом уровне, обеспечивается проектированием организационных структур, подбором, расстановкой, обучением и воспитанием кадров, текущим распорядительством, координированием и т. п.» (Малков В. Д. Функции управления в органах внутренних дел // Вопросы теории и практики управления органами внутренних дел. М., 1985. С. 20).

Применительно к превентивной деятельности органов внутренних дел И. В. Шалахин под термином «организация» предлагает понимать особую деятельность органов и должностных лиц по формированию системы предупреждения преступлений и обеспечению процесса ее функционирования. При этом он подчеркивает, что «всякая организация начинается с определения целей и задач предстоящей деятельности, выбора организационной формы их реализации» (Кримино-

логия и организация предупреждения преступлений : учеб. пособие / под ред. Э. И. Петрова. М., 1995. С. 161–162).

Несмотря на отдельные различия в определении рассматриваемого понятия, указанные авторы отмечают взаимосвязь некоторых возможных вариантов дефиниции организации:

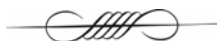
1) коллектив людей, объединенных определенным образом снизу доверху для достижения определенных целей;

2) самостоятельное учреждение, представляющее собой коллектив, обладающий средствами материального обеспечения для выполнения определенных функций;

3) структура системы, состояние, определенное структурно и функционально соотношением частей (по отношению друг к другу и к целому);

4) функция управления.

С учетом вышеизложенного предлагаем авторское определение понятия организации взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел при предупреждении правонарушений, совершаемых в колониях-поселениях: это условная система, состоящая из отдельных взаимосвязанных элементов, каждый из которых обладает специфическими признаками и обусловлен содержанием этой деятельности по использованию органом (аппаратом) сил, средств и методов в предупреждении правонарушений, совершаемых в колониях-поселениях.

Библиографический список

1. *Лекарь, А. Г.* Научные основы организации предотвращения преступлений органами внутренних дел / А. Г. Лекарь. – М., 1969.
2. *Лукашов, В. А.* Сущность и задачи научной организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В. А. Лукашов. – Омск, 1982.
3. *Четвериков, В. С.* Основы управления в органах внутренних дел : учеб. пособие / В. С. Четвериков, В. В. Четвериков. – М., 1997.

Bibliographical list

1. *Lekar, A. G.* Scientific Foundations of the Organization of Crime Prevention in Internal Affairs Agencies (OVD) / A. G. Lekar. – M., 1969.
2. *Lukashov, V. A.* The Entity and Tasks of the Scientific Organization of Crime Detection in Internal Affairs Agencies (OVD) / V. A. Lukashov. – Omsk, 1982.
3. *Chetverikov, V. S.* Basics of Management in Internal Affairs Agencies (OVD) / V. S. Chetverikov, V. V. Chetverikov. – M., 1997.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ ФСИН РОССИИ

Present State of Criminality in Pre-trial Prisons of the Federal Service of Execution of Punishments in Russia

Аннотация. В статье рассматриваются современное состояние преступности в следственных изоляторах ФСИН России, а также характерные особенности наиболее распространенных и опасных преступлений. Автором в ходе исследования выявлены преступления, отличающиеся высоким уровнем латентности.

Ключевые слова: следственный изолятор, преступность, латентная преступность.

Annotation. In the article the present state of criminality in pre-trial prisons of the Federal Service of Execution of Punishment of the Russian Federation is covered and characteristics of the most widespread and dangerous crimes are examined. In the research paper the author reveals crimes with a high level of latency.

Key words: pre-trial prison, criminality, latent criminality.

По состоянию на 1 февраля 2010 г., в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации осуществляют свою деятельность 226 следственных изоляторов (далее: СИЗО) и 164 помещения, функционирующих в режиме СИЗО при исправительных, воспитательных колониях и тюрьмах, в которых содержатся 129,8 тыс. человек (URL: <http://www.fsin.su/main.phtml?cid=6>).

Современное состояние преступности в СИЗО ФСИН России за исследуемый нами период (2007–2009 гг.) характеризуется следующими тенденциями.

Во-первых, наметилось сокращение общего числа совершаемых преступлений, что подтверждается статистическими данными ФСИН России (2009 г. – 62, 2008 г. – 64, 2007 г. – 81 преступление)¹, а также результатами проведенного нами опроса сотрудников оперативных подразделений СИЗО ФСИН России. Так, на вопрос: «Какие изменения в преступности происходят в Вашем учреждении в последние пять лет?», – 70,5 % респондентов отметили снижение уровня преступности, 19,8 % указали, что изменений нет, а 9,7 % обозначили рост преступности.

Во-вторых, на фоне сокращения общего числа совершенных преступлений в СИЗО с каждым годом количество предотвращенных преступлений увеличивается. Так, в 2009 г. было предотвращено 42857 преступлений, в 2008-м – 40580, в 2007-м – 37736.

Следует отметить, что преступления, совершаемые в СИЗО, обладают своими особенностями, отличающими их от преступлений, имеющих место в исправительных колониях.

Так, статистический анализ преступности свидетельствует о том, что около одной трети преступлений в СИЗО приходится на долю несовершеннолетних и женщин. Остальные совершаются

взрослыми мужчинами, причем в основном неоднократно судимыми, совершившими преступления при особо опасном рецидиве, привлекаемыми к уголовной ответственности либо осужденными за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Кроме того, правонарушения в СИЗО характеризуются тем, что 95 % из них являются умышленными и совершаются из низменных побуждений (с целью мести, из-за корысти, грубого и неуважительного отношения к окружающим).

На специфику преступлений, совершаемых в СИЗО, также влияет и та обстановка, в которой действует преступник. В СИЗО он, во-первых, вынужден подготавливать и совершать преступления в присутствии всех лиц, содержащихся в камере, во-вторых, не может скрыться с места преступления (за исключением совершения побега) и, в-третьих, большей частью не может уничтожить его следы.

Указанные обстоятельства дают возможность оперативным сотрудникам своевременно выявлять лиц, замышляющих и подготавливающих преступления (при помощи конфиденциальных источников, оперативного поиска), и пресекать их противоправные действия на стадии подготовки, а также способствуют более быстрому раскрытию преступлений.

Проведенное нами исследование показало, что к наиболее распространенным преступлениям, совершаемым в СИЗО, относятся: убийство; умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью; дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества; побег; захват заложников и незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. В структуре преступности их удельный вес ежегодно составляет 90–95 %. Кратко охарактеризуем каждое из перечисленных преступлений.

Доля убийств и умышленного причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью

¹ Здесь и далее использованы данные ФСИН России. Форма 2 УИС (2007–2009 гг.).

(ст. 105, 111, 112 УК РФ) в структуре преступности составляет от 15 до 20 % (в 2009 г. допущено 9 преступлений, в 2008-м – 9, в 2007-м – 11). Мотивами таких преступлений являются: вражда, месть, хулиганские побуждения, проступки потерпевших, не одобряемые в криминальной среде. Большинство преступлений данного вида совершается, как правило, в камерах (около 90 %).

Такие преступления обычно заранее подготавливаются: намечается план совершения преступления, обеспечивается поддержка сокамерников или их нейтральное отношение, подбираются и проносятся в камеру орудия преступления. Однако имеют место случаи, когда убийство или умышленное причинение вреда здоровью носит ситуативный характер. Умысел на их совершение возникает у лиц непосредственно перед посягательством, нередко под влиянием неблагоприятной ситуации, вызванной неправомерными действиями потерпевшего: оскорблением, попыткой мужеложства, избиением, систематическим притеснением, кражей продуктов питания и т. д.

Следующим преступлением, наиболее часто совершаемым в СИЗО, является *дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества* (ст. 321 УК РФ). Анализ статистических данных показал, что количество указанных преступлений увеличилось (в 2009 г. было совершено 11 преступлений, в 2008-м – 7, в 2007-м – 11).

Все преступления данного вида были совершены в отношении сотрудников СИЗО в связи с осуществлением ими служебной деятельности с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения насилия (ч. 2 ст. 321 УК РФ). Кроме того, одно преступление было совершено организованной группой с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 3 ст. 321 УК РФ).

Опасным преступлением, совершаемым в СИЗО, является *побег из-под стражи* (ст. 313 УК РФ), так как он парализует нормальную деятельность СИЗО, создает угрозу безопасности персонала и других граждан, влечет за собой негативные непредсказуемые последствия при его совершении.

Побеги из СИЗО в структуре преступности составляют от 5 до 10 %. Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что за анализируемый период число побегов ежегодно сокращается (в 2009 г. было совершено 8 побегов, в 2008-м – 3, в 2007-м – 6), а количество предотвращенных побегов растет (в 2009 г. было предотвращено 3124 побегов, в 2008-м – 3136, в 2007-м – 2873).

Следующим опасным преступлением является *захват заложников* (ст. 206 УК РФ). Согласно статистическим данным ФСИН России с 2007 по 2009 гг. в СИЗО было совершено два захвата заложников.

Захваты заложников дезорганизуют деятельность СИЗО, деморализуют личный состав, порождают страх у членов семей, способствуют усилению агрессивности среды заключенных, активному противодействию представителям администрации СИЗО, поэтому перед оперативными подразделениями встает задача по недопущению подобных преступлений.

Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ) также является распространенным видом преступления, совершаемым в СИЗО. Согласно статистическим данным ФСИН России в 2009 г. в СИЗО было совершено 29 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в 2008-м – 31, в 2007-м – 43. Количество изъятых наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в 2009 г. составило 3864,6 г, что на 820,1 г, или 17,5 %, меньше, чем в 2008-м (4684,7 г), а в 2007 г. было изъято 4410,4 г.

В-третьих, в структуре преступности в СИЗО определенное место занимают такие преступления, как: умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ); хулиганство (ст. 213 УК РФ); насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ). Проведенное нами исследование показало, что данные преступления наиболее подвержены латентности, под которой мы понимаем реальную, но скрытую или незарегистрированную часть фактически совершенных преступлений (Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 113 ; Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 124). Так, на вопрос: «Какие преступления, совершаемые в следственных изоляторах, наиболее подвержены латентности?», – 34,6 % опрошенных указали на умышленное причинение средней тяжести и легкого вреда здоровью, 20 % отметили насильственные действия сексуального характера, 17,1 % назвали хулиганство. Далее по убыванию полученные данные распределились следующим образом: незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов – 12,6 %, кража – 10,6 %, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, – 5,1 %.

Кроме того, при ответе на вопрос: «Каковы, по Вашему мнению, масштабы латентной преступности в следственных изоляторах ФСИН России?», – 78,8 % респондентов отметили наличие латентности в небольшом количестве, 18,2 % указали на отсутствие латентности и 3 % ответили, что уровень латентности превышает число зарегистрированных преступлений в 2–3 раза.

На наличие латентной преступности влияет ряд факторов:

- существование норм, обычаев и традиций «криминального мира», которые прямо запрещают любое сотрудничество с представителями администрации СИЗО;

- латентная преступность – это мощный очаг самодетерминации, источник самовоспроизводства, поскольку преступники, избежавшие изобличения и ответственности, с одной стороны, самим фактом безнаказанности стимулируются к продолжению преступной деятельности, а с другой – через механизмы социально-психологического заражения вовлекают новых лиц в орбиту противоправного поведения (Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондратюк Л. В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994. С. 65);

- сокрытие преступлений от учета руководителями СИЗО во избежание огласки, так как факт рецидива в СИЗО свидетельствует о низкой эффективности работы по предупреждению совершения преступлений в них. Фактически можно говорить и об искусственной латентности пениitenciарной преступности.

Итак, к числу преступлений, наиболее подверженных латентности в СИЗО, относится *умышленное причинение легкого вреда здоровью*. Данные преступления чаще всего являются привычным грубым способом разрешения сложившихся жизненных ситуаций в камере, когда лицо, причиняющее вред, даже не желает задумываться над тем, что можно прибегнуть к другому, неагрессивному, поведению.

Хулиганство совершается, как правило, лицами, содержащимися в многоместных камерах, и выражается в драках подозреваемых, обвиняемых и осужденных, нанесении друг другу побоев и легкого вреда здоровью, сквернословии, бесчинстве, сопровождаемых неподчинением администрации СИЗО. Большинство таких преступлений совершаются молодыми людьми, ранее судимыми, у которых умысел на совершение преступления формируется в короткий промежуток времени, что затрудняет их профилактику оперативными возможностями (Оперативно-

розыскная деятельность в исправительных учреждениях : учебник / под общ. ред. Ю. И. Калинина ; науч. ред. Б. Б. Казак, Н. П. Барабанов. Рязань, 2003. Т. 2: Особенная часть. С. 168).

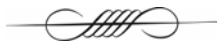
Насильственные действия сексуального характера (насильственный гомосексуализм, или мужеложество) являются специфическим для пениitenciарных учреждений преступлением. Этот вид преступлений наносит физический и моральный вред здоровью граждан. В целом же сексуальные эксцессы провоцируют заключенных на совершение различных правонарушений и тяжких преступлений, что значительно препятствует деятельности администрации СИЗО по укреплению правопорядка. В связи с этим недооценка важности борьбы с гомосексуальным насилием в СИЗО приводит к осложнению оперативной обстановки, способствует возникновению конфликтных ситуаций, разрешение которых осуществляется заключенными уголовно-противоправными действиями.

Таким образом, подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время в СИЗО ФСИН России наметилась тенденция к сокращению общего числа совершаемых в них преступлений, причем эта тенденция характерна для тяжких и особо тяжких преступлений. В то же время на фоне сокращения общего числа совершенных преступлений количество предотвращенных преступлений оперативными подразделениями СИЗО ежегодно увеличивается.

2. К наиболее распространенным и опасным преступлениям, совершаемым в СИЗО, относятся: убийство; умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью; дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества; побег; захват заложников и незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

3. В СИЗО существует латентная преступность, которой наиболее подвержены следующие виды преступлений: умышленное причинение легкого вреда здоровью, хулиганство, насильственные действия сексуального характера.

Библиографический список

1. Горяинов, К. К. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования / К. К. Горяинов, А. П. Исиченко, Л. В. Кондратюк. – М., 1994.
2. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.
3. Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях : учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под общ. ред. Ю. И. Калинина ; науч. ред. Б. Б. Казак, Н. П. Барабанов. – Рязань, 2003.

Bibliographical list

1. Goryainov, K. K. Latent Criminality in Russia: Experience of Theoretical and Applied Research / K. K. Goryainov, A. P. Isichenko, L. V. Kondratyuk. – M., 1994.
2. Criminology / ed. by V. N. Kudryavtsev, V. E. Eminov. – 3rd ed. rev. and suppl. – M., 2004.
3. Crime Detection in Correctional Institutions. In 2 Vol. Vol. 2. The Special Part / ed. by Yu. I. Kalinin ; scientific ed. B. B. Kazak, N. P. Barabanov. – Ryazan, 2003.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Р. В. Абозин,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России*

R. V. Abozin,
*post-graduate student of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training of VLI of the FPS of Russia*

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕРПЕВШИМ И ПОДСУДИМЫМ ПРАВА ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Peculiarities of Realization of the Victim's and the Defendant's Right to Testify and to Present the Evidence

Аннотация. В статье раскрываются некоторые особенности: реализации потерпевшим и подсудимым права дачи показаний, отказа от дачи показаний; применения мер уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, а также представления доказательств основными участниками уголовного процесса.

Ключевые слова: потерпевший, обвиняемый, подсудимый, дача показаний, отказ от дачи показаний, уголовная ответственность, доказательства.

Annotation. The article deals with some peculiarities of realizing the victim's and the defendant's right to testify and to refuse to testify. The article touches upon the problem of taking measures of criminal responsibility for the refusal to testify and for giving a wittingly false testimony. It also considers the peculiarities of presenting the evidence in court by the main participants of the criminal trial.

Key words: victim, defendant, convicted person, testifying, refusal to testify, criminal responsibility, evidences.

Для защиты своих прав, свобод и законных интересов потерпевший и подсудимый наделены правом давать показания по уголовному делу.

Для потерпевшего данное право корреспондирует с обязанностью дознавателя, следователя, прокурора, суда принять его показания тогда, когда он пожелает их дать, и в установленной форме зафиксировать в материалах дела (Правовое положение участников уголовного судопроизводства. Комментарий законодательства: Основные положения, проблемы и новации / Б. Д. Завидов [и др.]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). В силу ч. 2 ст. 277 УПК РФ потерпевший с разрешения председательствующего может давать показания в любой момент судебного следствия.

Фактическим основанием признания лица потерпевшим является причинение ему физического, имущественного, морального вреда, а для юридических лиц – и вреда деловой репутации. Именно эти основания являются предметом показаний потерпевшего. В ходе допроса у потерпевшего могут выясняться сведения: о событии преступления (времени, месте, способе, средствах и других обстоятельствах), в результате которого ему причинен вред; о взаимоотношениях между собой субъектов уголовного процесса; о его поведении, непосредственно предшествующем совершению преступления, во время совершения и сразу после его окончания; о смягчающих и отягчающих наказание обстоятельствах; о

поступках, характеризующих его личность; об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, и др.

Уголовно-процессуальный закон не запрещает потерпевшему пользоваться письменными заметками, зачитывать документы, относящиеся к показаниям (ст. 279 УПК РФ).

Особые требования законодатель предъявляет к допросу несовершеннолетних потерпевших в суде. Специальные процессуальные правила проведения допроса несовершеннолетнего необходимы для того, чтобы обеспечить защиту прав и законных интересов процессуально не дееспособных лиц, оградить несовершеннолетнего от неправомерных действий должностных лиц, производящих допрос, добиться получения достоверных показаний об обстоятельствах, подлежащих доказыванию (Пронин К. В. Тактика допроса в суде: процессуальные и криминалистические аспекты : учеб. пособие для вузов. М., 2006. С. 79–85). Статья 280 УПК РФ устанавливает, что при участии в допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению суда и в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет участвует педагог. Допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, имеющих физические или психические недостатки, проводится во всех случаях в присутствии педагога. При необходимости для участия в допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей вызываются также их законные представители, которые могут с разрешения председательствующего

задавать вопросы допрашиваемому. Допрос потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста четырнадцати лет, проводится с обязательным участием его законного представителя.

Перед допросом потерпевших и свидетелей, не достигших возраста шестнадцати лет, председательствующий разъясняет им значение для уголовного дела полных и правдивых показаний. При этом об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний эти лица не предупреждаются и подписка у них не берется.

В целях охраны прав несовершеннолетних допрос потерпевших и свидетелей, не достигших возраста восемнадцати лет, может быть проведен в отсутствие подсудимого. Основанием служит усмотрение судьи или ходатайство стороны.

Законодатель особо оговорил право потерпевшего и подсудимого давать показания на родном языке или языке, которым они владеют (соответственно п. 6 ч. 2 ст. 42 и п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), и пользоваться помощью переводчика бесплатно (п. 7 ч. 2 ст. 42 и п. 7 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Данное право основано на положениях ч. 2 ст. 26 Конституции РФ: каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения.

Обязанность установить, владеет ли лицо языком судопроизводства, и привлечь в необходимых случаях переводчика для участия в допросе лежит на дознавателе, следователе, суде (ст. 169, ч. 2 ст. 173, ч. 1 ст. 189, ст. 263, ч. 1 ст. 265 УПК РФ).

Показания потерпевшего, как отмечает В. А. Лазарева, имеют двойственную природу: они являются не только доказательствами по уголовному делу, но и средством защиты потерпевшим своих прав, одним из способов осуществления им доказывания (Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие. М., 2009. С. 268).

Надо заметить, что, в отличие от подсудимого, дача показаний для потерпевшего является не только правом, но и обязанностью.

Установленная законом ответственность потерпевшего определена ч. 7 ст. 42 УПК РФ и заключается в том, что за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний потерпевший несет ответственность в соответствии со ст. 307 и 308 УК РФ; за разглашение данных предварительного расследования – в соответствии со ст. 310 УК РФ.

Заметим, что уголовный закон предусматривает достаточно строгие меры в отношении потерпевшего, давшего заведомо ложные показания: такое деяние образует состав преступления и наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на

срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до трех месяцев. Кроме того, если потерпевший дал заведомо ложные показания, обвиняющие лицо в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, то в отношении его может быть избрано наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

Не менее строгие меры предусмотрел законодатель в отношении потерпевшего, отказывающегося давать показания: деяние наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев.

Разглашение данных предварительного расследования в соответствии со ст. 310 УК РФ грозит потерпевшему штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до трех месяцев.

Как следует из вышеизложенного, потерпевший является процессуальным лицом, поведение которого достаточно жестко регламентировано нормами уголовного закона. Вместе с тем считаем, что установленные уголовно-процессуальным законом ограничения и запреты в части дачи показаний потерпевшим вполне обоснованы и базируются в первую очередь на том, что назначением уголовного судопроизводства в силу ст. 6 УПК РФ является не только защита прав и интересов потерпевшего, причем интересов только законных, но и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В этой связи отказ от показаний и дача заведомо ложных показаний должны влечь применение мер уголовной ответственности, поскольку использование заведомо ложных показаний может привести к осуждению невиновных в совершении преступления лиц. Причем такое действие, как дача заведомо ложных показаний не имеет ничего общего с защитой своих законных интересов потерпевшим и может быть только умышленным, при этом потерпевший преследует конкретную цель: обвинить в совершении преступления невиновное лицо. К сказанному добавим, что с учетом названных обязанностей, возложенных на потерпевшего, компетентным органам необходимо проводить активную работу по недопущению давления со стороны подсудимого на потерпевших и свидетелей с целью дачи ложных показаний или отказа от показаний. Такое положение

нашло прямое отражение в действующем в настоящее время (в соответствующей части) Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 1 ноября 1985 г. № 16 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», где говорится: «Если выяснится, что в отношении потерпевшего имело место понуждение к даче заведомо ложных показаний со стороны подсудимого, его родственников или других лиц путем совершения действий, указанных в ст. 183 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик, суд должен возбудить против этих лиц уголовное дело либо частным определением довести до сведения прокурора о полученных данных для их проверки» (Бюл. Верхов. Суда СССР. 1986. № 1).

С правом давать показания потерпевшим тесно связано право отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников. Круг их определен п. 4 ст. 5 УПК РФ: родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

При согласии потерпевшего дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний (п. 3 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Данное требование усилено рядом статей УПК РФ, определяющих общие условия рассмотрения уголовных дел. Так, ч. 4 ст. 281 УПК РФ предписывает, что заявленный в суде отказ потерпевшего или свидетеля от дачи показаний не препятствует оглашению его показаний, данных в ходе предварительного расследования, если эти показания получены в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 11 УПК РФ.

Как отмечает И. М. Ибрагимов, такое законодательное различие процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого вызвано существенным правомерным различием их процессуального положения и спецификой их ролей в уголовном судопроизводстве (Ибрагимов И. М. Правомерные возможности защиты прав потерпевшего в российском уголовном процессе. М., 2008. С. 50). Вместе с тем нельзя не заметить, что «российские суды стоят на “пуританской” позиции: штамп в паспорте создает родственные отношения, а та психологическая близость, свойственная родственным отношениям, ради чего, собственно, сам запрет и установлен, не учитывается (советское законодательство не признавало этот запрет из-за приоритета интересов общества над интересами личности, а в настоящее время приоритеты изменились)», – считают авторы монографии «Адвокат: навыки профессионального мастерства» (Адвокат: навыки профессионально-

го мастерства / под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. М., 2006. С. 140). Так, текст решений Верховного Суда РФ позволяет судить о том, что, если люди живут вместе много лет, но их брак в органах загса не зарегистрирован, они обязаны свидетельствовать друг против друга: «Венчание в церкви, наличие совместных детей и ведение общего хозяйства не порождают супружеских отношений и не освобождают от обязанностей свидетеля» (Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 4-й квартал 1995 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Рассматриваемое право регламентировано нормой, относящейся к разряду норм-исключений, которые «не освобождают от обязанности давать показания, а лишь предоставляют такую возможность, с одной стороны, и порождают обязанность реализации этой возможности – с другой» (Дементьев И. Д. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных иммунитетов // Рос. следователь. 2008. № 10).

В отличие от потерпевшего, обвиняемый вправе давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний. Вместе с тем при согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний, за исключением, когда доказательства в силу п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ признаются недопустимыми. Основанием в таком случае являются дача показаний подозреваемым, обвиняемым в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и неподтверждение подозреваемым, обвиняемым их в суде. Такое право ограждает подсудимого от признания своей вины под давлением в досудебный период производства по уголовному делу. Обвиняемый (подсудимый) не может быть привлечен к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, поскольку дача обвиняемым показаний – его право, а не обязанность. Дача обвиняемым показаний является важным способом реализации права на защиту, ибо показания обвиняемого – это один из видов доказательств, используемых для обоснования процессуальных решений (ст. 77 УПК РФ) (Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под ред. П. А. Лупинской. М., 2005. С. 51).

Анализ норм, обязывающих потерпевшего давать показания и наделяющих обвиняемого (подсудимого) правом отказаться от дачи показаний, свидетельствует о дисбалансе их процессуальных прав. Признавая необходимость норм об обязательной даче показаний потерпевшим и

норм, позволяющих применить к потерпевшему санкции за дачу заведомо ложных показаний, считаем, что в целях достижения баланса прав сторон в уголовном процессе в УПК РФ следует ввести аналогичные требования по отношению к обвиняемому (подсудимому) за дачу заведомо ложных показаний. Такие нормы существуют в уголовно-процессуальном законодательстве США, где обвиняемый имеет право молчать, но за дачу заведомо ложных показаний он несет уголовную ответственность. Прав в этой связи профессор Е. П. Ищенко, отметивший: «Этот опыт не грех бы применить и у нас, введя в УК РФ норму об ответственности подозреваемых, обвиняемых, подсудимых за дачу заведомо ложных показаний. Тогда бы баланс прав и обязанностей потерпевшего и обвиняемого несколько выровнялся. А так, будучи осведомленным обо всех собранных доказательствах, подсудимый вплоть до прений сторон может занимать выжидательную позицию, лгать, глумиться над потерпевшим, выставляя его виновником содеянного» (Ищенко Е. П. Кто защитит потерпевшего? // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3).

В целях соблюдения принципа состязательности сторон законодатель наделил правами как потерпевшего (п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), так и подсудимого (п. 4 ч. 2 ст. 47 УПК РФ) на представление доказательств.

Деятельность участников уголовного процесса по обоснованию своих выводов считалась доказыванием задолго до принятия современных уголовно-процессуальных кодексов (Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 168). Между тем вопрос о гносеологической природе процесса доказывания был и остается дискуссионным и в настоящее время. Ряд ученых (Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании : монография. М., 2004. С. 88 ; Лузгин И. М. Вопросы познания в судебном доказывании // Сов. государство и право. 1964. № 8. С. 107 ; Эйсман А. А. О понятии вещественного доказательства и его соотношении с понятиями доказательств других видов // Вопр. предупреждения преступности. М., 1965. Вып. 1. С. 82) поддерживают наиболее распространенную точку зрения, высказанную М. С. Строговичем о том, что «мы отождествляем доказывание в уголовном процессе с познанием истины по уголовным делам: процесс доказывания и есть процесс познания фактов, обстоятельств уголовного дела» (Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 296). Наряду с этим некоторые авторы придерживаются мнения И. Я. Фойницкого, в соответствии с которым доказательство – это процесс, «путем которого обстоятельство искомое ставится в связь с обстоятельством известным, данным и показывается им» (Фойниц-

кий И. Я. Указ. соч. С. 162). Таким образом, вопрос о понятии доказывания остается дискуссионным. На наш взгляд, бесспорным является тот факт, что доказывание – это деятельность конкретного субъекта уголовного процесса по обоснованию своих утверждений. Процесс доказывания базируется на одном из основных принципов уголовного процесса – состязательности сторон (Лазарева В. А. Указ. соч. С. 42). В этой связи законодатель наделяет равными правами по доказыванию как потерпевшего, так и подсудимого. Вместе с тем само доказывание как таковое обусловлено целями, преследуемыми каждой из сторон процесса. И в этом смысле цели потерпевшего и цели подсудимого диаметрально противоположны. Именно поэтому суд должен выступать беспристрастным арбитром при рассмотрении уголовных дел, объективно оценивая доказательства, предоставляемые сторонами.

В числе доказательств, перечисленных в ст. 74 УПК РФ, названы показания потерпевшего и показания обвиняемого. Таким образом, право давать показания напрямую связано с правом представлять доказательства, поскольку показания являются сведения, сообщенные в ходе досудебного производства и в суде в соответствии с требованиями ст. 187–191 и 277 (для потерпевшего) и 173, 174, 187–191 и 275 УПК РФ (для обвиняемого).

Процесс доказывания включает собирание, проверку и оценку доказательств. Если проверка и оценка доказательств производится в силу ст. 87 УПК РФ только дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство, то собирание доказательств, помимо названных органов и лиц, вправе осуществлять подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители. Кроме того, ч. 3 ст. 86 УПК РФ конкретизирует деятельность защитника в данной сфере. Он вправе собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Таким образом, обвиняемый, потерпевший и другие участники процесса, реализуя право на представление доказательств, влияют на направление познавательной деятельности, осуществляемой следователем и судом, внося свой вклад в установление истины по делу.

Прав С. А. Шейфер, говоря, что «законный интерес соответствующего участника, хотя и не противоречит законным интересам других участников, но и не совпадает с ними полностью. Это различие обусловлено спецификой процессуальных функций указанных лиц. Так, в случаях, когда обвиняемый считает себя невиновным, его процессуальный интерес состоит в прекращении дела, оправдании и восстановлении прав. Если же он сознает, что его виновность бесспорно доказана, его интерес направлен на выявление всех смягчающих обстоятельств и данных о возможности смягчения наказания. В противоположность этому процессуальный интерес потерпевшего направлен на установление виновности лица, причинившего ему ущерб, всех отягчающих обстоятельств, обоснование размера причиненного ему ущерба. Представляя соответствующее доказательство, каждый участник процесса реализует свою уголовно-процессуальную функцию и со своих позиций способствует выяснению подлинных обстоятельств дела, установлению истины» (Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2009. С. 33).

В результате исследования права представлять доказательства возникает вопрос: если защитник наделен правом выполнять действия, указанные в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, то почему таким правом не наделен непосредственно потерпевший и подсудимый? Представляется, если защитник в процессе реализует представляемый интерес, то непосредственно представляемое им лицо тем более должно быть правомочно выполнить такие действия, на какие уполномочен защитник в силу ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Кроме

того, считаем, что способы собирания доказательств могут быть различными. Основной критерий для них – деятельность по собиранию и представлению доказательств не должна противоречить закону, т. е. должна быть правомерной. В этой связи представляется, что ч. 3 ст. 86 УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «3. Подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители вправе собирать доказательства путем:

- 1) получения предметов, документов и иных сведений;
- 2) опроса лиц с их согласия;
- 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии;
- 4) иными не противоречащими закону способами».

Сравнение п. 4 ч. 2 ст. 42, п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ с положениями ст. 86 УПК РФ позволяет указать на то, что п. 4 ч. 2 ст. 42, п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ наделяют потерпевшего и обвиняемого (подсудимого) правом представлять доказательства, в то время как ч. 2 ст. 86 УПК РФ предоставляет этим субъектам уголовного процесса возможность собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. С учетом изложенного в целях устранения противоречий считаем целесообразным п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ и п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ изложить в следующей редакции: «4) собирать и представлять доказательства».

Библиографический список

1. Ищенко, Е. П. Кто защитит потерпевшего? / Е. П. Ищенко // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 3.
2. Лазарева, В. А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие / В. А. Лазарева. – М., 2009.
3. Пронин, К. В. Тактика допроса в суде: процессуальные и криминалистические аспекты : учеб. пособие для вузов / К. В. Пронин. – М., 2006.
4. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / Л. Б. Башкатов [и др.] ; отв. ред. И. Л. Петрухин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.
5. Уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. – М., 2006.
6. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 2 / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1996.
7. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – М., 2009.

Bibliographical list

1. *Ishchenko, E. P.* Who will Protect the Victim? / *E. P. Ishchenko* // *Ugolovnoe Sudoproizvodstvo*. – 2007. – № 3.
2. *Lazareva, V. A.* Proving in the Criminal Trial / *V. A. Lazareva*. – М., 2009.
3. *Pronin, K. V.* Interrogation Tactics in Court: Procedural and Forensic Science Aspects / *K. V. Pronin*. – М., 2006.
4. The Criminal Procedural Law of the Russian Federation / *L. B. Bashkatov* [et al.] ; gen. ed. *I. L. Petruhin*. – 2nd ed., rev. and suppl. – М., 2007.
5. The Criminal Trial / ed. by *V. P. Bozhyev*. – М., 2006.
6. *Foynitskiy, I. Yu.* The Course of the Criminal Trial / *I. Yu. Foynitskiy*. – SPb., 1996.
7. *Sheyfer, S. A.* The Evidences and Proving in the Criminal Cases: Problems of Theoretical and Legal Regulation / *S. A. Sheyfer*. – М., 2009.

Н. М. Амелин,
*старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин юридического факультета
Владимирского государственного
гуманитарного университета
кандидат юридических наук*

N. M. Amelin,
*Senior Lecturer of the Department
of State Law of the Law Faculty
of Vladimir State Humanitarian University
Candidate of Law*

СУБЪЕКТЫ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

The Subjects of Legal Relations between State and Religious Associations in the Civil Society

Аннотация. В статье предлагается возможное решение вопросов взаимодействия субъектов правовых отношений, проводится поиск ошибок поведения религиозных объединений, средств массовой информации. Дана оценка информационной политики церкви и представителей власти, акцентировано внимание на восприятии гражданами сложившейся ситуации в отношении культурно-нравственного баланса общества. Описано отставание церкви от процессов научно-технического прогресса, информационного бума и о недостатке квалифицированных кадров, способных успешно пропагандировать религиозное наследие.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, гражданское общество, информационно-правовое наследие, правовой статус личности в системе общественных отношений, религиозное наследие, информационная культура.

Annotation. The author of the article offers possible ways of solving interaction problems between the subjects of legal relations and reveals behavioral errors of religious associations and the mass media. The author evaluates informational policy of both the church and representatives of power and pays special attention to the aspect how citizens perceive the present situation of cultural and moral balance in the society. In the paper the author also describes the lag of the church in processes of scientific and technical progress and in informational boom and the lack of qualified staff able to popularize the religious heritage successfully.

Key words: relations between state and religion, civil society, informational heritage in law, legal status of the individual in the system of public relations, religious heritage, informational culture.

Отношения государства с религиозными объединениями образуются при достижении социального компромисса между субъектами этих отношений, частями общества, обладающими различными, подчас альтернативными религиозно-мировоззренческими убеждениями, и соответствующей им социальной практикой. Государство лишь в развитии данного процесса призвано быть посредником и гарантом взаимного уважения интересов субъектов взаимоотношений. Определение степени проникновения того или иного элемента в формирование системы отношений было и остается проблемным с точки зрения историко-правовой практики. Взаимоотношения государства с религиозными объединениями в гражданском обществе интересовали мыслителей во все времена.

Среди философов, рассматривающих данный вопрос, огромный вклад в развитие настоящей темы внес Г. В. Ф. Гегель, который неоднократно подчеркивал, что «человек – живое существо.., и он имеет право делать свои потребности своей целью». При этом реализация свободы в достижении своих целей «составляет его главный интерес». «Отсутствие» же «интереса» по той или иной причине «есть духовная или физическая смерть». По мнению философа, потребности индивида могут быть удовлетворены именно потому, что не вполне удовлетворяются потребности других. Это та ступень человеческой истории, когда человек еще не вышел «за свои пределы»,

т. е. за пределы моральной воли, которая имеет для себя лишь «момент субъективности».

Подобная парадигма мышления необходимо инициирует отношения личной зависимости в скрытой или явной форме, сковывающей деятельное начало в человеке и в конечном итоге неизбежно замедляющей экономический и культурный рост, который, собственно говоря, и составляет материальную основу удовлетворения растущих потребностей человека (Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 81, 168, 246, 408–415). Раскрывается личностное начало лишь при условии позитивно развитого законодательства. Тогда и государство, и человек имеют объективную основу для удовлетворения своих интересов.

Эти постулаты гегелевской философской системы не во всем соответствуют тем принципам функционирования и развития гражданского общества, которые были смоделированы впоследствии на базе его диалектики. Еще К. Маркс отмечал, что «гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики» (Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 32. С. 448–449). В социально-правовом знании предпринимались попытки, «не замечая» определенности гегелевской философской системы и опираясь на его метод, довести до конца вытекающие из настоящего метода выводы об отношениях граждан, государства и церкви на правовых и нравственных началах.

В противовес сторонникам теории общественного договора о недопущении со стороны го-

сударства отчуждения прав личности на собственность и жизнь Г. В. Ф. Гегель утверждал, что произвол лиц ограничивается всеобщим именно потому, что право на собственность и жизнь может быть отчуждаемо государством. Вместе с тем в гражданском обществе данное регулирование, чтобы не впасть в крайность, само должно быть ограничено посредством государственных постановлений (Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 324). При таком подходе мы можем предотвратить утрату чувства права, выраженную, по мнению философа, в политическом и религиозном фанатизме с его идеей абстрактного равенства и сохранить как гражданское общество, так и политическое государство.

«Ненависть к закону, праву, выраженному в законе, есть тот признак, по которому открываются и безошибочно познаются в их подлинном выражении фанатизм, слабоумие и лицемерие добрых намерений, во что бы они ни рядились», где «религиозный фанатизм,.. подобно фанатизму политическому, выступает против всякого государственного устройства и законного порядка как стесняющих внутреннюю жизнь..., против отношений гражданского общества и т. д.» (Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 230).

Г. В. Ф. Гегель отрицал договорной характер возникновения государства и отношений государства с религией и гражданским обществом, но в то же время ввел понятие тождества прав и обязанностей, имеющих законодательное оформление. Он утверждал, что «по своему содержанию право отлично от обязанности, однако по ценности они тождественны так же, как в договоре» (Там же. С. 426). Однако это идеальный образ гражданского общества и того должного, что необходимо обеспечивает условия, при которых и политическое государство, и гражданское общество не «повисают в воздухе».

Отношения между гражданским обществом и политическим государством не определяются и не могут быть сведены к отношениям общественного договора. Индивиды даже по всеобщему согласию не в состоянии не только отменить государство, но и принимать произвольные законы или отказаться от законотворческой деятельности вообще. Государство возникает объективно, равно как объективно испытывает на себе влияние церкви.

Гражданское общество обретает объективность в субъективном желании граждан выразить свою волю в государстве, которое призвано покорить разрушительный разгул спонтанно проявляющейся свободы субъектов общественных отношений. Поэтому государство изначально, не только в собственно гражданском обществе, но с момента вычленения свободы из отношений природно-нравственного единства первосемьи необходимо выступает в качестве «нравственного универсума». Государство обязано не только охранять свободу

личности, но и законным порядком ограничивать ее, а индивиды не только должны воспринимать настоящее право как свою обязанность, но также имеют право в лице своих представителей на законотворческую деятельность.

Динамика гражданского общества и процесс определения статуса субъектов общественных отношений, в том числе между государством и церковью, – далеко не совпадающие определенности.

В самом общем виде то, что подразумевается под основой гражданского общества, есть предметные отношения, в которые необходимо вступают в процессе общественного производства его субъекты, а экономической основой настоящего процесса являются отношения частной собственности на средства производства и как следствие приоритеты личности, политической власти. Общество содержит в себе «гражданскую форму вообще» вместе с возникновением частной собственности и как следствие приоритеты политической власти и государственности в целом. В первоначальный период оно существует как поглощенное государством состояние, что непосредственно связано с уровнем развития общественных отношений. Однако при этом следует понимать, что не государством обуславливается и определяется гражданское общество, а гражданским обществом, интересами личности обуславливается и определяется государство.

Таким образом, формируется убеждение, что не государство, изображенное Г. В. Ф. Гегелем, является вершителем судеб личностей, граждан, а напротив, гражданское общество, к которому философ относился с таким пренебрежением, – именно та область, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития отношений личности, государства и церкви.

Рассмотрим также другую сторону проблемы: отношения между личностью, гражданским обществом, государством и церковью требуют определенного уровня информационной культуры взаимоотношений этих субъектов. Неизбежность прохождения всех потребностей гражданского общества через волю государства делает последнее элементом, поглощающим гражданское общество, и тем больше, чем более само гражданское общество определяет государство в силу своей неразвитости – беспомощной несамостоятельности, рыхлости и бесформенности. Таким образом, взаимосвязь личности, государства, гражданского общества и церкви является наиболее общей закономерностью, рамками которой ограничено историческое пространство для взаимодействия настоящих общественных феноменов.

Во все времена гражданское общество, развиваясь, продуцировало особую потребность личности в праве, суть которой состоит в том, чтобы ее потребности (не все сразу и не вдруг) проходили не только через волю государства, но и через волю Бога. В конечном счете гражданское общество последовательно вступает в пространство общества

человеческого, где господствуют не только политические, правовые, но и религиозные интересы, запросы и дела всех и отдельно взятой личности.

Личность особенно конфликтует со всеобщим до тех пор, пока не найдет себя в нем в качестве завершенной индивидуальности, как человечески суверенное в каждом своем представителе и тем самым в самом себе. Гражданское общество, реализующее свободу потенций граждан, представляет собой лишь то, что находится в этой возможности и не более того. В данном случае демократия необходимо выступает правовой формой строительства гражданского общества, являясь, по сути, надстроечным отражением новых реалий, сконцентрированных в феномене договора граждан – участников правового строительства.

Возникает вопрос о демократизме современного общества, способности укрепить правовой статус личности в системе общественных отношений. При «огосударствлении» общество остается собственником средств своей жизнедеятельности только в лице государства, но государство, пользуясь слабостью демократии, распоряжается этой общей собственностью исключительно в лице своего аппарата, обходясь без общества и игнорируя интересы всех субъектов общественных отношений. Не государство входит в общество, а общество «вбирается», ассимилируется государством, бюрократический аппарат которого и приспособливает к себе статус личности, весь общественный прогресс, увеличиваясь до невероятных размеров.

В цивилизованном государстве и реальном гражданском обществе экономические, информационно-культурные и религиозные потребности человека защищены общественными и государственными институтами. Гражданская позиция особенно необходима России, переживающей переходный период от тоталитарного атеистического режима к демократии и развитому гражданскому обществу. Для становления гражданской позиции личности, как и для культурной среды в обществе, характерны два непрерывающихся процесса: 1) созидательный, творческий (потребность созидать, творить существует вне зависимости от экономической и политической структуры государства); 2) удовлетворение потребностей физических и юридических лиц.

Побудительные мотивы к самостоятельному статусу личности в рамках информационного общества могут быть разными: спонтанные процессы, потребность в самовыражении и самоутверждении на высоком общественном уровне, средство существования. Люди духовного звания и глубоко верующие, посвятившие себя творчеству, могут назвать Промысел Божий, стремление распоряжаться Божьим даром во славу Божию.

Творчество как элемент развития культуры в разных слоях общества во многом определяется их спецификой и особенностями личности. Например, для монашества написание иконы – часть подвига,

требующего долгой подготовки тела, души и духа. Сам процесс воцерковления также представляет собой род творчества, поскольку в нем участвует духовное начало, которое предполагает наличие различных дарований. Вместе с тем священнику не возбраняется научная и культурная деятельность в ее светском понимании.

Помимо представителей монашества и священства к информационному пространству принадлежат миряне, верующие и нерелигиозные люди с высоким уровнем духовных потребностей, не мыслящих полноты духовного мира без достижений религиозной культуры всех времен и народов как неотъемлемой части духовного мира любого образованного человека, даже не выросшего в религиозной семье. Попытки вытравить из сознания людей многовековое наследие религиозной культуры, ставшей важной частью обыденной жизни, потерпели неудачу, несмотря на жестокие гонения на традиционные религии.

Информационно-правовое наследие является полем активного общественного потребления. В данном процессе разница в понимании, восприятии и принятии его различных достижений может создавать и создает конфликтные ситуации между членами общества, принадлежащими к различным социальным, национальным и конфессиональным группам.

Вопрос права на творчество и потребление информационных плодов связан с вопросом возможности творчества и потребления произведений культуры. Данная возможность реализуется личностью с помощью и посредством государственных и общественных институтов, регулирующих систему отношений, но в основе права, государства с религиозными организациями.

К сожалению, взаимопонимание на основе информационной культуры между церковной средой и светской жизнью в вопросах правового отношения ко всему многообразию культурного наследия не стало общепринятой нормой в обществе. Вместе с тем представление церкви о роли земной жизни человека чаще всего сводится к страстотерпию во всех сферах жизни, что вызывает неприятие в светских кругах. Мир современного человека формируется в обстановке нарастающей урбанизации, информационного взрыва, все более тесных и многообразных контактов, связей, обязательств.

Информационная культура потребления также зависит от расхожих представлений о некоем уровне, ниже которого нельзя опуститься, поскольку это не престижно, даже унижительно. Недоступность этого уровня травмирует психику, вырабатываются комплексы, часто агрессивные. Нередко связываются понятия «информационная культура» и «досуг», поэтому первое чаще всего сводится к выражению «культурно отдохнуть» и отражает утилитарное представление о средствах информационной культуры. Их назначение состоит в том, чтобы обеспечить

комфорт, возбудить интерес и снять нервное напряжение. Как церковь не могла в массовом масштабе привить веру, а лишь распространяла обрядоверие, так и светские общественные институты не сумели укоренить в населении представление об информационной культуре как о сфере духа, возвышающего человека над животными интересами и страстями.

Рыночно-демократические преобразования, проводимые с бюрократическими извращениями, сопровождаются крушением социального статуса многих прежде относительно благополучных слоев общества. Неприспособленность людей к новым требованиям жизни и обнищание породили психологию выживания, при которой духовные потребности отступили на второй план перед бытовыми. Прежде всего сократился массовый потребитель информационной продукции – подписчики литературно-публицистических изданий, посетители музеев, библиотек, филармоний. Услуги учреждений культуры, информационных центров, созданных в столичных городах, министерствах и других органах управления, став недоступными для многих граждан, не находят массового спроса. Для многих людей в настоящее время дорогими стали образование и творческое самовыражение.

Однако следует заметить, что общество сейчас чаще прислушивается к мнению представителей церкви. Когда между священнослужителями и общественностью была разрушена «стена принудительного отчуждения», выстроенная советской властью, многие открыли для себя притягательный пласт религиозной культуры.

Все больше людей (прежде всего подростки и молодежь) знакомятся с религиозной культурой в ее различных проявлениях. Это свидетельствует о том, что в обществе складываются целые слои, причастные к процессам, происходящим в информационной культуре в целом.

Позиция церкви становится постоянным значимым фактором информационной жизни общества. Религиозные деятели перестают быть одиозными фигурами в информационном обществе, становятся в единый ряд с представителями той части интеллигенции, которая несет гуманитарные знания в массы. Вместе с тем данный процесс еще не завершен, ему препятствует ряд негативных факторов. Во-первых, церковь как общественный институт находится в стадии формирования. Во-вторых, разнообразие целей и задач, приведших людей в лоно церкви и к служению в ней при внешне жесткой догматике вероучения, не способствовали формированию церкви как союза доброжелательных единомышленников.

В-третьих, в отличие от государственных институтов, которые накопили большой опыт популяризации достижений информационной культуры, в церкви такой опыт в основном отсутствует. Ощущается недостаток квалифицированных кадров, способных успешно пропагандировать религиозное наследие.

Участие некоторых иерархов церкви в сомнительных коммерческих мероприятиях, пока еще слабая социальная активность церкви, неумение вести иной диалог, кроме менторского и высокомерно-назидательного с неприкаянной молодежью – все это подрывает авторитет церкви. Она не может дать нечто адекватное общим настроениям, а также нечто жизнеутверждающее, к чему стремятся молодые люди.

Церковь по-прежнему стоит как бы в стороне от процессов научно-технического прогресса, информационного бума, интеграционных и других, а самая распространенная реакция на модернизацию прежде всего рядовых священников – опасения и запреты без достаточных обоснований. По многим позициям церковь обращена в прошлое, а не к настоящему и будущему, поэтому пастве будет нелегко обрести новые духовные ценности, в том числе гражданское согласие, мир и спокойствие, достижения информационной культуры. Между массовой и информационно-правовой культурой лежит пропасть. Первая переродилась в развлекательную культуру, а вторая трансформировалась в культ закона, права, в юридические формы, понятные законодателю и правоприменителю, оставляющие другим безграничное поле для толкований, но в рамках права.

Человеколюбивая направленность светской информационной культуры имеет обширное информационное поле пересечения с религиозной культурой, лишь совместными усилиями возможно создать общество, где господствует нравственность, милосердие и сострадание. Российские государственно-конфессиональные отношения и как следствие характер их правового регулирования преодолели ряд основных этапов развития: от исключительного контроля государства над религиозными объединениями и их включением в систему органов государственной власти, отрицания любых проявлений религиозности до реализации светского характера государства и становления институтов свободы совести. Субъекты же правовых отношений государства могут достичь взаимопонимания с религиозными объединениями в гражданском обществе лишь при всестороннем доверии и признании необходимости достижения компромисса.

Библиографический список

1. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1990.
2. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 32.

Bibliographical list

1. Hegel, G. W. F. Philosophy of Law / G. W. F. Hegel. – M., 1990.
2. Marx, K. Collection of Works / K. Marx, F. Engels. – 2nd ed. – Vol. 32.

А. Н. Афанасьева,
ассистент кафедры менеджмента
Казанского государственного
архитектурно-строительного университета

А. Э. Устинов,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат экономических наук

М. В. Ланцов,
помощник начальника по строительству
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России

В. М. Ланцов,
заведующий кафедрой менеджмента
Казанского государственного
архитектурно-строительного университета
кандидат физико-математических наук,
доктор химических наук, профессор

A. N. Afanasyeva,
assistant lecturer of the Department of Management
of Kazan State University
of Architecture and Engineering

A. E. Ustinov,
Associate Professor of the Department
of Humanitarian and Social and Economic Disciplines
of Kazan branch of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Economics

M. V. Lantsov,
assistant to the Head of internal service
of Kazan branch of VLI of the FPS of Russia

V. M. Lantsov,
Head of the Department of Management
of Kazan State University
of Architecture and Engineering
Candidate of Physics and Mathematics,
Doctor of Chemistry, Professor

МЕТОД ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ МИНИМИЗАЦИИ НАЛОГА НА ЖИЛИЩЕ И ЖИЛЬЕ

The Method of Economic and Legal Minimizing of the Tax on Dwelling

Аннотация. Вопросы минимизации налогового бремени с экономической и правовой точек зрения являются актуальными для большинства граждан любого государства. В статье рассмотрены подходы к решению данного вопроса в комплексе экономических и правовых методов, а также проанализированы статьи Жилищного кодекса РФ и Письмо Минфина России от 21 апреля 2008 г. № 03-05-04-01/19 «О порядке исчисления налога на имущество физических лиц в отношении имущества, находящегося в общей долевой и (или) общей совместной собственности».

Кроме того, предложен авторский подход к минимизации налогового бремени собственниками жилья, который позволяет снижать налоговую нагрузку в несколько раз. Данный подход проиллюстрирован примером, содержащим экономический расчет.

Ключевые слова: налог, минимизация прибыли, долевая собственность.

Annotation. The problems of minimizing the tax burden are crucial for the majority of citizens in any country from the economic and legal points of view. The authors of this paper consider the approaches to the solution of the given problem in the complex with economic and legal methods. In this paper the authors analyze articles from the Housing Code of the Russian Federation and from the Letter of the RF Ministry of Finance (of 21.04.2008, № 03-005-04-01/19) «On calculation of tax on physical persons property which is in common shares and (or) in common joint ownership».

In this work the authors offer their approach to minimizing the tax burden of dwelling owners, that will allow to reduce the tax load in several times. The description of the authors' approach is illustrated with the help of the example that includes economic calculations.

Key words: tax, minimizing of profit, share property.

В соответствии с письмом Минфина России от 21 апреля 2008 г. № 03-05-04-01/19 «О порядке исчисления налога на имущество физических лиц в отношении имущества, находящегося в общей долевой и (или) общей совместной собственности» произошло существенное изменение налогового бремени, которое ранее несли собственники жилища и собственники жилья в многоквартирном доме.

В связи с этим у малообеспеченных граждан возникла необходимость законного уменьшения бремени налога на жилище и на жилье. Анализ жилищного законодательства позволяет выработать и применять в правовой практике два основных метода законного снижения налогового бремени.

Целями настоящей публикации являются разработка и обнародование сущности, условий и порядка использования внесудебного метода ми-

нимизации налогового бремени, а также характеристика его социально-правовой и организационно-управленческой специфики.

В работе будем руководствоваться следующими нормативными правовыми актами: ст. 45 Налогового кодекса РФ, ст. 7 Федерального закона от 31 июля 1998 г. № 147-ФЗ «О введении в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации» (Рос. газ. 1998. 6 авг.), Законом РФ от 9 декабря 1991 г. № 2003-1 (с изменениями) «О налогах на имущество физических лиц» (Рос. газ. 1992. 14 февр.). При выработке названного метода определенным интерес вызывает работа В. М. Ланцова, А. Н. Шаймардановой (Ланцов В. М., Шаймарданова А. Н. Стратегии России. Казань, 2005).

Согласно указанному письму Минфина России налог, например, на двух и более многоком-

натную квартиру, принадлежащую двум и более лицам на праве общей собственности, определяется инвентаризационной стоимостью квартиры, которая является базой для исчисления налога, а также ставкой налога. Начисленный налог делится между совладельцами квартиры поровну (при общей совместной собственности) или соразмерно доле в праве общей собственности при долевой форме собственности на квартиру.

Рассмотрим абстрактный пример. Группа из трех граждан владеет на праве общей совместной собственности трехкомнатной квартирой площадью 60 м². Предположим, что инвентаризационная стоимость такой квартиры составляет 600 тыс. руб. При цене квартиры более 500 тыс. руб. ставка налога органом местного самоуправления может устанавливаться от 0,3 до 2 %. Например, установлена максимальная ставка налога. Следовательно, общая сумма налога на всех участников общей собственности составит 0,2х600 тыс. руб. = 12 тыс. руб. Эта сумма делится на трех налогоплательщиков – участников общей совместной собственности на квартиру. Если один из них является пенсионером, уплачивается налог в размере 8 тыс. руб.

Рассмотрим правовую сущность предлагаемого метода. Участники общей совместной собственности вправе превратить свою общую квартиру в коммунальную, обособив права частной собственности на изолированные помещения. Предположим, что все три жилые комнаты являются изолированными и имеют площади 12, 12 и 16 м².

Если вместо трех участников общей собственности в квартире появятся три собственника разных помещений, сохранивших коридор, кухню, ванную и туалетную комнату в общей долевой собственности, то имущество каждого такого собственника должно оцениваться независимо от имущества другого собственника. Согласно п. 1 ст. 1 Закона РФ «О налогах на имущество физических лиц» налогоплательщиками на имущество физических лиц признаются физические лица – собственники имущества, признаваемого объектом налогообложения. При преобразовании общей квартиры в коммунальную вместо одного коллективного собственника общей квартиры возникают три самостоятельных объекта, три самостоятельных собственника, три самостоятельных налогоплательщика. В данном случае инвентаризационная цена каждого из трех имуществ будет составлять примерно по 600 тыс. руб./3 = 200 тыс. руб. Согласно названному Закону ставка налога на имущество ценой до 300 тыс. руб. должна быть равна 0,01 % от инвентаризационной цены. При этом каждый из собственников разных помещений (членов семьи) должен упла-

чивать налог в сумме около 200 руб. и все вместе – 600 руб.

Нетрудно заметить существенную разницу в суммарном налоговом бремени (600 руб. против 12 тыс. руб.) при использовании метода превращения общей квартиры в коммунальную. Если один из собственников жилья пенсионер, то сумма налогового бремени на семью составит 400 руб. вместо 8 тыс. руб.

Порядок использования данного метода ограничен нормами Жилищного кодекса РФ, в частности ст. 36, 37, 42 и 43. Поэтому для превращения общей квартиры в коммунальную участники общей совместной собственности (после приватизации квартиры) должны вначале заключить и нотариально удостоверить договор о переходе от общей совместной собственности к долевой собственности.

Правила определения доли в праве общей собственности (ст. 37 Жилищного кодекса РФ) носят неопределенный характер, но для трансформации собственности в квартире эта неопределенность не играет существенной роли. Долю каждого участника долевой собственности следует определять пропорционально площади комнат. В рассмотренном примере эти доли будут равны: 12/40 (3/10), 12/60 (3/10) и 16/40 (4/10). После распределения долей другим или этим же договором бывшие участники совместной собственности, но уже в качестве участников общей долевой собственности производят выделение изолированных помещений в единоличную частную собственность, оставляя коридор, кухню и другое межкомнатное общее имущество в указанной долевой собственности.

После нотариального удостоверения такого договора бывшие участники общей собственности на квартиру в установленном порядке обращаются в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав собственности на недвижимость, и получают свидетельства о праве собственности на жилые помещения в коммунальной квартире. Представляя нотариально удостоверенные копии полученных свидетельств в налоговый орган и заявление о перерасчете налога на недвижимое имущество, совладельцы коммунальной квартиры должны получить выигрыш в бремени налога, как было указано выше.

Экономическая сторона выигрыша в налоговом бремени сопровождается усложнением организационно-управленческих, организационно-правовых и социальных проблем.

Участники общей долевой собственности на общее (коммунальное) имущество в коммунальной квартире становятся участниками гражданско-правовых отношений с непосредственным самоуправлением общей собственностью на об-

щее имущество, т. е. участниками самоуправления без образования юридического лица (Жилищно-коммунальное хозяйство: основы теории и критический анализ российского опыта / В. М. Ланцов [и др.]. Казань, 2008). В данном случае на участников общей коммунальной собственности (собственности на общее коммуналь-

ное имущество в коммунальной квартире) формально распространяются правила, установленные гл. 6 Жилищного кодекса РФ. В частности, с учетом действующего законодательства участники общей долевой собственности в коммунальной квартире должны принимать решение большинством голосов (более 50 %).

Библиографический список

1. Ланцов, В. М. Стратегии России / В. М. Ланцов, А. Н. Шаймарданова. – Казань, 2005.
2. Ланцов, В. М. Жилищно-коммунальное хозяйство: основы теории и критический анализ российского опыта / В. М. Ланцов [и др.]. – Казань, 2008.

Bibliographical list

1. Lantsov, V. M. Strategies of Russia / V. M. Lantsov, A. N. Shaymardanova. – Kazan, 2005.
2. Lantsov, V. M. Housing and Communal Services: Basics of Theory and Critical Analysis of Russian Experience / V. M. Lantsov [et al.]. – Kazan, 2008.

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ЗАКЛЮЧЕНИЯ СТОРОНАМИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ
В ПОРЯДКЕ СТ. 317.1–317.3 УПК РФ**

**Features of the Process of Concluding a Pre-trial Agreement on Cooperation by the Parties
in Accordance with art. 317.1–317.3 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation**

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам процесса заключения сторонами досудебного соглашения о сотрудничестве в порядке ст. 317.1–317.3 УПК РФ.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, защитник, следователь, прокурор, ходатайство, досудебное соглашение о сотрудничестве, расследование.

Annotation. The article deals with the challenges of the process of concluding a pre-trial agreement on cooperation by the parties in accordance with art. 317.1–317.3 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

Key words: suspect, accused, victim, defender, investigator, attorney, petition, pre-trial agreement on cooperation, investigation.

С принятием Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 26, ст. 3139) перечень упрощенных уголовно-процессуальных производств пополнился новым видом – производством при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (Головинская И. В. Расширение перечня особых порядков судебного разбирательства в отечественном уголовном процессе: досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2009. № 3(12). С. 56–59). Названный Закон дополнил УПК РФ гл. 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», устанавливающей характер и пределы участия обвиняемого и подозреваемого в раскрытии и расследовании преступлений, а также процедуру рассмотрения уголовного дела в суде. Следует заметить, что содержащиеся в данной главе правовые нормы рассчитаны не только на установление правил, регулирующих процесс принятия судебного решения. Значительная их часть посвящена досудебному производству, кроме того, в них содержатся нормы о порядке обжалования принятых судебных решений, о применении мер безопасности. По нашему мнению, установленные гл. 40.1 УПК РФ уголовно-процессуальные правила охватывают весь процесс производства по уголовному делу, по которому заявлено ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Поэтому мы полагаем логичным и юридически верным отразить это в названии указанной главы, изложив ее в следующей редакции: «Глава 40.1. Порядок производства по уголовному делу при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве весьма специфичен, в связи с этим в процессе заключения сторонами соглашения имеется ряд особенностей, изложенных законодателем в ст. 317.1–317.3 УПК РФ.

Так, ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в письменном виде на имя прокурора подается подписавшим его подозреваемым или обвиняемым, а также защитником через следователя. Закон возлагает на следователя обязанность обеспечить участие защитника, если он не приглашен самим подозреваемым или обвиняемым, его законным представителем или по поручению подозреваемого или обвиняемого другими лицами (Рыжаков А. П. Комментарий к каждому из пунктов Федерального закона от 29 июня 2009 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Период подачи ходатайства ограничен определенными законом рамками: с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия.

Обязательной составной частью ходатайства является указание подозреваемым или обвиняемым конкретных действий, которые он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

Обязанности следователя состоят в следующем: принять ходатайство, рассмотреть его, согласовать с руководителем следственного органа, в случае согласия последнего – составить мотивированное постановление о возбуждении перед

прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, в течение трех суток с момента поступления ходатайства направить его и постановление следователя прокурору; в случае отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого или обвиняемого – вынести постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, вручить его подозреваемому или обвиняемому, разъяснив право обжалования постановления руководителю следственного органа.

Исходя из смысла ст. 317.1 УПК РФ, лицо может подать ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве только с момента обретения статуса подозреваемого (при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, совершившего преступление; если лицо задержано в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ; если в отношении лица избрана мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ; если лицо уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ) или статуса обвиняемого (если вынесено постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого). Следует заметить, что изменения в УПК РФ, связанные с принятием Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ не коснулись уточнения прав подозреваемого и обвиняемого. По нашему мнению, такое значимое действие, как подача ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, должно найти отражение в ст. 46 и 47 УПК РФ. Для этого необходимо п. 5 ч. 4 ст. 46 и п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК РФ изложить в следующей редакции: «заявлять ходатайства, в том числе и о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, и отводы».

Буквальное толкование ст. 317.1 УПК РФ и ряда других статей гл. 40.1 УПК РФ позволяет сделать вывод об обязательном участии защитника в уголовном процессе с момента подачи (или выражения желания о подаче) ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако такая обязанность не нашла отражения в ст. 51 УПК РФ. В связи с этим, по нашему мнению, ч. 1 ст. 51 УПК РФ целесообразно дополнить пунктом 8 следующего содержания: «8) подозреваемый или обвиняемый заявил ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и рассмотрении уголовного дела в порядке, установленном главой 40.1 настоящего Кодекса».

Говоря о лицах, участвующих в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, необходимо обратить внимание на то, что в их числе не назван потерпевший. Его мнение не учитывается ни на досудебной стадии производства по делу, ни в стадии судебного его рассмотрения.

Между тем в соответствии с ч. 3 ст. 123 Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, и согласно ст. 15 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон, стороны обвинения и защиты равны перед судом. Кроме того, следует учитывать, что назначение уголовного судопроизводства в силу ч. 1 ст. 6 УПК РФ состоит в первую очередь в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Это положение вытекает из приоритета прав человека над интересами государства, провозглашенного Конституцией РФ в ст. 1, 2, 17 и 18.

Очевидно, что неучет мнения потерпевшего относительно заявленного ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве создает благоприятные условия для лиц, совершивших преступления, является нарушением уголовно-процессуальных принципов, конституционных прав граждан. Следует заметить, что, в отличие от гл. 40.1 УПК РФ, гл. 40 УПК РФ рассмотрение уголовного дела в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением ставит в зависимость от согласия потерпевшего с таким порядком судопроизводства по уголовному делу. По мнению В. И. Илюхина, «по-видимому, авторы законопроекта осознают, что, например, никогда не будет согласия на сотрудничество с бандитами и снисхождение к ним от родителей убитых ими детей. Да и не только в этом случае. А чрезмерное снисхождение, проявленное к садистам, отпетым негодяям, спасающим свою шкуру через признание своей вины и «сделку с правосудием», будет циничным надругательством над потерпевшими, оскорблением их чувств, забвением справедливости» (URL: <http://kommentarii.ru/theme.php?f=&t=488>).

А. В. Смирнов дал развернутое обоснование своей точки зрения о том, что условием заключения соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым должно быть согласие потерпевших от преступления (Смирнов А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). Мы разделяем данное мнение. Вместе с тем обратимся к реалиям жизни. Рассматриваемый институт весьма специфичен, имеет особое предназначение. Как отмечалось ранее, его цель состоит не только в сокращении и ускорении производства по уголовному делу, но и в борьбе с организованной преступностью. Вероятно, принимая во внимание изложенное, невозможно учесть в равной мере интересы всех участвующих в деле лиц, в том числе потерпевших. В таком случае пришлось бы просто отказаться

от такого института, как досудебное соглашение о сотрудничестве. Можно себе представить тот ничтожно малый процент потерпевших, которые дадут свое согласие на такое значительное снижение наказания виновному либо полное освобождение от его отбывания, в то время как из-за совершенного преступления они потеряли своих родных или близких. Однако зарубежная практика подтверждает, что, несмотря на значительное ущемление прав потерпевшей стороны, аналоги рассматриваемого института давно и эффективно применяются в различных странах мира. По-видимому, на данном этапе развития общества ради достижения такой цели, как снижение уровня преступности, в особенности организованной, обеспечения безопасности общества, приходится жертвовать частью прав и интересов потерпевших. Вместе с тем, по нашему мнению, не оправданно и вряд ли приемлемо положение ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ о возможном освобождении подсудимого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, от отбывания наказания. Более того, такое правило наряду с отсутствием требования о необходимости получения согласия потерпевшего на применение данного вида упрощенного производства является глумлением над потерпевшим. Поэтому считаем необходимым в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве лицом, признавшим себя виновным в совершении преступления, при наличии об этом соответствующих доказательств у следствия назначать в соответствии с законом наказание, не допуская при этом освобождения виновного лица от отбывания наказания. С нашей точки зрения, такое положение будет согласовываться с требованиями правовой соразмерности и справедливости по отношению к подсудимому и станет неким компромиссом в учете интересов потерпевшего при реализации назначения уголовного судопроизводства.

Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ не ограничивает действия уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм той или иной категорией преступлений, их тяжестью или групповым характером совершения (Зуев С. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Рос. юстиция. 2009. № 8). Следовательно, заключение досудебного соглашения возможно при подозрении или обвинении лица в совершении преступления любой категории. Кроме того, исходя из смысла ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ, ходатайство подается подозреваемым или обвиняемым на досудебной стадии. Такая стадия, как известно, предполагает проведение предварительного расследования, которое согласно ч. 1 ст. 150 УПК РФ проводится в форме следствия или в форме дознания. Логично пред-

положить, что, поскольку по уголовному делу о преступлении, обвиняемый или подозреваемый в совершении которого ходатайствует о заключении досудебного соглашения, может проводиться дознание, то в числе лиц, правомочных принять ходатайство подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения, наряду со следователем должен быть указан и дознаватель, начальник подразделения или органа дознания. Можно предположить, что отсутствие названных субъектов в тексте закона является технической ошибкой законодателя, как на это указывает С. В. Зуев (Зуев С. В. Указ. соч.). Однако, исходя из текстового содержания ст. 317.4 УПК РФ «Проведение предварительного следствия в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве», можно судить о том, что законодатель и не предполагал распространения исследуемого нами института на уголовные дела о совершении преступлений, которые расследуются в форме дознания. И если это действительно так, то в ст. 317.1 УПК РФ следовало бы указать на соответствующие ограничения. Кроме того, положения ст. 317.8 УПК РФ предусматривают обжалование приговора в порядке апелляции, кассации и надзора. Как известно, в апелляционную инстанцию поступают уголовные дела, рассмотренные по первой инстанции мировыми судьями, в большинстве своем являющиеся уголовными делами о преступлениях небольшой и средней тяжести, досудебное производство по которым, за исключением дел частного обвинения, осуществлялось в форме дознания.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо внести соответствующие изменения или дополнения в УПК РФ, устраняющие противоречия и четко определяющие: 1) в случае совершения преступлений каких категорий может быть применен институт досудебного соглашения о сотрудничестве; 2) охватывает ли данный институт досудебное производство, расследование в пределах которого проводится в форме дознания.

Кроме того, правила о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления любой категории, как представляется, нельзя признать справедливыми. По мнению заместителя Председателя Правительства РФ А. Д. Жукова, «наказание и иные меры уголовно-правового характера должны быть справедливыми и соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» (URL: <http://kommentarii.ru/theme.php?f=&t=488>). В свою очередь, Председатель Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации А. И. Бастрыкин отмечает следующее: «нельзя распространять возможность заключе-

ния подобных соглашений на все категории преступлений. Человек, совершивший тяжкое преступление, не должен полностью уходить от ответственности. Ситуация очевидна: преступник уже пойман, и ему предлагается только сотрудничать. В подобных «сделках» не должно быть прощения преступления, существует лишь определенная уступка лицу, его совершившему, но никак не отступление от закона» (URL: www.sledcomproc.ru/interview/4520/).

По результатам рассмотрения ходатайства подозреваемого или обвиняемого, поступившего с постановлением следователя, прокурор вправе принять постановление об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве либо постановление об отказе в его удовлетворении. Последнее из названных решений может быть обжаловано следователем, подозреваемым или обвиняемым, его защитником вышестоящему прокурору.

Роль прокурора чрезвычайно важна в разрешении ходатайства подозреваемого или обвиняемого. Однако эти полномочия прокурора отражены в общем виде только в ст. 21 УПК РФ, предусматривающей обязанность осуществления уголовного преследования. По нашему мнению, данные полномочия должны найти отражение в ст. 37 УПК РФ, ч. 2 которой регламентирует полномочия прокурора в ходе досудебного производства по уголовному делу. В связи с этим предлагаем ч. 2 ст. 37 УПК РФ дополнить п. 17 следующего содержания: «17) разрешать ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, составлять указанное соглашение, при соблюдении обвиняемым условий досудебного соглашения о сотрудничестве выносить постановления о проведении судебного заседания и вынесении судебного решения по уголовному делу в порядке, установленном главой 40.1 настоящего Кодекса».

Подозреваемый или обвиняемый может получить отказ в удовлетворении поданного ходатайства о заключении досудебного соглашения после его рассмотрения в двух случаях: 1) от следователя (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ); 2) от прокурора (п. 2 ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ).

Как следует из содержания ч. 3 ст. 317.1 и п. 2 ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ, конкретные основания отказа следователя или прокурора в удовлетворении ходатайства подозреваемого или обвиняемого отсутствуют. Такое положение создает условия для субъективного усмотрения следователя, прокурора относительно возможности заключения досудебного соглашения подозреваемым или обвиняемым. Следовательно, установленное законом право названных лиц о рассмотрении их уголовного дела в особом порядке может быть нарушено.

Анализ статей гл. 40.1 УПК РФ позволил выделить два блока таких оснований, которые мог-

ли бы повлечь отказ следователя или прокурора в удовлетворении заявленного подозреваемым или обвиняемым ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве:

1) ходатайство подано без подписи защитника;

2) сведения, которые обязуется предоставить следствию подозреваемый или обвиняемый, либо уже известны следствию, либо касаются исключительно деяния, совершенного самим подозреваемым или обвиняемым, либо являются заведомо ложными.

Причем первое из названных оснований легко устранимо, поскольку согласно п. 3 ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Рос. газ. 2002. 5 июня) защитник не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя.

По нашему мнению, в целях устранения пробела в законодательстве целесообразно ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ, а также п. 2 ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ дополнить следующими словами: «в случае отсутствия подписи защитника на ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве или если сведения, которые обязуется предоставить органу предварительного следствия подозреваемый или обвиняемый либо уже известны следствию, либо касаются исключительно деяния, совершенного самим подозреваемым или обвиняемым, либо являются заведомо ложными».

Часть 4 ст. 317.1 и ч. 2 ст. 317.2 УПК РФ содержат нормы, позволяющие обжаловать решения должностных лиц. Однако заметим, что подозреваемый, обвиняемый, защитник вправе обжаловать отказ следователя не только руководителю следственного органа, как на это указано в ч. 4 ст. 317.1 УПК РФ, но и в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. Это согласуется как с правилами ст. 125 УПК РФ, так и с положениями постановления Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 14, ст. 1749), где сказано, что право на судебное обжалование не может быть ограничено. Аналогичная ситуация усматривается и в регламентации ч. 2 ст. 317.2 УПК РФ по поводу обжалования постановления прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, текстовое содержание которой, по сути, ограничивает право лица обратиться за судебной защитой.

В связи с этим полагаем, что ч. 4 ст. 317.1 УПК РФ необходимо скорректировать посредством внесения следующих изменений: слова «руководителем следственного органа» исключить, заменив их словами «в порядке, предусмотренном главой 16 настоящего Кодекса»; ч. 2 ст. 317.2 УПК РФ дополнить словами: «в суд, в порядке, предусмотренном главой 16 настоящего Кодекса».

Следующим этапом установленного порядка судопроизводства является непосредственное составление досудебного соглашения о сотрудничестве. Данное соглашение подписывается прокурором, подозреваемым или обвиняемым и его защитником. В процедуре заключения соглашения принимает участие и следователь.

Обязательными данными в досудебном соглашении о сотрудничестве в силу ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ должны быть: 1) дата и место его составления; 2) должностное лицо органа прокуратуры, заключающее соглашение со стороны обвинения; 3) фамилия, имя и отчество подозреваемого или обвиняемого, заключающего соглашение со стороны защиты, дата и место его рождения; 4) описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ; 5) пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление; 6) действия, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить при выполнении им обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве; 7) смягчающие обстоятельства и нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого при соблюдении последним условий и выполнении обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве.

Первое, что обращает на себя внимание в данном перечне, это пп. 4 и 5. Неясным остается вопрос о том, как без признания своей вины подозреваемым или обвиняемым или их согласия с предъявленным обвинением можно в соглашении описать преступление с указанием времени, места его совершения и других обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также пункт, часть, статью УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление. Представляется, что для составления такого досудебного соглашения о сотрудничестве необходимым условием должно быть получение либо признания вины, либо согласия с предъявленным обвинением, как это предусмотрено гл. 40 УПК РФ (Александров А. С. Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Государство и право. 2003. № 12. С. 48–49; Андросенко Н. Признание вины в совершении преступления как условие принятия процессуальных решений по УПК РФ // Рос. следователь. 2007. № 23; Петру-

хин И. Роль признания обвиняемого в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2003. № 2. С. 24–26). Указанные обстоятельства приводят к мысли о том, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве должен применяться исключительно в отношении лиц, обладающих уголовно-процессуальным статусом обвиняемого. До получения признания вины или согласия с обвинением немисливо говорить о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, поскольку получается, что лицо вполне может быть и невиновно, его всего лишь подозревают в совершении преступления. Лицо может принять решение о применении упрощенного порядка судопроизводства под страхом улик, которыми якобы располагает следствие. Таким образом, подозреваемый заранее соглашается со всем тем, что сторона обвинения предъявит ему в качестве окончательного обвинения в процессе дальнейшего обвинения по делу, тем самым нарушаются общепризнанные принципы международного права, закрепленные в ч. 2 (презумпция невиновности) и в подп. «а» ч. 3 (право обвиняемого быть незамедлительно и подробно уведомленным о характере и основании предъявленного ему обвинения) ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (По проекту Федерального закона № 485937-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (первое чтение) : заключение Правового упр. Аппарата Гос. Думы Федер. Собр. от 08.02.2008 № 2.2-1/429. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Кроме того, можно предположить, что лицо ходатайствует о применении особого порядка производства по делу, но не согласно с предъявленным обвинением или не признает себя виновным, но такое его поведение неизбежно должно повлечь судебное следствие в полном объеме в целях доказывания или опровержения предъявленного обвинения. Еще раз отметим, что в соответствии с гл. 40 УПК РФ особый порядок судопроизводства применяется только в отношении обвиняемого (подсудимого).

По нашему мнению, поскольку законодатель определил, что судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводятся в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ, то логичным в самом соглашении выглядело бы согласие подсудимого на рассмотрение дела в таком порядке по аналогии с нормами гл. 40 УПК РФ, определяющими применение особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

В связи с этим полагаем, что ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ необходимо дополнить пунктом 8 следующего

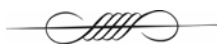
содержания: «8) ходатайство подозреваемого или обвиняемого о проведении судебного заседания и постановлении приговора в порядке, установленном статьей 316 настоящего Кодекса».

Оговоримся, что наши предложения содержат слово «подозреваемый» в должных падежах исходя из текста соответствующих статей гл. 40.1 УПК РФ, однако, несмотря на это, считаем, что особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должен распространяться исключительно на лиц, в силу ч. 1 ст. 47 УПК РФ обладающих уголовно-процессуальным статусом обвиняемых.

Второе противоречие обусловлено включением в досудебное соглашение о сотрудничестве смягчающих обстоятельств и норм уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого при соблюдении последних условий и выполнении обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве (п. 7 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ). На момент заключения соглашения о сотрудничестве неизвестно и не может быть известно, к каким выводам придет суд по результатам исследования в судебном заседании характера и пределов содействия следствию со стороны подсудимого, как оценит суд значение сотрудничества со стороны подсудимого и другие обстоятельства, перечисленные в ч. 4 ст. 317.6 УПК

РФ. Следовательно, в заключаемом соглашении о сотрудничестве не могут предполагаться смягчающие наказание обстоятельства, которые будут установлены и учтены судом, а также нормы уголовного законодательства, которые будут подлежать применению при постановлении судом приговора (По проекту Федерального закона № 485937-4...). Более того, перечисленные в ст. 61 УК РФ смягчающие обстоятельства (а также другие смягчающие обстоятельства, поскольку их перечень в силу ч. 2 ст. 61 УК РФ не является исчерпывающим) подлежат непосредственному учету правоприменителем и не зависят ни от каких условий, в том числе от условий соблюдения обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве. Кроме того, сам факт заключения соглашения о сотрудничестве во взаимосвязи с подтверждением прокурора о выполнении указанных в нем обязательств является основанием назначения наказания подсудимому в соответствии с ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ. Таким образом, п. 7 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ представляется избыточным и подлежащим исключению.

В заключение еще раз подчеркнем, что рассмотренные в настоящей статье проблемы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве свидетельствуют о необходимости серьезной доработки данного института на законодательном уровне.

Библиографический список

1. Зуев, С. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / С. В. Зуев // Рос. юстиция. – 2009. – № 8.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М., 2009.
3. Рыжаков, А. П. Комментарий к каждому из пунктов Федерального закона от 29 июня 2009 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» / А. П. Рыжаков. – Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Смирнов, А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / А. В. Смирнов. – Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон : [от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 26, ст. 3139.

Bibliographical list

1. Zuev, S. V. Special Arrangements for a Judicial Decision When Concluding Pre-trial Agreements on Cooperation / S. V. Zuev // Rossiyskaya Justitiya. – 2009. – № 8.
2. Commentary to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (Itemized) / Under the General Editorship of A. V. Smirnov. – 5nd ed. rev. and suppl. – M., 2009.
3. Ryzhakov, A. P. Comments on Each Item of the Federal Law № 141 of 29 June 2009 «On Amendments to the Criminal Code and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation» / A. P. Ryzhakov. – Material prepared for the information and legal service network «ConsultantPlus».
4. Smirnov, A. V. Special Arrangements for a Judicial Decision When Concluding Pre-trial Agreements on Cooperation / A. V. Smirnov. – Material prepared for the information and legal service network «ConsultantPlus».
5. On Amendments to the Criminal Code and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation : Federal Law : [№ 141 of 29 June 2009] // The Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2009. – № 26, it. 3139.

В. Б. Голубев,
заведующий кафедрой философии и политологии
Марийского государственного университета
кандидат философских наук
Т. М. Секретарева,
соискатель кафедры философии и политологии
Марийского государственного университета

V. B. Golubev,
Head of the Department of Philosophy
and Political Science of Mari State University
Candidate of Philosophy
T. M. Secretareva,
applicant of the Department of Philosophy
and Political Science of Mari State University

**ПРАВО ЧЕЛОВЕКА, ПОСТРАДАВШЕГО ОТ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ НЕВМЕНЯЕМЫХ ЛИЦ,
НАЗЫВАТЬСЯ ПОТЕРПЕВШИМ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

**The Right of People Who Have Suffered from Socially Dangerous Acts Committed by the Insane
to Be Recognized as Victims: Raising the Problem**

Аннотация. Авторами исследуется актуальная проблема признания человека, пострадавшего от общественно опасных деяний невменяемых лиц, потерпевшим. Данная проблема носит как правовой, так и социально-политический характер. Речь идет о нарушении личных, гражданских, социальных прав человека. Авторы вносят свои предложения о дополнении некоторых положений УПК РФ.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, потерпевший, общественно опасное деяние, невменяемое лицо, права потерпевших.

Annotation. In the article the authors consider the modern problem of recognizing as victims those people who have suffered from socially dangerous acts committed by the insane. This problem has not only legal, but also social and political aspects. The authors of the article introduce violation of personal, civil and social rights of people. The supplement to some norms of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation is proposed by the authors.

Key words: human rights and freedoms, victim, socially dangerous act, person who is in the state of non-imputability, rights of victims.

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ. Важными наравне с другими являются: право на судебную защиту, регламентированное ст. 46 Конституции РФ; право потерпевших на защиту от преступлений и злоупотреблений властью; право потерпевших на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ).

Существенным правом, непосредственно связанным с вышеперечисленными, на наш взгляд, выступает право человека быть признанным потерпевшим в установленном законом порядке, право относиться к числу потерпевших при причинении ему какого-либо вреда. Признание прав и свобод человека и гражданина, равно как их соблюдение и защита, — это обязанность государства. Особенное значение имеет право быть признанным в качестве потерпевшего, если вред человеку причиняется в результате совершения общественно опасного посягательства, запрещенного УК РФ. Данное право требует законодательного регулирования.

Согласно определению понятия «потерпевший», закрепленному в ст. 42 УПК РФ, им является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

В эту трактовку понятия «потерпевший» лица, пострадавшие от общественно опасных дея-

ний невменяемых лиц, не включены. Здесь законодатель не расширяет круг субъектов, которым незаконными деяниями причиняется какой-либо вред, не дает им право быть признанными потерпевшими и употребляет понятие «преступление», а не абстрактное, обобщенное понятие «общественно опасное деяние».

Однако существует много проявлений противозаконных действий, незаконного бездействия. К ним относятся общественно опасные деяния невменяемых, не относящиеся в соответствии с действующим законодательством к преступлениям, но носящие преступный характер, за совершение которых к невменяемым лицам применяется не наказание, а принудительные меры медицинского характера. При характеристике граждан, которым вред причиняется в результате совершения общественно опасного деяния невменяемого, возникает ряд вопросов: могут ли считаться, исходя из смысла ст. 42 УПК РФ, потерпевшими граждане по уголовным делам в отношении невменяемых, совершивших общественно опасные деяния? Осуществляет ли современное уголовно-процессуальное законодательство необходимую защиту этих граждан? Не противоречит ли данная норма положениям Конституции РФ, которая берет под защиту всех пострадавших от любых незаконных деяний?

Лиц, пострадавших от общественно опасного деяния невменяемого, нельзя назвать и гражданскими истцами, поскольку согласно дефиниции, закрепленной в УПК РФ, вред гражданскому истцу также причиняется лишь непосредственно преступлением.

Общепринятого мнения относительно возможности появления потерпевших от общественно опасных деяний невменяемых у исследователей не сложилось. Так, по утверждению Д. Б. Булгакова, потерпевшим считается лицо, которому вред причинен не преступлением, а общественно опасным деянием (Булгаков Д. Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика. Ставрополь, 2000. С. 39–40).

А. В. Наумов полагает, что совершение преступления является далеко не единственным юридическим фактом, влекущим возникновение охранительного уголовно-правового отношения, ибо для применения принудительных мер медицинского характера требуется факт совершения общественно опасного деяния (Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996. С. 252).

Рассматривая круг уголовно-правовых деяний, влекущих появление потерпевшего, А. В. Сумачев отмечает, что нарушение прав лица возможно не только в результате противоправного деяния, но и вследствие социально положительного, дозволенного уголовным законом поведения, а факт причинения уголовно значимого вреда интересам человека предполагает безусловное следствие – появление пострадавшего в уголовном праве (Сумачев А. В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1997. С. 13–14).

Уголовно-процессуальное определение потерпевшего, по мнению Л. В. Брусницына, должно содержать указание на то, что вред лицу может быть причинен «преступлением либо запрещенным Уголовным кодексом РФ деянием» (Брусницын Л. В. Проблемы защиты жертв преступлений в свете действующего и проектируемого законодательства // Рос. следователь. 2000. № 6. С. 9).

Вместе с тем существуют и противоположные точки зрения. По мнению С. В. Анощенковой, потерпевший появляется там, где нарушитель действует виновно. Его виновность определяет юридические последствия – уголовную ответственность. На этом основании он приобретает определенные права, которые реализуются именно в рамках уголовных правоотношений ответственности. Пострадавший от деяния лиц, не относящихся к субъектам уголовной ответственности, не обладает теми правами и обязанностями, какими наделяется потерпевший: он не имеет права требовать привлечения причинителя вреда к уголовной ответственности, примириться с ним. С точки зрения уголовного права, по мнению этого автора, лицо, в отношении которого совершено не преступление, а иное деяние, предусмотренное уголовным законом, не может рассматриваться потерпевшим (Анощенкова С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем. До-

кумент опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»).

П. С. Дагель, в свою очередь, полагает, что говорить о потерпевшем при причинении смерти невменяемым лицом в результате акта необходимой обороны или ситуации субъективного случая (казуса) можно лишь условно (Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления : темат. сб. Владивосток, 1974. С. 20).

В то же время отметим, что на законодательном уровне в некоторых государствах лица, которым личные, имущественные потери были причинены в результате общественно опасного деяния, совершенного невменяемым лицом, признаны потерпевшими. Так, в соответствии со ст. 54 УПК Республики Узбекистан «при наличии доказательств, дающих основание полагать, что преступлением, а равно общественно опасным деянием невменяемого причинен моральный, физический или имущественный вред лицу, оно признается потерпевшим» (Воронин В. Производство по делам частного обвинения в государствах содружества // Рос. юстиция. 2002. № 1).

Согласно ч. 1 ст. 49 УПК Республики Беларусь потерпевшим признается физическое лицо, которому предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием причинен физический, имущественный или моральный вред и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим (Мытник П. В. Поддержание потерпевшим обвинения: право или обязанность // Медицин. право. 2006. № 1).

Уголовно-правовое понимание потерпевшего в российском законодательстве связано с совершением в отношении его только преступления. Поскольку в соответствии с действующим законодательством потерпевшее лицо появляется в результате совершения преступления, а преступление – это виновное деяние, то категория «потерпевший» в уголовном праве не применима к лицам, в отношении которых было осуществлено общественно опасное деяние невменяемого лица из-за отсутствия вины в его действиях вследствие невозможности осознания им общественной опасности своих действий (бездействия) либо невозможности руководить ими в силу имеющегося психического расстройства.

На наш взгляд, исходя из общего, не юридического, смысла слова «потерпевшие», к ним нельзя не отнести лиц, пострадавших от противоправных посягательств невменяемых. Совершенно очевидно, что они также претерпевают лишения, становятся жертвами и испытывают на себе негативные последствия от противоправных действий невменяемых, им также причиняется ущерб, который необходимо возмещать, как и

тем субъектам, кому вред причиняется в результате преступлений.

Кроме того, по определению Верховного Суда РФ, лица, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, так же, как подозреваемый и обвиняемый по уголовному делу, по существу, участвуют в совершении деяния, запрещенного уголовным законом (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 25 дек. 2007 г. № 18-О07-57 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2008. № 8. С. 16). Посягательство, совершенное психически больным, нарушает права и представляет опасность для любого человека во всех отношениях. Совершенно прав В. А. Пимонов, утверждающий, что потерпевшему «нет никакого дела до мотива, целей и вины посягающего. Его интерес заключается в том, чтобы государство защитило его от агрессивно-насильственного воздействия» (Пимонов В. А. Теоретические и прикладные проблемы борьбы с общественно-опасными посягательствами средствами уголовного права. М., 2007. С. 14).

Следует отметить, что в соответствии со ст. 7 УК РФ уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека. Законодатель, таким образом, соблюдая положения Конституции РФ, взял под защиту всех лиц, в том числе ставших потерпевшими от общественно опасных деяний невменяемых.

Далее, в ст. 2 УК РФ говорится, что «задачами Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений».

Мы видим, что в уголовном законе употреблено понятие «преступное посягательство», т. е. какое-либо посягательство, носящее преступный характер, а не преступление. Это понятие имеет более широкое значение, и поэтому, по всей видимости, в него законом включены и общественно опасные деяния невменяемых, и законодатель отнес лиц, которым был причинен вред такими деяниями, к числу потерпевших, наделив их всеми признаками, правами, а также обязанностями последних.

В дополнение к вышесказанному необходимо добавить следующее. УПК РФ в гл. 51 «Производство о применении принудительных мер медицинского характера» пусть косвенно, но все же называет таких лиц потерпевшими, поскольку в ст. 444 указано, что постановление суда о применении принудительной меры медицинского характера (независимо к вменяемому или невменяемому она применялась) может быть обжаловано в кассационном порядке потерпевшим и его представителем.

На практике такие граждане признаются истцами, потерпевшими по уголовному делу, и в отношении их выносятся постановления (определения) о признании данных лиц гражданскими истцами, а в постановлениях следователей о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера они именуются потерпевшими.

Мы считаем, что понятие «потерпевший», установленное в УПК РФ, должно иметь более расширительный характер, поскольку закрепление этого понятия в той трактовке, в какой оно содержится в настоящее время в УПК РФ, влечет нарушение положений Конституции РФ и неоправданное ущемление гражданских, социальных и иных прав человека, который пострадал от общественно опасного деяния лица, находившегося при его совершении в состоянии невменяемости, но не может быть признан потерпевшим и требовать возмещения причиненного незаконным деянием вреда как пострадавшее лицо. В связи с этим в качестве потерпевших обязательно должны быть названы пострадавшие, которым вред был причинен общественно опасными деяниями лиц, совершивших их в состоянии невменяемости.

Как указано в ч. 1 ст. 11 УПК РФ, содержащей положения об охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Какие же права разъяснять и как обеспечивать возможность их осуществления, если в законе не закреплены не только они, но и процессуальный статус лица, в отношении которого было направлено незаконное деяние невменяемого?

При этом Конституционный Суд РФ в своем постановлении отмечает: гарантируемые Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина должны обеспечиваться лицу в уголовном судопроизводстве независимо от формального признания его участником производства по уголовному делу, исходя из наличия определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права (Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 марта 1999 г. № 5-П // Рос. газ. 1999. 15 апр.).

Мы считаем, что не должно быть коллизии между правами и свободами потерпевших и лиц, совершивших общественно опасные деяния, права и свободы которых закреплены и могут осуществляться ими самими либо их законными представителями, нельзя делать уклон в одну

сторону и забывать о потерпевших от общественно опасных деяний невменяемых, равно как и преступлений, об их праве на реституцию.

В этой связи нужно принять точку зрения А. И. Бойко, который считает, что «стремительная экспансия импортированной идеологии, защищающей права и свободы человека и гражданина, а равно усиление гуманистических настроений в обществе сказываются в настоящее время во всех сферах государственного управления, в том числе в законодательстве и правоохранительной деятельности. В результате за последнее десятилетие правовой статус преступника был существенно облагорожен, смягчены технологии уголовного преследования. А законопослушный потерпевший, чьи блага и права по-прежнему нарушаются и остаются невозмещенными, новых полномочий или преимуществ от государства не получил и потому медленно перемещается на периферию уголовного правосудия.

В советскую эпоху невнимание государства к интересам и запросам пострадавшего от посягательства лица воспринималось более терпимо, ибо «уравновешивалось» жестким подходом к виновному. За годы реформ законодательная и правоприменительная забота о преступнике выросла во сто крат, пострадавшая же сторона особой заботы о своей персоне не ощущает» (Бойко А. И. Потерпевший от преступления // Законодательство. 2003. № 11. С. 59).

Мы солидарны со следующим мнением А. И. Бойко: множась примеры процессуальной активности жертв убедительно свидетельствуют о том, что правовой статус потерпевшего от преступления, общественно опасного деяния невменяемого и его закрепление в российском законодательстве имеют существенные недостатки и становятся значимой социальной проблемой.

Подобное положение с нарушением прав пострадавших характерно не только для Российской Федерации. Так, согласно данным международных докладов и документов, несмотря на недовольство большинства потерпевших от преступлений отношением к ним со стороны полиции и судов, забота о жертвах все еще не получила реального воплощения в практике большинства государств (Global Report on Crime and Justice / Graeme R. Neuman (ed.). New York ; Oxford, 1999).

Важно отметить, что пострадавшие от общественно опасных деяний невменяемых должны быть признаны потерпевшими, обладать правами потерпевшего лица; им обязательно должно быть обеспечено возмещение имущественного, морального вреда, расходов, понесенных в связи с их участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя. По уголовным делам об общественно опасных деяниях, совершенных невменяемыми, последствием которых

явилась смерть лица, права потерпевшего должны перейти к одному из его близких родственников. Судебная практика однозначно идет по такому пути. Например, согласно материалам уголовного дела №1-34/2009 в отношении Т., совершившего общественно опасное деяние, из возникших личных неприязненных отношений в ходе ссоры у себя дома нанес побои своей жене. В ходе производства предварительного расследования пострадавшая скончалась, поэтому потерпевшей по уголовному делу была признана их дочь П. (Архив Куженер. район. суда Респ. Марий Эл).

Разумеется, участие в уголовном деле, связанном с назначением принудительных мер медицинского характера, законного представителя и представителя потерпевших от деяния невменяемого не должно лишать потерпевших возможности пользоваться правами, установленными уголовно-процессуальным законодательством. Лица, пострадавшие от общественно опасных деяний невменяемых наравне с потерпевшими от преступлений вправе: знать, совершение какого общественно опасного деяния инкриминируется невменяемому, давать показания, отказываться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, а при согласии дать показания они должны быть предупреждены о том, что их показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае последующего отказа от этих показаний.

Они должны иметь возможность предоставлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, давать показания на родном языке или языке, которым они владеют, иметь представителя, участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя, знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с их участием, и подавать на них замечания.

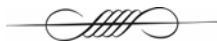
Кроме того, данным лицам необходимо также предоставить право участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй и надзорной инстанций, выступать в судебных прениях, поддерживать обвинение, знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания, знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, осуществлять иные полномочия.

Положение о признании пострадавших от общественно опасных деяний невменяемых потерпевшими, на наш взгляд, также следует отнести и к юридическому лицу, если в результате совершения невменяемым преступного посягательства был причинен вред его имуществу и деловой репутации. В случае признания такого

юридического лица потерпевшим его права будет осуществлять его представитель.

В связи с вышеизложенным мы предлагаем дополнить ст. 42 УПК РФ ч. 11 следующего содержания: «физические, юридические лица, пострадавшие от преступлений или общественно опасных деяний лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудитель-

ных мер медицинского характера, признаются потерпевшими, обладают всеми правами и несут обязанности, предусмотренные настоящей статьей». В случае непринятия данного дополнения все останется по-прежнему: конституционные права граждан Российской Федерации будут нарушаться в отношении пострадавших от общественно опасных деяний невменяемых лиц.

Библиографический список

1. *Бойко, А. И.* Потерпевший от преступления / А. И. Бойко // Законодательство. – 2003. – № 11.
2. *Пимонов, В. А.* Теоретические и прикладные проблемы борьбы с общественно опасными посягательствами средствами уголовного права / В. А. Пимонов. – М., 2007.
3. *Сумачев, А. В.* Пострадавший как субъект уголовного правоотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Сумачев А. В. – Рязань, 1997.

Bibliographical list

1. *Boiko, A. I.* The Crime Victim / A. I. Boiko // *Zakonodatelstvo*. – 2003. – № 11.
2. *Pimonov, V. A.* Theoretical and Practical Problems of Fight Against Socially Dangerous Acts with the Help of Criminal Law / V. A. Pimonov. – M., 2007.
3. *Sumachev, A. V.* The Victim as a Subject of Criminal Legal Relations / Sumachev A. V. – Riazan, 1997.

МЕХАНИЗМ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОБОСНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ

The Mechanism of Individual and Legal Regulation: Problems of the Concept

Аннотация. Автором дается общая характеристика механизма индивидуального правового регулирования общественных отношений. Это разрешение конкретных ситуаций, требующих правового регулирования, на основе норм права. Посредством индивидуального регулирования обеспечивается учет конкретных жизненных обстоятельств, учет своеобразия каждой юридической ситуации. *Ключевые слова:* причины, условия, факторы, конкретные жизненные обстоятельства.

Annotation. The author gives a general characteristic of the mechanism of individual and legal regulation of public relations. It means settling concrete situations that demand legal regulation on the basis of law norms. With the help of individual regulation concrete circumstances of life and the peculiarities of each legal situation are considered and taken into account.

Key words: reasons, conditions, factors, concrete circumstances of life.

Проблематика правового регулирования по-прежнему остается одной из сложнейших в отечественной теории права, поскольку именно в правовом регулировании заключается основное социальное назначение права. «Сегодня, – отмечает Т. Н. Радько, – отсутствует всесторонний комплексный анализ такого важного базового понятия, как “правовое регулирование”» (Радько Т. Н. Теория государства и права : учеб. для вузов. М., 2004. С. 342).

В связи с этим важно рассмотреть дефиницию «правовое регулирование», а также изучить его функции и структуру. Правильное решение наиболее важных методологических вопросов правового регулирования позволит в конечном итоге повысить качество российского законодательства и правоприменительной практики.

В любом современном обществе право выступает главным и универсальным государственным регулятором общественных отношений. Опираясь на право, действуя в соответствии с правом и не противореча ему, достигается социально желаемая организация общества. Правовое регулирование необходимо для нормативного гарантирования свободы индивида.

В самом общем плане правовое регулирование можно определить как целенаправленное и результативное воздействие на социальные отношения и поведение людей с помощью особого механизма – механизма правового регулирования (Никиташина Н. А. Правовые презумпции и фикции в механизме правового регулирования. М., 2005. С. 69).

В процессе правового регулирования можно выделить ряд стадий, или этапов. Первый из них – регламентация общественных отношений, т. е. установление, создание юридической нормы. Установление юридической нормы выступает необходимым и вместе с тем определяющим компонентом правового регулирования, так как на данном этапе закладываются основы правового регулирования, определяются его важнейшие свойства.

Установление юридической нормы при всей важности данной стадии не является исчерпывающим моментом или собственно регулированием общественных отношений, поскольку создание модели поведения (нормы) само по себе не влечет того состояния общественных отношений, которое предусмотрено нормой.

Вторым этапом (стадией) правового регулирования следует считать возникновение субъективных прав и юридических обязанностей у участников общественных отношений. Иными словами, норма права воплощается в реальном поведении людей, порождая тем самым правоотношения. Однако в рамках данной стадии неотъемлемым компонентом выступает юридический факт (событие, действие человека), с которым нормы права связывает возникновение правоотношений.

Заключительный этап правового регулирования состоит в реализации прав и обязанностей, предусмотренных нормой права.

Правовое регулирование как фактическое упорядочение общественных отношений представляет собой сложный процесс, состоящий из двух уровней – нормативного и индивидуального. Данные уровни часто рассматриваются как виды правового регулирования. Индивидуальное правовое регулирование всегда производно от нормативного и является продолжением в области индивидуальных, конкретных общественных отношений.

Общее правовое регулирование заключается в упорядочении, организации общественных отношений путем создания, изменения, дополнения или отмены правовых норм, а равно определения их действия в пространстве, во времени и по кругу лиц. Оно нередко называется нормативным и осуществляется правотворческими органами, каждый из которых принимает нормативное правовое решение в пределах своей компетенции и вводит его в действие (Фаткуллин Ф. Н., Фаткуллин Ф. Ф. Проблемы теории государства и права. Казань, 2003. С. 55).

Нормативное правовое регулирование общественных отношений связано с действием норм права, их функционированием. На данном уровне происходит упорядочение общественных отношений лишь в самой общей форме, так как нормы права, как и другие нормы, являются правилами поведения общего характера. Они адресуются неограниченному кругу не определенных персонально субъектов и рассчитаны на заранее не определенное число типичных, повторяющихся ситуаций. Поэтому все общественные отношения определенного вида, если они подвергаются правовому регулированию, сразу подпадают под действие соответствующих юридических норм, как только эти нормы вступают в силу. С этого момента данные общественные отношения становятся правовыми отношениями, даже если они еще не возникли между конкретными лицами в форме конкретных отношений.

Одна из проблем правового регулирования состоит в отсутствии общепризнанной дефиниции механизма индивидуального правового регулирования. Подробному анализу подвергались лишь ее отдельные элементы, как правило, вне связи с общей концепцией исследования проблемы. На наш взгляд, преодоление этих трудностей позволит существенно улучшить практику применения норм права, существенную часть которой занимает индивидуальное нормативное регулирование.

Рост значимости индивидуального правового регулирования общественных отношений следует признать вполне закономерным, так как это один из эффективных юридических механизмов распределения материальных и духовных благ, средство обеспечения не только общесоциальной, но и индивидуальной справедливости.

Индивидуальное правовое регулирование является также формой самостоятельной (автономной) юридической деятельности субъектов права, направленной на упорядочение единичных общественных отношений с помощью правовых средств, не обладающих качествами юридической общеобязательности. Как справедливо отмечает Т. В. Кашанина, «индивидуальное регулирование еще ждет своих исследователей» (Кашанина Т. В. Соотношение централизованного и децентрализованного правового регулирования // Правоведение. 1991. № 4. С. 64).

Задолго до терминологического обозначения рассматриваемого правового явления специалисты в области отраслевых юридических наук обратили внимание на регулирующие свойства некоторых ненормативных актов, например заключаемых договоров и соглашений.

В теории права такого рода регулирование получило название автономного, или индивидуально-договорного. В рамках широкой дискуссии на рубеже 50–60-х гг. XX в. по вопросам применения права стали активно изучаться регулирующие свойства правоприменительных актов. Данные ис-

следования позволили перейти от предположения к аргументированному обоснованию особого правоприменительного регулирования, имеющего строгую индивидуальную направленность. Однако онтологический и гносеологический аспекты индивидуальности, а также принцип индивидуализации по отношению к правовому регулированию обстоятельно изучены не были.

Специально не анализировался и предмет индивидуального правового регулирования, поскольку он традиционно рассматривался в неразрывной связи с предметом правового регулирования в целом. Остались малоизученными проблемы индивидуально-регулятивных юридических средств с точки зрения определения их сущности, содержания и формы, а также практика осуществления индивидуального правового регулирования (Красноярский С. Г. Индивидуальное правовое регулирование (общетеоретический аспект) // Государство и право. 1993. № 7. С. 127–135).

Несмотря на большое количество существующих в литературе дефиниций, в настоящее время отсутствует единое определение общего понятия рассматриваемого правового явления. Согласно наиболее распространенному определению индивидуальное регулирование есть конкретизация нормы права применительно к делу, отдельному случаю (Попов В. И. Правовое регулирование социалистических трудовых отношений. Иркутск, 1983. С. 77; Решетов Ю. С. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. С. 68; Теория государства и права / под ред. А. М. Васильева. М., 1977. С. 83–84). Сторонники данной позиции ставят знак равенства между индивидуальным и казуальным регулированием.

Существует иная точка зрения, согласно которой индивидуальное регулирование – это функция правоприменительного процесса в нетипичной ситуации (Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983. С. 75–78; Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 18). Ряд ученых предложили считать индивидуальное регулирование элементом системы правового регулирования (Исаков В. Б., Кашанина Т. В., Самигуллин В. К. Индивидуальное регулирование общественных отношений как элемент системы правового регулирования // Сб. аспирант. работ. Свердловск, 1974. Вып. 17. С. 6). Другие авторы подходят к решению данной проблемы с позиции конкретизации права, заканчивающейся выработкой в отдельных случаях правоположений (Лазарев В. В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме правового воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 8), третьи исследуют главным образом законные интересы личности (Напр.: Малеин Н. С. Охраняемые законом интересы // Сов. государство и

право. 1980. № 1. С. 29 ; Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 119).

Такое многообразие взглядов показывает, что в отечественной юридической практике есть явление, которое еще не получило достаточной интерпретации в юридической науке. В специальной литературе индивидуальное правовое регулирование обозначается различными терминами: «казуальное» (Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 38), «поднормативное» (Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 173), «ненормативное» (Краснояржский С. Г. Индивидуальное правовое регулирование в советском обществе (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 8–10). Данные термины не являются взаимоисключающими, каждый из них отражает отдельные черты данного вида правового регулирования, тем самым они взаимно дополняют друг друга.

Термин «казуальное» предполагает, что индивидуальное правовое регулирование направлено на урегулирование конкретных ситуаций, требующих юридического разрешения. Термин «поднормативное» свидетельствует о том, что такое регулирование осуществляется дополнительно к общенормативному, происходящему на основе норм права и в пределах их предписаний. И наконец, термин «ненормативное» означает, что в процессе регулирования создаются индивидуальные (ненормативные) акты – односторонние акты, договоры, акты применения права.

Активное участие государства в регулировании общественных отношений не ограничивается изданием общих, нормативных предписаний. В лице своих органов оно продолжает процесс регулирования, упорядочивает и направляет развитие конкретных общественных отношений, учитывая их инди-

видуальные особенности и действующие нормативные акты. Принимая нормы права, государство не в состоянии предусмотреть все особенности и детали конкретных жизненных случаев, поэтому содержание многих норм абстрактно и предполагает последующую детализацию, конкретизацию именно на уровне индивидуального регулирования.

В целом можно отметить, что индивидуальное правовое регулирование может рассматриваться как властная деятельность компетентного субъекта, заключающаяся в упорядочении на основе действующих норм права общественных отношений путем конкретизации масштаба поведения их персональных участников после установления требуемых для этого фактов. В ходе такой деятельности решается определенное юридическое дело сообразно всем конкретным его обстоятельствам и принимается индивидуальное правовое решение, имеющее обязательное значение (Фаткуллин Ф. Н., Фаткуллин Ф. Ф. Указ. соч. С. 57). Уточняя данное определение, заметим, что индивидуальное правовое регулирование – это властная деятельность, осуществляемая субъектами, являющимися представителями государства, так как только последнее в лице своих органов и должностных лиц обладает властными полномочиями. Кроме того, индивидуальное правовое регулирование рассматривается как вид деятельности субъектов, воздействующих на общественные отношения в рамках индивидуального поднормативного договорного регулирования и саморегулирования.

Таким образом, *индивидуальное правовое регулирование представляет собой установление, изменение или прекращение прав и обязанностей участников правоотношений в индивидуальном порядке, направленное на урегулирование конкретных ситуаций, осуществляемое путем совершения односторонних юридически значимых действий уполномоченными субъектами, результатом которых являются индивидуальные правовые акты.*

Библиографический список

1. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – М., 1966.
2. Горшенев, В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В. М. Горшенев. – М., 1972.
3. Кашанина, Т. В. Соотношение централизованного и децентрализованного правового регулирования / Т. В. Кашанина // Правоведение. – 1991. – № 4.
4. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов, 1987.
5. Правоприменение в советском государстве / под ред. И. Н. Кузнецова, И. С. Самощенко. – М., 1985.
6. Фаткуллин, Ф. Н. Проблемы теории государства и права / Ф. Н. Фаткуллин, Ф. Ф. Фаткуллин. – Казань, 2003.

Bibliographical list

1. Alekseev, S. S. Mechanism of Legal Regulation in the Socialist State / S. S. Alekseev. – M., 1966.
2. Gorshenev, V. M. Ways and Organizational Forms of Legal Regulation in a Socialist Society / V. M. Gorshenev. – M., 1972.
3. Kashanina, T. V. Parity of the Centralized and Decentralized Legal Regulation / T. V. Kashanina // Pravovedeniye. – 1991. – № 4.
4. Matuzov, N. I. The Legal System and the Person / N. I. Matuzov. – Saratov, 1987.
5. Law Enforcement in the Soviet State / ed. by I. N. Kuznetsova, I. S. Samoshchenko. – M., 1985.
6. Fatkullin, F. N. The Problem of the Theory of the State and the Right / F. N. Fatkullin, F. F. Fatkullin. – Kazan, 2003.

КЛАССИФИКАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СИМВОЛОВ В ПРАВЕ

A Model for Classificating Symbols in Law

Аннотация. В статье систематизируются существующие символы в праве. Выделяется несколько оснований классификации символов: соотношение с правом, признание/одобрение со стороны государства, способы правовой охраны. Вносятся предложения по изменению законодательства, в частности, по установлению правового единообразия закрепления того или иного символа.

Ключевые слова: символы, классификация правовых символов, правовые символы, государственные символы, символы, имеющие правовое значение, символы-ритуалы, разрешенные символы, запрещенные символы, способы правовой охраны символов.

Annotation. In the article the symbols that exist in law are systematized. Some bases for the classification of symbols are offered: parity with the right, recognition/approval from the state, ways of right protection. Proposals on the legislation change, in particular, establishments of legal uniformity of securing this or that symbol are introduced.

Key words: symbols, classification of legal symbols, legal symbols, state symbols, symbols having legal value, symbols-rituals, permitted symbols, forbidden symbols, ways of legal protection of symbols.

Любая классификация всегда достаточно условна и может зависеть от объекта, предмета, а также методики исследования. Какой-либо комплексной классификации символов в праве не существует, поскольку данная проблема является малоизученной. В специальной юридической литературе делались лишь отдельные попытки дать такую классификацию. Однако полученные классификации касались в первую очередь правовых символов. В данной публикации мы попытаемся систематизировать существующие символы, опираясь прежде всего на правовые признаки.

Итак, *первым основанием* для классификации символов является их соотношение с правом. В связи с этим символы следует разделить на правовые¹ и символы, имеющие правовое значение.

Среди правовых символов можно выделить:

1. Государственные символы РФ (флаг, герб, гимн).
2. Символы субъектов РФ.
3. Символы власти органов и организаций местного самоуправления в РФ. Так, муниципальные образования в соответствии с федеральным законодательством и геральдическими правилами вправе устанавливать официальные символы, отражающие исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и особенности (Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Рос. газ. 2003. 8 окт.).

¹ Под правовым символом мы понимаем «создаваемый или санкционируемый государством условный знак, ценностное образование, выражающий определенное юридическое содержание и охраняемый государством» (Цит. по: Шалагинов П. Д. Функции правовых символов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 3).

4. Иностранные государственные символы.

5. Символы международных организаций (например, символы Красного Креста и Красного Полумесяца, Международного олимпийского комитета).

6. Символы-эмблемы, закрепленные и используемые в разного рода государственных организациях или органах власти, например, геральдический знак-эмблема ФСИН России (Об учреждении геральдического знака-эмблемы и флага Федеральной службы исполнения наказаний : указ Президента Рос. Федерации от 2 дек. 2005 г. № 1396 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 49, ст. 5204).

7. Национальные символы, например, символ Победы советского народа в Великой Отечественной войне – Знамя Победы (Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ // Рос. газ. 1995. 24 мая).

8. Общепринятые символы. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 1483 ГК РФ «Основания для отказа в государственной регистрации товарного знака» не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, не обладающих различительной способностью или состоящих только из элементов, являющихся общепринятыми символами и терминами.

9. Символы политических партий. Например, постановлением Законодательного собрания Калужской обл. от 26 марта 2009 г. № 1237 дополнены правила выступлений на заседании Законодательного собрания Калужской обл. и установлено, что на рабочем месте депутата могут быть расположены установленные в соответствии с требованиями законодательства символы политической партии, членом фракции которой явля-

ется данный депутат (О внесении изменений в регламент Законодательного собрания Калужской области : постановление Законодательного собр. Калужской обл. от 26 марта 2009 г. № 1237 // Весть. 2009. 8 апр.).

К символам, имеющим правовое значение, относятся:

1. Символы как объекты авторского права, если это государственные символы и знаки. Так, в соответствии с ч. 6 ст. 1259 ГК РФ не являются объектами авторских прав государственные символы и знаки (флаги, гербы, ордена, денежные знаки и т. п.), а также символы и знаки муниципальных образований.

2. Символы, закрепляемые в качестве эмблем или официальной символики каких-либо праздников. Например, постановлением администрации г. Великого Новгорода утверждена в качестве официального символа празднования 1150-летия Великого Новгорода эмблема празднования 1150-летия Великого Новгорода, приведены подробные ее описания; рекомендовано использовать официальные символы празднования 1150-летия Великого Новгорода при проведении официальных и праздничных мероприятий, изготовлении сувенирной продукции; регламентированы условия и порядок использования юридическими и физическими лицами, индивидуальными предпринимателями официальных символов праздника (Об официальной символике празднования 1150-летия Великого Новгорода : постановление администрации г. Великого Новгорода от 29 февр. 2008 г. № 79 // Новгород официальный. 2008. 12 марта).

3. Геральдические символы гербов городов. Так, прокуратура Владимирской обл. потребовала в 2004 г. от Законодательного собрания области официально зарегистрировать флаг и герб области. До сих пор этого сделано не было, потому что Геральдический совет при Президенте РФ усмотрел в атрибутах царского владимирского герба, который взят за основу, «подчинение губернии центральной власти», т. е. умаление ее статуса, тогда как теперь субъект Федерации наделен согласно Конституции собственной государственностью. Флаг же – красное полотнище с серпом и молотом – и вовсе вызвал у геральдистов ассоциации с бывшей государственной символикой СССР и современной символикой КПРФ. Владимирские депутаты, однако, отказались что-либо менять и решили областные символы вообще не регистрировать. Таким образом, Владимирская обл. осталась в числе четырех субъектов РФ, символы которых не прошли госрегистрацию. Это означает, что флаг и герб области не защищены от тиражирования и коммерческого использования. В г. Шуе Ивановской обл. это поняли, и герб переделали, следуя рекомендациям Геральдического совета. На заседа-

нии городской Думы в ходе долгих дебатов в качестве официального герба было принято изображение золотого бруска на красном поле вместо прежнего губернского льва с куском мыла – символа мыловаренных заводов старой Шуи (Боголюбов А. В регионах начался геральдический бум // Новые известия. 2004. 5 окт.).

4. Символы-ритуалы, к которым можно отнести заключение брака, инаугурацию, присягу. Так, Н. Г. Русакова предлагает принять Федеральный закон «О присяге», в котором, по мнению автора, желательно закрепить среди прочих элементов и символы присяги, поскольку к общим функциям присяги относятся: интегративная, дифференцирующая, мотивационная, символическая, политическая, идеологическая, информационная (Русакова Н. Г. Присяга как общеправовой феномен : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 9).

Вторым основанием для классификации символов является их признание/одобрение со стороны государства. В соответствии с этим основанием выделяются разрешенные (признанные и одобряемые) и запрещенные (непризнаваемые и неодобряемые) символы. Так, к первым относятся, например, флаг, герб, гимн государства, а ко вторым – нацистские символы.

К экстремистской, а следовательно, запрещенной деятельности среди прочего относятся: пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения. Например, использование нацистской символики запрещено в Германии, в Венгрии действует запрет и на символы коммунистической эры.

В качестве *третьего основания* для классификации выступают способы правовой охраны символов. В предлагаемую классификацию можно включить следующие символы:

1. Не охраняемые нормами права (например, символы международных организаций).

2. Символы, охраняемые мерами административно-правового характера. Они подразделяются:

– на символы субъектов РФ, охраняемые мерами административного законодательства данных субъектов. Например, законом Тульской обл. установлена административная ответственность за незаконные действия по отношению к официальным символам Тульской обл., а также муниципальных образований (О внесении изменения в статью 5.6 закона Тульской области «Об административных правонарушениях в Тульской области» : закон Тульской обл. от 7 окт. 2009 г. № 1346-ЗТО // Тульские известия. 2009. 15 окт.). Аналогично положение и в других субъектах;

– символы, охраняемые мерами федерального административного законодательства (например,

флаг, герб и гимн России). Нормами федерального административного законодательства предусмотрена ответственность за ненадлежащее использование флага России, которая определена ст. 17.10 КоАП РФ «Нарушение порядка официального использования государственных символов Российской Федерации», предусматривающей наложение штрафа на граждан (в размере 300–500 руб.) и должностных лиц (в размере 500–1000 руб.), т. е. допускается использование Государственного флага РФ, в том числе его изображения, гражданами, общественными объединениями, предприятиями, учреждениями и организациями в иных случаях, если такое использование не является надругательством над Государственным флагом РФ.

3. Символы, охраняемые мерами уголовно-правового характера. В соответствии со ст. 329 УК РФ наказуемо надругательство над Государственным гербом РФ или Государственным флагом РФ.

Так, О. Е. Спиридонова предлагает рассматривать в качестве символов, охраняемых мерами уголовно-правового характера, символы государственной границы, пограничные знаки, форменную одежду (как символ власти), государственные награды (символы как предметы преступления) (Спиридонова О. Е. Символ как предмет преступления : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. С. 134, 142, 162 и др.).

Опираясь на исследование О. Е. Спиридоновой и предлагаемую ей классификацию символов как предметов преступления, мы можем включить в число правовых символов косвенные (например, иконы, имеющие культурную ценность, которые являются предметами хищения (ст. 164 УК РФ). Кроме того, М. М. Василенко обращает внимание, что если за посяательства против личности в некоторых составах при наличии религиозного мотива предусмотрена повышенная ответственность, то в преступлениях против собственности вовсе не учитывается такой квалифицирующий признак. В действующем уголовном законодательстве отсутствуют нормы за умыш-

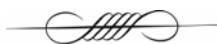
ленное или неосторожное уничтожение, повреждение или осквернение культовых зданий, находящегося в них имущества; хищение, осквернение, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение предметов культа, зданий, памятников, знаков, эмблем мировоззренческой символики, предметов, являющихся святынями для людей определенного вероисповедания, или иных предметов, представляющих особую ценность для верующих (Василенко М. М. Предупреждение преступлений, совершаемых членами религиозных тоталитарных сект : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 107).

Однако проблема, на наш взгляд, заключается в том, что само определение символа в законодательстве РФ в отличие от зарубежного (например, уголовного) отсутствует.

Итак, работа в области классификации символов позволяет систематизировать все существующие символы. При этом необходимо особо выделить те символы, охрана которых обеспечивается средствами уголовно-правового или административного воздействия, а также в отношении которых государством проявлена индифферентность и не решен вопрос об их правовом закреплении.

В случаях, когда используемый символ закреплен в документах международных организаций, общепризнанных нормах и принципах международного права, в том числе признаваемых и ратифицированных РФ, требуется последующая имплементация, т. е. включение международных норм в действующую систему российского права.

Таким образом, необходимы дальнейшие правовые шаги со стороны законодательных органов власти в целях установления правового единообразия для закрепления того или иного символа, придания ему статуса правового и определения правовых средств реагирования по существу его использования, передачи другим лицам, организациям, государственным органам или должностным лицам, а также правовых средств защиты символа от надругательства, повреждения или уничтожения.

Библиографический список

1. *Русакова, Н. Г.* Присяга как общеправовой феномен : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Русакова Н. Г. – Н. Новгород, 2008.
2. *Спиридонова, О. Е.* Символ как предмет преступления : дис. ... канд. юрид. наук / Спиридонова О. Е. – Ярославль, 2002.
3. *Шалагинов, П. Д.* Функции правовых символов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Шалагинов П. Д. – Н. Новгород, 2007.

Bibliographical list

1. *Rysakova, N. G.* Oath as a Legal Phenomenon / Rysakova N. G. – N. Novgorod, 2008.
2. *Spiridonova, O. E.* A Symbol as a Crime Subject / Spiridonova O. E. – Yaroslavl, 2002.
3. *Shalaginov, P. D.* Functions of Legal Symbols / Shalaginov P. D. – N. Novgorod, 2007.

А. А. Илджев,
начальник кафедры
уголовного права и уголовного процесса
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

A. A. Ildzhev,
Head of the Department of Criminal Law
and Criminal Process
of Kazan branch of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

ОБЩИЕ НАЧАЛА И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

General Principles and Special Rules of the Punishment Assignment

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем назначения наказания с учетом общих и специальных правил. В работе определяются критерии общих начал назначения наказания. Анализируются наиболее принципиальные требования назначения наказания. Приводятся конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства применительно к институту назначения наказания.

Ключевые слова: общие и специальные правила назначения наказания, индивидуализация наказания, характер и степень общественной опасности, принципы назначения наказания, назначение справедливого наказания.

Annotation. The article is dedicated to the examination of the problem of the punishment assignment with general principles and special rules taken into account. The criteria of the general principles of the punishment assignment are defined in the paper. The principal requirements to the assignment of punishment are also analyzed. The author gives concrete proposals for the perfection of the criminal legislation relating to the institution of the punishment assignment.

Key words: general and special rules of the punishment assignment, individualization of punishment, character and extent of the social danger, principles of the punishment assignment, assignment of a reasonable punishment.

Принципы назначения наказания выступают в качестве определенных и достаточно общих нравственно-этических и социально-политических идей или утверждений, закрепленных в уголовном законе, а общие начала, хотя они и называются общими, – в качестве правил назначения наказания в каждом конкретном случае совершения преступления, поэтому по сравнению с принципами они носят более конкретный и прикладной характер.

Если принципы назначения наказания не вызвали особого интереса со стороны ученых, то общим началам посвящена обширная литература (Напр.: Благов Е. В. Общие и специальные начала назначения наказания // Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1990 ; Гаверов Г. С. Общие начала назначения наказания по советскому уголовному праву. Иркутск, 1976 ; Кропачев Н. М. Общие начала применения мер ответственности за преступления // Вопросы уголовной политики. Красноярск, 1991 ; Малков В. П. Применение общих начал назначения наказания // Сов. юстиция. 1986. № 14 ; Скрябин М. А. Общие начала назначения наказания и их применение к несовершеннолетним. Казань, 1988 ; Сундуров Ф. Р., Зайнутдинова А. Р., Файзутдинов Р. М. Общие начала назначения наказания: новые подходы к правовому регулированию // Социально-правовые исследования современных проблем преступности. Казань, 2000 и др.). Им неизменно уделяется значительное внимание в курсах и учебниках по уголовному праву (Напр.: Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 325–330 ; Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 3. С. 121–134 ; Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 1999. Т. 2. С. 73–89 ; Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996. С. 398–405 ; Российское уголовное право. Об-

щая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М., 2000. С. 326–331 ; Уголовное право / под ред. В. П. Кашепова. М., 1999. С. 170–175 и др.).

Рассмотрим природу общих начал назначения наказания. В УК РФ лишь перечислены требования, предъявляемые суду при назначении наказания, нормативного определения понятия общих начал в нем не дается. В то же время в литературе предложено несколько десятков определений общих начал. Так, Р. Р. Галиакбаров называет их, с одной стороны, общими принципами, а с другой – критериями, которые в равной мере важны для индивидуализации и обеспечения справедливости наказания (Галиакбаров Р. Р. Указ. соч. С. 323). В свою очередь, Л. Л. Кругликов к критериям назначения наказания относит: 1) учет характера и степени общественной опасности преступления; 2) личности виновного и 3) влияние назначенного наказания: а) на исправление осужденного; б) условия жизни его семьи. Смысл других общих начал он видит в установлении законодательных пределов назначения наказания (Уголовное право России. Часть Общая. М., 1999. С. 400–411).

В основном в специальной литературе общие начала определяются через различные категории: требования (основные, отправные), критерии, правила, руководящие идеи, общерегулятивные нормы, нормативные предписания и т. д. В принципе, общие начала можно определить через каждую из названных категорий. Важно, на наш взгляд, в определении подчеркнуть, что, во-первых, общие начала – это общие правила или требования, которые должны приниматься во внимание при рассмотрении любого уголовного дела и назначении любого наказания, во-вторых, они носят нормативный, обязательный характер, поскольку закреплены в уголовном законе, и, в-третьих, они должны пониматься не разрозненно, а в системном взаимодействии друг с другом. Скажем, суд должен не всецело ру-

ководствоваться санкцией статьи Особенной части УК РФ, а учитывать положения его Общей части, или, допустим, суд не может принять во внимание только характер и степень общественной опасности преступления, игнорируя личность виновного, или же наоборот. Таким образом, общее начало — это не просто набор предписаний, правил или требований, а их система, в которой каждое общее начало находится во взаимодействии с другими. Только при таком восприятии и применении общих начал суд может действительно назначить в каждом конкретном случае справедливое наказание.

По сравнению с УК РСФСР 1960 г. в ныне действующий УК РФ включен ряд новых общих начал назначения наказания, на что, естественно, обращают внимание многие авторы. Главным достоинством этой нормы УК РФ С. В. Бородин считает указание на обязанность суда назначить справедливое наказание (Российское уголовное право. Общая часть. М., 1999. С. 324).

Кроме того, Ф. Р. Сундуrow, А. Р. Зайнутдинова и Р. М. Файзутдинов тоже считают положение УК РФ о назначении справедливого наказания наиболее принципиальным и общим требованием. В качестве вновь предусмотренных начал они называют также: 1) назначение более строгого вида наказания только в тех случаях, когда менее строгий вид не сможет обеспечить достижения целей наказания; 2) учет влияния назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи (Сундуrow Ф. Р., Зайнутдинова А. Р., Файзутдинов Р. М. Указ. соч. С. 91). Последнее положение, по нашему мнению, содержит не одно, а два общих начала — учет влияния назначенного наказания: 1) на исправление осужденного и 2) условия жизни его семьи. Кстати, в большинстве источников эти общие начала обычно объединяются, чему, видимо, способствует редакция данного положения закона. Было бы лучше, если после словосочетания «исправление осужденного» вместо «и» употребить «а также».

Анализируя ст. 60 УК РФ, авторы по-разному определяют круг общих начал назначения наказания. В частности, Р. Р. Галиакбаров выделяет четыре общих начала: 1) наказание назначается в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ; 2) наказание должно быть справедливым и соответствовать положениям УК РФ; 3) наказание должно учитывать характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 4) назначенное наказание должно способствовать исправлению осужденного и учитывать условия жизни его семьи (Галиакбаров Р. Р. Указ. соч. С. 324–328). Вызывает сомнение выделение в качестве общего начала требования «наказание должно быть справедливым и соответствовать положениям УК РФ». Данная формулировка фактически охватывает все иные общие

начала. Кроме того, требование о назначении справедливого наказания предполагает, на наш взгляд, учет не только положений Общей части УК РФ, но и всех иных общих начал назначения наказания.

Так, Л. Л. Кругликов считает, что возможны различные решения относительно круга критериев (общих начал) назначения наказания. Однако, по его мнению, важно при конструировании посвященной им нормы соблюдать ряд правил. Во-первых, понятия критериев должны быть одного уровня абстракции. Во-вторых, объем каждого понятия следует определить в самом законодательстве. В-третьих, должен проследиваться признак (или признаки), положенный законодателем в основу разграничения критериев назначения наказания (Кругликов Л. Л. О критериях назначения уголовного наказания // Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982–1999 гг.). Ярославль, 1999. С. 220).

В то же время возникают сомнения относительно выделения в качестве общих начал положений ч. 2 ст. 60 УК РФ, согласно которым более строгое наказание, чем предусмотрено соответствующими статьями Особенной части УК РФ, может быть назначено по совокупности преступлений и по совокупности приговоров (в соответствии со ст. 69 и 70 УК РФ), а также более мягкое наказание, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ, может быть назначено в соответствии со ст. 64 УК РФ. Еще раз подчеркнем, что в этих случаях речь идет не об общих началах, а об исключении из одного из общих правил назначения наказания. К общим началам, как это признается многими авторами, относятся только те нормативные положения о назначении наказания, предусмотренные законом, которые относятся к любому уголовному делу. Приведенные же выше положения применяются далеко не всегда. В связи с этим, поскольку в ст. 64, 69 и 70 УК РФ закреплены соответствующие специальные нормы назначения наказания, следовало бы из ст. 60 УК РФ исключить ч. 2. Известно, что при конкуренции общей и специальной норм предпочтение должно отдаваться последней. Назначение специальной нормы состоит в отражении специфики регулируемого правила по сравнению с общей нормой, поэтому последняя и не может иметь преимущество перед первой.

Наиболее принципиальным требованием закона является назначение справедливого наказания. Иные общие начала разделены на две группы: 1) определяющие соответствие назначенного наказания закону и 2) направленные на индивидуализацию назначения наказания.

Лишь одно общее начало, согласно которому более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижения целей наказания, одновременно направлено на установление соответствия наказания закону и его индивидуализацию.

Общие начала назначения наказания не отделены друг от друга. Так, с одной стороны, законодатель указывает на то, что более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид не сможет обеспечить достижения целей наказания, а с другой – приводит, по существу, дублирующее положение, согласно которому при назначении наказания суд должен учитывать его влияние на исправление осужденного (в этом случае, правда, речь идет о достижении только одной цели наказания). Перекрывают друг друга требования об учете, с одной стороны, характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного, а с другой – обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Необходимо отметить, что характер и степень общественной опасности преступления уже учтены при формулировании санкции статьи Особенной части УК РФ. В связи с этим возникает вопрос: насколько справедливо учитывать их еще и при назначении наказания? Данная проблема обычно не затрагивается в специальной литературе, а она между тем существует.

Реализация всех общих начал, зафиксированных в ст. 60 УК РФ, в конечном итоге направлена на то, чтобы суд в каждом конкретном случае назначал виновному справедливое наказание.

Представляет теоретический и практический интерес проблема соотношения общих начал и специальных правил назначения наказания. Общие начала – это, по существу, общие правила назначения наказания, регламентированные в ст. 60, 61 и 63 УК РФ. Наряду с ними действующий УК РФ предусматривает и специальные правила его назначения. К ним обычно относят нормы, закрепленные в ст. 62, 64–70. Кроме того, специальные нормы назначения наказания содержатся в ст. 88 и 89. В этих нормах также закреплены специальные правила назначения наказания. Возникает, естественно, вопрос о том, какую роль при назначении наказания играют эти правила (Благов Е. В. Указ. соч. С. 3–14 ; Горшков О. П. За-

конодательные пределы назначения уголовного наказания // Построение правового государства: вопросы теории и практики. Ярославль, 1990. С. 106–108). Во-первых, в них законодатель указывает на такие смягчающие обстоятельства, которые обуславливают целесообразность, а иногда и необходимость снижения максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания до определенного предела (ст. 62, 65) либо назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Во-вторых, в ряде специальных норм, наоборот, предусмотрено отягчение (усиление) наказания путем повышения по сравнению с типовой санкцией статьи Особенной части УК РФ максимального предела срока наиболее строгого вида наказания (ст. 68) либо путем допущения возможности выхода при назначении наказания за максимальный предел, предусмотренный для лишения свободы (ст. 69, 70). В-третьих, некоторые специальные правила предусматривают особенности назначения наказания за отдельные формы преступной деятельности – неоконченное преступление (ст. 66), соучастие в преступлении (ст. 67), рецидив преступлений (ст. 68), совокупность преступлений (ст. 69), совокупность приговоров (ст. 70). В-четвертых, как уже отмечалось, в ст. 88 и 89 урегулированы специальные правила назначения наказания несовершеннолетних.

Таким образом, одни специальные нормы предусматривают исключения из общих начал (назначение наказания в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ, учет смягчающих и отягчающих обстоятельств и личности виновного в отношении несовершеннолетних), а другие – предусматривают дополнительные критерии назначения наказания. Однако во всех случаях, там, где не установлено тех или иных изъятий в специальных нормах назначения наказания, общие начала должны учитываться судом в полном объеме независимо от специфики или формы совершения преступления, наличия обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, и особенностей личности виновного.

Библиографический список

1. Благов, Е. В. Общие и специальные начала назначения наказания / Е. В. Благов // Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве. – Ярославль, 1990.
2. Галиакбаров, Р. Р. Уголовное право. Общая часть / Р. Р. Галиакбаров. – Краснодар, 1999.
3. Горшков, О. П. Законодательные пределы назначения уголовного наказания / О. П. Горшков // Построение правового государства: вопросы теории и практики. – Ярославль, 1990.
4. Кругликов, Л. Л. О критериях назначения уголовного наказания / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982–1999 гг.). – Ярославль, 1999.

Bibliographical list

1. Blagov, E. V. General and Special Basis of the Punishment Assignment / E. V. Blagov // Topical Problems of the Person's Legal Protection in Criminal Court Procedure. – Yaroslavl, 1990.
2. Galyakbarov, R. R. Criminal Law. General Part / R. R. Galyakbarov. – Krasnodar, 1999.
3. Gorshkov, O. P. Legislative Limits of the Criminal Punishment Assignment / O. P. Gorshkov // Building of Law-governed State: Questions of Theory and Practice. – Yaroslavl, 1990.
4. Kruglikov, L. L. On the Criteria of the Criminal Punishment Assignment / L. L. Kruglikov // Problems of the Criminal Law Theory. Selected Articles (1982–1999). – Yaroslavl, 1999.

Е. В. Карасев,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

E. V. Karasev,
*applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia*

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА
ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ ПУТЕМ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СТРАХОВАНИЯ**

**Organizational and Legal Aspects of Compensation of Damages
in Emergency Situations through the Development of the Insurance System**

Аннотация. В статье исследуются организационно-правовые аспекты деятельности государства по минимизации последствий чрезвычайных ситуаций. Особое внимание уделяется страхованию как перспективному инструменту экономико-правового механизма снижения вероятности возникновения чрезвычайных ситуаций и возмещения вреда.

Ключевые слова: безопасность, устойчивое развитие, риск, чрезвычайная ситуация, вред, страхование.

Annotation. The article deals with organizational and legal aspects of the activities of the state in the field of minimizing the consequences of emergency situations. Special attention is paid to the insurance as a perspective tool of economic and legal mechanism of decreasing the probability of emergency situations and compensations of damages.

Key words: safety, sustainable development, risk, emergency situation, damage, insurance.

Важнейшими целями развития цивилизации на различных этапах ее существования было достижение все более высокого уровня жизни, обеспечение благополучия и безопасности. Эти приоритеты сохранились и в настоящее время, однако значение безопасности, ее вес в общей характеристике качества жизни значительно возросли. Обеспечение всесторонней безопасности личности, общества, государства и мирового сообщества становится важнейшим приоритетом ближайших десятилетий, превращается в одну из главных целей стратегии существования цивилизации в современных и прогнозируемых условиях (Воробьев Ю. Л. Управление стратегическими рисками чрезвычайных ситуаций в системе обеспечения национальной безопасности России // Оперативное управление мероприятиями РСЧС. М., 2004. Кн. 1. С. 5).

Устойчивое развитие России в современных условиях во многом зависит от возможностей государства и человека управлять риском возникновения катастроф и в конечном итоге способностью обеспечить защиту населения и территории проживания.

При катастрофах разрушительным последствиям подвергается социальная среда обитания человека. Гибнут и становятся калеками люди, затрачиваются значительные материальные и финансовые ресурсы на ликвидацию последствий бедствия – все это сказывается на темпах развития государства и уровне жизни людей.

Так, в частности, по данным МЧС России, в 2009 г. на территории Российской Федерации произошло 424 чрезвычайных ситуации (ЧС), в том числе федеральных – 1, региональных – 23, межмуниципальных – 10, муниципальных – 217, локальных – 173.

К спасению людей и ликвидации последствий ЧС, техногенных пожаров, происшествий на водных бассейнах, дорожно-транспортных происшествий от МЧС России привлекалось около 2 млн человек и 600 тыс. единиц техники.

Начало XXI в. характеризуется значительным ростом количества ЧС и возрастающими масштабами их негативных последствий. Все чаще средства массовой информации извещают о крушении поездов, гибели морских судов, авиационных катастрофах, взрывах и пожарах, землетрясениях, наводнениях, масштабных лесных пожарах, эпидемиях и т. д. Естественно, что названные катаклизмы сопровождаются большими человеческими жертвами, огромными материальными потерями. Тенденция роста катастроф регистрируется во всем мире, характерно это явление и для России.

Следует отметить, что в последнее время указанная проблема еще более усугубилась и приобрела особую актуальность для России ввиду развивающегося мирового финансового и экономического кризиса, спада производства, ветшания различных технических систем и т. д.

Негативные последствия ЧС могут иметь серьезную угрозу безопасности для государства и общества в целом. Таким образом, возникает необходимость осуществления серьезной государственной политики в сфере профилактики ЧС, минимизации их негативных последствий, создания эффективных организационно-правовых механизмов защиты пострадавшего населения. От качества решения данных проблем во многом зависят безопасность государства и его стабильное развитие.

В целом решение проблем предупреждения и ликвидации ЧС, снижения рисков и последствий,

обусловленных ими, являются весьма сложными, связанными с множеством отраслей науки и техники как фундаментального, так и прикладного характера. Вместе с тем в связи со сложностью и новизной данной проблемы многие ее вопросы или составные части либо находятся в состоянии активного развития, либо в стадии постановок и начальных разработок. Требуют своего исследования и практического решения также юридические аспекты указанной проблемы.

Таким образом, при ЧС стратегически важной для государства является разработка действенной, адекватной современным реалиям, системы организационно-правовой защиты населения.

Формирование организационно-правовых основ деятельности государства по минимизации последствий от наводнений, землетрясений, взрывов, пожаров проходило неоднозначно, как бы вызревая из тех отдельных случаев недавнего прошлого, когда такие явления еще не приобрели массовый характер. Проблемы возмещения вреда, возникающего при стихийных бедствиях и других катастрофах, оставались вне поля зрения широкой общественности. Основной проблемой в таких ситуациях было скорейшее восстановление инженерных конструкций, обеспечение функционирования систем жизнеобеспечения. Организационно-правовая система защиты людей, пострадавших в различных ЧС, складывалась не как централизованная политика государства, а под натиском ЧС, которые, в свою очередь, обуславливали вынужденность создания такой системы. Из того многообразия различных по масштабам и последствиям ЧС, которые влекут за собой огромные материальные и человеческие потери, государственные структуры уделяли особое внимание только некоторым из них. Так, принимались федеральные целевые программы по реабилитации пострадавших территорий и законов по социальной защите людей. Однако даже эти меры не доводились до конца: либо программы и законы вступают в силу спустя несколько лет после катастрофы, а то и даже несколько десятилетий, либо не снабжаются конкретными механизмами реализации на местах.

Анализ последствий разного рода ЧС показал, что материальные потери от них огромны и в полной мере невосполнимы. Их ликвидация требует значительных финансовых затрат, которые, естественно, приходится отвлекать из различных бюджетов, фондов, резервов и тем самым приостанавливать и сокращать программы развития, снижать темпы экономического роста.

Страхование с древних времен является одним из способов элиминирования риска. Обосновав исключительное значение страхования как способа разложения ущерба, В. К. Райхер обратил внимание на различие двух способов борьбы

со стихийными бедствиями: «Одни из них направлены к тому, чтобы предупреждать стихийные бедствия, не допускать самого возникновения их. Это – превентивные мероприятия. Другие – на скорейшую ликвидацию уже возникшего стихийного бедствия, на уменьшение его вредоносности. Такая борьба называется репрессивной» (Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. М., 1992. С. 5–6). Однако наряду с «превенцией» и «репрессией» возникает потребность также в восстановлении причиненных этими бедствиями хозяйственных потерь, для чего, в свою очередь, необходимо иметь соответствующие ресурсы.

Много веков назад у человека родилось желание объединить часть принадлежащего ему имущества с имуществом других лиц, превратив все, что собрано таким образом, в источник покрытия потерь от различного рода несчастных случаев, которые могут произойти с кем-либо из них. Прямым поводом к такому объединению послужила прежде всего вероятность события – то, что оно может произойти или не произойти, а если непременно произойдет, то либо раньше, либо позже. Таким образом нашла свое воплощение идея распределения риска между определенным числом лиц, благодаря чему потери становятся менее чувствительными или вообще нечувствительными для того, у кого они в действительности произошли.

Рискованный характер общественного производства неизбежно порождает между юридическими и физическими лицами отношения по предупреждению, преодолению, локализации разрушительных последствий различного рода бедствий, а также по возмещению нанесенного ими ущерба. В этих отношениях страхование представляет собой солидарную замкнутую раскладку ущерба. Данные отношения, отличающиеся определенной спецификой, в совокупности составляют социально-экономическую категорию страховой защиты общественного производства. Главной задачей страховой защиты в области ЧС является обеспечение экономической поддержки мероприятий по предупреждению ЧС, осуществляемых государственными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, предприятиями и организациями (независимо от организационно-правовых форм собственности), и страхового покрытия ущерба в случае их возникновения. Нормальное функционирование системы страхования приводит к концентрации ресурсов государства, частных страховых компаний и предприятий в решении проблем снижения риска в ЧС и ущерба от них. Государство в таких отношениях должно выступать гарантом регулирования отношений в области страхования рисков ответственности ор-

ганизаций, эксплуатирующих опасные промышленные объекты. Государство также должно выступать гарантом обязательств, возникающих вследствие причиненного вреда жизни и здоровью граждан, имущественным интересам физических и юридических лиц, а также играть роль гаранта-перестраховщика по отношению к национальным страховым компаниям. По мере накопления страховыми компаниями средств, получаемых от страхователя, можно будет ставить вопрос о компенсации основной доли потерь от ЧС за счет страховых фондов и уменьшению тем самым затрат из федеральных и региональных бюджетов. В конечном итоге эффективность и действенность страховой защиты населения, объектов экономики и в целом национального достояния страны от ЧС определяется правовой и экономической поддержкой государством страховщиков и страхователей, выполнением государственных программ управления рисками возникновения ЧС и инвестиционных программ, направленных на их предупреждение и смягчение негативных последствий.

Анализ создания и внедрения программ страховой защиты населения и территорий позволяет наметить пути развития отечественного права в данной области. Однако при разработке законодательства необходимо определить место области права и ее взаимосвязи с другими смежными отраслями. Российское законодательство в последнее десятилетие развивалось в постоянно меняющемся правовом поле. Начиная с 1991 г. в российском законодательстве наблюдалась бурная, недостаточно скоординированная и упорядоченная деятельность. Не стали исключением и отрасли законодательства, регулирующие отношения в области обеспечения возмещения ущерба от ЧС.

Законотворческий процесс происходил на фоне постоянно меняющейся структуры федеральных органов исполнительной власти и распределения полномочий между ними. При этом структура законодательства в России традиционно продолжает формироваться в соответствии со структурой федеральных органов исполнительной власти.

В сложившемся к настоящему времени законодательстве действуют акты бывшего СССР, Российской Федерации и международные правовые акты. В ряде случаев наблюдаются несогласованность, а также противоречивость актов разного уровня – федеральных законов, законов субъектов РФ, актов Президента РФ, Правительства РФ, министерств и ведомств. Законодательство развивается хаотично, нет внутренней упорядоченности. Из-за отсутствия стройной системы законодательства сложно дифференцировать весь нормативно-правовой массив, определить компетенцию федеральных органов исполни-

тельной власти, исключить дублирование их деятельности.

В возмещении ущерба от ЧС на основе страхования сложилось мнение, что обеспечение страховой защитой потерпевших от аварий и катастроф природного, техногенного и террористического характера должно опираться на соответствующие законодательные нормы.

Страховщик должен действовать в соответствии с законом и учитывать возможные ограничения, вытекающие из законодательных актов. Правовые ограничения связаны, с одной стороны, с законодательством о страховом надзоре, с другой – законодательными документами по охране окружающей среды.

Слабыми местами в действующем законодательстве в области компенсации вреда хозяйствующим субъектам являются:

- недостаточно четкое определение функций федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации, хозяйствующих субъектов в области страховой защиты населения и территорий от ЧС;
- неопределенность принципов определения задач и мероприятий страховой защиты;
- нечеткое определение приоритетных направлений совершенствования программ страховой защиты населения и территорий от ЧС.

В экономическом плане страхование рисков ЧС представляет собой огромный государственный интерес, так как государство сейчас практически в одиночестве несет убытки по возмещению ущерба от ЧС. Страхование же является классическим внебюджетным финансовым источником. Страхование рисков ЧС обеспечивает права государственных органов, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц на возмещение вреда, который им был причинен ЧС.

В настоящее время очевидна необходимость в государственном масштабе решать вопросы координации и управления процессом страхования рисков ЧС и использования его преимуществ. Страхование рисков ЧС должно стать оптимальным финансовым инструментом аккумуляции и перераспределения средств, позволяющим направлять действительно крупные суммы на ликвидацию последствий катастроф и стихийных бедствий. На территории Российской Федерации, где расположены многочисленные объекты, представляющие серьезную опасность, страхование рисков ЧС может быть эффективной системой финансирования мероприятий по снижению вероятности возникновения ЧС.

Страхование рисков ЧС – перспективное и эффективное средство создания благоприятных экономических условий для вовлечения в процесс обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях капиталов коммерческих структур,

повышения надежности работы промышленных предприятий и создания дополнительных рабочих мест. Оно является надежным инструментом экономико-правового механизма снижения вероятности возникновения ЧС. Вместе с тем, как уже отмечалось, страхование не решает всех проблем, возникающих от ЧС, а выступает лишь одним из механизмов, с помощью которого можно предпринять конкретные шаги для повышения безопасности в ЧС.

В сфере страхования рисков ЧС необходимо широко использовать превентивную функцию страхования, что при правильном подходе позволит предупредить возникновение рисков ЧС или уменьшить последствия их негативного влияния. Это возможно при соблюдении следующих условий: 1) создание механизма проведения предупредительных мероприятий страховщиком, предусматривающего четкий регламент и контроль; 2) разрешение страховым организациям включать резервы на предупредительные мероприятия в себестоимость своих услуг.

Таким образом, обеспечение законодательно-регулирующего, методического обеспечения, а также экономической помощи субъектам страховой деятельности являются одними из важнейших функций государства в области националь-

ной безопасности и устойчивого развития страны. Экономические, политические и социальные изменения в развитии общества и государства за последние десятилетия требуют новых подходов и управленческих решений, соответствующих реалиям сегодняшнего дня и отвечающим требованиям государственной политики в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения. Страхование как система защиты интересов граждан, организаций и государства является необходимым элементом организационно-правовой системы общества. Оно освобождает бюджет от расходов на возмещение убытков при наступлении страховых случаев. Страхование предоставляет гарантии восстановления нарушенных имущественных интересов в случае непредвиденных природных, техногенных и иных явлений и тем самым является способом обеспечения безопасности при ЧС.

Безопасность в ЧС рассматривается как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от угрозы возникновения ЧС и их негативных последствий. Страхование является способом обеспечения безопасности в ЧС через законодательно закреплённую возможность страховщика принимать меры по снижению застрахованного риска.

Библиографический список

1. *Воробьев, Ю. Л.* Основы формирования и реализации государственной политики в области снижения рисков чрезвычайных ситуаций : монография / Ю. Л. Воробьев. – М., 2000.
2. *Райхер, В. К.* Общественно-исторические типы страхования / В. К. Райхер. – М., 1992.
3. *Фалеев, М. И.* Чрезвычайные ситуации – угроза безопасности России / М. И. Фалеев // Оперативное управление мероприятиями РСЧС. – М., 2004. – Кн. 1.

Bibliographical list

1. *Vorobyev, Yu. L.* Bases of Formation and Realization of the State Policy in the Field of Decreasing Risks of Emergency Situations / Yu. L. Vorobyev. – M., 2000.
2. *Rayher, V. K.* Socio-historical Types of Insurance / V. K. Rayher. – M., 1992.
3. *Faleev, M. I.* Emergency situations – a Threat for Safety of Russia / M. I. Faleev // Operative Administration Actions of the Unified State System for the Prevention and Elimination of Emergency Situations. – M., 2004. – B. 1.

Ю. С. Кирилова,
*следователь следственной части
Следственного управления при УВД
по Приморскому краю*

Yu. S. Kirilova,
*investigator of investigate department
of the Investigate Administration of the Internal Affairs
of Primorsky Krai*

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА
ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Some Problems of Taking Measures for Securing Proceedings on Administrative Offences

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Кроме того, предложено авторское решение проблем, возникающих при применении указанных мер.

Ключевые слова: административное правонарушение, меры обеспечения, правовое регулирование, доставление, административное задержание, досмотр, освидетельствование, производство по делам об административных правонарушениях.

Annotation. The article deals with the problem of taking measures of proceedings on administrative offences. The author identifies a number of problems that arise when applying these measures and offers solutions to address these problems.

Key words: administrative offense, measures to ensure, legal regulation, bringing, administrative detention, inspection, examination, proceedings on administrative offences.

При производстве по делам об административных правонарушениях возникает множество проблем. Среди них особую актуальность имеет проблема применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Согласно действующему административному законодательству РФ уполномоченное лицо вправе в пределах своих полномочий применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в целях: пресечения административных правонарушений; установления личности нарушителя; составления протокола об административном правонарушении, при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения; обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления. Как показывает практика, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях применяются не всегда. Кроме того, не все меры, предусмотренные административным законодательством РФ, реализуются на практике для обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

В связи с этим среди сотрудников УВД по Уссурийскому городскому округу Приморского края был проведен опрос, результаты которого показали, что освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения применяются достаточно редко, поскольку проведение данной процедуры в медицинских учреждениях входит в перечень платных услуг, а органы внутренних дел не в состоянии оплачивать освидетельствование по административным делам, счи-

тая, что административные дела не так важны и значимы, как уголовные. Как результат, например, ст. 20.21 «Появление в общественном месте в состоянии опьянения» и ст. 20.22 «Появление в состоянии опьянения несовершеннолетних в общественных местах» КоАП РФ не применяются, практически являются «мертвыми» нормами.

В процессе правоохранительной деятельности государство применяет разнообразные виды принуждения. Еще «античные философы обосновывали необходимость применения силы государством для достижения общего блага, мира, безопасности государства, торжества справедливости» (Колотуша В. В. Идея силового принуждения в истории философской мысли // Соц.-гуманит. знания. 2008. № 4. С. 203).

К мерам административного принуждения относятся также меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Так, после пресечения административного правонарушения нужно установить все обстоятельства правонарушения, необходимые для привлечения виновного к ответственности, для чего используются меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Такими мерами являются процессуальные действия, осуществляемые уполномоченными на то лицами в процессе возбуждения и рассмотрения дел об административных правонарушениях. К таким мерам относятся: доставление; административное задержание; личный досмотр; досмотр вещей; досмотр транспортного средства, находящегося при физическом лице; осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий, находящихся там вещей и документов; изъятие вещей и документов; отстранение от управления транспортным средством

вом соответствующего вида; освидетельствование на состояние алкогольного опьянения; медицинское освидетельствование на состояние опьянения; задержание транспортного средства, запрещение его эксплуатации; арест товаров, транспортных средств и иных вещей; привод; временный запрет деятельности.

Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в зависимости от целей их применения условно можно разделить на три основные группы:

1. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях пресекательного характера (доставление, административное задержание и привод). Названные меры направлены на прекращение противоправного поведения лица, совершившего правонарушение, посредством принудительного ограничения свободы передвижения, пользования имуществом, явившимся предметом либо орудием совершения административного правонарушения.

2. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях направлены на получение доказательств и представляют собой урегулированные административно-процессуальными нормами принудительные юридически значимые действия компетентных органов, направленные на обнаружение, фиксацию и изъятие доказательств. К указанной группе мер можно отнести досмотр, осмотр, изъятие.

3. Меры, направленные на исполнение постановления по делу об административном правонарушении. Это действия компетентных органов и должностных лиц, применяемые для обеспечения исполнения административного наказания, назначаемого в дальнейшем, а также обеспечения взыскания причиненного ущерба и издержек по делу (например, временный запрет деятельности).

Административным законодательством РФ унифицированы нормы, закрепляющие применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, а также детально регламентировано осуществление производства по делам об административных правонарушениях. Тем не менее количество административных правонарушений увеличивается с каждым годом.

Однако при практическом применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях возникает ряд проблем, важнейшая из которых связана с административным задержанием. В соответствии со ст. 27.3 КоАП РФ под административным задержанием понимается кратковременное ограничение свободы физического лица, применяемое лишь в исключительных случаях, если это необходимо для правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правона-

рушении, исполнения постановления по данному делу. Таким образом, административное задержание допустимо только при наличии административного правонарушения. В связи с этим, по нашему мнению, незаконной является практика административного задержания лиц, не имеющих при себе документов, удостоверяющих их личность, получившая широкое распространение в ряде городов России. В случае, если в органах внутренних дел (милиции) имеется ориентировка с указанием примет лица, совершившего преступление или административное правонарушение, или находящихся при нем вещей и предметов, и эти приметы сходны с приметами гражданина, тогда действия сотрудника милиции при проверке документов у данного гражданина и при досмотре его личных вещей при условии составления протокола считаются правомерными. Открытым остается вопрос о правомерном задержании гражданина, у которого не оказалось документов.

Следует отметить, что в КоАП РФ также не определены основания и порядок освобождения административно задержанных лиц. В свою очередь, основания применения административного задержания определены в общей форме вместе с целями применения. Для решения ряда возникающих при административном задержании проблем, с нашей точки зрения, целесообразно дополнить определение административного задержания, данное в ст. 27.3 КоАП РФ, а именно в качестве оснований административного задержания следует указать «совершение лицом деяния, содержащего признаки административного правонарушения, или наличие достоверных данных, позволяющих подозревать указанное лицо в совершении такового». Кроме того, необходимо законодательно урегулировать порядок освобождения административно задержанных лиц.

На практике также возникают трудности с применением процедуры личного досмотра граждан, поскольку отсутствует юридическая формулировка понятия «личный досмотр». Толковый словарь С. И. Ожегова трактует досмотр как проверочный осмотр (Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М., 1981. С. 157). На основании ст. 27.7 КоАП РФ личный досмотр производится с целью обнаружения орудий или предметов совершения административного правонарушения. Личный досмотр осуществляется лицом одного пола с досматриваемым и в присутствии двух понятых того же пола, а в исключительных случаях и без понятых. В связи с этим возникает вопрос: кто может осуществлять личный досмотр женщины, если сотрудниками патрульно-постовой службы обычно являются только мужчины?

В то же время неясно, что именно подразумевается под личным досмотром, не указано, какие

действия допустимы в ходе досмотра: визуальный поверхностный осмотр гражданина; со снятием верхней одежды или нет; каким образом проверяется содержимое, например, карманов одежды; допустимо ли предложить гражданину выдать содержимое карманов лично либо досматривающий имеет право это сделать сам, если да, то в каких конкретно случаях.

В КоАП РФ также не оговорено использование технических средств при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, не регламентированы действия должностного лица в случае отказа гражданина от личного досмотра и возможность в этом случае проведения принудительного личного досмотра, не раскрыты пределы личного досмотра, исключаящие унижение достоинства личности и неправомерное причинение вреда здоровью досматриваемого лица. В то же время согласно ст. 11 Закона РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 (в ред. от 29 декабря 2009 г. № 383) «О милиции» (Рос. газ. 1991. 22 апр. ; 2009. 31 дек.) проведение личного досмотра допускается, если можно предположить, что гражданин имеет при себе оружие, боеприпасы, наркотики, а досмотр необходимо осуществлять в установленном законом порядке. При этом процедура проведения личного досмотра также не закреплена, и его содержание в данном Законе не раскрыто.

Таким образом, необходимо более детально урегулировать процессуальный порядок применения личного досмотра и законодательно закрепить понятие личного досмотра.

Выше отмечалось, что актуальной проблемой является также освидетельствование. При отказе от прохождения освидетельствования на состояние опьянения либо несогласии лица с результатами освидетельствования, либо при наличии достаточных оснований полагать, что лицо находится в состоянии опьянения, и отрицательном результате освидетельствования на состояние опьянения указанное лицо подлежит направлению на медицинское освидетельствование. Освидетельствование должно проводиться в медицинском учреждении, имеющем лицензию на осуществление медицинской деятельности с указанием соответствующих работ и услуг, врачом или фельдшером, имеющим специальную подготовку на базе наркологических учреждений органов управления здравоохранением субъектов РФ. Для решения указанной проблемы, по нашему мнению, необходимо внести изменения в действующее законодательство и решить вопрос с оборудованием для проведения медицинского освидетельствования и финансирования данной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Все это диктует необходимость внесения изменений в действующее законодательство, регу-

лирующее порядок применения временного запрета деятельности. Кроме того, появление новых способов нарушения правовых норм и связанная с этим угроза наступления неблагоприятных последствий требуют постоянного совершенствования законодательства. Несмотря на то, что в КоАП РФ постоянно вносятся изменения, многие проблемы и сегодня остаются актуальными, а с появлением новых норм реализация некоторых из них еще больше осложняется.

В качестве примеров можно привести следующие. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях одинаковы в названиях с административно-предупредительными мерами. Так, в соответствии со ст. 11 Закона РФ «О милиции» сотрудникам милиции в ряде случаев предоставлено право производить личный досмотр граждан, досмотр их вещей, ручной клади и багажа, а также досмотр транспортных средств при подозрении, что они используются в противоправных целях и др. То же самое можно сказать об административно-предупредительных мерах, предусмотренных Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (Рос. газ. 2001. 2 июня), Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (Там же. 1999. 6 апр.).

Порядок осуществления личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, досмотра транспортных средств как мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях процессуально урегулирован. В отношении же досмотра вещей, транспортных средств, личного досмотра, применяемых милицией в качестве административно-предупредительных мер, в законах практически отсутствуют процессуальные положения.

Необходимо также устранить проблему, состоящую в схожести названий мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях с отдельными административными наказаниями. Например, с одной стороны, изъятие вещей, явившихся орудиями, предметами совершения административного правонарушения; с другой – возмездное изъятие, конфискация орудия, предмета совершения административного правонарушения.

В перечень оснований применения задержания транспортного средства не отнесено совершение квалифицируемого по ч. 4 ст. 12.8 КоАП РФ нарушения в виде управления транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения. В указанной части установлена ответственность за повторное совершение правонарушения, предусмотренного ч. 1 и 2 данной статьи. При совершении нарушения, установлен-

ного ч. 1 ст. 12.8 «Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения» КоАП РФ, указанная мера применяется, а по ч. 2 ст. 12.8 «Передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения» КоАП РФ задержание транспортного средства не осуществляется.

По нашему мнению, указанный пробел требует немедленного устранения, в противном случае по формальным основаниям может быть оспорена правомерность задержания транспортного средства за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, которое ранее уже совершило административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 или 2 ст. 12.8 КоАП РФ. В связи с этим в ст. 27.13 КоАП РФ целесообразно включить нарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 12.8 КоАП РФ, – повторное управление или передача управления лицу, находящемуся в состоянии опьянения.

Необходимо отметить недостатки в организации задержания транспортного средства. Так, ч. 1 ст. 27.13 КоАП РФ с 1 июля 2008 г. предусмотрены бесплатное перемещение транспортного средства и его хранение на специализированной стоянке в течение первых суток, а равно бесплатная его блокировка. В постановлении Правительства РФ от 18 декабря 2003 г. № 759 «Об утверждении Правил задержания транспортного средства, помещения его на стоянку, хранения, а также запрещения эксплуатации» (Рос. газ. 2003. 23 дек.) органам исполнительной власти субъектов Федерации было рекомендовано организовать работу по созданию специализированных муниципальных стоянок – специально отведенных охраняемых мест хранения задержанных транспортных средств.

А. Ю. Якимов убежден, что эта законодательная новелла в значительной мере подрывает финансовую основу организационного обеспечения деятельности по применению рассматриваемой меры административного принуждения, поскольку трудно себе представить, чтобы большинство уполномоченных органов сумели найти финансовые средства, покрывающие расходы на осуществление соответствующих действий (Якимов А. Ю. Меры административного принуждения // Государство и право. 2008. № 7. С. 87).

Далее рассмотрим проблему применения такой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как досмотр транспортного средства. На постах ДПС обычно сотрудник предлагает водителю открыть багажник, осуществляет беглый осмотр вещей. При этом чаще всего отсутствуют основания досмотра и понятия. Водитель может обжаловать действия сотрудников в соответствии с действующим законодательством. Для этого в соот-

ветствии с п. 2.4 Правил дорожного движения следует потребовать у сотрудника ДПС предъявить служебное удостоверение и переписать его данные и номер нагрудного знака. Необходимо предупредить представителя милиции о намерении обжаловать его возможно незаконные действия. Затем водитель может поинтересоваться основанием для досмотра машины и в соответствии с ч. 1, 2 и 5 ст. 27.9 КоАП РФ потребовать составления протокола в присутствии двух понятых. Действия водителя могут сыграть важную профилактическую роль для предупреждения нарушений со стороны сотрудников милиции.

Допустимость изъятия имущества определена в постановлениях Конституционного Суда РФ от 20 мая 1997 г. № 8-П (Рос. газ. 1997. 29 мая) и от 11 марта 1998 г. № 8-П (Там же. 1998. 26 марта), где Конституционный Суд РФ прямо указывает, что до вынесения судебного решения административные органы и должностные лица, реализующие полномочия по осуществлению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, вправе временно изымать у нарушителей вещи и документы, поскольку подобная мера не является наказанием за совершенное правонарушение и не связана с лишением имущества (По делу о проверке конституционности пунктов 4 и 6 статьи 242 и статьи 280 Таможенного кодекса РФ в связи с запросом Новгородского областного суда : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 мая 1997 г. № 8-П. URL: <http://www.nalog.consultant.ru/doc14519.html> ; По делу о проверке конституционности статьи 266 Таможенного кодекса РФ и части второй статьи 85 и статьи 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан М. М. Гагловой и А. Б. Пострыкова : постановление Конституц. суда Рос. Федерации от 11 марта 1998 г. № 8-П. URL: <http://www.base.garant.ru/12110905.htm>).

Вместе с тем согласно положениям ст. 27.10 КоАП РФ изъятые вещи, подвергающиеся быстрой порче, сдаются для реализации, а если это невозможно, уничтожаются. Порядок данной процедуры определен постановлением Правительства РФ от 19 ноября 2003 г. № 694 «Об утверждении Положения о сдаче для реализации или уничтожения изъятых вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, подвергающихся быстрой порче» (Рос. газ. 2003. 2 дек.) (далее: Положение).

Спорным также является вопрос о субъектах, которые могут осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, имеют право принимать решение о реализации или уничтожении указанной продукции. Исходя из положений п. 2 ст. 243 ГК РФ, такое решение

может принять любой орган или должностное лицо, в чьем производстве находится дело об административном правонарушении. Однако возможность административной конфискации противоречит положениям ст. 35 Конституции РФ, в соответствии с которой «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Названное противоречие в законодательстве также нуждается в разрешении.

Следующая проблема заключается в том, что в Положении не определены сроки приема Российским фондом федерального имущества изъятого имущества, передаваемого на реализацию или уничтожение. На практике это нередко приводит к их растягиванию. Следовательно, иногда истекают предельные сроки проведения административного расследования, дело может быть уже передано на рассмотрение в суд или даже рассмотрено. Вопрос же о том, с каким органом в этом случае должно осуществляться взаимодействие Российского фонда федерального имущества, Положение оставляет без ответа (Граев А. А. Уничтожение изъятых вещей – орудий совершения или предметов административного правонарушения // Законность. 2008. № 10. С. 47).

Таким образом, необходимо установить конкретные сроки приема имущества на реализацию и уничтожение Российским фондом федерального имущества, причем они должны быть согласованы со сроками производства по делу об административном правонарушении, так как изъятие

вещей и документов – действие, ограничивающее конституционные права личности. Роль суда в механизме обеспечения законности и обоснованности изъятия должна быть усилена за счет предварительного (дача разрешения на производство отдельных видов изъятия) и последующего (рассмотрение жалоб на действия должностных лиц, производивших изъятие вещей и документов) контроля.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях являются процессуальные действия, осуществляемые уполномоченными на то лицами в процессе возбуждения и рассмотрения дел об административных правонарушениях. Данные меры четко закреплены в гл. 27 КоАП РФ, когда другие меры административного принуждения содержатся в различных нормативно-правовых актах. К сожалению, при практическом использовании мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях возникает ряд проблем, требующих скорейшего разрешения.

Решение этих проблем возможно лишь при устранении пробелов в законодательстве. Внесение изменений и дополнений в нормативно-правовые акты будет способствовать эффективному применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях на практике, что увеличит уровень общественного порядка в РФ.

Библиографический список

1. Граев, А. А. Уничтожение изъятых вещей – орудий совершения или предметов административного правонарушения / А. А. Граев // Законность. – 2008. – № 10.
2. Колотуша, В. В. Идея силового принуждения в истории философской мысли / В. В. Колотуша // Соц.-гуманит. знания. – 2008. – № 4.
3. Майоров, В. И. Временный запрет деятельности: проблемы правоприменения / В. И. Майоров // Соврем. право. – 2006. – № 4.
4. Россинский, Б. В. Проблемы применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях / Б. В. Россинский // Закон. – 2005. – № 3.
5. Якимов, А. Ю. Меры административного принуждения / А. Ю. Якимов // Государство и право. – 2008. – № 7.

Bibliographical list

1. Graev, A. A. Destruction of Seized Things – Instruments or Objects Used When Committing an Administrative Offense / A. A. Graev // Zakonnost. – 2008. – № 10.
2. Kolotusha, V. V. The Idea of the Power Coercion in the History of Philosophical Thought / V. V. Kolotusha // Sotsialno-gumanitarnie Znaniya. – 2008. – № 4.
3. Mayorov, V. I. Temporary Prohibition of Activity: Problems of Law Enforcement / V. I. Mayorov // Sovremennoe Pravo. – 2006. – № 4.
4. Rossinskiy, B. V. Problems of Application of Measures for Securing Proceedings on Administrative Offences / B. V. Rossinskiy // Zakon. – 2005. – № 3.
5. Yakimov, A. Y. Measures of Administrative Coercion / A. Y. Yakimov // Gosudarstvo i Pravo. – 2008. – № 7.

С. В. Кисляков,
*специалист цикла общеправовых дисциплин
центра профессиональной подготовки УВД
по Владимирской области*

S. V. Kislyakov,
*specialist in a number of general legal disciplines
at the Professional Training Centre of ATC
(Air Traffic Control) of Vladimir region*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Some Problems of the Initial Stage of Investigation of Traffic Accidents

Аннотация. В статье проанализировано проведение первоначального этапа расследования ДТП. Обозначены проблемы установления тяжести вреда, причиненного потерпевшему, а также качественного проведения осмотра места происшествия. Предлагается система мер, направленных на совершенствование механизма установления максимально подробной информации о характере совершения ДТП и особенностях проведения первых следственных действий.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, закон, первоначальный этап расследования, осмотр места происшествия.

Annotation. The analysis of conducting the initial stage of the traffic accidents investigation is introduced in the article. The problems of the determination of gravity of damage, caused to the victim as well as the thorough inspection of the accident scene are covered. A system of measures is offered with the purpose to perfect the mechanism of ascertaining detailed information concerning the way a traffic accident was committed and the peculiarities of conducting initial investigative actions.

Key words: traffic accident, law, initial stage of the investigation, inspection of the accident scene.

Ежегодно на дорогах мира погибает в среднем 1 млн 300 тыс. человек и около 50 млн получают ранения различной степени тяжести. Подавляющее большинство потерпевших в результате дорожно-транспортных происшествий (далее: ДТП) – это подростки и молодежь. В связи с этим 19–20 ноября 2009 г. в г. Москве состоялась «Первая всемирная министерская конференция по безопасности дорожного движения: время действовать!» (URL: <http://www.1300000.net/pressreleases/articles/pressrelease10.html>).

Решение о ее проведении было принято Генеральной Ассамблеей ООН по предложению Российской Федерации. В докладе Всемирной организации здравоохранения «О состоянии безопасности дорожного движения в мире» впервые проведена общая оценка ситуации в 178 странах. Согласно прогнозам данной организации, если срочно не будут приняты неотложные меры, то к 2030 г. дорожно-транспортный травматизм возрастет и займет пятое место в списке основных причин смертности (сегодня травматизм в результате ДТП находится на 9–10-м месте), число жертв предположительно достигнет 2,4 млн в год, 75 млн получают ранения разной степени тяжести. Участниками конференции была отмечена назревшая необходимость скоординированных действий по борьбе с ДТП и их профилактике. Россия в очередной раз подтвердила готовность не только изучения опыта других стран, но и представить свои наработки в данной сфере. Проблема безопасности на дорогах уже давно перестала быть внутренним делом отдельных государств, настало время действовать совместно. В связи с этим на уровне национальных законо-

дательств требуется создать единые для всех государств нормы, регламентирующие поведение водителей на дорогах, например, лишение права управления транспортным средством в одной стране должно сохраняться на территории другой (URL: <http://www.1300000.net/pressreleases/articles/pressrelease10.html>). Кроме того, Президент РФ Д. А. Медведев выдвинул такие инициативы, как необходимость обязательного обучения водителей оказанию доврачебной помощи попавшим в ДТП, а также усовершенствование программы обучения вождению (Там же).

На актуальность обозначенной проблемы неоднократно обращали внимание руководители различных ведомств, служб и подразделений различных уровней. Так, министр внутренних дел России Р. Нургалиев отмечал, что эффективная борьба со смертностью в ДТП в современном мире возможна только путем консолидации усилий представителей международного сообщества (Там же).

Главный государственный инспектор безопасности дорожного движения Российской Федерации В. Н. Кириянов отмечает: «России есть, что продемонстрировать, страна успешно осуществляет комплексный и программно-целевой подход к решению данной проблемы и уже есть конкретные результаты» (Там же). Однако никакие положительные изменения в данной области, по нашему мнению, не должны привести к самоуспокоению, каждый участник дорожного движения должен работать в первую очередь над собой, над культурой поведения. Остро стоит вопрос о совершенствовании системы оказания первой помощи пострадавшим в ДТП, а также

законодательной базы, поскольку, несмотря на общее снижение аварийности в Российской Федерации за последние два года, ее уровень продолжает оставаться высоким. В основном ДТП совершаются по неосторожности, тем не менее в случае виновного нарушения лицом Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в результате которого причинен тяжкий вред здоровью человека, наступает уголовная ответственность (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко. М., 2008. С. 504). Несмотря на общую разработанность методики раскрытия и расследования ДТП в целом, установление всех обстоятельств такого происшествия по-прежнему представляет значительную сложность для принятия объективного решения, так как лежит на стыке различных наук, в частности физики, химии, математики, медицины, психологии и, безусловно, юриспруденции. Кроме того, на сложность расследования дел, связанных с ДТП, оказывает влияние постоянный рост технической оснащенности автомобильного парка.

Вместе с тем, изучая криминалистическую литературу и научные труды ученых-криминалистов, можно определить основные стадии расследования ДТП:

- осмотр места происшествия;
- установление и опрос очевидцев;
- сбор вещественных доказательств, назначение экспертиз.

Каждая из стадий выполняет ряд функций, позволяющих в будущем расследовать совершенное противоправное деяние, будь то умышленные действия субъекта правонарушения (преступления) или его неосторожный (халатный) поступок, приведший к негативным последствиям.

Не умаляя значения всех производимых в ходе расследования ДТП следственных действий, отметим, что именно осмотр места происшествия является основным источником информации о происшествии на первоначальном этапе расследования подобного рода преступлений.

По мнению В. А. Городокина, с целью качественного осмотра места происшествия следователь должен решить задачу комплексного рассмотрения следственного действия с позиции уголовного процесса, криминалистики, медицины, психологии и т. д. (Городокин В. А. Использование специальных автотехнических знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 3). Несмотря на то, что данный вопрос в различные периоды подробно рассматривался учеными-криминалистами (В. Д. Арсеньев, Р. С. Белкин, А. И. Винберг, Л. В. Виницкий, И. Н. Якимов и

др.), рассматриваемая тема и сегодня не потеряла своей актуальности. Традиционно расследование ДТП подразделяется на первоначальную стадию расследования и последующие стадии. Как показывает анализ 145 уголовных дел и опрос 124 сотрудников, осуществляющих расследование ДТП, именно в ходе осмотра места происшествия на первоначальном этапе расследования допущается больше всего просчетов, выражающихся как в неверной оценке и интерпретации найденных следов, так и в невозможности обнаружить значимые следы, имеющие отношение к исследуемому происшествию.

В ходе анкетирования, проведенного в Рязанской и Кировской областях, получены следующие результаты:

- в 74 % изученных ДТП выезд на место осуществлялся сотрудником – инспектором ГИБДД, а не следственно-оперативной группой с необходимыми для этого участниками;
- 52 % изученных ДТП осмотр прилегающей к месту происшествия территории не производился, осматривалось только дорожное полотно;
- 56 % изученных материалов отсутствуют сведения о зонах действия дорожных знаков на данном участке дороги.

Более 80 % опрошенных сотрудников ГИБДД отмечают низкую техническую оснащенность привлекаемых к осмотру сотрудников и их слабую криминалистическую подготовку, необходимую для качественного сбора, исследования и использования вещественных доказательств.

Не удивительно, что в сложившейся ситуации сотрудники, осуществляющие дальнейшее расследование ДТП, затрудняются в определении тяжести причиненного вреда здоровью (это отмечают 48 % респондентов).

При соблюдении соответствующих нормативных правовых актов, указаний и рекомендаций, разработанных ведомствами, осуществляющими контроль за безопасностью дорожного движения, большинства названных проблем, возникающих в ходе осмотра, можно было бы избежать. Например, основанием для выезда сотрудника, осуществляющего контроль за дорожным движением или распорядительно-регулирующие действия, на место ДТП является указание дежурного (Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения : приказ М-ва внутренних дел Рос. Федерации от 2 марта 2009 г. № 185 // Рос. газ. 2009. 7 июля).

При наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 264 «Нарушение Правил дорож-

ного движения и эксплуатации транспортных средств» или ст. 268 «Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта» УК РФ (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. С. 504–510) процессуальные действия на месте ДТП осуществляются следственно-оперативной группой, направляемой дежурной частью органа внутренних дел. Согласно п. 207 приказа МВД РФ от 2 марта 2009 г. № 185 при отсутствии признаков указанных преступлений производство по делу об административном правонарушении или отказ в возбуждении дела об административном правонарушении на месте ДТП осуществляется дежурным по выезду на место ДТП или сотрудником, направляемым дежурной частью органа управления (подразделения).

Безусловно, расследование обстоятельств ДТП, повлекших вред средней тяжести или тяжкий вред здоровью, представляет определенную трудность для принятия объективного решения сотрудником, основываясь на его визуальном наблюдении полученного потерпевшим вреда здоровью. На первоначальном этапе расследования сотрудник (чаще всего это инспектор ГИБДД), направляемый дежурной частью органа управления (подразделения), обязан определить вид тяжести вреда здоровью, хотя не имеет специальных познаний по определению тяжести вреда здоровью.

Возможно, следует привлекать для этого сотрудников скорой помощи или других специалистов, например медицинских работников, включив их в состав следственно-оперативной группы. Помощь специалиста очевидна, особенно при составлении схемы ДТП, в поиске, оценке и фиксации следов, вещественных доказательств, их предварительной оценке, что без труда смогут обеспечить специалист-криминалист и эксперт-автотехник, привлекаемые для осмотра места происшествия по ДТП.

В таких условиях легко можно объективно и качественно произвести осмотр места происшествия, а в последующем с учетом полученного результата выполнить задачу всестороннего и полного исследования события. Анализ нового законодательства, которым руководствуются сотрудники ДПС в своей повседневной деятельности в части оформления ДТП (приказ МВД РФ от 2 марта 2009 г. № 185), показывает, что улучшение качества расследования ДТП по-прежнему является актуальной проблемой. Так, определение тяжести вреда здоровью (а следовательно, и направление всего расследования происшествия), полученного при ДТП, законодателем возлагается на должностное лицо – сотрудника, не обладающего специальными знаниями по определению вреда здоровью, что противоречит гл. 27 УПК РФ «Производство судебной экспер-

тизы» (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Б. Борисова. М., 2008. С 399–419) и в конечном счете приводит к информационным потерям, вызванным некачественным осмотром места ДТП, и, как результат, низкому уровню качества расследования обстоятельств ДТП.

В качестве примера можно привести следующий. Восьмого ноября 2007 г. в г. Владимире около 10.40 в районе д. 6 по ул. В. Дуброва было совершено ДТП на пешеходном переходе, в результате которого водитель К., управляя автомобилем СЕАЗ-11113, причинил пешеходу (малолетней) О. тяжкий вред здоровью. Прибывший на место ДТП сотрудник – инспектор ГИБДД составил схему ДТП и протокол осмотра места происшествия, произвел опрос очевидцев и объяснения водителя. Предупреждающий знак 1.23 «Дети» со знаком дополнительной информации (табличкой) 8.2.1 «Зона действия 300 метров», установленные перед местом наезда на пешехода, в схеме ДТП не были указаны. По факту ДТП было возбуждено административное производство, которое в течение трех месяцев свелось к ожиданию результатов судебно-медицинской экспертизы о степени тяжести вреда здоровью, и в конце февраля 2008 г. дело было передано в следственное управление при УВД Владимирской области. В конце апреля 2008 г. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием признаков состава преступления. В связи с большим количеством времени, прошедшего с момента ДТП, некоторые вещественные доказательства были безвозвратно утеряны, а обстоятельства не установлены.

Этого можно было бы избежать, если первоначальные следственные действия были проведены более качественно, поскольку согласно ст. 176 УПК РФ осмотр места происшествия представляет собой процессуальное действие, которое обычно имеет безотлагательный характер и связано с необходимостью в кратчайшие сроки зафиксировать наибольшее количество фактов, обстоятельств, вещественных доказательств по уголовному делу (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. С. 364).

С целью совершенствования процессуального механизма осмотра места совершения ДТП (осмотр места происшествия), по нашему мнению, необходимо:

1) укомплектовать следственно-оперативную группу, осуществляющую выезд на место происшествия, следующими сотрудниками: специалист-криминалист, специалист-автотехник, следователь, дознаватель, судебно-медицинский эксперт;

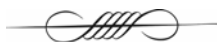
2) оборудовать экипажи ДПС ГИБДД современными техническими специальными средствами, а именно: цифровыми фото- и видеокамерами, лазерными дальномерами, цифровыми средствами измерения и другими средствами;

3) повысить качественный уровень подготовки сотрудников, выезжающих на место ДТП, в части, касающейся профессионального и грамотного проведения первоначальных следственных действий.

Кроме того, на межведомственном уровне (МВД России и Минздравсоцразвития России)

следует принять соответствующий нормативный акт, регламентирующий порядок расследования ДТП, в которых причинен вред здоровью человека.

Реализация предложенных мер будет способствовать не только эффективному проведению первоначального осмотра места происшествия при совершении ДТП, но и позволит избежать следственных и судебных ошибок в будущем, например, при принятии решения о виновности (невиновности) человека.

Библиографический список

1. *Городокин, В. А.* Использование специальных автотехнических знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Городокин В. А. – Екатеринбург, 2009.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко. – М., 2008.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Б. Борисова. – М., 2008.

Bibliographical list

1. *Gorodokin, V. A.* Use of Special Autotechnical Knowledge During the Investigation of Crimes, Connected with Violation of Traffic Safety Rules and Exploitation of Transport Facilities / Gorodokin V. A. – Yekaterinburg, 2009.

2. The Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / ed. by V. I. Radchenko. – M., 2008.

3. The Commentary to the Criminal Executive Code of the Russian Federation / ed. by A. B. Borisov. – M., 2008.

ИНСТИТУТ ВЫДАЧИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ЗНАЧЕНИЕ

The Institution of Extradition in Criminal Procedure: Definition of the Concept and Its Meaning

Аннотация. В статье проанализированы определения понятия экстрадиции ряда авторов. В исследовании предложен авторский вариант понятия экстрадиции. Рассмотрен вопрос о субъектном составе правоотношений выдачи, имеющий ограниченный характер, обусловленный особенностями правового регулирования и правовой природы института выдачи лиц.

Ключевые слова: выдача лиц, выдача преступников, институт экстрадиции, международные соглашения, международные судебные учреждения, передача лиц, подозреваемый, субъект выдачи, уголовный процесс.

Annotation. The descriptions of the concept of extradition belonging to a number of authors are analyzed in the article. The author's approach to defining extradition is also offered. The article considers the problem of the subject composition in legal relationships of extradition, which has limited content due to the features of the legal regulation and legal nature of the institution of extradition.

Key words: surrender of persons, surrender of criminals, the institution of extradition, international treaties, international judicial institutions, transferring of persons, suspect, subject of extradition, criminal procedure.

Экстрадиция является одним из ключевых аспектов международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Это особый правовой институт, предусмотренный действующим российским законодательством (ч. 2 ст. 63 Конституции РФ, ч. 1 ст. 13 УК РФ, гл. 54 УПК РФ).

Выдача лиц находится в сфере регулирования одновременно нескольких областей права. Так, регулирование выдачи лиц предусмотрено международным, уголовным, уголовно-процессуальным и другими сферами права. Специфика выдачи состоит в том, что уполномоченные субъекты международного права на основании как международных, так и национальных норм вступают в правоотношения с целью привлечения к ответственности лица, которое обвиняется или осуждено за совершение преступления, т. е. прибегают к ограничению определенных прав и свобод этого лица. Несмотря на значительное законодательное обеспечение, экстрадиция не получила четкого определения ни в одной из действующих в Российской Федерации правовых норм в целом и в уголовном процессе, в частности.

Вопросами экстрадиции занимались многие отечественные и зарубежные ученые. Однако и специалисты не пришли к единому мнению о том, что следует понимать под термином «экстрадиция». Среди большого количества вариантов мы выделим и проанализируем некоторые дефиниции, отражающие основные подходы к определению этого правового института.

Одно из наиболее кратких определений содержится в Юридическом энциклопедическом словаре: «Выдача преступников (экстрадиция) – это передача одним государством другому лица, преследуемого за совершенное преступление, для привлечения его к уголовной ответственно-

сти или для исполнения вынесенного ему приговора» (Юридический энциклопедический словарь. М., 1987. С. 67).

Л. Н. Галенская определяет выдачу как «процесс передачи преступника государством в соответствии с нормами международного права другому государству для привлечения к уголовной ответственности или применения уголовного наказания» (Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. М., 1972. С. 122).

По мнению А. В. Степанова, «выдача – это государственный акт, в силу которого лицо, обвиняемое или уже осужденное за преступление, совершенное им за пределами того государства, на территории которого оно в данный момент проживает, передается правительству государства, компетентного судить его и наказать» (Степанов А. В. О выдаче преступников // Юрид. вестн. 1884. № 7. С. 322–323).

В. К. Звирбуль и В. П. Шупилов считают, что выдача преступников – это акт правовой помощи, осуществляемый соответственно положениям специальных договоров и норм национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства, состоящий в передаче преступника другому государству для суда над ним или для выполнения вынесенного приговора (Звирбуль В. К., Шупилов В. П. Выдача уголовных преступников. М., 1974).

Р. М. Валеев, отмечая, что «выдача преступников относится к тем институтам международного права, которые находятся на стыке международного и внутригосударственного права», считает важным отобразить комплексный характер института и потому рассматривает выдачу как «...основанный на международных договорах и общепризнанных принципах международ-

ного права акт правовой помощи, состоящий в передаче обвиняемого или осужденного государством, на территории которого он находится, требующему его передачи государству, где требуется лицо совершило преступление или гражданином которого оно является, или государству, потерпевшему от преступления, для привлечения к уголовной ответственности, или для приведения в исполнение приговора» (Валеев Р. М. Выдача преступников в современном международном праве. Казань, 1976. С. 57).

И, наконец, О. И. Виноградова предлагает еще одно довольно широкое определение выдачи: «Под выдачей необходимо понимать процесс, основанный на международных договорах, общепризнанных принципах международного права, нормах внутреннего законодательства и связанный с предоставлением государствами правовой взаимопомощи, которая состоит в передаче подозреваемого, обвиняемого или осужденного государством, на территории которого он находится, государству, на территории которого он совершил преступление, или гражданином которой он является, или государству, потерпевшему от преступления, для привлечения его к уголовной ответственности или выполнению вынесенного приговора суда» (Виноградова О. И. Выдача (экстрадиция) лиц, которые совершили преступление // Адвокат. 1999. № 1. С. 14).

Мы полагаем, что экстрадицию действительно следует рассматривать как процесс, а не как одновременный акт, поскольку она состоит из нескольких процессуальных действий. Причем фактическая передача лица на межгосударственном уровне или на территории одного из государств является неотъемлемой составляющей процесса выдачи, но не самодостаточной. Некоторые специалисты считают, что акт передачи – это следствие выдачи. Однако акт передачи не является результатом выдачи, а процедура выдачи не заканчивается актом передачи. Даже если рассматривать выдачу исключительно как процесс волеизъявления уполномоченного органа государства о передаче лица запрашивающей стороне, с приведенным тезисом нельзя согласиться потому, что таким образом изменяется предмет правового регулирования экстрадиции, из него исключается ряд процессуальных действий, ограничиваются права и компетенция субъектов данных правоотношений и, вообще, необоснованно усложняется структура института.

Подход, согласно которому выдача расценивается как акт правовой помощи, на первый взгляд не противоречит приведенному выше тезису, ведь даже в этом смысле ее следует рассматривать как процесс. Однако если в выдаче как акте правовой помощи усматривать исключительно физическую передачу лица, а осталь-

ные действия расценивать как подготовку к последствиям такого акта, тогда границы института экстрадиции (опять же безосновательно) сужаются, и он становится тождественным одному из этапов передачи осужденных для отбывания наказания. Итак, выдачу нужно рассматривать исключительно как процесс.

Следует обратить внимание на то, что почти все вышеперечисленные авторы используют термин «выдача преступников». В последнее время в национальной правовой доктрине преобладает мнение о том, что данный термин не в полной мере соответствует содержанию института экстрадиции. О выдаче преступников можно говорить лишь тогда, когда речь идет о выдаче осужденного лица для исполнения вынесенного в отношении его приговора суда. Приговор должен быть обвинительным и вступившим в законную силу. Только при таких обстоятельствах лицо признается преступником.

Принятие термина «выдача преступников» в отношении тех правоотношений, которые касаются выдачи лиц для привлечения их к уголовной ответственности, является, по меньшей мере, ошибочным. Неправильное использование данного термина необоснованно сужает предмет правового регулирования института экстрадиции и ограничивает сферу применения его норм. Ввиду этого правильнее было бы использовать термин «выдача» или «выдача лиц».

Обоснованно возникает вопрос: следует ли включать в определение института экстрадиции источники правового регулирования выдачи, как это предлагают, в частности, Л. Н. Галенская, Р. М. Валеев, В. К. Звирбуль, В. П. Шупилов и А. И. Виноградова, и если – да, то какие именно? Прежде всего, нужно согласиться с тем, что источники правового регулирования выдачи должны быть включены в определение экстрадиции. С одной стороны, это сразу указывает на круг правовых норм, которыми следует руководствоваться, вступая в экстрадиционные правоотношения (то, что отношения выдачи являются правоотношениями, не вызывает сомнений прежде всего потому, что экстрадиционные отношения урегулированы нормами права). С другой стороны, при соответствующей и полной формулировке становится понятным, что институт находится не только на грани международного и национального права, но и на стыке нескольких отраслей права (международного, конституционного, уголовного, уголовно-процессуального и других), что свидетельствует в первую очередь о его комплексности и определяет место среди других правовых институтов. Без этого признака определение будет неполным.

По поводу того, стоит ли ограничиться лишь нормами международного права, как это делает,

например, Л. Н. Галенская, или следует добавить также нормы национального права, необходимо заметить, что последняя точка зрения является более адекватной и отвечающей требованиям практики. Действительно, во многих случаях национальное законодательство не предусматривает непосредственного применения норм международных соглашений национальными органами власти и суда, как, например, в Великобритании, Германии, Австрии, Бразилии, Швеции, Италии и ЮАР. Поэтому самым простым выходом из ситуации для уполномоченных органов таких стран является применение национальных норм (Галенская Л. Н. Указ. соч.). Таким же образом в качестве альтернативы можно решать коллизии между нормами национального законодательства и требованиями международных соглашений. И, наконец, ряд процессуальных действий, которые являются неотъемлемой составной частью процедуры экстрадиции, урегулированы лишь национальным уголовно-процессуальным законодательством. Поэтому в определении следует говорить и о международных соглашениях, и о нормах национального права.

Формулируя определение, важно также помнить о том, что институт выдачи непосредственно касается минимум трех принципов международного права: принципа суверенного равенства, принципа невмешательства во внутренние дела государств и принципа уважения прав человека. Безусловно, институт выдачи должен учитывать и соблюдать требования каждого из них, поскольку, как показывает практика, пренебрежение общепризнанными принципами международного права приводит к обжалованию и отмене решений об экстрадиции лица, становится непреодолимым препятствием на пути привлечения лица к ответственности или исполнения приговора суда. Иначе говоря, не достигается цель экстрадиции. Следовательно, необходимость соблюдения общепризнанных принципов международного права крайне важно отразить в определении выдачи.

Во всех приведенных определениях ошибочно выделен субъектный состав экстрадиционных правоотношений. Речь идет не только об ошибочном использовании термина «выдача преступников», который, как отмечалось, сужает предмет правового регулирования института экстрадиции и ограничивает сферу применения его норм, и путанице с использованием терминов «подозреваемый», «обвиняемый», «осужденный». Речь идет о том, что вышеупомянутые ученые единодушно считают, что в правоотношения выдачи вступают исключительно государства. Например, О. И. Виноградова пишет: «...В выдаче преступника принимают участие по меньшей мере два государства...» (Виноградо-

ва О. И. Указ. соч. С. 13–14). Такой подход следует считать ошибочным, поскольку из круга субъектов правоотношений исключается ряд уполномоченных органов и учреждений. К ним, в частности, относятся Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г., Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид, совершенный на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид, совершенный на территории соседних государств в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. Уставы указанных международных учреждений прямо предусматривают их участие в экстрадиционных правоотношениях, более того, обязывают государства выдавать граждан, находящихся в юрисдикции трибуналов (Устав Международного трибунала по Руанде. Ст. 28. URL: http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=995_d65). Поэтому, формулируя определение экстрадиции, следует говорить об участии государства, с одной стороны, и другого уполномоченного субъекта международного права, с другой.

По тем же причинам было бы непоследовательным указывать в определении на категории государств, имеющих право требовать выдачу, как предлагает, в частности, Р. М. Валеев (Валеев Р. М. Указ. соч.).

Анализируя цель экстрадиции, важно обратить внимание на следующие моменты. С точки зрения большинства международных соглашений (этого мнения придерживаются многие ученые) целью экстрадиции является привлечение лица к уголовной ответственности или исполнение вынесенного в отношении его приговора суда. С таким мнением следует согласиться, поскольку приведенная трактовка является наиболее точной. Однако она признается не всеми авторами. Пожалуй, самым дискуссионным следует считать взгляд М. Д. Шаргородского (его частично разделяет Л. Н. Галенская), который полагает, что целью выдачи является суд над лицом или применение к нему наказания (Шаргородский М. Д. Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве // Вестн. Ленингр. ун-та. 1947. № 8. С. 45). Такая точка зрения была правильно подвергнута критике, поскольку перед экстрадицией не стоит задача наказать человека. И хотя среди специалистов нет единодушия, некоторые авторы, например В. Э. Грабарь, считают, что целью выдачи является не наказание, а обеспечение неотвратимости уголовной ответственности (Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 1958). Так,

С. Лихова пишет: «...выдача как акт межгосударственной правовой помощи проводится с целью принятия запрашивающим государством комплекса действий в уголовном преследовании лиц, обвиняемых в совершении экстрадиционно-го преступления, а не для обязательного применения в дальнейшем уголовного наказания. Безусловно, при доказанности вины лица в совершении преступления и при наличии достаточных оснований в его отношении по приговору суда может быть применено уголовное наказание. Однако при выдаче государства не ставят перед собой цель применить в отношении лица, подлежащего выдаче, наказание. Их действия направлены на обеспечение неотвратимости уголовной ответственности. Вопрос применения к лицу уголовного наказания является исключительной компетенцией суда государства, которому лицо выдано» (Лихова С. Актуальные вопросы совершенствования института экстрадиции // Право. 2001. № 1. С. 120–124).

Нельзя согласиться и с тем, что целью выдачи является суд над личностью. Когда лицо выдают в качестве обвиняемого, целью является не только предание лица суду, но и надлежащее завершение предварительного расследования по его делу. Понятно, что когда лицо выдают на основании обвинительного приговора суда для приведения его в исполнение, о суде над личностью можно говорить лишь в том случае, если лицо будет пытаться законными путями изменить действующий приговор суда.

Последние два аспекта, на которых мы остановимся, – это отделение выдачи от высылки и взгляд на выдачу как на акт юридической помощи.

О. И. Виноградова, в частности, отмечает: «...В акте выдачи участвуют два государства, одно из которых выдает преступника, а второе его принимает. Это важный признак экстрадиции преступников, поскольку, если преступника никто не принимает, то можно говорить о высылке, запрещении проживания в пределах государства, но не о выдаче» (Виноградова О. И. Указ. соч. С. 13–14). Мы не разделяем эту точку зрения. Почти все определения выдачи говорят о том, что процедура экстрадиции на одном из этапов заключается в передаче лица. Если нет контрагента, т. е. уполномоченного субъекта международного права, который принимает лицо, правоотношения выдачи не возникают. Но нет здесь и высылки, так как при высылке лицо никому не передают, его просто выдворяют из страны. Таким образом, в процедуре высылки не хватает двух элементов, присущих экстрадиции: стороны, получающей высланного человека, и самой стадии передачи. В правоотношениях высылки нет такого субъекта, как транзитное государство, и еще ряда институтов, но двух перечисленных при-

знаков достаточно для доказательства ошибочности приведенного тезиса О. И. Виноградовой.

И, наконец, является ли выдача актом правовой помощи? Безусловно, да. Свидетельством того выступает ряд международно-правовых норм, где выдача находится в списке видов правовой помощи, которую соглашаются предоставлять государства – участники соглашений. Кроме того, следует заметить, что выдача по своей сути является тем единственным путем и средством, с помощью которого государство может реализовать национальные правовые нормы за рубежом, когда лицо как субъект правоотношений не желает добровольно предстать перед судом.

Основной закон Российской Федерации (1993 г.) содержит норму, согласно которой гражданин Российской Федерации не может быть выслан за ее пределы или выдан другому государству (ч. 1 ст. 61). Характерно, что ранее действовавшая Конституция, как и ч. 3 ст. 1 Закона РФ от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации» (Рос. газ. 1992. 6 февр.), запрещая выдачу российских граждан, допускала ее осуществление в случаях, установленных законом или международным договором (Беляев С. С. Юридическая регламентация института экстрадиции (выдачи) // Государство и право. 1998. № 1. С. 99). На уровне же ч. 1 ст. 61 действующей Конституции Российской Федерации установлен безусловный запрет выдачи собственных граждан другому государству. Надо сказать, что данный принцип был последовательно проведен в УК РФ 1996 г., в ч. 1 ст. 13 которого зафиксировано, что «граждане Российской Федерации, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству».

Итак, выдача – это процесс, который основывается на международных соглашениях, нормах национального законодательства с соблюдением общепризнанных принципов международного права и заключается в предоставлении государствами правовой помощи в виде передачи лица государством, на территории которого оно находится, другому уполномоченному субъекту международного права для уголовного преследования или исполнения вступившего в законную силу обвинительного приговора суда (гл. 54 УПК РФ).

Таким образом, проанализировав понятие и значение института выдачи в уголовном процессе Российской Федерации, можно сделать следующие выводы.

1. Несмотря на попытки ряда специалистов определить понятие экстрадиции емко и лаконично, приведенные в правовой литературе определения справедливо подвергаются критике.

2. С учетом основных взглядов на определение данного понятия под экстрадицией следует

понимать процесс, который основывается на международных соглашениях, нормах национального законодательства с соблюдением общепризнанных принципов международного права и заключается в предоставлении государствами правовой помощи в виде передачи лица государством, на территории которого оно находится, другому уполномоченному субъекту международного права для уголовного преследования или исполнения приговора (гл. 54 УПК РФ).

3. Субъектный состав правоотношений выдачи имеет ограниченный характер, обусловленный особенностями правового регулирования и правовой природы института выдачи лиц. Субъектами экстрадиционных правоотношений выступают государство и международные судебные учреждения.

4. Правовые основания выдачи лиц состоят из международных соглашений об экстрадиции, об оказании правовой помощи, о борьбе с отдельными видами преступлений; соглашений *ad hoc* о выдаче; норм национального законодательства, уставных документов международных судебных учреждений. При этом приоритетное значение имеют международно-правовые нормы.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости дальнейшего обобщения и глубокого анализа накопленного теоретического и практического материала, оценки отдельных тенденций и разрешения на этой основе проблем, связанных с понятием и значением института выдачи (экстрадиции) в уголовном процессе Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Беляев, С. С.* Юридическая регламентация института экстрадиции (выдачи) / С. С. Беляев // Государство и право. – 1998. – № 1.
2. *Валеев, Р. М.* Выдача преступников в современном международном праве / Р. М. Валеев. – Казань, 1976.
3. *Виноградова, О. И.* Выдача (экстрадиция) лиц, которые совершили преступление / О. И. Виноградова // Адвокат. – 1999. – № 1.
4. *Лихова, С.* Актуальные вопросы совершенствования института экстрадиции / С. Лихова // Право. – 2001. – № 1.

Bibliographical list

1. *Belyaev, S. S.* Legal Regulation of the Institution of Extradition (Surrender) / S. S. Belyaev // *Gosudarstvo i Pravo*. – 1998. – № 1.
2. *Valeev, R. M.* Surrender of Criminals in Modern International Law / R. M. Valeev. – Kazan, 1976.
3. *Vinogradova, O. I.* Surrender (Extradition) of Persons Who Committed a Crime / O. I. Vinogradova // *Advocat*. – 1999. – № 1.
4. *Likhova, S.* Current Issues of the Perfection of the Institution of Extradition / S. Likhova // *Pravo*. – 2001. – № 1.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УБЕЖДЕНИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Methodological Aspects of Persuasion in Legal Regulation of Public Relations

Аннотация. В статье рассматриваются методологические аспекты убеждения в правовом регулировании общественных отношений; уделяется внимание историческому аспекту применения метода убеждения в процессе упорядочивания общественных отношений правом. Кроме того, содержатся доказательства того, что убеждение является методом, и предлагается авторское определение данного метода.

Ключевые слова: убеждение, метод, способ воздействия, правовое регулирование общественных отношений.

Annotation. The article deals with methodological aspects of «persuasion» in legal regulation of public relations. The article pays special attention to the historical aspect of using the method of persuasion in the process of regulating public relations with the help of law. Moreover, the article proves that persuasion is really a method and the paper introduces the author's vision of this phenomenon.

Key words: persuasion, method, way of influence, legal regulation of public relations.

В настоящее время правовое регулирование общественных отношений носит весьма сложный и неоднозначный характер. Выполняя ту или иную деятельность в какой-либо сфере, государство воздействует на социальные процессы при помощи особого механизма. Немаловажную роль в этом механизме воздействия права на участников общественных отношений играют методы правового регулирования.

В научной практике сложилось представление о методах правового регулирования. Так, под методом правового регулирования понимают совокупность способов воздействия норм данной отрасли права на поведение людей и регулируемые данной отраслью общественные отношения. Традиционно выделяются четыре метода правового регулирования: императивный (метод властных предписаний, основанный на запретах, обязанностях и наказаниях); диспозитивный (метод равноправия сторон, основанный на дозволениях); поощрительный (метод вознаграждения за определенное заслуженное поведение); рекомендательный (метод совета осуществления конкретного желательного для общества и государства поведения) (Теория государства и права : учеб. для вузов / под ред. М. М. Рассолова, В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. М., 2001. С. 334).

Наряду с рассмотренными выше методами в отечественной юридической науке в качестве общего метода выделяется также убеждение.

В. М. Горшенев выделяет метод убеждения наряду с такими методами правового регулирования, как поощрение и принуждение, и относит их к «активным методам воспитания общественной дисциплины». По его мнению, убеждение состоит в разъяснении широким народным массам намечаемых мероприятий, их значения в подведении личности к осознанию на основе конкретного

опыта необходимости осуществления этих мероприятий (Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 72).

В свою очередь, П. Е. Недбайло также рассматривал убеждение как метод. Ученый отмечал, что «убеждение заключается в формировании у многих людей правильных взглядов и чувств о необходимости добровольного выполнения предписаний, правил и норм в социалистическом обществе» (Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1974. С. 497).

Ряд ученых-криминологов, представляющих советский период развития науки, полагают, что убеждение – это средство или совокупность средств, приемов и способов воздействия на сознание личности, имеющих своей целью доказать необходимость строгого соблюдения законности (Ветров Н. И. Профилактика правонарушений среди молодежи. М., 1980. С. 98). Другие рассматривают убеждение как психологический прием воздействия, который «преследует цель подвести профилактируемого... к внутреннему осуждению антиобщественного поведения и осознанию необходимости изменить его в лучшую сторону...» (Алексеев А. И. Педагогические основы предупреждения преступлений органами внутренних дел : учеб. пособие. М., 1984. С. 69).

Само название «убеждение» свидетельствует о том, что главной его чертой является способность права или государства формировать у тех или иных лиц определенные понятия, представления, суждения или поведение, отвечающие поставленным целям. Однако, по нашему мнению, чтобы лучше понять суть данного метода, необходимо проанализировать его свойства и характерные черты, проявляющиеся на различных исторических этапах.

Так, в первобытном обществе метод убеждения характеризуется простотой и примитивностью своих приемов. В древние времена он основывался на силе традиций, авторитете и уважении, которым пользовались носители социальной власти. В таком обществе не было еще официальных органов, призванных применять меры убеждения для своих целей. Органы родовой организации совпадали непосредственно с населением. Ни внушение, ни кровная месть, ни, наконец, изгнание из рода не требовали специального аппарата для применения мер убеждения; использование в исключительных случаях мер принуждения поддерживалось и одобрялось всем родом, поэтому всякий насильственный аппарат был излишним (Дихтиевский П. В. Убеждение в административной деятельности милиции : учеб. пособие. Вологда, 2000. С. 9).

В современном обществе метод убеждения осуществляется как способ оказания воздействия на личность, группу лиц или общество в целом. Реализация метода убеждения в современной России носит несколько иной характер, чем в период существования СССР. Еще недавно убеждение выступало основным лозунгом всей системы средств правового регулирования общественных отношений. В. И. Ленин писал о том, что «прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны, во что бы то ни стало, сначала убедить, а потом принудить» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 54). Данный лозунг был положен в основу применения метода принуждения исключительно на базе убеждения большинства. Как справедливо заметил Д. Н. Бахрах, «в социалистическом обществе принуждение применялось на базе убеждения» (Бахрах Д. Н. Меры административного и общественного воздействия на правонарушителей. М., 1971. С. 4). То есть начальным методом все же признавался метод убеждения.

Во многих изданиях того времени говорится о проводимой политике Советского государства, направленной на сужение сферы принуждения и расширение сферы действия методов убеждения. Однако реальное положение дел свидетельствует об обратном, а именно о приоритете метода принуждения над методом убеждения в организации общественной жизни. Прежде всего подтверждением этого является наличие большого числа должностных лиц: работники милиции, народные дружинники, ревизоры, инспекторы рыбнадзора и другие – с весьма широкими возложенными на них полномочиями. Следующий факт, свидетельствующий о расширении сферы государственного принуждения, – наличие широкого круга мер государственного принуждения. Например, к числу мер административного принуждения, существовавших в СССР, можно отне-

сти: административное задержание, привод, изъятие имущества, принудительное лечение, административный надзор, штраф, лишение прав, исправительные работы, арест, конфискация и др.

Метод убеждения в названный период реализовывался лишь в общественном воздействии на лиц, склонных к совершению противоправных и аморальных деяний. Общественное воздействие осуществлялось со стороны соседей, товарищей по работе, иных общественных организаций. Оно служило важным средством в воспитании населения, а также в борьбе с правонарушениями и аморальными проступками. Таким образом, метод убеждения работал как непосредственно путем осуждения действий правонарушителя, так и косвенно путем воздействия на его права и интересы.

По нашему мнению, столь малозначительное действие метода убеждения в СССР объясняется тем, что в социалистическом обществе большая часть граждан добровольно подчиняется господствующей воле. Они понимают цели и задачи социалистического государства, одобряют их и активно участвуют в их осуществлении. Оставшаяся часть граждан знает об отрицательных последствиях, которые могут наступить в случае неисполнения правовых предписаний. В данном случае воспитанию привычки соблюдать закон способствовала угроза принуждения.

Рассмотрим современное российское общество. По мнению некоторых ученых, сегодня все приемы и средства воздействия, не имеющие в своей природе (основании) принуждения, могут рассматриваться в качестве элементов сложного по своей структуре метода убеждения (Милюков А. М., Пожарский Д. В. Экономическая функция современного российского государства: цели, структура и механизм реализации на современном этапе : монография. Владимир, 2008. С. 110). Во многих сферах метод убеждения является ведущим и основным. Например, в секторе экономики к данному методу можно отнести: поощрения, стимулы, льготы, рекомендации, запреты и т. п. Развитие экономических отношений в условиях рыночной экономики основано на интересе, идеях демократизма и гуманности. Поэтому в системе средств реализации экономической функции преобладают именно методы убеждения. Однако следует помнить о том, что во всех сферах жизни общества именно государственная власть имеет первостепенное значение, которая помимо авторитета, политического и правового сознания населения обеспечивается в конечном счете государственным принуждением. То есть метод убеждения декларируется как основной, но в любое время государство может прибегнуть к принуждению.

В сфере управления метод убеждения выступает как способ воздействия, направленный на

обеспечение исполнения установленных нормативных предписаний. В сфере государственного управления он выражается в политическом воспитании, привитии чувства и навыков производственной дисциплины, разъяснении стоящих перед коллективом задач. При этом необходимо заметить, что часто в литературе убеждение отождествляется с воспитанием. По нашему мнению, ошибочность такого отождествления состоит в том, что воспитание следует рассматривать как конечную цель всей деятельности, а убеждение – как средство достижения этой цели.

Рассмотрим иную сферу – охрану общественного порядка и общественной безопасности. В деятельности милиции метод убеждения служит достижению ряда конкретных целей: а) формирование правового сознания граждан; б) профилактика правонарушений; в) воспитание внутренней потребности соблюдать закон. Исследуемый метод реализуется и во внутренней организации деятельности ОВД. Например, поощрение сотрудника за образцовое выполнение обязанностей может рассматриваться как одна из форм убеждения. Еще одной важной формой реализации метода убеждения во внутриорганизационной деятельности является обобщение и распространение положительного опыта, использование его в повседневной жизни.

Таким образом, метод убеждения имеет большое значение в правовом регулировании общественных отношений на всех этапах разви-

тия российского общества. Однако Новейшее время наглядно показало возможность появления противоречий в случае преобладания того или иного метода. В связи с этим, с нашей точки зрения, стратегия развития общественных отношений должна учитывать реальные потребности в применении того или иного метода исходя из разумного и научно обоснованного сочетания и применения.

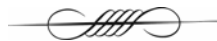
Исследование методологических аспектов убеждения в правовом регулировании общественных отношений позволяет сделать следующие выводы:

1) убеждение действительно является методом правового регулирования, так как реально оказывает воздействие на упорядочение общественных отношений;

2) убеждение – существенный метод в правовом регулировании общественных отношений, так как влияет на формирование и поощрений, и рекомендаций, и дозволений, и запретов;

3) метод убеждения сложился исторически, пройдя несколько этапов общественного развития.

На основании проведенного анализа предлагаем операционное определение метода убеждения: это *способы непосредственного воздействия на сознание и поведение лица, группы лиц или общества в целом, направленные на формирование у него внутренних убеждений в осуществлении соответствующего целям поведения.*

Библиографический список

1. *Алексеев, А. И.* Педагогические основы предупреждения преступлений органами внутренних дел : учеб. пособие / А. И. Алексеев. – М., 1984.
2. *Горшенев, В. М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В. М. Горшенев. – М., 1972.
3. Теория государства и права : учеб. для вузов / под ред. М. М. Рассолова, В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. – М., 2001.
4. Экономическая функция современного Российского государства: цели, структура и механизм реализации на современном этапе : монография / А. М. Милуков, Д. В. Пожарский ; Владимир. юрид. ин-т. – Владимир, 2008.

Bibliographical list

1. *Alekseev, A. I.* Pedagogical Bases of the Prevention of Crimes by Internal Affairs Agencies / A. I. Alekseev. – M., 1984.
2. *Gorshenev, V. M.* Ways and Organizational Forms of Legal Regulation in a Socialist Society / V. M. Gorshenev. – M., 1972.
3. The Theory of State and Law / ed. by M. M. Rassolova, V. O. Luchina, B. S. Ebzeeva. – M., 2001.
4. The Economic Function of the Modern Russian State: Purposes, Structure and Mechanism of Realization at the Present Stage / A. M. Milyukov, D. V. Pozharskiy ; Vladimir Law Institute. – Vladimir, 2008.

Н. В. Кулаженкова,
аспирант кафедры конституционного
и муниципального права
Орловской региональной академии
государственной службы

N. V. Kulazhenkova,
post-graduate student of the Department
of Constitutional and Municipal Law
of Orel Regional Academy of Public Service

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ, МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА**

**Topical Aspects of the Activity of Governmental Bodies and Bodies of Local Self-government
in the Sphere of Family, Motherhood and Childhood Protection**

Аннотация. В статье осуществлен анализ деятельности органов власти в сфере защиты семьи, материнства и детства. Определены социально-правовые факторы, наличие которых говорит об актуальности проблемы защиты прав семьи, матери и ребенка. Рассмотрены особенности деятельности органов государственной власти в сфере защиты семьи, материнства и детства, в частности, Президента РФ, Федерального Собрания, Правительства РФ и др. Особое внимание уделено деятельности Конституционного Суда РФ в сфере государственной защиты семьи, материнства и детства.

Ключевые слова: семья, материнство, детство, государственная защита, права и свободы, органы государственной власти, Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ, Конституционный Суд РФ, местное самоуправление.

Annotation. The article analyzes the activity of the authorities in the sphere of family, motherhood and childhood protection. Social and legal factors which point at the urgency of the problem of protecting the rights of family, motherhood and childhood are defined. Features of the activities of governmental bodies, in particular, of the President of the Russian Federation, The Federal Assembly, the Government and others in the sphere of family, motherhood and childhood protection are considered. Special attention is paid to the activity of the Constitutional Court of the Russian Federation in the sphere of the state protection of family, motherhood and childhood.

Key words: family, motherhood, childhood, state protection, rights and freedoms, governmental bodies, the President of the Russian Federation, The Federal Assembly, the Government of the Russian Federation, the Constitutional Court, local self-government.

Семья, материнство и детство являются необходимым условием существования общества, поскольку без процесса воспроизводства жизнь общества невозможна вообще. В настоящее время феномен семьи, материнства и детства является предметом изучения различных общественных наук. Однако особую роль в изучении семьи, материнства и детства играет правовая наука, поскольку с ее помощью создается юридический механизм защиты прав семьи, матери и ребенка. Происходящие в последнее время в России социально-экономические процессы заставляют уделить особое внимание проблеме защиты указанных категорий ввиду следующих важнейших факторов.

Во-первых, Россия – государство, правовой характер которого проявляется: в признании верховенства права и закона; в реальности прав личности, их правовой защищенности; в осознании государством и гражданами того, что они несут взаимную ответственность; в признании принципа разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви.

Во-вторых, в российском обществе идут попытки создания гражданского общества, которое состоит из множества элементов, таких как: личность, семья, школа, частная жизнь человека и гражданина и система ее гарантий и др.

В-третьих, создание правовых механизмов, которые основаны на демократических идеях и

преследуют такие цели, как: обеспечение охраны конституционного строя, защита прав и свобод личности, повышение авторитета и независимости судебных и правоохранительных органов.

В-четвертых, признание прав и свобод семьи, матери и ребенка непосредственно действующими, т. е. они должны уважаться, соблюдаться и защищаться всеми органами государства без исключения.

В-пятых, органы государственной и муниципальной власти в своей деятельности должны обеспечивать успешную реализацию, соблюдение и защиту прав граждан в целом и семьи, матери и ребенка, в частности.

Таким образом, защита прав семьи, материнства и детства должна складываться:

- из совокупности юридических средств, применяемых в деятельности органов власти по охране и защите интересов указанных категорий лиц;

- предоставления возможности управомоченному лицу применения мер юридического характера для восстановления нарушенного или оспариваемого права;

- одного из приоритетных направлений в государственной политике Российской Федерации, которое осуществляется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и в реализации которых участвуют органы местного самоуправления и иные субъекты.

Однако анализ положения детей в последнее десятилетие в России с очевидностью показывает, что их правовая защищенность продолжает ухудшаться. Так, каждый пятый ребенок рождается больным или заболевает сразу после рождения; более 1 млн детей являются практически инвалидами; за время школьного обучения число физически здоровых детей сокращается в пять раз. Около 2,5 млн детей школьного возраста нигде не обучаются; от 2 до 4 млн – бродяжничают; число детей-сирот превысило 650 тыс. (причем 95 % из них являются так называемыми социальными сиротами, т. е. имеют живых родителей). По экспертным оценкам, за последние 10 лет смертность в результате детских самоубийств выросла на 100 %, уже отмечаются случаи самоубийств среди детей 5–9 лет. Детская преступность выросла за 5 лет в полтора раза. Количество подростков, ежегодно признаваемых больными наркоманией, за 10 лет возросло в 13 раз (URL: <http://ps.1september.ru/> (дата обращения: 12.08.2009).

Однако меры, принимаемые государством, явно не решают проблему по существу. В связи с этим актуальным является комплексный анализ деятельности органов власти в сфере защиты прав семьи, материнства и детства, а также различных точек зрения ученых по данному вопросу, нормативных правовых актов.

Конституция РФ отводит главе государства – **Президенту РФ** – центральное место в федеральной политической системе. Он обязан контролировать соблюдение положений Конституции РФ и в первую очередь защищать права граждан (в том числе семьи, матери и ребенка), провозглашенные в ч. 2 ст. 80 Конституции РФ (Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / В. М. Малиновская. М., 2005). Так, Указом Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 «Об основных направлениях семейной политики» утверждены основные направления государственной семейной политики, в которых сформулированы отношение государства к семье и пути решения проблемы семьи и детства (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 21, ст. 2460). Данная политика исходит: из непреходящей ценности семьи для жизни и развития человека; понимания важности семьи в жизни общества, ее роли в воспитании новых поколений, обеспечении общественной стабильности и прогресса; необходимости учета интересов семьи и детей, а также принятия специальных мер их социальной поддержки в период социально-экономической трансформации общества; учета потребности в определении идеологии, основной цели и первоочередных мер государственной семейной политики в современных условиях российского общества. Таким образом, роль Президента РФ остается ключевой в осуществлении государственной политики в сфере защиты семьи, материнства и детства.

Не менее важным органом власти является и **Федеральное Собрание**, статус которого означает, что парламент выступает официальным представителем всего народа, населяющего Российскую Федерацию, формирует и выражает его волю, самостоятельно принимает наиболее ответственные решения. Кроме того, Конституция РФ характеризует Федеральное Собрание как законодательный орган России, т. е. парламенту предоставляется законодательная власть. Это одна из конституционных функций Федерального Собрания, которая состоит в принятии федеральных законов (федеральных конституционных законов), их изменении и дополнении, а также в осуществлении парламентского контроля за реализацией законов. Вопросы охраны семьи, материнства, отцовства и детства являются, на наш взгляд, одними из наиболее актуальных направлений деятельности российского парламента.

Так, Федеральным Собранием разработан и принят ряд федеральных законов, способствующих развитию практики защиты прав детей и профилактики социального неблагополучия ребенка. К ним относятся федеральные законы: от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3802); от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (Там же. 1996. № 52, ст. 5880); от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (Там же. 1995. № 21, ст. 1929); от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (Там же. 1999. № 26, ст. 3177); от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» (Там же. 2001. № 17, ст. 1643); от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (Там же. 1995. № 50, ст. 4872) и пр. Таким образом, данный краткий обзор позволяет нам сделать вывод о том, что в современном российском обществе состояние дел в области охраны прав семьи, материнства и детства находится не на должном уровне, поэтому необходимо усиление законодательного регулирования в указанной области вполне объяснима. Ведь от того, насколько эффективно защищены права семьи, матери и ребенка, зависит будущее государства.

Согласно ст. 110 Конституции РФ **Правительство РФ** рассматривается как орган государственной власти, осуществляющий исполнительную власть в Российской Федерации. Тем самым Конституция РФ вверяет Правительству РФ реализацию полномочий исполнительной власти как одной из самостоятельных и незави-

симых ветвей государственной власти. Из анализируемых положений указанной конституционной статьи следует, что Правительство РФ несет ответственность за осуществление исполнительной власти в государстве в целом и возглавляет систему органов исполнительной власти (Вопросы системы и структур федеральных органов исполнительной власти : указ Президента Рос. Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 20, ст. 2290).

Кроме того, в самой Конституции РФ имеются положения, предопределяющие необходимость решения Правительством РФ отдельных вопросов государственного управления. Например, из содержания ст. 71 и 72 Конституции РФ вытекают такие полномочия Правительства РФ, как разработка и утверждение федеральных программ в области социального развития страны.

Конкретные мероприятия в деле государственной защиты материнства, детства и семьи содержатся в целевых и федеральных программах Правительства РФ. Так, постановлением Правительства РФ от 3 октября 2002 г. № 732 была утверждена федеральная целевая программа «Дети России» на 2003–2006 годы (Там же. 2002. № 41, ст. 3984). Указанная программа состояла из следующих подпрограмм: «Здоровый ребенок», «Одаренные дети», «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «Дети-сироты» и «Дети-инвалиды».

Восьмого февраля 2007 г. российское правительство одобрило федеральную целевую программу «Дети России» на 2007–2010 годы. Ее реализация на обновленной концептуальной основе предполагает сосредоточить усилия на ряде приоритетных направлений. Среди них: обеспечение безопасного материнства; создание условий для рождения здоровых детей; профилактика заболеваемости и инвалидности в детском и подростковом возрасте; укрепление семьи как социального института; развитие системы социальной защиты семьи; повышение эффективности поддержки социально уязвимых семей с детьми; профилактика семейного неблагополучия, социального сиротства; развитие различных форм семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей; сокращение числа детей в детских интернатных учреждениях.

Кроме того, данная программа предполагает: комплексное решение проблем семей, имеющих детей-инвалидов, обеспечение их полноценной жизнедеятельности в современном обществе; создание условий для выравнивания возможностей выявления и развития природных задатков одаренности в различных областях интеллектуальной и творческой деятельности всех категорий детей – и включает в себя подпрограммы: «Здоровое поколение», «Одаренные дети» и «Дети и семья».

На ее реализацию в течение трех лет Правительство РФ выделит из федерального бюджета 10 млрд 101,7 млн рублей. Финансирование программы предусматривается за счет средств федерального бюджета, а также средств бюджетов субъектов Российской Федерации в порядке софинансирования и при условии разработки субъектами собственных региональных программ, которые будут финансироваться за счет средств собственных бюджетов. Проект предусматривает, что из региональных бюджетов на реализацию этой федеральной целевой программы будет выделено 36,3 млрд рублей и из внебюджетных источников – 1,4 млрд. То есть общий объем финансирования программы в 2007–2010 гг. составит 47,8 млрд рублей (URL: <http://www.allpravo.ru/> (дата обращения: 12.08.2009). Таким образом, в соответствии с Конституцией РФ принято большое количество постановлений Правительства РФ, обеспечивающих права детей в России. Это нормативные правовые документы как общего, так и специального характера, содержащие конкретные нормы, гарантирующие соблюдение прав и интересов детей.

Конституция РФ со всей определенностью устанавливает, что осуществление правосудия по уголовным, гражданским и административным делам является исключительной компетенцией судов – единственных органов государственной власти, осуществляющих судебную власть. В связи с этим рассмотрим деятельность **Конституционного Суда РФ** по защите семьи, материнства и детства. Защита основных прав и свобод человека и гражданина стала одним из главных направлений в деятельности Конституционного Суда РФ после возобновления его заседаний в 1995 г. Предметом рассмотрения по конституционным жалобам уже были нормы различных отраслей права.

В ст. 1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» дается четкое определение Конституционного Суда: это судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 7, ст. 607). В этом определении отражены основные черты Конституционного Суда РФ: правовой статус – судебный орган; функция – осуществление конституционного контроля; главные принципы деятельности – самостоятельное и независимое осуществление судебной власти; процессуальная форма деятельности – конституционное судопроизводство.

Судебный конституционный контроль – особая и самостоятельная сфера деятельности. Такой контроль выражается: в проверке и оценке

посредством специальной процедуры – конституционного судопроизводства – соответствия Конституции РФ законов, других нормативных актов, которые в случае признания их неконституционными утрачивают силу; разрешении споров о компетенции; толковании Конституции РФ. Конституционный Суд РФ действует в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод личности, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ, ее правовой охраны (ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Анализируя положения ст. 2, 4 и 125 Конституции РФ и ст. 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», необходимо отметить, что в них определен круг субъектов, обладающих правом на обращение в суд с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод, чьи права нарушаются законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле. Так, ст. 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливает, что правом на обращение с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле.

В качестве примера приведем постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2007 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 15 Федерального закона “О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год” в связи с жалобой гражданки Т. А. Баныкиной» (Юрид. журн. 2007. № 3). Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Т. А. Баныкиной о нарушении ее конституционных прав положением ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 11 февраля 2002 г. № 17-ФЗ «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год» (Рос. газ. 2002. 14 февр.). Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ оспариваемое заявителем законоположение, устанавливающее максимальный размер пособия по беременности и родам.

В итоге Конституционный Суд РФ вынес постановление о том, что необходимо: «1. Признать норму о максимальном размере пособия по беременности и родам, первоначально установленную частью первой статьи 15 Федерального закона “О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год”... не соответствующей Конституции РФ, ее статьям 19 (часть 1 и 2), 38 (часть 1), 39 (часть 2), 41 (часть 1) и 55 (часть 3),

в той мере, в какой данной нормой – в системе действующего правового регулирования – несоразмерно ограничивается размер пособия по беременности и родам для застрахованных женщин, чей средний заработок превышает предусмотренную в ней предельную сумму; 2. Федеральному Собранию, исходя из требований Конституции РФ и Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”, надлежит в течение шестимесячного срока внести в действующее законодательство изменения, вытекающие из настоящего Постановления; 3. Дело гражданки Баныкиной Татьяны Александровны подлежит пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий; 4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами; 5. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в “Российской газете” и “Собрании законодательства Российской Федерации”. Постановление должно быть опубликовано также в “Вестнике Конституционного Суда РФ”».

Таким образом, на основании рассмотренных положений отметим, что законодательство устанавливает следующие критерии допустимости жалоб: подведомственность дел Конституционному Суду РФ; подсудность как гарантия права на судебную защиту.

Защита семьи, материнства и детства осуществляется и посредством влияния конституционно-правовых норм и решений Конституционного Суда РФ на гражданское судопроизводство. Первым направлением такого влияния является деятельность, нацеленная на расширение сферы судебной защиты гражданских прав. Конституцией РФ не предусмотрена возможность отказа заинтересованному лицу в судебной защите его прав и свобод. Так, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ провозглашает, что судебная защита гарантируется каждому. Следовательно, отраслевое законодательство не вправе произвольно регулировать данный процесс, устанавливая локальные запреты или дополнения. Все ограничения права на судебную защиту, т. е. права на обращение к компетентному суду за защитой прав и интересов, неконституционны.

Второе направление – это деятельность по устраниванию процессуальных положений, которые не могут должным образом гарантировать надлежащую реализацию права на судебную защиту. Конституционное содержание рассматриваемого права определяется гарантиями, необходимыми для его реализации. Взгляд на положения и институты гражданского процессуального права как на сово-

купность гарантий конституционного права на судебную защиту представляется вполне обоснованным. Положения гражданско-процессуального законодательства РФ, вступающие в противоречие с Конституцией РФ и международными договорами РФ, не могут гарантировать реализацию права на судебную защиту.

Третьим направлением влияния является деятельность по устранению коллизий процессуальных норм. Дуализм, образуемый коллизией процессуальных норм, недопустим. Отсутствие единого порядка разрешения процессуальных вопросов отрицательно сказывается на реализации права на судебную защиту. При возникновении коллизии процессуальных норм применению подлежит та из них, которая исходит из приоритета прав человека и гражданина, способствует надлежащей реализации права на судебную защиту.

Существует и другой важный аспект проблемы влияния решений Конституционного Суда РФ на гражданское судопроизводство – восприятие правоприменителем его правовых позиций. Полноценная реализация правовой позиции невозможна без законодательного закрепления.

Таким образом, отметим, что роль Конституционного Суда РФ чрезвычайно важна в формировании единства конституционно-правового пространства и государственной защиты семьи, материнства и детства, в частности.

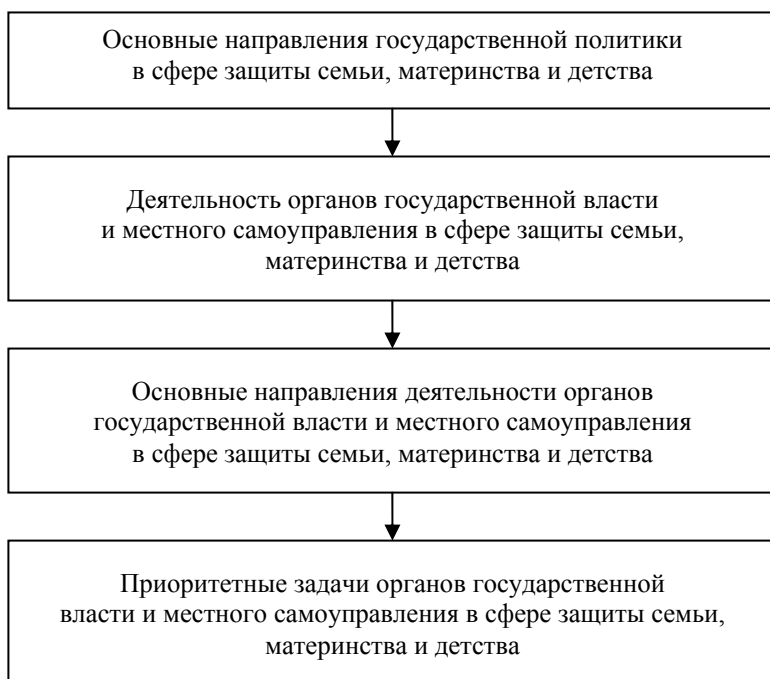
Особую роль в защите семьи, материнства и детства призваны играть **органы местного самоуправления**, которые, будучи органами власти, наиболее приближенными к населению, повсе-

дневно сталкивающимися с вопросами защиты семьи, материнства и детства, обладают соответствующими полномочиями по их решению. В соответствии с нормами ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность местного самоуправления. Вместе с тем необходимо отметить, что на законодательном уровне порой недостаточно четко проводится разграничение компетенции органов государственной власти и органов местного самоуправления в области защиты семьи, материнства и детства и определяются формы участия этих органов в реализации государственной политики в указанной сфере. Все это, безусловно, сказывается на практике работы органов местного самоуправления в сфере защиты семьи, материнства и детства.

Рассматриваемая в настоящей статье проблема, помимо внутригосударственного, имеет и международный аспект. Общепризнанные нормы международного права, которые регулируют защиту материнства и детства, являются основой деятельности как органов государственной власти, так и органов местного самоуправления, поскольку согласно ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы».

Итак, на основе использования известных логических методов в сфере защиты прав семьи, матери и ребенка автор сделал следующие основные выводы, которые представил в виде схемы и таблицы.

АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ, МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ, МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

Основные направления государственной политики	Деятельность органов государственной власти и местного самоуправления	Основные направления деятельности органов государственной власти и местного самоуправления	Приоритетные задачи органов государственной власти и местного самоуправления
Возрождение приоритета семьи, семейных традиций, укрепление статуса семьи	Принимаются соответствующие законодательные акты, прописываются гарантии и нормы реализации гарантий; разрабатываются программы на федеральном и региональном уровнях	Разработка и принятие специального федерального закона «Об основных гарантиях защиты семьи, материнства и детства в Российской Федерации», который бы составил правовую базу для развития регионального законодательства РФ в этой сфере	Повышение благосостояния семей с детьми
Формирование ответственного родительства и сокращение социального сиротства	Создаются механизмы и институты, направленные на реализацию этих гарантий и норм	Соблюдение следующих принципов при осуществлении законодательного регулирования вопросов семьи, материнства и детства: – обеспечение взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере защиты семьи, материнства и детства с закреплением форм и способов такого взаимодействия; – четкое разграничение полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере защиты семьи, материнства и детства; – использование права органов государственной власти передавать полномочия в сфере защиты семьи, материнства и детства органам местного самоуправления с обязательной передачей материальных и финансовых ресурсов	Охрана здоровья женщины и ребенка
Создание условий для воспитания ребенка в семье и самореализации его как полноправного члена общества; поддержка семьи как естественной среды жизнеобитания детей	Нарабатывается практика, совершенствуются институты и нормы, создаются дополнительные условия, корректируются в соответствии с изменением экономических, социальных и иных обстоятельств в государстве и в мире в целом, поскольку защита семьи, материнства и детства – феномены динамичные, развивающиеся	Для эффективной защиты прав семьи, матери и ребенка создание специального органа – Уполномоченный по правам семьи, матери и ребенка – как на федеральном, так и на региональном уровнях	Обеспечение прав женщин на охрану труда, защиту жизни с учетом материнской функции
Социальная защита семьи, материнства и детства	–	Развитие взаимодействия органов местного самоуправления с общественными объединениями, религиозными, правозащитными организациями и иными государственными структурами в сфере защиты материнства и детства при координирующей роли органов местного самоуправления	Защита прав ребенка в семье
Проведение социально ориентированной демографической политики	–	Разработка органами местного самоуправления собственных муниципальных программ в области защиты материнства и детства с учетом соответствующих региональных и федеральных программ	Защита матери и ребенка, находящегося в трудной жизненной ситуации; снижение уровня детской безнадзорности и сокращение количества правонарушений несовершеннолетних
Приведение норм внутригосударственного законодательства в соответствие с международными нормами о защите материнства и детства	–	Для защиты прав несовершеннолетних матерей и оказания им юридической, психологической и иных видов помощи создания в крупных муниципальных образованиях специальных муниципальных центров. В остальных муниципальных образованиях необходимо проведение курсов и (или) семинаров для несовершеннолетних матерей	Укрепление правовой защиты семьи, материнства и детства

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.] // Рос. газ. – 2009. – 21 янв.
2. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон : [от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ : в ред. от 5 апр. 2005 г. № 2-ФКЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 7, ст. 607 ; № 51, ст. 4824 ; 2005. – № 15, ст. 1273.
3. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федер. закон : [от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ : в ред. от 17 дек. 2009 г. № 326-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 31, ст. 3802.
4. Гетманова, А. Д. Логика : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / А. Д. Гетманова. – 7-е изд. – М., 2004.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / В. М. Малиновская. – М., 2005.

Bibliographical list

1. The Constitution of the Russian Federation : [Adopted at National Voting on December 12, 1993] // Rossiyskaya Gazeta. – 2009. – 21st Jan.
2. On the Constitutional Court of the Russian Federation : Federal Constitutional Law : [of 21st July 1994 № 1 : in the version of 5 Apr. 2005 № 2] // Collection of the Legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 7, it. 607 ; № 51, it. 4824 ; 2005. – № 15, it. 1273.
3. On the Basic Guarantees of the Rights of a Child in the Russian Federation : Federal Law : [of 24th July 1998 № 124 : in the version of 17th Dec. 2009 № 326] // Collection of the Legislation of the Russian Federation. – 1998. – № 31, it. 3802.
4. Getmanova, A. D. Logic / A. D. Getmanova. – 7th ed. – M., 2004.
5. The Commentary to the Constitution of the Russian Federation (itimized) / V. M. Malinovskaya. – M., 2005.

А. А. Левит,
преподаватель кафедры управления
и административно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

A. A. Levit,
Lecturer of the Department of Management
and Administrative Law
of VLI of the FPS of Russia

КАТЕГОРИЯ «ОБРАЩЕНИЕ» В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Category of «Appeal / Address / Circulation» in Legal Regulation of Public Relations

Аннотация. В данной статье рассматривается категория «обращение» в регулировании общественных отношений в различных сферах деятельности людей и предлагается авторское определение данной категории в широком и узком смысле.

Ключевые слова: обращение, оборот, средство защиты прав и свобод, приветствие, наименование.

Annotation. The author covers the problem of the ambiguous interpretation of the category «appeal/address/circulation» in legal regulation of public relations in different spheres of human activity. In the article the author's definitions of the category are offered in the wide and in the narrow sense.

Key words: address and appeal, circulation, way of protecting rights and freedoms, greeting, name.

Правовое регулирование общественных отношений представляет собой сложный многообразный процесс. Право вбирает в себя различные нормы, регулирует поведение через внедрение в социальную структуру особых общественных отношений – *правовых*. Сферой правового регулирования является совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно могут и которые с точки зрения современных задач общества и государства должны быть или уже подвергнуты правовой регламентации (Основы права : учеб.-метод. пособие / под ред. В. В. Лазарева. М., 1996). Право в конечном счете регулирует поведение участников общественных отношений, поэтому можно сказать, что формирование тех или иных вариантов правомерного поведения – цель правового регулирования.

Процесс правового регулирования опосредуется своим понятийно-категориальным аппаратом, в котором, по нашему мнению, важное место занимает категория «обращение», имеющая неоднозначное толкование и применение. В повседневной жизни, российском праве и действующем законодательстве данная категория используется в нескольких значениях и затрагивает практически все жизненно важные сферы общественных отношений. В качестве примеров можно привести следующие:

– *Обращение* Президента РФ к Федеральному Собранию в ежегодном Послании начинается со слов: «Уважаемые граждане России, уважаемые депутаты и члены Совета Федерации! Начну свое Послание с оценки событий текущего года» (Рос. газ. 2008. 6 нояб.);

– «*Обращение* (вокатив) – наименование лица или, в случае олицетворения, неодушевленного предмета или явления, к которому обращено высказывание» (Гуманитарный словарь. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/rges/article/rg2>);

– «*Обращение* ценных бумаг представляет собой заключение гражданско-правовых сделок, которые влекут за собой переход прав собственности на ценные бумаги» (Большая юридическая энциклопедия. М., 2007);

– «*Обращения* граждан выступают важным конституционно-правовым средством защиты прав и свобод граждан, являющимся одной из организационно-правовых гарантий их охраны» (Там же).

Согласно ст. 4 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» *обращение* гражданина – это направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу письменные предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления.

В приказе Генпрокуратуры РФ от 17 декабря 2007 г. № 200 «О введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе прокуратуры Российской Федерации» содержится следующее определение *обращения* члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: «документ, направленный в органы прокуратуры, с сообщением о нарушениях закона, а также с просьбой о предоставлении информации, сведений или документов по вопросам, связанным с их деятельностью, не оформленный как запрос» (Законность. 2008. № 4. Разд. 1, п. 1.11, подп. 13).

«*Обращение* парламентария – гарантированное законом право депутата Государственной Думы и члена Совета Федерации обратиться с вопросом к любому члену Правительства РФ на заседании палаты и получить от него ответ» (URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/constitution/article/art>).

С точки зрения этимологии данная категория чаще всего рассматривается как призыв, речь или

просьба, обращенные к кому-, чему-нибудь; процесс обмена, оборота, участие в употреблении; слово или группа слов, которыми называют того, к кому обращаются с речью (Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1981. С. 383).

Существуют и другие значения, например в экономической сфере *обращение* – это характерная для товарного производства форма обмена продуктов труда, денег и других объектов собственности посредством купли-продажи (Советский энциклопедический словарь. М., 1981).

Обращение времени – операция замены знака времени в уравнениях движения, описывающих эволюцию физической системы (Там же).

Обращение фотографическое – получение позитивного изображения объекта съемки (позитива) на том же фото- или киноматериала, на котором производилась съемка (Там же).

Следует заметить, что в латинском языке упоминаются как минимум два значения слова «обращение» – *inversio* и *conversion* (URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00054>). Так, в логике обращение – это преобразование предложения путем обмена местами его терминов – субъекта и предиката.

Также необходимо отметить, что рассматриваемая категория может измеряться различными величинами. Например, в экономике существуют следующие величины: *скорость обращения денег* – количество циклов, полных оборотов, осуществляемых в течение года денежной единицей, используемой в качестве средства обращения и платежей (характеризует интенсивность денежного оборота, движения денежных знаков); *коэффициент обращения* – отношение текущих активов фирмы к пассивам; *время обращения* – продолжительность пребывания капитала или средств предприятий в сфере обращения, отсчитываемая от времени поступления готовой продукции на склад и до закупки новых средств производства после реализации этой продукции (URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/glossary/article/183>). В астрономии *период обращения* – это промежуток времени, в течение которого небесное тело совершает полный оборот по орбите; один из элементов орбиты.

В общественных науках одно из значений *обращения* – это принятие определенной религиозной, моральной, политической или философской доктрины и соответствующих ей норм поведения (URL: http://slovari.yandex.ru/dict/gl_social/article/14012).

В советском праве обращение взыскания на имущество – выявление, арест, продажа имущества должника и вручение денег взыскателю (Юридический энциклопедический словарь. М., 1984). В действующем российском законодательстве обращение взыскания на имущество –

это изъятие имущества путем обращения взыскания на него по обязательствам собственника на основании решения суда, если иной порядок обращения взыскания не предусмотрен законом или договором (Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2000).

Категория «обращение» как процесс или совокупность действий широко используется в российском законодательстве. Так, например, *обращение* взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в соответствии с Бюджетным кодексом РФ включает в себя: исполнение судебных актов по искам к Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию о возмещении вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов (ст. 242.2); исполнение судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства федерального бюджета по денежным обязательствам федеральных бюджетных учреждений (ст. 242.3); исполнение судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства бюджета субъекта Российской Федерации по денежным обязательствам бюджетных учреждений субъекта Российской Федерации (ст. 242.4); исполнение судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства местного бюджета по денежным обязательствам муниципальных бюджетных учреждений (ст. 242.5).

Согласно ст. 245 Уголовного кодекса РФ «жестокое *обращение* с животными, повлекшее их гибель или увечье, если это деяние совершено из хулиганских побуждений, или из корыстных побуждений, или с применением садистских методов, или в присутствии малолетних, наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев».

Федеральный закон от 19 июля 1997 г. № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» в ст. 1, 2 устанавливает правовые основы обеспечения безопасного *обращения* с пестицидами, в том числе с их действующими веществами, а также с агрохимикатами в целях охраны здоровья людей и окружающей среды. Под *обращением* в данном случае понимается государственная регистрация пестицидов и агрохимикатов, на основании которой федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий организацию регистрационных испытаний и государственную регистрацию пестицидов и агрохимикатов, дает разрешения на производство,

применение, реализацию, транспортировку, хранение, уничтожение, рекламу, ввоз в Российскую Федерацию и вывоз из Российской Федерации пестицидов и агрохимикатов; регламент применения пестицидов и агрохимикатов – обязательное требование к условиям и порядку применения пестицидов и агрохимикатов.

Статья 50.1 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» гласит: «Залогодержатель вправе обратиться взыскание на имущество, заложенное по договору об ипотеке, для удовлетворения за счет этого имущества названных в статьях 3 и 4 настоящего Федерального закона требований, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обеспеченного ипотекой обязательства, в частности неуплатой или несвоевременной уплатой суммы долга полностью или в части, если договором не предусмотрено иное».

Федеральный закон РФ от 11 ноября 2003 г. № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах» в гл. 3 «Выдача и обращение ипотечных сертификатов участия» устанавливает следующее: «Ипотечные сертификаты участия свободно *обращаются*, в том числе через организаторов торговли на рынке ценных бумаг» (ст. 20); «В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по облигациям с ипотечным покрытием *обращение* взыскания на требования и иное имущество, составляющие ипотечное покрытие облигаций, осуществляется по решению суда. Обращение взыскания на требования и иное имущество, составляющие ипотечное покрытие облигаций, в том числе их реализация, осуществляется в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 16 июля 1998 года № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» для обращения взыскания на заложенное имущество и его реализации, с учетом особенностей, установленных настоящей статьей» (ст. 15).

В Федеральном законе от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» гл. 8 посвящена *обращению* взыскания на имущество должника. Так, согласно ч. 1 ст. 69 названного Закона «*обращение* взыскания на имущество должника включает изъятие имущества и (или) его принудительную реализацию либо передачу взыскателю». При этом в отдельные статьи вынесено наложение ареста на имущество, изъятие имущества.

В соответствии со ст. 44 Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» «государственная политика в области *обращения* с ядерными материалами, радиоактивными веществами и радиоактивными отходами должна предусматривать комплексное решение проблем нормирования их получения, образования, использования, физической защиты, сбора, регистрации и учета, транс-

портирования и хранения. Государственная политика в области обращения с ядерными материалами, радиоактивными веществами и радиоактивными отходами определяется настоящим Федеральным законом и иными законами о регулировании деятельности в области обращения с ядерными материалами, радиоактивными веществами, радиоактивными отходами».

В Федеральном законе от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» используется такое основное понятие, как *обращение с отходами* – деятельность по сбору, накоплению, использованию, обезвреживанию, транспортированию, размещению отходов.

Федеральным законом от 29 июня 1998 г. № 136-ФЗ «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг» регламентированы процедура эмиссии государственных и муниципальных ценных бумаг и особенности их *обращения*.

Федеральный закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» в ст. 1 устанавливает правовые основы регулирования отношений, возникающих в области геологического изучения и разведки месторождений драгоценных металлов и драгоценных камней, их добычи, производства, использования и обращения (гражданского оборота). Глава 5 данного Закона посвящена использованию и *обращению* драгоценных металлов и драгоценных камней.

Федеральный закон от 22 июня 1998 г. № 86-ФЗ «О лекарственных средствах» создает правовую основу деятельности субъектов *обращения* лекарственных средств, устанавливает систему государственных органов, осуществляющих издание нормативных правовых актов, действия по контролю и надзору, оказание государственных услуг, правоприменительную практику в соответствии с настоящим Федеральным законом, распределяет полномочия органов исполнительной власти в сфере *обращения* лекарственных средств. Так, например, используются следующие основные понятия: *обращение лекарственных средств* – обобщенное понятие деятельности, включающей разработку, исследования, производство, изготовление, хранение, упаковку, перевозку, государственную регистрацию, стандартизацию и контроль качества, продажу, маркировку, рекламу, применение лекарственных средств, уничтожение лекарственных средств, пришедших в негодность, или лекарственных средств с истекшим сроком годности и иные действия в сфере обращения лекарственных средств; *субъекты обращения лекарственных средств* – физические и юридические лица, осуществляющие обращение лекарственных средств.

Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» регулируются

отношения, возникающие при эмиссии и *обращении* эмиссионных ценных бумаг независимо от типа эмитента, при обращении иных ценных бумаг в случаях, предусмотренных федеральными законами, а также особенности создания и деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг. В данном Законе закреплены такие основные понятия, как: *обращение ценных бумаг* – заключение гражданско-правовых сделок, влекущих переход прав собственности на ценные бумаги (ст. 2); *публичное обращение ценных бумаг* – обращение ценных бумаг на торгах фондовых бирж и/или иных организаторов торговли на рынке ценных бумаг, обращение ценных бумаг путем предложения ценных бумаг неограниченному кругу лиц, в том числе с использованием рекламы.

Федеральный закон от 27 октября 2008 г. № 178-ФЗ «Технический регламент на соковую продукцию из фруктов и овощей» в ст. 13 устанавливает общие требования к процессам производства и *обращению* соковой продукции из фруктов и (или) овощей.

Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» в ст. 27–34 рассматривается организация наличного денежного *обращения*.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в гл. 46 регламентирует *обращение* к исполнению приговоров, определений и постановлений.

В Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» используются следующие основные понятия: *оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров* – культивирование растений; разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на таможенную территорию Российской Федерации, вывоз с таможенной территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, разрешенные и контролируемые в соответствии с законодательством Российской Федерации; *незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров* – оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, осуществляемый в нарушение законодательства Российской Федерации.

Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» регулирует правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия на территории Российской Федерации, направлен на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение

общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия. Положения названного Закона распространяются также на оборот боеприпасов и патронов к оружию. В качестве главного используется такое понятие, как *оборот оружия и основных частей огнестрельного оружия (далее: оружие)* – производство оружия, торговля оружием, продажа, передача, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, перевозка, транспортирование, использование, изъятие, уничтожение, ввоз оружия на территорию Российской Федерации и вывоз его из Российской Федерации (ст. 1). В последних двух указанных выше нормативных правовых актах, по нашему мнению, употребляемая категория «оборот» тождественна категории «обращение».

У рассматриваемой категории отмечается еще одно значение – это средство защиты прав и свобод. Так, согласно ст. 32, 33 Конституции РФ, ст. 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» граждане имеют право: участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей; обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы, органы местного самоуправления и должностным лицам. В соответствии со ст. 4 данного Закона *обращение гражданина* – это направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу письменные предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления. В данном значении категория «обращение» принимает три различные формы в зависимости от характера обращения. Так, *предложение* – рекомендация гражданина по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, развитию общественных отношений, улучшению социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества. *Заявление* – просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц. *Жалоба* – просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов

других лиц. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 «Об обращении в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» каждый гражданин вправе обратиться с жалобой в суд, если считает, что неправомерными действиями (решениями) государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений или должностных лиц, государственных служащих нарушены его права и свободы.

Таким образом, категория «обращение» имеет множество значений. Помимо этого исследуемую категорию можно измерить, а также планировать. У обращения есть субъекты, издержки, фонды, орудия. Оно может быть устным и письменным.

С целью выяснения общественного мнения относительно сущности категории «обращение» были опрошены 102 человека в возрасте от 20 до 40 лет. По мнению 41,2 % респондентов, данная категория – это обращение к человеку при встрече; 37,2 % опрошенных полагают, что это процесс (оборот чего-либо); 9,8 % – средство защиты прав и свобод. Более половины лиц, принявших участие в исследовании (52,8 %), использовали исследуемую категорию в значении обращения к человеку при встрече, 25,5 % – сталкивались с оборотом чего-либо, и только 2 % – воспользовались *обращением* как средством защиты своих прав и свобод. Следует также отметить, что 68,6 % респондентов отождествляют обращение и оборот. Подавляющее большинство (70,6 % лиц) полагают, что первая категория чаще всего используется в социальной сфере. По мнению 60,8 % опрошенных, институт обращения граждан в органы государственной власти

Российской Федерации достаточно эффективен (27,4% не считают его таковым).

С учетом вышеизложенного категорию «обращение» можно рассматривать в следующих значениях:

- обращение к кому-либо (при встрече, приветствие);
- обращение как совокупность действий или процесс;
- обращение как средство защиты прав и свобод граждан;
- обращение как право;
- обращение как документ.

В заключение можно сделать ряд выводов.

Категория «обращение» носит общеправовой характер, поскольку встречается во многих сферах и отраслях права. Обращение используется при защите прав и свобод человека и гражданина, применяется не только в нормативных правовых, но и в правореализующих индивидуальных актах.

Кроме того, рассматриваемая категория не достаточно изучена в юриспруденции и требует общеправового анализа.

Проведенное исследование позволило предложить авторское определение категории «*обращение*». Так, в широком смысле – это универсальная общеправовая категория, приобретающая специальное значение и толкование в зависимости от сферы правового регулирования.

В узком смысле – это правовая категория, принимающая значение наименования лица или предмета, процесса или совокупности действий, документа, права, средства защиты прав и свобод и иные значения в зависимости от характера общественных отношений, обладающая различными формами и способная к измерению.

Библиографический список

1. *Аблякимов, Э. А.* Юридическое обращение (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Аблякимов Энвер Азизович. – Н. Новгород, 2008.
2. *Миронов, М. А.* Обращения граждан как конституционно-правовой институт: проблемы реализации : дис. ... д-ра юрид. наук / Миронов М. А. – М., 2002.
3. *Основы права : учеб.-метод. пособие / под ред. В. В. Лазарева.* – М., 1996.

Bibliographical list

1. *Ablyakimov, E. A.* Judicial Appeal (General Theoretic Aspect) / Ablyakimov Enver Azizovich. – N. Novgorod, 2008.
2. *Mironov, M. A.* Appeals of Citizens as a Constitutional and Legal Institution : Problems of Realization / M. A. Mironov. – M., 2002.
3. *The Basics of Law / ed. by V. V. Lazarev.* – M., 1996.

С. А. Лопатин,
аспирант кафедры уголовного права,
криминалистики и криминологии
Мордовского государственного университета
им. Н. П. Огарева

S. A. Lopatin,
post-graduate student of the Department
of Criminal Law, Forensic Studies and Criminology
of Mordovia State University
named after N. P. Ogarev

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА, ОЧНОЙ СТАВКИ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЛЖИ
СО СТОРОНЫ ДОПРАШИВАЕМЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА
В ОБЛАСТИ ИНВЕСТИЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

**Some Problems of Conducting an Interrogation and Confrontation and Prevention of Lies
from Those Being Interrogated During the Investigation of a Fraud in the Sphere of Investment Building**

Аннотация. В статье рассматривается ряд ключевых вопросов производства допроса и очной ставки при расследовании мошенничества в области инвестиционного строительства, дается описание наиболее эффективных методов, раскрывается характеристика личности преступника, что составляет научную ценность статьи.
Ключевые слова: инвестиционное строительство, методика расследования, криминалистическая характеристика.

Annotation. This article contains the analysis of some key issues of conducting an interrogation and confrontation during the investigation of a fraud in the sphere of investment building. The author defines the most effective methods, describes the characteristics of a crime personality which determines the scientific value of this article.
Key words: investment building, method of investigation, criminalistical characteristic.

Наиболее распространенным следственным действием являются допросы свидетелей, потерпевших и подозреваемых. Данный вопрос подробно исследован в криминалистической литературе (Васильева А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970; Побелкин А. В. Показания обвиняемого в уголовном процессе. М., 1998), однако наряду с любой категорией преступлений мошенничество в области инвестиционного строительства имеет свои отличительные особенности. Например, по делам данного вида всегда имеется большое количество пострадавших и свидетелей (от нескольких десятков до десятков тысяч). В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством каждый из пострадавших должен быть допрошен, признан в качестве потерпевшего и гражданского истца, показания должны быть обобщены, проанализированы, систематизированы, а также соблюден порядок процессуальных решений и оформления материалов дела.

Для проведения указанных действий требуется большой состав следственной группы и серьезные финансовые и временные издержки, однако допросы инвесторов вносят значительный вклад в исследование обстоятельств мошенничества в области инвестиционного строительства (Зеленский В. Д. Организационные функции субъектов расследования преступлений. Краснодар, 2005. С. 166). Фактически многие обстоятельства, относящиеся к объективной стороне преступления, следователь получает из показаний пострадавших инвесторов (информация о способе совершения преступления и др.).

В процессе допросов следствие выясняет сведения, касающиеся предполагаемого мошенничества, устанавливает, в состоянии ли инвесторы верно воспринимать сложившуюся ситуацию. При этом

особую важность приобретает информация о личности инвестора, его материальном положении, социальной группе, возрасте, об уровне образования, а также о профессии, наличии у него понимания принципов работы механизма инвестиционного строительства. Такая подробная характеристика сведений об инвесторе требуется потому, что одним из элементов предмета доказывания является возможность правильной оценки инвестором обстоятельств сделки, в том числе осознание принятия на себя предпринимательского риска. Кроме того, сведения о личности инвестора имеют значение и при решении вопроса о признании обстоятельств гражданско-правовой, а не уголовной ответственности по случаям неисполнения обязательств.

Перечень вопросов перед инвесторами зависит от обстоятельств каждого определенного дела (содержания заключенного договора, обязательств инвестора и застройщика, имеющихся документов), но как и в случае допроса остальных процессуальных участников к рекомендации подлежит ряд общих вопросов, таких как:

- источники получения денежных средств и иного имущества, переданных застройщику;
- цель инвестиции в строительство (инвестиционная, предпринимательская, приобретение квартиры для личного использования);
- источник информации о застройщике (реклама, рекомендация кого-либо); основные аргументы инвестирования в строительство, имеющиеся именно у данного застройщика (наличие соответствующих разрешений и лицензий, респектабельность рекламной кампании и офисных помещений, профессиональные качества персонала);
- сумма инвестирования, характер заключенных при этом сделок и полученных инвестором документов, обязательства, принятые компанией на себя;

– имеются ли отличия в характере сделки, которую подразумевал инвестор, и действительно заключенной сделки;

– выполненные обязательства сделки, а также сроки, объем и сумма их выполнения, невыполненные обязательства.

Анализ материалов уголовных дел по мошенничествам в области инвестиционного строительства показал, что нередко случаи возникновения необходимости в допросе лиц, которые не имеют к обстоятельствам уголовного дела прямого отношения (Савоськина Т. Н. Отдельные аспекты допроса и тактика его проведения // Вестн. Ставроп. гос. ун-та. 2006. № 47. С. 152–156). К числу таких лиц относятся сотрудники государственных органов, которые в силу своих служебных обязанностей вступали в переписку, контактировали с представителями организации-застройщика, принимали от них регистрационные свидетельства и иные документы. Данные лица могут пояснить, кто и когда представлял организацию-застройщика, какие сотрудники были ответственны за вопросы регистрации организации, кто занимался получением лицензий и разрешений. Аналогично могут быть привлечены к допросу в качестве свидетелей лица, иным образом контактировавшие с представителями организации. Так, например, сотрудники проектного бюро могли бы показать о наличии умысла в неисполнении обязательств, если представители застройщика заказывали проект и визуальное исполнение фасада здания, отличные от действительно исполнимых, с тем, чтобы привлечь большее количество инвесторов. В свою очередь, сотрудники рекламного агентства могли бы пояснить обстоятельства разработки рекламных материалов (возможно, представители застройщика высказывали пожелания отразить заведомо ложную информацию о характеристиках объекта). Наличие подобных показаний позволит более весомо установить действительные намерения руководства застройщика.

Что касается допросов подозреваемых в совершении мошенничества, то в обязательном порядке следствием должны быть установлены и изучены функции, возлагавшиеся на каждого из участников мошенничества, размер их вклада, степень участия. Без установления данных фактов невозможно определить лиц, причастных к совершению преступления. В первую очередь в процессе получения информации об этом, а также об обстоятельствах преступления, иерархии (в том числе и фактической) в компании, особенностях документооборота, расходовании и привлечении денежных средств следствию необходимо использовать показания сотрудников организации, привлеченных со стороны для выполнения второстепенной работы или имитации деятельности. Несмотря на то, что данные работники не могут знать о важных особенностях мо-

шенничества, они имеют возможность сообщить следствию некоторые важные детали функционирования организации, которые вместе с располагаемыми данными позволят лучше понять весь механизм мошенничества. Нанятые сотрудники не являются лицами, заинтересованными в результатах расследования, поэтому могут быть достаточно объективны в своих показаниях. Как правило, сообщаемые ими сведения достоверны.

Тем не менее следственная практика показывает, что некоторые из сотрудников имеют представление о фактической деятельности компаний, понимают, что своими пусть и незначительными действиями оказывают содействие мошенникам. Следовательно целесообразно решить вопрос о привлечении таких лиц, фактически соучастников, к уголовной ответственности (Образцов В. А., Богомолова С. Н. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии. М., 2003. С. 155–157). Вместе с учредителями и юридическими руководителями организации, которая привлекла денежные средства и завладела ими в результате мошенничества, к уголовной ответственности должны привлекаться и другие лица, принимавшие участие в мошеннической деятельности: фактические руководители организации, организаторы мошенничества, лица, разрабатывающие стратегию и тактику противозаконной деятельности.

Одним из наиболее важных и результативных следственных действий являются допросы подозреваемых и обвиняемых. Данные следственные действия предназначены для выяснения обстоятельств совершения мошенничества, получения сведений, необходимых для доказывания умысла на завладение имуществом инвесторов и неисполнение обязательств перед ними. В процессе допросов следователем должны быть выяснены обязанности каждого участника преступления, внутренняя структура группы, лица, ответственные за те или иные направления деятельности (общее руководство, финансирование, безопасность, контакт с государственными или муниципальными органами). Для установления данных обстоятельств изучается личность каждого из допрашиваемых. Социальный статус, наличие опыта работы в строительных организациях и реализации объектов недвижимого имущества, опыт предпринимательской деятельности, уровень образования, наличие или отсутствие судимости – сведения, способные дать следствию возможность делать предположения о роли каждого лица в мошеннической деятельности. В ходе допроса выясняются вопросы, зависящие от особенностей каждого определенного уголовного дела, однако существует ряд общих для всех дел о мошенничестве вопросов, которые должны быть разрешены следствием. В первую очередь исследуются вопросы, касающиеся организации компании:

– кто выступил инициатором идеи открытия строительной компании и привлечения денежных средств для возведения объектов недвижимости;

– кто разработал учредительные, регистрационные и иные документы, в какой форме производилась регистрация организации, каким путем получены лицензии;

– кто выступал разработчиком концепции представления образа компании среди общественности, подготавливал и осуществлял контроль за рекламными материалами;

– кто прогнозировал и планировал поступления денежных средств, в каких объемах и в какие сроки, а также рассчитывал размеры первоначальных затрат;

– кто устанавливал стоимость взносов инвесторов и условия таких взносов;

– предполагалось ли использование привлеченных средств для строительства объектов недвижимости;

– имели ли место консультации с лицами, компетентными в области инвестиционного строительства, по вопросам правильной организации деятельности или по вопросам методов эффективного привлечения потенциальных инвесторов.

Затем необходимо выяснить следующие обстоятельства деятельности компании:

– какими именно лицами осуществлялось привлечение денежных средств инвесторов, по какому адресу находились офис для приема посетителей и остальные сотрудники;

– каким образом осуществлялось хранение и перемещение наличных денежных средств; банки, временные промежутки и объемы, в которых они размещались; если не размещались на банковских счетах, то почему;

– документы какого рода получали инвесторы в подтверждение факта внесения денежных средств;

– общее количество привлеченных инвесторов, общая сумма полученных денежных средств; количество вкладчиков, обязательства перед которыми были исполнены в полном объеме или частично;

– способы применения полученных денежных средств; суммы, израсходованные на выполнение обязательств;

– соотношение выполненных и невыполненных обязательств;

– причины неисполнения обязательств и удержания денежных средств инвесторов;

– на какие средства организацией-застройщиком и непосредственно допрашиваемым и иными руководителями и сотрудниками приобреталось движимое и недвижимое имущество.

Эффективность очной ставки подтверждается тем, что каждый десятый случай ее проведения с участием в следственном процессе обвиняемых и потерпевших характеризовался подтверждением (в части или полностью) обвиняемым имевших

место обстоятельств, которые прежде им не признавались. И напротив, в случаях очной ставки между соучастниками 70 % обвиняемых повторяли предыдущие показания, а 30 % – изменяли или уточняли данные своих показаний после общения с соучастниками, ориентируясь на свою выгоду, имитируя более благоприятную картину их участия в преступлении или приводя показания всех соучастников к единому виду.

При проведении очных ставок между соучастниками использовалась классическая хрестоматийная схема: по инициативе следователя первый обвиняемый повторял данные ранее показания, слышавший их второй обвиняемый повторял свои, но уже с некоторой корректировкой, принимая во внимание услышанное; в свою очередь, первый обвиняемый также изменял свои показания. Таким образом, следователь не получал правдивых признательных показаний, фактически предоставив обвиняемым возможность выстраивать общую линию показаний. В данном случае очная ставка является не только абсолютно бессмысленным следственным действием, но иногда имеет прямо противоположный эффект.

Низкая эффективность очной ставки рассматривается в литературе в связи с недостаточностью опыта отдельных следователей, в частности в работах Г. С. Казиняна и А. Б. Соловьева (Казинян Г. С., Соловьев А. Б. Проблемы эффективности следственных действий. Кренам, 1987. С. 82–85), С. Желтобрюхова (Желтобрюхов С. Очная ставка не оправдывает себя как следственное действие // Рос. юстиция. 2008. № 1. С. 56).

В связи с этим изученные материалы уголовных дел по мошенничествам в области инвестиционного строительства позволяют рекомендовать проведение очной ставки только в ограниченном количестве ситуаций:

– когда первое лицо дает правдивые показания, а второе – объясняет, что забыло об искомых сведениях либо добросовестно заблуждается;

– когда первое лицо дает правдивые показания и в силу ряда причин способно повлиять на второе лицо (служебные, родственные и иные отношения);

– когда первое лицо дает правдивые показания, а второе – ложные.

Ценность очной ставки состоит в получении обвиняемым сведений о показаниях других обвиняемых или свидетелей (Чебуренков А. А. Проблемы оценки допустимости отдельных тактических приемов производства следственных действий // Следователь. 2005. № 8. С. 24–28). В результате одновременного озвучивания двух противоположных мнений появляется вероятность признательных показаний. Однако обвиняемые также получают возможность анализа показаний других лиц и изменения собственных показаний. Во избежание

отрицательного эффекта очной ставки можно использовать демонстрацию обвиняемому видеозаписи допроса других лиц (фрагментарно или полностью в зависимости от ситуации). Разумеется, аналогами видеозаписи являются звукозапись, устный пересказ следователем, протокол допроса, однако данные носители информации воспринимаются обвиняемым как фальсифицированные в интересах следователя, поэтому не принимаются во внимание должным образом. Действительно, и протокол допроса, и звукозапись легко подделать. Демонстрация видеозаписи – единственная возможность доведения до обвиняемого сведений о показаниях других лиц таким образом, чтобы он не относил их к фальсифицированным. К применению этого способа при проведении очной ставки можно прибегать только в исключительных случаях.

Видеозапись данного следственного действия также может препятствовать лжесвидетельствованию с участием защитника. Часто защитники, присутствующие на допросах, жестами, мимикой, взглядами оказывают влияние на содержание показаний обвиняемого или подозреваемого, подсказывая в некотором роде тактику показаний. По мнению А. А. Литвинчука, всего лишь факт фиксации допроса или очной ставки на видеопленку или цифровые носители влияет на поведение обвиняемого и защитника, приводя их к более дисциплинированной манере поведения (Литвинчук А. А. Методика расследования краж, грабежей и разбойных нападений, совершаемых организованными группами преступников-гастролеров : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 23). Грамотный следователь всегда должен использовать и учитывать при раскрытии преступлений данный аспект психологического влияния обстоятельств на человека.

С точки зрения ложности показаний свидетелей психологические аспекты имеют также высокую ценность. По делам о мошенничестве в области инвестиционного строительства большинство свидетелей, связанных с обвиняемыми, дают ложные показания. Следователь при допросе свидетелей должен понимать, что некоторые люди не способны признаться во лжи, т. е. если свидетель, относящийся к такой категории, дал ложные показания, он будет повторять их впоследствии, не признается в лжесвидетельстве по психологическим мотивам даже в тех случаях, когда следствие располагает однозначными доказательствами их лжесвидетельства.

Этому способствует высокое самомнение свидетеля, который считает, что он лучше остальных оценивает ситуацию, поэтому доводы следователя не имеют воздействия. В данном случае уместно применить метод отстраненного воздействия. Так, следователь может рассказать о перспективах лжесвидетельствования, последствиях и наказании за

данное деяние на примере вымышленного лица, как предлагает Л. Е. Ароцкер (Ароцкер Л. Е. Тактика и этика судебного допроса. М., 1969. С. 14), считая недопустимым высказывать мнение о правдивости показаний в присутствии свидетеля, либо воспользоваться рекомендацией В. Н. Карагодина: «В случаях, когда субъект по характеру упрям, плохо восприимчив к доводам следователя, находится под сильным влиянием обвиняемого, возможно предъявление ему информации с нарастающей силой. Допустимы и неоднократные обсуждения, и оценка одних и тех же сведений, определение их правового значения» (Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 37–38).

Большое значение имеет понимание следователем отношения свидетеля к собственной личности и своему будущему положению в следствии. Исходя из этого принимается тактика общения со свидетелем, заключающаяся в выборе двух позиций: 1) выражение сочувствия свидетелю; 2) выражение безразличия или даже удовлетворенности будущим наказанием. Причем данная тактика обязательно должна быть поддержана аргументацией и доказательствами, которые убедили бы свидетеля в том, что неблагоприятные последствия для него обязательно настанут. Без данных аргументов работа со сложным и упрямым свидетелем практически невозможна, поэтому следователю необходимо проводить допрос с учетом определенных методических наработок. В их числе могут быть:

- определение наиболее важного в оценке допрашиваемого собственных действий, мотивов, которыми он руководствуется, критериев оценки своего поведения (Зорин Г. А. Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 18);

- составление полного перечня последствий в виде наказания за дачу ложных показаний, потери репутации, уважения со стороны знакомых или коллег по работе на основе выявленных личностных особенностей;

- выявление из фактов, сообщенных свидетелем на допросе, именно тех, которые могут повлиять на тактику допроса, определение возможности получения таких данных в начале допроса;

- представление положения допрашиваемого, исходя из его личности и положения, определение тяжести последствий.

Наказание за дачу ложных показаний различно воспринимается допрашиваемыми в зависимости от их убеждений и личных характеристик. Максимальное наказание в три месяца ареста, по сути, ничтожно для лица, ранее отбывавшего срок, а для лица с высоким социальным или общественным положением представляет серьез-

ную неприятность. В данном случае важно довести до допрашиваемого возможность неприятных именно для него последствий, их тяжесть.

Кроме получения собственно правдивых показаний важно выяснить основу ложных показаний, их мотив, особенно когда свидетель не состоит в близких или родственных отношениях с обвиняемым. В других случаях причиной ложного свидетельствования является должностная зависимость. Связи с должностными лицами весьма распространены среди мошенников в области инвестиционного строительства, поэтому свидетель может давать ложные показания, находясь под служебным давлением, не признаваясь во лжи, опасаясь за свое служебное положение и огласки связей с преступными элементами. Возможно, свидетель предполагает, что в качестве возмездия обвиняемые дадут показания против него самого, что привело бы к намного более суровым последствиям, чем наказание за лжесвидетельство.

Одним из факторов упорства свидетелей может быть такая психологическая особенность некоторых людей, как стеснительность: солгав на первом допросе, они продолжают повторять ложные показания, стыдясь выглядеть лжецами перед следователем, даже если и отсутствуют другие основания говорить неправду. Данная психологическая особенность должна учитываться следователем. В большинстве случаев применение простого тактического приема смены допрашивающего дает положительный эффект (Китаев Н. Н., Тельцов А. П. Проблемы расследования отдельных видов умышленных убийств. Иркутск, 1992. С. 27; Пискарев Б. А. Правильно избранная тактика допроса подозреваемого определила успешность его результатов // Следств. практика. 1970. № 86. С. 40). Еще одним эффективным тактическим приемом для разоблачения лжи в показаниях свидетелей является проверка показаний в ходе допроса.

Данная тактическая операция проводится следователем в присутствии оперативного работника либо другого следователя, который осуществляет скрытую связь с оперативной группой, проверяющей в реальном времени показания допрашиваемого. Например, при допросе в кабинете следователя задействуется устройство передачи звука оператив-

ной группе, которая проверяет факты, изложенные в показаниях, и непродолжительными телефонными звонками, возможно условными сигналами, сообщает следователю о действительности или ложности фактов, сообщенных свидетелем, об аргументах, которыми следователь должен воспользоваться, чтобы показать свидетелю, что тот говорит неправду. По сути, это повторение модели очной ставки в смысле использования фактов из другого источника, т. е. происходит обмен информацией между свидетелем и другими лицами, только в данном случае обмен заочный и его процесс полностью подконтролен следователю. Такой тактический прием эффективен еще и потому, что психологически свидетель воспринимает следователя как человека, которому уже известна истинная картина преступления, и понимает, что может быть уличен в ложности показаний. Преимущество данного метода, кроме эффективности, также заключается в незначительности временных и финансовых затрат, простоте организации. В. И. Шиканов обоснованно отмечает, что основными чертами тактической операции по проверке показаний являются: отчетливо выраженная ситуационность, мобильность, локальность, широкое использование оперативных возможностей органов внутренних дел (Шиканов В. И. Проблемы использования специальных познаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. С. 27).

Допрос и очная ставка являются одними из наиболее важных следственных действий, осуществляемых на первоначальном этапе расследования мошенничества в области инвестиционного строительства.

Анализ особенностей проведения допроса и очной ставки способен оказать существенное влияние на качество расследования и его результат. Научная разработка данного вопроса направлена на систематизацию и обоснованность действия следователя по проведению данных следственных действий. Применение результатов научных исследований позволяет оптимизировать процесс расследования мошенничества в области инвестиционного строительства.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике / Р. С. Белкин. – М., 1978.
2. Винокуров, С. И. Криминалистическая характеристика преступлений, ее содержание и роль в расследовании конкретного вида преступлений / С. И. Винокуров // Методика расследования преступлений. – М., 1976.
3. Возгрин, И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений: курс лекций / И. А. Возгрин. – СПб., 1992–1993.

Bibliographical list

1. Belkin, R. S. Forensic Studies: Problems, Tendencies, Perspectives. From Theory to Practice / R. S. Belkin. – M., 1978.
2. Vinokurov, S. I. The Criminalistic Characteristic of Crimes, its Contents and Importance in the Investigation of Specific Crimes / S. I. Vinokurov // The Method of Crimes Investigation. – M., 1978.
3. Vozgrin, I. A. The Scientific Basis of the Criminalistic Method of Crimes Investigation / I. A. Vozgrin. – SPb., 1992–1993.

Т. И. Лысенко,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
и гражданского права
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

T. I. Lysenko,
Senior Lecturer of the Department
of State and Law Studies and Civil Law
of Kazan branch of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law

**ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ
ВНЕДОГОВОРНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАНИНА**

**Issues of the Procedure of Realizing Norms of the Institution of Civil Law Concerning the Compensation
of Extra-contractual Damage Caused to the Life and Health of a Citizen**

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены процедурные вопросы реализации норм гражданско-правового института возмещения внедоговорного вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина.

Кроме того, проанализированы ряд проблем правового регулирования правоотношений по возмещению внедоговорного вреда и представлено авторское видение решений выявленных пробелов и коллизий.

Ключевые слова: юридическая процедура, вред, жизнь, здоровье, правоотношения, внедоговорные обязательства, договорные обязательства, кондикционные обязательства.

Annotation. In the article the issues of the procedure of realizing the norms of the institution of civil law that concern the compensation of extra-contractual damage caused to the life and health of a citizen are considered. Moreover, a number of problems of legal regulation of legal relations that are generated in order to compensate extra-contractual damage are analyzed. The author's vision of the solutions for the identified deficiencies and conflicts is presented.

Key words: juridical procedure, damage, life, health, legal relations, extra-contractual obligations, contractual obligations, condictional obligations.

Гражданско-правовое обязательство, возникающее вследствие причинения внедоговорного вреда жизни или здоровью гражданина, предполагает определенную последовательность действий соответствующего лица.

В юридической литературе, науке и практике под соответствующими действиями понимается определенная юридическая процедура (Барышпольская Т. Ю. Гражданский процесс и процедура (Понятие, служебная роль, проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1988 ; Свит Ю. Н. Процедуры, предотвращающие банкротство юридических лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999). Вопрос о процедурных моментах поднимается не только в науке юриспруденции, но и в практике, что вызвано рядом объективных причин. Например, при наличии коллизионных норм в решении вопроса о том, каким образом и какой будет подсчитываться стаж службы в различных структурах, если гражданин имеет право на пенсию по разным основаниям.

Термин «юридическая процедура» трактуется по-разному в зависимости от предмета регулирования отношений. В гражданском праве выделяют имущественные отношения и личные неимущественные отношения, которые включены в предмет гражданского права по разным основаниям (Гражданское право. Часть 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 1997. С. 6–7).

По мнению ряда авторов, правоотношения в сфере гражданского права можно классифицировать по другим основаниям, вкладывая в их содержание различный смысл. Так, например, О. А. Красавчиков выделяет «организуемые», об-

ладающие имущественным и личным неимущественным содержанием, и «организационные» правоотношения, складывающиеся из действий организационных, направленных на упорядочение (нормализацию) «организуемых» отношений (Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 50–57).

Однако в правоприменительной практике довольно сложно разграничить данные виды правоотношений. На наш взгляд, наиболее четкое понятие «организационных» отношений приведено Г. Н. Давыдовой (Давыдова Г. Н. Юридические процедуры в гражданском праве. Общая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004). Универсальным термином, наиболее точно отражающим сущность организационных отношений в гражданском праве, является понятие «юридическая процедура» (Там же. С. 17–18).

Восстановление и защита нарушенных прав свидетельствуют о наличии процессуализации права. В связи с этим В. К. Самигуллин отмечает, что процессуализация права позволяет добиться того, чтобы право не превратилось в мертвую букву, догму и, не теряя своих самодостаточных ценностных характеристик, оставалось «живым» правом, т. е. деятельным, активным, эластичным, динамичным (Самигуллин В. К. О процедурно-процессуальном начале в конституционном праве // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт : материалы науч. конф., 21–23 марта 2002 г., Москва / под ред. С. А. Авакьяна. М., 2003. С. 20).

Следует отметить, что ученые не пришли к единому мнению в определении понятия «юридиче-

ская процедура». Так, С. С. Алексеев предлагает принять юридическую процедуру с последовательным разделением ее видовых ответвлений – процессуальной формы, процедурно-процессуальной формы правотворчества, процедурно-производственной позитивной индивидуально-регулятивной деятельности (Алексеев С. С. Юридические конструкции – ключевое звено права (в порядке постановки проблемы) // *Гражданско-правовые записки: межвуз. сб. науч. тр.* М., 2001. С. 9). В. Н. Протасов разделяет точку зрения, согласно которой юридическая процедура, напротив, является общим родовым понятием и подразделяется на процессуальную, материальную и правотворческую процедуры (Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 31).

В свою очередь, Г. Н. Давыдова допускает возможность взаимодействия вышеуказанных категорий («юридический процесс», «юридические (правовые) процедуры» и «судебный процесс») как взаимодействия общего и частного (Давыдова Г. Н. Указ. соч. С. 21–22). По мнению ученого, юридическая процедура – это «система последовательно совершаемых действий и возникающих на их базе отношений, направленных на достижение определенного правового результата» (Там же. С. 22–28). Мы согласны с предложенным определением.

Любые действия субъектов гражданского права должны строиться по определенной структуре и на базе основополагающих принципов. Введение основных начал юридической процедуры выступает наиболее оптимальным решением ряда вопросов в гражданском праве.

Вопрос о юридической процедуре реализации норм гражданско-правового института возмещения внедоговорного вреда, причиненного здоровью или жизни гражданина, является многогранным, так как имеет сложную многоуровневую структуру. Основываясь на классификации юридических процедур, в основу которых положен отраслевой принцип, можно сказать, что существуют определенные юридические процедуры института внедоговорных обязательств в рамках гражданского права, а также юридические процедуры в рамках подотрасли личных неимущественных прав в рамках того же гражданского права. Однако, исходя из принадлежности к гражданско-правовой отрасли, возможно выделение юридических процедур, связанных с возмещением внедоговорного вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина в рамках отношений работника и работодателя (трудовое право); отношений, связанных с непосредственным предоставлением какого-либо возмещения (право социального обеспечения); отношений по способу воздействия на жизнь или здоровье гражданина, повлекших внедоговорной вред (экологическое право), и т. д.

Анализируя непосредственно процедуру реализации норм гражданско-правового института возмещения внедоговорного вреда, причиненного жиз-

ни или здоровью гражданина, необходимо выделить две основные стадии, влияющие на процесс удовлетворения соответствующих интересов граждан:

1. Стадия возникновения обязательств вследствие причинения внедоговорного вреда жизни или здоровью гражданина, включающая в себя рассмотрение, раскрытие основных элементов юридического состава правонарушения данных обязательств и соотношение с юридической процедурой, понимаемой в материальном праве.

2. Стадия исполнения гражданско-правовых обязательств, возникающих вследствие причинения внедоговорного вреда жизни или здоровью гражданина, обладающая общими чертами не только на уровне материального права, но и непосредственно в процессуальных отношениях.

Данные процедуры имеют общие черты: непосредственно регулируют отношения личностного характера; направлены на констатацию момента возникновения и прекращения правоотношений; обязательным пострадавшим субъектом является физическое лицо; субъективное волеизъявление непосредственно потерпевшего играет решающую роль в дальнейшем развитии внедоговорного гражданско-правового правоотношения по возмещению вреда жизни или здоровью гражданина.

Область юридических процедур затрагивается практически во всех отечественных трудах по теории права (Напр.: Матузин Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 224 и др.). Например, в науке трудового права было высказано справедливое мнение, что для правильного и эффективного использования материального закона на практическим работникам необходим надежный инструмент – регламентация процедурных вопросов правоприменительной деятельности. Процедурные вопросы касаются практически всех сторон правоотношения, динамичного по своей природе (привлечение к сверхурочным работам, направление в командировку и т. д.) (Ермошин Г., Неганов В. Процедурные вопросы в советском трудовом праве // *Сов. юстиция.* 1985. № 20. С. 20).

Для полного представления стадии возникновения обязательств из-за причинения внедоговорного вреда жизни или здоровью гражданина необходимо исследование проявлений особенностей основных условий внедоговорного гражданско-правового отношения.

Стадия возникновения обязательств вследствие причинения внедоговорного вреда жизни или здоровью гражданина имеет определенный юридический состав, который по аналогии применим к составу правонарушения: 1) наличие вреда у потерпевшего; 2) противоправность действий (бездействия) причинителя вреда; 3) причинная связь между противоправными действиями (бездействием) и вредом; 4) вина лица, причинившего вред.

Особенность обязательства вследствие причинения внедоговорного вреда состоит в том, что оно

возникает только тогда, когда нарушаются абсолютные субъективные права лица, которые охраняются нормами права. Абсолютные субъективные права не ограничиваются правом собственности, к ним относятся и исключительные права, и личные неимущественные права (ст. 150 ГК РФ).

Абсолютные права – это субъективные гражданские права, носителям которых противостоит неопределенное число лиц, обязанность которых состоит в воздержании от совершения действий, нарушающих абсолютные права. Субъективное абсолютное право может быть реализовано и без участия иных лиц на основании абсолютной общей обязанности каждого воздерживаться от нарушения абсолютных прав других лиц.

Подразделение правоотношений на абсолютные и относительные является традиционным в теории права. Вместе с тем не все авторы поддерживают данную классификацию, отрицая существование абсолютных правоотношений, но не исключая существование абсолютных прав (Напр.: Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. СПб., 2002. С. 106 ; Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 247).

Довольно часто возникает сочетание относительных и абсолютных правоотношений. Например, гражданским законодательством России предусмотрено, что в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств по перевозке стороны несут ответственность, установленную ГК РФ, транспортными уставами и кодексами, а также соглашением сторон, однако в случае причинения вреда жизни или здоровью пассажира перевозчик несет ответственность, определяемую по правилам гл. 59 ГК РФ (ст. 800). Данное положение основано на том, что причинение вреда субъективным абсолютным благам, каковыми являются жизнь и здоровье пассажира, выходит за рамки договорного регулирования. Следовательно, несмотря на то, что пассажир и перевозчик связаны между собой относительным правоотношением (договором перевозки), при причинении смерти или увечья пассажиру перевозчик будет возмещать вред по правилам обязательств вследствие причинения вреда. Подобная ситуация имеет место и при причинении вреда жизни, здоровью или имуществу гражданина вследствие недостатков подаренной вещи (ст. 580 ГК РФ), а также вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги (ст. 1095 ГК РФ).

Вместе с тем мы разделяем мнение В. В. Ровного в том, что «обращение к деликтной ответственности в рамках наличия договорных отношений в отечественном гражданском праве... нельзя назвать последовательным» (Ровный В. В. Проблема «конкуренции исков» // Государство и право. 2003. № 3. С. 99), поскольку в одном случае нормы ГК РФ охраняют любые абсолютные права и блага, в других нормах установлена альтернативность норм о договорной либо внедоговорной природе причиненного вреда.

Нарушенные права имеют значение для определения ответственности за повреждение здоровья и смерть гражданина в случаях, когда причинитель вреда – организация или гражданин, которые в силу трудовых отношений с пострадавшим обязаны уплачивать за него взносы по государственному социальному страхованию.

Обязательства вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина являются принадлежностью внедоговорных обязательств. Договорные и внедоговорные обязательства имеют большое сходство, что позволило закрепить в ГК РФ общие положения об обязательствах, которые применимы и к договорным, и к внедоговорным обязательствам. Однако между ними есть и существенные различия.

Внедоговорные обязательства коренным образом отличаются от договорных по своему характеру, способам возникновения и содержанию. Они возникают не на основе добровольного волеизъявления сторон в рамках договора, а из других оснований, предусмотренных законом (ст. 8 ГК РФ). Данные обязательства направлены на восстановление нарушенного имущественного положения участников гражданского оборота в случае отклонения от его нормального развития. Этим объясняется их социально-экономическая необходимость (Медведев М. Ф. Возмещение вреда, причиненного реабилитированному гражданину. Волгоград, 1997). Обязательства вследствие причинения внедоговорного вреда регулируют отношения, «не характерные для нормального течения жизни, т. е. аномальные имущественные отношения» (Гражданское право : учебник / отв. ред. Е. Л. Суханов. М., 2000. С. 359).

Внедоговорные обязательства, в свою очередь, делятся:

- 1) на обязательства вследствие причинения вреда (гл. 50 ГК РФ);
- 2) обязательства вследствие неосновательного обогащения (гл. 60 ГК РФ). Таким образом, обязательства вследствие причинения вреда являются одним из видов внедоговорных обязательств.

Определенные трудности вызывает разграничение обязательств вследствие причинения вреда и иных внедоговорных обязательств, например, кондикционных (из неосновательного обогащения), из-за чего к искам о возмещении вреда на практике нередко применяются нормы о возврате неосновательно приобретенного или сбереженного имущества и наоборот. Обязательство вследствие причинения вреда возникает в результате нарушения абсолютных прав; кондикционное обязательство может возникнуть и при нарушении обязательственных прав. Однако если обязательства вследствие причинения вреда имеют целью восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего за счет причинителя вреда, то целью кондикционных обязательств является изъятие у приобретателя имущества, приобретенного без достаточных правовых оснований за счет другого лица (Флейшиц Н. А.

Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 231–233).

Для того чтобы гражданское (в том числе обязательственное) правоотношение могло возникнуть, необходимы в первую очередь нормативные и правовые предпосылки. Однако норма права всего лишь создает юридическую возможность возникновения, изменения и прекращения гражданского правоотношения, в то время как юридические факты выступают в качестве конкретной новой основы динамики конкретных гражданских правоотношений (Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 27). Юридические факты, которые выполняют правообразующую функцию, являются основанием возникновения гражданских правоотношений. В то же время они выступают основанием возникновения входящих в правоотношение гражданских прав и обязанностей.

Определение момента, с которого возникает обязательство, основано на ином установлении фактического состава, который лежит в основании возникновения обязательства. В этот момент в наличии должны быть все факты, которые необходимы для возникновения обязательства.

Стадия возникновения обязательства вследствие причинения вреда, как и другие гражданско-правовые обязательства, также возникает при наличии определенных юридических фактов. Согласно п. 2 ст. 307 ГК РФ обязательства возникают из договора, вследствие причинения вреда и из иных оснований, указанных в данном Кодексе. В цивилистике достаточно распространенным является мнение, основанное на выводах О. С. Иоффе о том, что правообразующая роль юридических фактов в отношении различных обязательств неодинакова: некоторые из них сами непосредственно порождают обязательства (например, обязательства вследствие причинения вреда), тогда как другие приводят к возникновению обязательств лишь в сочетании с иными юридическими фактами (Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. С. 17). Вместе с тем данное утверждение необходимо проанализировать с точки зрения подходов современного гражданского законо-

дательства к регулированию обязательства вследствие причинения вреда.

Исполнение как юридическая процедура гражданско-правовых обязательств, возникающих вследствие причинения внедоговорного вреда жизни или здоровью гражданина, представляет практический интерес.

Во-первых, необходимо выяснить объект правоотношения: жизнь или здоровье гражданина. В зависимости от объекта можно говорить и о правовых последствиях, возникающих в юридической процедуре на уровне исполнения.

Во-вторых, следует выяснить субъекта причинения вреда, так как статус причинителя вреда дает нам возможность взыскать причиненный вред в полном или ограниченном объеме. Если речь идет о государственном органе, то ответственность несет государственный орган в полном объеме, в свою очередь, в случае причинения вреда физическим лицом учитывается его имущественное, семейное положение и иные обстоятельства.

В-третьих, немаловажное значение имеет факт причинения вреда в результате правомерных или неправомерных действий.

Как юридическая процедура исполнения гражданско-правового обязательства, возникающего вследствие причинения внедоговорного вреда жизни или здоровью гражданина, имеет свои этапы (стадии), среди которых можно выделить следующие: определения субъектного состава; определения объекта; определения размера возмещения вреда; определения вины и т. д.

В заключение следует отметить, что процедура возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, в ГК РФ регулируется намного шире и детальнее, чем в ГК РСФСР 1964 г. и Основных гражданского законодательства СССР и республик от 31 мая 1991 г. (Ведомости СССР. 1991. № 26, ст. 733). Кроме того, данное регулирование имеет целью усиление защиты жизни и здоровья граждан, что является положительным фактором в процессе формирования правового гражданского общества.

Библиографический список

1. *Алексеев, С. С.* Юридические конструкции – ключевое звено права (в порядке постановки проблемы) / С. С. Алексеев // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. – М., 2001.
2. *Гражданское право. Часть 1* / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М., 1997.
3. *Давыдова, Г. Н.* Юридические процедуры в гражданском праве. Общая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук / Давыдова Г. Н. – Казань, 2004.
4. *Самигуллин, В. К.* О процедурно-процессуальном начале в конституционном праве / В. К. Самигуллин // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт : материалы науч. конф., 21–23 марта 2002 г., Москва / под ред. С. А. Авакьяна. – М., 2002.

Bibliographical list

1. *Alekseev, S. S.* Juridical Constructions – the Key Section in the Law (in Accordance with the Way the Problem is Raised) / S. S. Alekseev // Civilistic Notes. – M., 2001.
2. *The Civil Law. Part 1* / ed. by A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy. – M., 1997.
3. *Davydova, G. N.* The Legal Procedures in the Civil Law. The General Characteristic / Davydova G. N. – Kazan, 2004.
4. *Samigullin, V. K.* On Procedural and Trial Basis in the Constitutional Law / V. K. Samigullin // The Parliamentary Procedures: Problems in Russia and Foreign Experience / ed. by S. A. Avakyan. – M., 2002.

С. В. Маликов,
заведующий кафедрой криминалистики
Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор

S. V. Malikov,
Head of the Forensic Studies Department
of the Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
Doctor of Law, Professor

КОНЦЕПЦИЯ ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

The Concept of the Military-field Forensic Studies

Аннотация. В статье обоснована концепция военно-полевой криминалистики, объединяющая совокупность теоретических положений о специфических закономерностях, проявляющихся в сфере правового обеспечения, организации и методики расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Ключевые слова: военно-полевая криминалистика, район вооруженного конфликта, расследование преступлений военнослужащих.

Annotation. In the article the author describes the concept of the military-field forensic studies. The concept combines a number of theoretical statements on the specific rules in the sphere of legal support, organization and methodology of investigating of the crimes committed by militaries in the areas of armed conflicts.

Key words: military-field forensic studies, area of the armed conflicts, investigating of the crimes committed by militaries.

Реалии современной правоохранительной деятельности в Российской Федерации, к сожалению, демонстрируют не востребованность многого из того положительного опыта, который был накоплен предшествующими поколениями профессиональных юристов. В данном случае это напрямую относится и к опыту расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, неоднократно апробированному на практике и нашедшему свое отражение в концепции военно-полевой криминалистики.

В содержание любой концепции, в том числе концепции расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, входят идеи и теоретические положения об объекте исследования, системе концепции, содержании ее отдельных элементов, месте в системе научного знания, значении для теории и практики следственной работы, задачах дальнейшего научного исследования (Кохановский В. П. *Философия и методология науки* : учебник. М. ; Ростов н/Д, 1999. С. 22–34, 142–155).

Объектом концепции военно-полевой криминалистики в самом общем виде являются закономерности расследования преступлений. В юридической литературе различаются общие закономерности расследования преступлений, закономерности расследования групп криминалистически сходных видов преступлений и отдельных видов преступлений (Возгрин И. А. *Криминалистическая методика расследования преступлений*. Минск, 1983. С. 51). В данном случае речь идет о закономерностях расследования групп криминалистически сходных видов преступлений – тех, которые совершаются в районах вооруженного конфликта. Причем объектом концепции военно-полевой криминалистики высту-

пают лишь специфические закономерности, вызванные чрезвычайными условиями расследования в районах вооруженного конфликта. Аналогично в криминалистике выделяются, например: закономерности расследования преступлений по горячим следам (Илларионова Р. К. *Раскрытие преступления по горячим следам* // Об опыте расследования умышленных убийств и изнасилований. М., 1968. С. 95–99 ; Салтевский М. В. *Раскрытие преступлений по горячим следам* (понятие, содержание, структура) // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1989. Вып. 38. С. 37–41 и др.); преступлений организованных преступных сообществ (Быков В. М. *Криминалистическая характеристика преступных групп*. Ташкент, 1986 ; Миньковский Г. М. *Организованная преступность: проблемы теории и практики* // Борьба с организованной преступностью: проблемы теории и практики. М., 1990 и др.); преступлений, совершаемых иностранными гражданами (Дергай Б. И. *Особенности расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных иностранцами и в отношении иностранных граждан*. Минск, 1979 и др.); преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях (Шурухнов Н. Г. *Расследование преступлений, совершенных осужденными в ИТУ*. М., 1992); преступлений, совершаемых невменяемыми и лицами с дефектами психики (Дергай Б. И. *Особенности расследования по делам невменяемых*. Волгоград, 1976 ; Радаев В. В. *Расследование преступлений, совершенных лицами с психическими недостатками*. Волгоград, 1987 и др.), и т. п.

При этом в зависимости от конкретной стороны деятельности различают специфические закономерности правового обеспечения, организа-

ции и методики расследования преступлений в районах вооруженного конфликта. Мы не относим в данную группу закономерности, касающиеся психологии расследования, научной организации труда, поскольку психологические закономерности составляют объект более общей концепции о психологии деятельности в экстремальных ситуациях, а невысокий уровень научной организации труда даже в обычных условиях не позволил проявиться каким-то особым ее закономерностям при расследовании преступлений в районах вооруженного конфликта.

Таким образом, объектом концепции военно-полевой криминалистики являются вызванные чрезвычайными условиями боевой обстановки специфические закономерности правового обеспечения, организации и методики расследования преступлений в районах вооруженного конфликта.

Объект концепции в некоторой степени определяет и ее систему. По мнению Р. С. Белкина, основное содержание системы расследования преступлений составляют научно обоснованные и апробированные на практике криминалистические положения и рекомендации, касающиеся организации расследования, выбора и применения технико-криминалистических средств и криминалистических приемов, с учетом специфических условий деятельности (Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988. С. 170). С. Н. Чурилов придерживается аналогичной точки зрения, полагая, что в таком понимании она подходит под определение частной криминалистической методики и составляет ее основу (Чурилов С. Н. Проблемы общего метода расследования преступлений. М., 1993. С. 182–223).

Однако содержание концепции военно-полевой криминалистики значительно шире и криминалистическая методика является лишь одной из составляющих ее частей. Кроме методики в ее содержание входят научные положения о правовом обеспечении и организации расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, занимающие самостоятельное место.

В юридической литературе право наряду с наукой и следственной практикой рассматривается не только как источник, но и как определяющий фактор методических рекомендаций криминалистики (Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 3. С. 342). Связь выражается в том, что криминалистика использует разрабатываемые в уголовном праве характеристики отражаемого объекта, пользуясь ими как данными. Так, нормы Особенной части уголовного права, помимо своей классификационной роли, наполняют необходимым содержанием общую формулу предмета доказывания и определяют цели процесса расследования. Нормы уголовно-про-

цессуального права как в системе, так и в отдельности в буквальном смысле слова определяют криминалистические методические рекомендации и являются их источником. Эта их роль проявляется в том, что уголовно-процессуальный закон:

- устанавливает общую процедуру расследования преступлений, на которой основывается структура частных криминалистических методик, отражающая порядок действий следователя и содержание этих действий на каждом этапе расследования, а также изъятия из этой процедуры;

- исчерпывающим образом определяет круг следственных действий, с помощью которых осуществляется процесс доказывания;

- содержит общую формулу предмета доказывания, на базе которой криминалистическая методика разрабатывает круг обстоятельств, подлежащих выяснению по каждой категории уголовных дел, являющийся элементом криминалистической характеристики преступлений;

- содержит требование о быстром и полном раскрытии преступлений, о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела (Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. С. 343–348).

В концепции военно-полевой криминалистики право наряду с методикой является самостоятельным элементом. Это отнюдь не означает, что мы пытаемся лишить самостоятельности криминалистическую науку, включая в ее содержание право или приписывая ей аннексию правовых норм. Мы разделяем мнение Р. С. Белкина в том, что здесь налицо обычный процесс взаимопроникновения научных знаний в целях их обогащения и развития (Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. С. 177). В концепции военно-полевой криминалистики это обусловлено тем, что расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, наряду с обычным законодательным регулированием нуждается в особом, адекватном чрезвычайным условиям боевой обстановки, правовом обеспечении.

Проблемы организации расследования рассматривались в различных аспектах многими учеными-криминалистами. Так, еще в 1970 г. А. М. Ларин предложил общее определение организации расследования: «рациональный выбор, расстановка и приложение сил, орудий и средств, которыми располагает следователь, создание и использование оптимальных условий для достижения целей судопроизводства» (Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970. С. 59). В. Е. Коновалова и А. К. Кавалиерис понимали под организацией расследования главным образом научную организацию труда следователя (Кавалиерис А. К. Научная организация предварительного следствия – условие реализации ленинских принципов неотвратимости наказания //

Криминалистический сборник. Рига, 1970. С. 21 ; Коновалова В. Е. К вопросу о принципах научной организации следственной деятельности // Вопросы государства и права. М., 1970. С. 340). Л. А. Соя-Серко предложил включить в понятие «организация следствия»: структуру следственного аппарата, подследственность, надзор за следствием, комплекс прав и обязанностей следователя и других лиц, участвующих в производстве следствия, материальное обеспечение работы следователя и их обслуживание, организацию труда следователя (Михайлов А. И., Соя-Серко Л. А., Соловьев А. Б. Научная организация труда следователя. М., 1974. С. 8–9). И. Ф. Крылов фактически полностью свел организацию расследования к правилам научной организации труда следователя (Криминалистика : учебник. Л., 1976. С. 297), а С. И. Цветков ограничил организацию расследования конкретного преступления лишь распределением полномочий по работе с доказательствами (Цветков С. И. Состояние и перспективы использования данных науки управления в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977. С. 142).

Для правильного определения понятия организации расследования преступлений следует четко разграничивать уровни этой деятельности. Так, Р. С. Белкин выделял следующие уровни организации расследования преступлений:

Первый, высший, – наиболее общий уровень организации расследования. Имеет своим объектом расследование как специфическую форму деятельности органов предварительного следствия и дознания всех ведомств и определяется в виде системы мер, обеспечивающих эффективность функционирования элементов системы и достижение поставленных перед ними целей.

Второй, управленческий, уровень организации расследования наполнен конкретным содержанием. Является основной функцией следственного аппарата и подразделений дознания одного ведомства и определяется как комплекс мер, обеспечивающих оптимальную структуру этих органов, необходимый уровень управления ими, эффективность их деятельности и совершенствование ее средств и методов.

Третий уровень организации расследования – уровень криминалистической методики, т. е. организация конкретного акта расследования (расследования конкретного преступления). Он определяется как комплекс мер по созданию оптимальных условий для определения и применения наиболее эффективных и целесообразных в конкретной следственной ситуации рекомендаций криминалистической методики в целях достижения максимальных результатов при минимальных затратах времени, сил и средств.

Четвертый уровень организации расследования – тактический, т. е. организация проведения

отдельного следственного действия или организационно-технического мероприятия в рамках конкретного акта расследования. Определяется как комплекс мер, обеспечивающих выбор и применение в конкретной следственной ситуации наиболее эффективных и целесообразных технико-криминалистических и тактических средств и приемов для достижения целей этого следственного действия (Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. С. 449–452).

Относительно вопроса о связи организации и методики расследования преступлений сложились две основные позиции. Первая, сторонниками которой являются такие ученые-криминалисты, как С. П. Митричев, И. А. Возгрин, А. Н. Васильев и другие (Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений // Соц. законность. 1975. № 4 ; Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. СПб., 1992. Ч. 1 ; Митричев С. П. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1973), состоит в том, что вопросы организации расследования включаются в содержание криминалистической методики в целом, без выделения их в самостоятельный структурный элемент этого раздела криминалистики. Сущность второй позиции заключается в выделении в криминалистической методике специального раздела, посвященного проблемам организации процесса расследования (Д. Я. Мирский, А. М. Ларин) (Ларин А. М. Проблема общей методики расследования преступлений. М., 1976 ; Мирский Д. Я. Некоторые вопросы методики расследования отдельных видов преступлений в свете ленинского принципа неотвратимости наказания // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Свердловск, 1972), либо самостоятельного раздела криминалистики в системе курса криминалистики (А. Г. Филиппов) (Криминалистика : учебник. Омск, 1993. Т. 2).

Нам более близка точка зрения Р. С. Белкина, который полагал, что «вопросы организации расследования преступлений на уровне криминалистической методики как раздела науки должны составлять органическую часть всех ее составных элементов, но не выделяться из них в самостоятельный раздел или теорию» (Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. С. 455). Действительно, на уровне криминалистической методики – организации расследования конкретного преступления, т. е. на третьем уровне понятия организации расследования, организация расследования является составной частью криминалистической методики.

Однако при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, приходится предпринимать также иного рода организационные меры, выхо-

дящие уже за рамки отдельных уголовных дел. Как показал опыт работы органов военной прокуратуры в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994–1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999–2009), это формирование самих военных следственных органов, их материально-техническое снабжение, организация взаимодействия с более широким кругом правоохранительных органов, имеющих различные задачи, подчиненность, и т. д. Данные организационные меры, выходящие за рамки расследования отдельного уголовного дела, по своей сущности не укладываются в криминалистическую методику. Они в большей степени тяготеют к управленческой деятельности в сфере охраны правопорядка и борьбы с преступностью (т. е. к управленческому уровню понятия организации расследования), сформировавшейся в самостоятельную отрасль теории управления в сфере правоохранительной деятельности, предметом которой являются особенности процесса управления в сфере расследования преступлений, осуществляемого следственным аппаратом и органами дознания, а также организационные аспекты повышения эффективности их деятельности по выполнению этой функции (Петелин Б. Я. Организация расследования преступлений как вид социального управления // Соц. исслед. 1991. № 4. С. 68–69). Следовательно, одна часть научных положений об организации расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, а именно организация расследования конкретных преступлений, входит в содержание криминалистической методики, а другая часть, касающаяся вопросов организации следственной работы, составляет самостоятельный, управленческий элемент концепции военно-полевой криминалистики, существующий наряду с правовым обеспечением и методикой. Иными словами, мы выделяем в концепции военно-полевой криминалистики уголовно-процессуальный, управленческий и криминалистический аспекты.

Таким образом, в содержание концепции военно-полевой криминалистики входят теоретические положения:

- о правовом обеспечении расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта;
- об организации следственной работы военных следственных органов в районах вооруженного конфликта;
- о методике расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

При этом правовое обеспечение как элемент концепции военно-полевой криминалистики пред-

полагает прежде всего адекватное разрешение на основе ретроспективного анализа следственной практики военных следственных органов уголовно-процессуальных проблем, возникающих при применении в районах вооруженного конфликта обычного порядка расследования. Однако его нельзя отождествлять с установлением особых форм следственной деятельности. Речь может идти лишь о некоторых изменениях и дополнениях отдельных элементов существующего уголовно-процессуального порядка расследования, не затрагивающих его основ, но учитывающих чрезвычайные условия деятельности в районах вооруженного конфликта (Савенков А. Н. Проблемы укрепления законности в ВС, других войсках и воинских формированиях РФ в период военной реформы // Проблемы укрепления законности в ВС, других войсках и воинских формированиях РФ в период военной реформы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2002).

Правовое обеспечение наряду с особенностями уголовно-процессуального порядка содержит и исключительный (особый) правовой режим, который вводится в районах вооруженного конфликта. На практике это обычно режимы проведения контртеррористической операции, военного и чрезвычайного положения. Основное их назначение – создание необходимых условий для стабилизации обстановки, восстановления законности и правопорядка. Введение исключительного (особого) правового режима способствует также проведению надлежащего расследования преступлений.

Кроме исключительного (особого) правового режима существует потребность и в специальных нормативных предпосылках расследования преступлений в районах вооруженного конфликта. Так, в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе отдельные командиры воинских частей и подразделений воспринимали свое пребывание на территории Чеченской Республики как выход за пределы правового поля Российской Федерации. Часто стремление оправдать незаконные действия «боевой обстановкой» способствовало формированию устойчивой круговой поруки не только среди военнослужащих-сослуживцев, но и между командирами и их подчиненными, что приводило к активным попыткам противодействия проведению надлежащего расследования. Поэтому представляется необходимым предусмотреть ряд дополнительных нормативных предпосылок расследования, которые содержали бы правовой механизм, обеспечивающий проведение надлежащего расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Таким образом, правовое обеспечение складывается из адекватного регулирования отношений, возникающих в районах вооруженного конфликта, в связи с расследованием преступлений нормами различных отраслей права. Поэтому было бы неточным говорить о правовом регулировании расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта. Во-первых, единого такого регулирования просто не существует. Во-вторых, правовые нормы касаются не столько самого расследования, сколько преимущественно иных возникающих в связи с ним отношений. Следовательно, применительно к расследованию преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, было бы правильной говорить о его правовом обеспечении.

Организация расследования преступлений как отрасль науки управления в сфере правопорядка, по мнению Б. Я. Петелина, включает в себя вопросы управленческого характера, касающиеся системы расследования преступлений, его ресурсного, информационного обеспечения, организации расследования отдельных видов преступлений в особых ситуациях (Петелин Б. Я. Криминалистика и организация расследования преступлений // Предмет и система криминалистики в свете современных исследований : сб. науч. тр. М., 1988. С. 65). Однако в условиях боевой обстановки в районах вооруженного конфликта все эти вопросы организации следственной работы военных следственных органов обладают определенной спецификой, более того, среди этих вопросов можно выделить ряд концептуальных, без решения которых нельзя провести расследование. Они касаются формирования и обеспечения работы военных следственных органов и характеризуют: специальное следственное подразделение оперативного реагирования Военного следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ как основу системы организации расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта; порядок создания следственной группы, материально-технического и тылового обеспечения ее деятельности, организацию взаимодействия с другими правоохранительными органами; использования специальных познаний в «полевых» условиях и т. д. Совокупность теоретических положений по этим вопросам представляет собой управленческий элемент концепции военно-полевой криминалистики. Иные управленческого уровня вопросы организации расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, касающиеся информационно-аналитической работы, организации контроля, учета, отчетности и т. д., являются производными от вы-

шеуказанных концептуальных вопросов. Успешное решение последних во многом предопределяет успех расследования в целом. Все же то, что касается деятельности следователя по конкретному уголовному делу, включая и организационные вопросы методического уровня, относится к предмету криминалистической методики.

По нашему мнению, методика как составной элемент концепции военно-полевой криминалистики должна состоять из двух компонентов:

1) из обычной методики расследования отдельных видов преступлений (например, нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, убийств, уклонений от военной службы, грабежей и т. д.);

2) нетрадиционной методики большой степени общности, в основе которой лежит специфика ситуации, выражающаяся в том, что расследование проводится в районах вооруженного конфликта групповым (бригадным) методом по горячим следам в особых условиях производства следствия, связанных с ведением боевых действий.

Последняя относится к числу новых методик, которые Р. С. Белкин характеризовал как комплекс частнометодических криминалистических рекомендаций большой степени общности, охватывающих несколько видов и даже родов преступных посягательств, но совершаемых не вообще, а в специальных условиях места, времени, либо лицами, характеризующимися тем или иным общим для них отличительным признаком. В качестве примера подобного рода методик он называл методики расследования преступлений, совершенных рецидивистами, женщинами, невменяемыми, осужденными в исправительно-трудовых учреждениях, иностранцами гражданами, в экстремальных климатических, природных, территориальных, производственных условиях и т. п. (Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. С. 340).

В данном случае речь идет о комплексе частнометодических криминалистических рекомендаций по осуществлению расследования в условиях боевой обстановки, сложившихся в районах вооруженного конфликта, т. е. о методике расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Приоритет в постановке данного вопроса принадлежит И. М. Лузгину, который, рассматривая перспективы развития методики расследования, высказал суждение о целесообразности выделения в этом разделе криминалистики направления, посвященного выявлению общих закономерностей в расследовании нескольких видов преступлений и разработке на этой основе ситуационных моделей расследования (Лузгин И. М. Проблемы развития методики расследования отдельных видов преступлений // Методика расследования преступлений. М., 1976.

С. 32–33). Данная идея была разработана более подробно (Напр.: Его же. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. 1977. № 2. С. 65) и нашла поддержку и развитие в трудах других ученых-криминалистов (Напр.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М., 1977. Т. 3. С. 211–214). В то же время высказываемые иногда сомнения в ее плодотворности мотивируются тем, что исследование упомянутых объектов создает основу лишь для разработки рекомендаций весьма высокого уровня абстракции, чрезмерная общность которых в отрыве от видовой специфики преступлений делает их якобы малопригодными для практического применения.

Подобные сомнения представляются нам неосновательными. Действительно, группы криминалистически сходных видов преступлений характеризуются меньшим числом общих признаков, чем отдельные виды преступлений. Однако все признаки первого из числа названных объектов как родового по отношению к тем, которые являются его частями, характеризуют и эти части. Изучая признаки класса, мы тем самым познаем признаки его частей, а информируя о них следственных работников, мы информируем их и о признаках подкласса. Именно в этом состоит главная проблема разработки и внедрения в следственную практику рекомендаций, содержащихся в общих методиках расследования криминалистически сходных видов преступлений.

В. А. Образцов обоснованно определяет такого рода методики как новое перспективное направление в криминалистике, источник конструктивного методического и общепредпосылочного научного знания, используемого при решении конкретных вопросов теории и практики расследования, научных исследований в области методики расследования, ее преподавания и изучения (Образцов В. А. Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. С. 21).

Характеризуя подобные методики как комплексы частнометодических криминалистических рекомендаций более высокого уровня обобщения, Р. С. Белкин полагал, что такие комплексы отличаются от традиционных частных криминалистических методик и своей структурой, и своим содержанием. В сущности, они должны состоять из характеристики основания формирования комплекса (условий преступного посягательства, группы субъектов преступлений и т. п.) и раскрытия тех особенностей методики расследования, которые обусловлены данной характеристикой и в которых она проявляется (Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 3. С. 340).

С нашей точки зрения, комментируя данное положение, Н. Г. Шурухов допускает неточ-

ность, утверждая, что речь здесь идет о двух взаимосвязанных основаниях, одно из которых должно выстраиваться из общих закономерностей преступлений, другое – из процесса расследования (единообразный комплекс средств и методов расследования данной группы преступлений) (Шурухов Н. Г. Указ. соч. С. 9).

Р. С. Белкин совершенно справедливо отмечал одно основание выделения комплекса методических рекомендаций. То, что Н. Г. Шурухов называет вторым основанием, на самом деле имеет другую природу – особенности методики расследования (комплекс средств и методов расследования) являются продуктом, обусловленным фактом выделения группы преступлений по тому или иному основанию. С. Н. Чурилов, развивая мысль Р. С. Белкина, говорит только об одном основании выделения комплекса методических рекомендаций – о специфических условиях деятельности (Чурилов С. Н. Принципы разработки и построения частных криминалистических методик : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981), которые выше были охарактеризованы в качестве фактора, определяющего специфические закономерности расследования преступлений.

Обладает спецификой и собственно методика расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, отличаясь от традиционных методик как по своей структуре, так и по содержанию. В структуре данной методики по сравнению с традиционной отсутствует характеристика основания данного комплекса методических рекомендаций. Условия расследования, складывающиеся в районах вооруженного конфликта, как основание выделения комплекса методических рекомендаций составляют теоретическую основу и других составных частей концепции расследования преступлений – правового обеспечения и организации деятельности. В связи с этим характеристику условий расследования, порожденных вооруженным конфликтом, мы вынесли за рамки методики, так как ее целесообразнее предпослать всем трем частям концепции. Эти же доводы относятся и к общей характеристике преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта, которая также в равной мере относится ко всем трем составным частям данной концепции.

Должны измениться и отдельные элементы методики расследования преступлений в районах вооруженного конфликта по сравнению с традиционными методиками. Комплекс частнометодических криминалистических рекомендаций большой степени общности, охватывающих несколько видов и даже родов преступлений, должен содержать описание частных проявлений общих закономерностей из числа тех, которые изучает криминалистическая наука в целом. В криминалистической методике частными прояв-

лениями являются закономерности функционирования общего метода расследования преступлений как метода практической деятельности.

С. Н. Чурилов, развивая идею данного метода, высказанную Р. С. Белкиным, создал концептуальное учение, которое синтезирует теоретические знания, накопленные в рамках системы научных положений криминалистической методики с учетом потребностей практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений (Чурилов С. Н. Криминалистическое учение об общем методе расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995), и в силу этого оно имеет большое значение как для развития криминалистической методики, так и для всей криминалистики в целом. Использование учения об общем методе расследования преступлений дает возможность максимально адаптировать научные положения и рекомендации криминалистической методики к особенностям и условиям раскрытия и расследования преступлений. Данное учение служит методологической и теоретической основой и для разработки концепции военно-полевой криминалистики.

В структуру общего метода расследования, по мнению С. Н. Чурилова, входят три элемента: 1) криминалистический анализ исходной и дополнительной информации о преступлении; 2) адаптация в соответствии с ней конкретной частной криминалистической методики; 3) реализация адаптированной типовой программы (Чурилов С. Н. Указ. соч. С. 89). Первый элемент основывается на идее А. В. Дулова о криминалистическом анализе преступления как практической деятельности по его расследованию, осуществляемой на основе результатов изучения общих закономерностей криминалистически сходных видов преступлений (Дулов А. В. К вопросу о криминалистическом анализе преступлений // Сборник рефератов научных сообщений на теоретическом семинаре – криминалистических чтениях ВНИИСЭ. М., 1977. Вып. 19. С. 3–9). Второй элемент данного метода заключается в учете ситуационных особенностей расследования и соответствующей корректировке типовых методических рекомендаций, осуществляемых на всем протяжении расследования. Практический смысл и значение адаптации, приспособления частной криминалистической методики к особенностям и условиям конкретного акта расследования состоит в обеспечении максимального использования фактора внезапности, динамичности и непрерывности расследования, оптимального и строгого соответствия закону сочетания единоличного и коллективного труда всех участников доказывания, экономии их сил и средств, ситуационного характера применения тактических приемов и технических средств при расследова-

нии (Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. С. 282–283 ; Его же. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М., 1988. С. 250–260). Вышеизложенное можно отнести к структуре и содержанию методики, отражающей особенности расследования преступлений в районах вооруженного конфликта.

Так, в структуру нетрадиционной методики большой степени общности, в основе которой лежит специфика ситуации, выражающаяся в том, что расследование проводится в районах вооруженного конфликта, входят:

- характеристика групп типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта в зависимости от вида боевых действий и условий конкретной боевой обстановки;

- планирование расследования преступлений следственно-оперативными группами (звеньями) по горячим следам в различных типичных следственных ситуациях, складывающихся при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта;

- особенности организации и тактики производства отдельных следственных действий в районах вооруженного конфликта.

Специфика содержания методики расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, определяется преимущественно групповым (бригадным) методом расследования (Герасун А. А. Бригадный метод расследования в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968 ; Тарасов А. А. Процессуальные и тактико-психологические проблемы расследования преступлений группой следователей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1990), расследованием по горячим следам и особыми условиями производства следственных действий в районах вооруженного конфликта, связанными с ведением боевых действий. Она касается как традиционных следственных действий (допрос, обыск, осмотр места происшествия и т. д.), так и новых для криминалистики приемов, получивших распространение на практике лишь в районах вооруженного конфликта (например, действия следователей при проведении специальных операций подразделениями и частями внутренних войск МВД России).

Важное место в повседневной работе военных следственных органов в районах вооруженного конфликта, на наш взгляд, занимает деятельность по криминалистическому обеспечению предупреждения преступлений военнослужащих. Именно быстрота предварительного расследования, расследование преступлений следственной группой по горячим следам должны обеспечивать

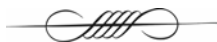
высокое качество следствия, а сокращение времени между совершением преступления и вынесением приговора в конечном итоге способствует предупреждению преступлений военнослужащих в районах вооруженного конфликта (Бирюков Ю. С. Расследование уголовных дел о незаконных вооруженных формированиях. М., 2002. С. 38). В криминалистике в общую систему предупредительных мер по искоренению преступности включаются криминалистические (технические и тактические) меры предупреждения отдельных видов преступлений, разработкой которых криминология не занимается (Чурилов С. Н. Криминалистическая методика: история и современность. М., 2002. С. 298). При этом задача криминалистического обеспечения предупреждения преступлений военнослужащих обязательно должна учитываться при планировании расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Теоретической предпосылкой для научно-эмпирического обоснования криминалистических частнометодических рекомендаций большой степени общности, а следовательно, и методики расследования преступлений в районах вооруженного конфликта в целом являются ретроспективный криминалистический анализ криминалистически сходных видов преступлений и деятельности по расследованию преступлений как в научном, так и прикладном аспектах. Здесь, по мнению С. Н. Чурилова, которое мы полностью разделяем, теоретическая модель ретроспективного криминалистического анализа играет роль своего рода исследовательской программы, обеспечивающей постановку теоретических и практических задач по исследованию области противоправной деятельности и в области раскрытия, расследования и предупреждения преступлений (Чурилов С. Н. Указ. соч. С. 49–50), в том числе в районах вооруженного конфликта. Таким образом, она становится адаптированной к соответствующему эмпирическому материалу и криминалистическим частнометодическим рекомендациям большой степени общности.

С. Н. Чурилов содержание ретроспективного криминалистического анализа сходных видов преступлений определил как путь познания их криминалистической характеристики, сущность которого заключается в выявлении корреляционных зависимостей между фактическими данными криминалистически сходных видов преступлений, выраженных количественными показателями и имеющих эвристическое значение при расследовании аналогичных преступлений (Там же. С. 147–148).

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что объединенные одним объектом теоретические положения о правовом обеспечении, организации и методике расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, представляют собой целостную самостоятельную концепцию военно-полевой криминалистики. Концепция военно-полевой криминалистики имеет как научное, так и практическое значение. Она позволяет объединить научные положения о деятельности военных следственных органов в районах вооруженного конфликта в единую систему, что, в свою очередь, позволяет выявить неисследованные вопросы и системно разрешать возникающие проблемы. Для практики концепция военно-полевой криминалистики важна тем, что она вооружает следователей военных следственных органов научно обоснованными рекомендациями об организации следственной работы в районах вооруженного конфликта, а также методикой ее проведения.

Таким образом, концепцию военно-полевой криминалистики можно определить как имеющую важное научное и практическое значение комплексную, междисциплинарного характера целостную теоретическую систему, являющуюся частью теоретической системы большей степени общности о различных видах деятельности в особых условиях в целом и объединяющую совокупность теоретических положений о специфических закономерностях, проявляющихся в сфере правового обеспечения, организации и методики расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Библиографический список

1. *Маликов, С. В.* Военно-полевая криминалистика : монография / С. В. Маликов. – М., 2008.
2. *Маликов, С. В.* Правовое обеспечение, организация и методика расследования преступлений в боевой обстановке : монография / С. В. Маликов. – М., 2004.
3. *Маликов, С. В.* Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта : монография / С. В. Маликов. – М., 2004.

Bibliographical list

1. *Malikov, S. V.* Military-field Forensic Studies / S. V. Malikov. – M., 2008.
2. *Malikov, S. V.* Legal Support, Organization and Methods of Investigating of the Crimes in the Areas of Armed Conflicts / S. V. Malikov. – M., 2004.
3. *Malikov, S. V.* Investigating of the Crimes Committed by Militaries in the Areas of Armed Conflicts / S. V. Malikov. – M., 2004.

Т. А. Ткачук,
доцент кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
А. Е. Михайлов,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России

T. A. Tkachuk,
Associate Professor of the Forensic Studies Department
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor
A. E. Mikhailov,
Lecturer of the Department of Criminal Law
and Criminology
of VLI of the FPS of Russia

**РОЛЬ СПЕЦИАЛИСТА В ПОДГОТОВКЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ,
ОСУЩЕСТВЛЕННОГО НЕТРАДИЦИОННЫМ СПОСОБОМ С ЦЕЛЬЮ РОЗЫСКА И УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ**

**Specialist's Role in Preparation for the Presentation for Identification Performed
in a Nonconventional Way for the Purpose of Search and Identification**

Аннотация. В представленной статье рассмотрена роль специалиста в подготовке предъявления для опознания, осуществленного нетрадиционным способом с целью розыска и установления объектов. Авторами внесены предложения по созданию криминалистических толковых словарей и криминалистических баз, содержащих вещества, обладающие эталонными вкусовыми и запаховыми признаками и свойствами.

Ключевые слова: нетрадиционные способы предъявления для опознания, следственные действия, специалист, допрос.

Annotation. The paper considers the specialist's role in the preparation for the presentation for identification performed in a nonconventional way for the purpose of search and identification. The authors give suggestions related to the creation of forensic dictionaries and forensic databases containing chemicals with characteristic taste and smell features.

Key words: nonconventional ways of presentation for identification, investigatory activities, specialist, interrogation.

Признание возможности опознания предъявляемых объектов нетрадиционным способом, т. е. посредством использования возможностей других органов чувств, нежели зрения, требует разработки тактических и методических рекомендаций по производству подобных видов опознания с учетом их нетрадиционной специфики. Как правило, в предъявлении для опознания выделяют три стадии: подготовительную, рабочую и заключительную. Следует заметить, что подготовительная стадия включает в себя также допрос опознающего (Васильев В. В., Усманов У. А. Практическое руководство следователя. М., 1999. С. 54), производство которого в случае ориентирования на предъявление для опознания, осуществленного нетрадиционным способом, связано с необходимостью применения некоторых специфических тактических приемов.

В ходе проведения допроса допрашиваемое лицо должно принять исчерпывающие меры по установлению и объективному описанию всех признаков и свойств, характеризующих объект опознания. От этого зависит не только возможность проверки правдивости показаний опознающего и результатов предъявления для опознания. Сообщенные допрашиваемым лицом признаки и свойства могут быть использованы при приискании устанавливаемого объекта опознания и сравнительных образцов (Лузгин И. М. Моделирование при расследовании преступлений. М., 1981. С. 27).

Безусловно, простое заявление допрашиваемого о том, что он сможет опознать тот или иной

объект, не должно подразумевать однозначного принятия решения о производстве предъявления для опознания. Особенно это касается таких мало изученных видов опознания, как опознание на вкус, по запаху и на осязание. Для обоснования принятия решения о производстве опознания следователь уже в ходе допроса должен акцентировать внимание на проверке истинности предварительных показаний опознающего.

По нашему мнению, именно в этот момент наиболее актуальна роль специалиста-консультанта. Традиционно специалист рассматривается как лицо, обладающее специальными познаниями и навыками и являющееся помощником и консультантом следователя (Шестеров А. Г., Федоров Ю. Д. Деятельность специалиста на месте происшествия (психологический аспект) // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий : сб. науч. тр. Ташкент, 1982. С. 103). В правоприменительной практике в качестве специалиста выступают любые лица, чьи специальные знания можно использовать для определения природы, сущности, свойств объектов и явлений, что требуется для установления истины (Лазарева Л. В. Специалист в уголовном процессе : учеб. пособие. Владимир, 2005. С. 15). В рассматриваемом нами аспекте специальные познания дегустаторов, способные содействовать допрашиваемому лицу при определении признаков и свойств объектов, воспринимаемых по запаху и (или) на вкус, просто неоценимы. В связи с этим мы полагаем, что в

качестве тактической подготовительной стадии нетрадиционного предъявления для опознания следует рассматривать приглашение на допрос специалиста-консультанта. Помощь последнего, с одной стороны, будет содействовать выявлению противоречий, связанных с самой возможностью восприятия объекта; с другой – в определении признаков и свойств опознаваемого объекта. Конечно, перед началом допроса трудно предугадать, какие именно показания будет давать допрашиваемое лицо, и следователь может оказаться в ситуации, когда будет не готов к тому, что свидетель или потерпевший укажут на способность опознания объекта по запаху и (или) вкусу, соответственно не обеспечит участие специалиста на этом допросе. Рассмотрим имеющийся опыт методики расследования уголовных дел следственными подразделениями. Так, изучение 85 уголовных дел, расследованных следственными подразделениями Следственного управления при УВД Ярославской области, по которым произведено 32 предъявления для опознания, показало, что в рамках предварительного расследования по тем уголовным делам, где имеет место производство предъявления для опознания, непосредственно перед этим следственным действием в каждом случае произведен дополнительный допрос опознающего, преследующий только одну цель – описание признаков опознаваемого объекта, обстоятельств его восприятия и возможности опознания. Причем первоначальные допросы также содержали описание признаков объекта будущего опознания и прочие обстоятельства, касающиеся этого. Данная особенность не характерна для изученных нами 166 уголовных дел, находящихся в производстве органов предварительного расследования УВД Владимирской области и 82 уголовных дел, расследованных следственными подразделениями Шестого управления внутренних дел МВД России, где обстоятельства, подлежащие выяснению в связи с предстоящим предъявлением для опознания, часто отражены в единственном протоколе допроса, который касается всех обстоятельств расследуемого преступления. Необходимо отметить, что по данным уголовным делам в общей сложности произведено 39 предъявлений для опознания.

Мы полагаем, что практика обязательного проведения повторных допросов опознающих дает возможность следователю в полной мере подготовиться к этому допросу, в том числе подыскав необходимого специалиста, выступающего в роли консультанта. Поэтому необходимость проведения дополнительного допроса, направленного исключительно на выяснение обстоятельств восприятия устанавливаемого объекта, а также свойств и признаков, по которым он может быть опознан, по нашему мнению,

должна рассматриваться как своеобразная тактическая особенность предъявления для опознания на основе вкусового и обонятельного восприятия. Именно на этот допрос целесообразно приглашать специалиста-консультанта.

С нашей точки зрения, при проведении допроса опознающего с участием специалиста-консультанта целесообразно в качестве тактического приема, направленного на получение от допрашиваемого более полных и объективных показаний, использовать предъявление последнему эталонных образцов, характеризующих основные признаки или свойства объекта будущего опознания (Глазырин Ф. В. Психология следственных действий : учеб. пособие для вузов МВД СССР. Волгоград, 1983. С. 106). Такие эталонные образцы должны формироваться в специальные информационные базы, содержащие сведения о признаках и свойствах объектов. Например, фонотека основных свойств и признаков голоса и речи (картавость, высота голоса и др.). Возможно, создание баз эталонных вкусов и запахов в настоящее время потребует дополнительных сил, средств, теоретических и тактических разработок в связи со специфичностью самих образцов, редкостью проведения опознаний на основе обоняния и вкусового восприятия и малой разработанностью темы исследования. Тем не менее, например, во Франции, чтобы помочь начинающему дегустатору в описании вина, используют подобные специальные наборы ароматизаторов (Купцов А. Дегустация вин // Электрон. журн. «Offshore Express». URL: http://tolichka2.narod.ru/wine_map/etiket/culture_3.htm).

В перспективе, помимо использования криминалистических баз, содержащих эталонные образцы признаков и свойств тех или иных объектов опознания, облегчающих припоминание и описание устанавливаемых объектов, мы полагаем, что в качестве тактического приема целесообразно использовать криминалистический толковый словарь, включающий описание эталонных характеристик признаков и свойств объектов. Опрос 190 следователей и дознавателей УВД Владимирской, Ярославской, Костромской, Ивановской областей, а также Шестого управления внутренних дел МВД России, следователей Следственного комитета при прокуратуре г. Владимира и Следственного комитета при прокуратуре г. Грозного Чеченской Республики показал, что 27,5 % респондентов отмечают отсутствие терминологии, позволяющей выявить индивидуальные признаки объектов последующей идентификации, как одно из препятствий в осуществлении нетрадиционного предъявления для опознания. Применение подобных словарей может способствовать правильному восприятию лицом, осуществляющим предварительное расследование, излагаемого допрашиваемым материала. Это позволит избежать ошибок при передаче доказательственной информации. Извест-

но множество приемов систематизации запахов (Салтаевский М. В. Использование запаховых следов для раскрытия и расследования преступлений : лекция для слушателей фак. повышения квалификации. Киев, 1982. С. 12). В настоящее время для единообразия применения методики органолептического анализа продукции пищевой и парфюмерной промышленности разработан и введен в действие национальный стандарт Российской Федерации «Органолептический анализ. Словарь», ГОСТ Р ИСО 5492-2005 (Об утверждении национального стандарта : приказ Ростехрегулирования от 29 дек. 2005 г. № 491-ст). В данном словаре определены термины и их значения, относящиеся к органолептическим характеристикам продукции, в том числе вкусу и запаху.

Необходимо подчеркнуть, что такие организационно-тактические приемы и особенности подготовительной стадии предъявления для опознавания, как использование криминалистических баз эталонных образцов и криминалистических толковых словарей, равно как и привлечение на первоначальный допрос опознающего специалиста-консультанта, наиболее актуальны при опознаваниях на основе вкусового и обонятельного восприятия предъявляемого объекта. Менее востребованы они при подготовке к проведению опознавания на ощупь. Выше отмечалось, что, осуществляя опознавание на основе осязания, опознающее лицо сталкивается с тем же комплексом признаков и свойств данного объекта, что и при визуальном опознавании (за исключением признаков цвета), к которым добавляются сугубо осязательные признаки и свойства: вес, шероховатость и др. (Сеченов И. М. Психология поведения / под ред. М. Г. Ярошевского ; вступ. ст. М. Г. Ярошевского. М., 1995. С. 275). Учитывая, что данные признаки общеизвестны и одинаково понятны и воспринимаемы как допра-

шиваемым, так и опознающим, а объекты, которые могут быть опознаваемы на ощупь, невообразимо многочисленны, вести речь о создании каких бы то ни было криминалистических баз, по нашему мнению, нецелесообразно и бессмысленно. Что же касается криминалистических толковых словарей специальных терминов, то в данном случае вполне возможно использовать уже имеющиеся систематизации, например, предложенную В. А. Снетковым, которая включает основные группы объектов опознавания с указанием на наиболее характерные групповые признаки данных объектов (Криминалистическая экспертиза. М., 1967. Вып. V, разд. 6, 7). Применить подобные криминалистические словари для описания признаков объектов, воспринятых на ощупь, вполне может само лицо, осуществляющее допрос. Более того, по нашему мнению, при оказании помощи в вербализации показаний допрашиваемого относительно описания указанных признаков опознающего объекта допрашивающий в большинстве случаев вообще может обойтись без помощи означенного словаря. Поэтому приглашение на допрос специалиста-консультанта для содействия допрашиваемому в определении признаков и свойств устанавливаемого объекта в данном случае необязательно, так как не будет иметь особенной ценности.

Таким образом, выявленные тактические приемы и особенности производства допроса опознающего, сопряженные с активным задействованием специалистов-консультантов, позволят более качественно и детально определять признаки и свойства объектов будущего опознавания. Применение при этом криминалистических толковых словарей и криминалистических баз обеспечит более высокую результативность рассматриваемого следственного действия в целом.

Библиографический список

1. Васильев, В. В. Практическое руководство следователя / В. В. Васильев, У. А. Усманов. – М., 1999.
2. Глазырин, Ф. В. Психология следственных действий : учеб. пособие для вузов МВД СССР / Ф. В. Глазырин. – Волгоград, 1983.
3. Лазарева, Л. В. Специалист в уголовном процессе : учеб. пособие / Л. В. Лазарева. – Владимир, 2005.
4. Салтаевский, М. В. Использование запаховых следов для раскрытия и расследования преступлений : лекция для слушателей фак. повышения квалификации / М. В. Салтаевский. – Киев, 1982.
5. Шестеров, А. Г. Деятельность специалиста на месте происшествия (психологический аспект) / А. Г. Шестеров, Ю. Д. Федоров // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий : сб. науч. тр. – Ташкент, 1982.

Bibliographical List

1. Vasilyev, V. V. Practical Instruction for an Investigator / V. V. Vasilyev, U. A. Usmanov. – M., 1999.
2. Glazyrin, F. V. Psychology of Investigative Actions / F. V. Glazyrin. – Volgograd, 1983.
3. Lazareva, L. V. Specialist in the Criminal Process / L. V. Lazareva. – Vladimir, 2005.
4. Saltaevskiy, M. V. Using Smell Traces for Crime Detection / M. V. Saltaevskiy. – Kiev, 1982.
5. Shesterov, A. G. Specialist's Activities at the Incident Scene (Psychological Aspect) / A. G. Shesterov, Yu. D. Fyodorov // Topical Problems of Improvement of the Conduct of Investigative Actions. – Tashkent, 1982.

Л. К. Фортова,
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
доктор педагогических наук, профессор,
кандидат юридических наук
В. Е. Лапшин,
начальник факультета очного обучения
кандидат юридических наук, доцент

L. K. Fortova,
Professor of the Department
of State and Law Studies
of VLI of the FPS of Russia
Doctor of Pedagogy, Professor, Candidate of Law
V. E. Lapshin,
Chief of the Faculty of full-time teaching
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ И СМЕРТИ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

The Social Value of Human Life and Death and their Correlation

Аннотация. В данной статье авторы раскрывают феноменологическое значение социальных ценностей «жизни» и «смерти» человека, их позитивный и негативный смысл. Определены пути и способы, лежащие в основе уважения к жизни и конструктивной жизненной стратегии у молодых людей.
Ключевые слова: жизнь, смерть, «материальное априори», общечеловеческий смысл, ценностный смысл, ценности.

Annotation. In the paper the authors reveal the phenomenological importance of the social values of «human life» and «human death», their positive and negative connotations. The paper also deals with basic approaches to respecting human life, as well as forming a constructive life strategy of young people.
Key words: life, death, «material a priori», basic human sense, evaluative sense, values.

Аксиологический дискурс понятий жизни и смерти достаточно часто присутствует в теоретических изысканиях исследователей многих направлений современной науки. Однако единое проблемное поле отсутствует. Сложность постановки проблемы ценности жизни в целом обуславливают направленность исследователей на конкретизацию и пристальное изучение отдельных ее аспектов. Подобное аспектирование ограждает от продолжительных блужданий в поисках глубинных оснований вопроса и, следовательно, от тщательно выстроенных заблуждений.

Универсальным описательным принципом с характерными непосредственной очевидностью и интуитивной достоверностью выступает ценность в феноменологической социологии (Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994 ; Шелер М. Формализм в этике // Избранные произведения / пер с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филипова. М., 1994). Изначальность ценности проявляется в смысловых структурах «материального априори», общечеловеческих, ценностных смыслах или переживаниях, данных в чувствах, выражающихся во влечении, тяготении к одному и отвращению от другого (Шелер М. Указ. соч. С. 299).

Феноменологическое понимание ценности предполагает ее объективность, несводимость к психофизиологическому и душевному процессу, а также самостоятельность — независимость от своих носителей, цивилизационных, культурных благ, вещей и объектов природы. Сущность ценностей объясняет факт их дифференциации на позитивные и негативные.

Ценности, помимо всепроникающих и определяющих смысл любого события сущностей,

являются характеристиками, выполняющими социальные функции. Социальная стабильность, социальный порядок обеспечиваются посредством общепринятых ценностей. Общепринятость ценностей обеспечивает интеграцию общества, обуславливает социально одобряемый выбор поведения в жизненно значимых ситуациях.

Ценности представляют собой средства социального контроля и служат критериями для выбора из альтернатив ориентации. В своих социальных функциях они подчас сливаются с нормами и стандартами поведения в той или иной социальной группе. Или, по мнению В. Н. Гасилина, не существует ценности как таковой, «элемент культуры приобретает ценность или антиценность того или иного уровня в зависимости от его функционального использования» (Цит. по: Закон возрастания роли культуры / под общ. ред. В. И. Снесара. Саратов, 1998. С. 17). Общепризнанность, совпадение определения социальной ситуации по отношению к ценности часто иллюзорны. Общество предоставляет нам свой символический аппарат, ценности и запас информации, в результате члены определенной группы идентичным образом реагируют на определенные ценности, поскольку они «социально приучены» делать именно так (Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренкова. М., 1996. С. 346).

Позитивистское понимание ценностей характерно для У. Томаса и Ф. Знанецкого. Социальной ценностью здесь выступает любой факт, имеющий доступное членам социальной группы эмпирическое содержание и значение и являю-

щийся объектом деятельности. Важнейшим условием как внутреннего социального мира, так и мира международного, с точки зрения П. А. Сорокина, выступает целостная и устойчивая система ценностей: к дезинтеграции и аномии приводит отсутствие общепринятых норм и ценностей (Сорокин П. А. Кризис нашего времени / Американская социологическая мысль. С. 357).

Будучи порождением жизнедеятельности конкретного социума, социальные ценности несут в себе основные черты этой жизнедеятельности в снятом виде. По мнению Д. А. Леонтьева, можно говорить и об общечеловеческих ценностях, которые отражают некоторые общие черты, присущие жизнедеятельности людей различных исторических эпох, социально-экономический уклад, нацию. Мы полагаем, что к таким ценностям относится также ценность жизни.

Значение имманентных индивиду, прочувствованных взглядов придают ценностям исследователи социально-психологического направления. Относительность и субъективность ценности, приписывание ей непременно осознанного ядра, нагруженность глубинными смыслами выступают общими чертами подобных определений. В отличие от феноменологической трактовки ценность здесь – только позитивное явление, содержание, которое ведет к росту и совершенствованию личности.

Реальным результатом субъективации может стать потеря «почвы под ногами», возможность различных индивидуальных толкований, ориентация на иллюзорные ценности. Существует вероятность сведения объективных, абсолютных ценностей индивида или отдельных групп до своего фактического состояния. В сущности, даже ограничение в признании ценностной сферы одним народом или одной группой никогда не может быть осмысленным доводом против подлинности этой сферы. Ценность религиозной веры может быть не актуальна для отдельных групп или классов, однако это не означает, что ее не существует. Поэтому следует учитывать ограниченность подобных определений в социальном контексте.

Становление ценности человеческой жизни глубоко связано с развитием социальности. Анализируя представления о ценности (стоимости) человека в связи с развитием денежной экономики, Г. Зиммель отмечает, что первоначально «платы за убийство» не существовало, в более поздний период были введены твердые цены выкупа, учитывающие социальный статус убитого (Цит. по: Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 1996. С. 119). Произошел переход к объективной цене за человека. Ученый приходит к выводу, что если разные люди, погибшие в разных ситуациях, оценивались одинаково, следовательно,

человек действительно стоит определенную сумму. Таким образом, осуществляется типологизация ценности человеческой жизни. Современное общество, если и не склонно оценивать эту ценность в терминах стоимости, то типологизирует ее посредством той или иной степени наказания за отнятие жизни.

Возвращаясь к этимологическому подбору синонимов слову «жизнь», отметим несколько моментов, относящихся к жизненной аксиологии. Во-первых, ощущение (в отличие от осознания) ценности жизни вполне диффузно и в соответствии с гипотезой недостаточности наиболее четко представлено, когда обеспеченность этой ценностью наименьшая (Вардомацкий А. П. Сдвиг в ценностном измерении // Социол. исслед. 1993. № 4. С. 48). Таким образом, наибольшей значимостью жизнь обладает в ситуациях угрозы существованию, причем угрозы внешнего характера. В этих случаях желание жить достигает наивысшего предела – борьбы за жизнь. Однако в ситуациях тяжелой болезни, инвалидности стремление часто противоположно, здесь угроза исходит от самого индивида и жизнь часто обесценивается.

Во-вторых, заявленная аналогия с ценой ставит дополнительные вопросы, помимо указанных выше. По мнению исследователей, в одних случаях ценой жизни является смерть (*memento mori* – помни о смерти), в других случаях – бремя ответственности за каждый прожитый день, в третьих – страдание. Объединяет названные позиции положение о том, что жизнь имеет определенную цену, несмотря на то, что плата может быть различной. В данных терминах правомерность постановки вопроса о ценности жизни безусловна.

Однако если мы будем абсолютизировать постулат о «стоимости» жизни, то есть вероятность впасть в другую крайность – постоянные поиски платы за жизнь. Такой путь часто предъявляет повышенные требования к эффективному проживанию (чтобы было за что «платить»), а следовательно, к «справедливому» обмену.

Дилемма ценности приятного и полезного такова, что те, кто больше всего занимается полезным трудом, завладевая внешними средствами наслаждения, меньше всего способны наслаждаться. Из древности известен идеал максимизации наслаждения от минимальной меры приятных вещей. В настоящее время счастье становится опосредованным и трудно достижимым. Для его возникновения нужно все больше и больше, мир уже не довольствуется ценностью наличных благ. Напротив, древний мир стремился получить наслаждение от любого момента жизни, действуя по принципу «здесь и теперь» – одному из самых оздоравливающих принципов.

По мнению В. М. Астапова, О. И. Лебединской, Б. Ю. Шапиро, в России до последних лет доминировала концепция социальной полезности, а ценность индивида зависела от его дееспособности и полезности для общества. В данном контексте необходимо отметить два момента. Во-первых, исходя из этих представлений право на существование должно быть «заработано», заслужено с помощью стандартного, типичного вклада в социально-экономический круговорот вещей. Если подобных вложений нет или они чем-то отличаются от стандартного комплекта (полная семья, счастливое детство и, наконец, всепоглощающий труд), то вызывает сомнение социальная ценность такого пути (Цит. по: Смирнова Е. Р. Семья нетипичного ребенка: Социокультурные аспекты. Саратов, 1996. С. 28–36).

Во-вторых, поддерживая точку зрения социального конструктивизма о создающейся реальности, отметим тот факт, что общество детерминирует не только то, что мы делаем, но и то, что мы есть. Поэтому «обладать человеческим достоинством можно лишь с позволения общества» (Бергер П. Л. Общество в человеке // Социол. журн. 1995. № 2. С. 168). Превосходство ценности полезного особенно заметно в обществах эпохи индустриализма, а идея опосредованности человеческого достоинства в зависимости от социального статуса сильна в жестко регламентированных системах. Так, вера в безусловную ценность человеческой жизни исчезла, уступив место чисто утилитарным оценкам жизни и личности. Государство стремится быть для человека безусловной ценностью, оно не склонно признавать никаких высших над собою ценностей, в том числе ценность человеческой души или безусловного достоинства человека (Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 31).

В настоящее время в общественном сознании намечается переход от культуры полезности к культуре незаслуженного достоинства. Необходимо вновь подчеркнуть несводимость категории достоинства к терминам достижения. В понятии «достоинство» слышится отзвук ценности как стоимости, как самооценности. Если говорить об индивидуальном опыте, то личное достоинство неизменно и не зависит от достижений человека. Многие жертвы суицида подтверждают это. Многие из людей, находившихся в депрессии, были любимы, но это не помогло им, так как самолюбие и самоуважение отсутствовали. По большому счету, определяющее значение имеет только личное ощущение самооценности.

С позиций социальной антропологии человеческое достоинство, самооценность человеческой личности являются абсолютными социальными приоритетами, и принятие данного принципа свидетельствует о прогрессе человеческой цивилизации.

Разделяя точку зрения В. С. Барулина, отметим, что если человек есть абсолютный социальный приоритет, то изменяются и социально-оценочные суждения о нем (Барулин В. С. Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии. М., 1994). Социальная ценность человека, его место и роль в обществе происходят из его человеческой сущности, духовности, его имманентной свободы и творчества. Именно поэтому каждый человек самоценен, и в этом смысле все люди независимо от их социальной принадлежности ценностно-тождественны.

Без достижения достаточно высокого уровня цены человеческой жизни невозможно построение правового государства. Должен существовать интегральный критерий, измеряющий эту цену, как происходит с определением качества жизни. Он должен вместить в себя множество показателей. В числе этих показателей, наряду с проблемой суицидов, отмечаются полярные – право на смерть и право на жизнь, отраженные в практиках эвтаназии и смертной казни. На первый взгляд, основным аргументом в пользу применения одной и отмены другой служат гуманизм и человеколюбие как принципы демократического сообщества. В действительности речь идет о степени вмешательства в судьбу человека со стороны закона и необходимости самозащиты от государства.

Сторонники эвтаназии полагают, что человек должен иметь возможность уйти достойно (не в этом ли его абсолютное достоинство?), и поскольку существует моральное право на смерть, то государство должно юридически подтвердить это право. Почему бы в данном случае не узаконить и самоубийство? Однако мировое сообщество останавливают примеры принудительной эвтаназии времен Третьего рейха, сильные религиозные традиции и опасения, что не удастся защитить от умерщвления людей, которые этого не хотят. «Важно четко знать – как только общество решит убивать, сразу появится желание убивать все новых и новых людей» (Власов В. Эвтаназия: за и против // Саратов. вести. 1998. 14 марта. С. 5). И если некоторые страны получили прецедентное право в определенных ситуациях практиковать эвтаназию, то сегодняшнее российское общество в силу многих социальных и психологических причин не готово к этому.

Практика смертной казни подтверждает низкую общественную ценность человеческой жизни и предоставляет государству право совершать самое преднамеренное из убийств. «Однако если природа толкает нас на убийство, закон не должен следовать ей, он создан для того, чтобы исправлять природу. В противном случае – кровавые законы, кровава и мораль» (Камю А. Размышления о гильотине // Иностран. лит. 1989.

№ 1. С. 31). Согласно проведенным исследованиям возрастает неприятие смертной казни: если в 1989 г. 16 % россиян высказывались за ее отмену, 31 % – желали оставить применение на прежнем уровне, а 38 % – расширить, то в 1997 г. ответы распределились по соответствующим категориям как 29 %, 44 % и 19 % соответственно. Отвержение смертной казни особенно характерно для молодежи; по-видимому, данный факт позволяет сделать положительный прогноз (Вардомацкий А. П. Указ. соч.). Вместе с тем общая ситуация продолжает отражать еще слабое правовое сознание.

Без сомнения, с низкой общественной оценкой жизни человека теснейшим образом связано и его собственное фаталистическое отношение, причем связь эта не причинно-следственная, а взаимообуславливающая. Небрежение к жизни собственной и чужой – две стороны одной и той же медали. Кровь и насилие стали сенсациями, привлекающими внимание в видеофильмах, статьях и криминальных историях. И если сцены уничтожения встречаются теперь в каждом втором фильме теле- и видеопродукции, то изображения насильственного прекращения собственной жизни также становятся «жареными» фактами. Нет необходимости доказывать разрушительное влияние и внушающее воздействие этих сцен на мышление каждого потребителя.

Следовательно, контроль распространяется на весь диапазон жизни и смерти: от рождаемости до смертности, – по своей воле мы либо казним людей, либо способствуем их выживанию. Возможность умереть является карикатурой, но также и логической формой прогрессивной толерантности. Важной частью выступает то, что решение не исходит от человека – он живет и умирает согласно «социальной визе». Императив «ты не убьешь» заменяется на «ты не умрешь» в соответствии со своей судьбой, а только когда закон и медицина разрешит.

Уважение к жизни, постулируемое обществом, не всегда совпадает с индивидуальным отношением к жизни. Многие ученые признают важнейшим жизнеукрепляющим фактором процесс наполнения существования смыслом. Смысл жизни – категория почти универсальная в размышлениях гуманистически настроенных исследователей XX в. и современности. Поиск смысла жизни есть специфически человеческая способность, которую мы получаем вместе с сознанием. «Будь я деревом или животным, жизнь обрела бы для меня смысл. Вернее, проблема смысла исчезла бы вовсе, так как я сделался бы частью этого мира» (Камю А. Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство : [пер. с фр.]. М., 1990. С. 51).

Наиболее пристальное внимание тема смысла вызывает у основателей экзистенциализма. Ос-

новными вопросами здесь выступают положения об исключительной роли процесса смыслопорождения для человеческой экзистенции, об активном поиске своего места в жизни и создании себя, об ответственном и аутентичном проживании. Ж. П. Сартр развивает две основные идеи: первая – мы сами создаем наши ценности и свою мораль; вторая – о принятии ответственности за себя. По его мнению, мы проистекаем из того, чем мы являемся, и из того, кем мы делаем себя. Фундаментальной экзистенциальной ценностью является «нахождение себя» посредством добровольного принятия ответственности за каждый аспект себя. Вторая ценность экзистенциализма – проявление аутентичности, соответствие своему сущностному началу в совершении выбора.

По мнению А. Камю, вопрос о смысле жизни является самым неотложным из всех вопросов. Вводя категорию абсурда, он описывает чуждость мира человеку, их противопоставление. С его точки зрения, чувство абсурдности рождается вместе со сравнением действия, с лежащим за пределами этого действия миром. Поэтому сущность человеческой драмы состоит в ностальгии по Единому, стремлении к Абсолюту, которое никогда не будет утолено. Следствиями раскола мира и человека выступают: 1) полное отсутствие надежды; 2) неизменный отказ; 3) осознанная неудовлетворенность. Однако нежелание ограничиться лишь констатацией абсурда приводит А. Камю к новой категории в философии экзистенциализма – к бунту. Поскольку невозможно иметь полное знание о смысле жизни, о том, стоит ли ее проживать, принимается другая максима: чем меньше в ней смысла, тем больше оснований, чтобы ее прожить.

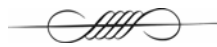
С данным положением согласуются представления В. Франкла, по которым специфически человеческим стремлением является не только постановка вопроса о смысле жизни, но и сомнения в его существовании. Мы разделяем точку зрения о том, что смыслы обнаруживаются, а не придумываются; существуют как безусловный, сквозной смысл жизни, так и конкретные, ситуативные смыслы (исходя из ницшеанского положения об исключительной роли наличия оснований для жизни, независимых от ее условий). Сознание того, что перед человеком стоит важная жизненная задача, что ему есть ради чего жить, помогает преодолевать объективные трудности и субъективные неприятности. Его опыт выживания в концлагере подтвердил, что тот, кто не мог больше верить в будущее, был потерян. Мужество жить или, наоборот, усталость от жизни оказывались зависящими от наличия веры в смысле собственной жизни. Смысл жизни есть идея, содержащая в себе цель в жизни человека, «присвоенная» им и ставшая для него ценностью

чрезвычайно высокого порядка. Ключевыми процессами в смыслообразующей деятельности являются интенциональность – эмансипация от внешнего и самотрансценденция – отделение от внутреннего. Экзистенциальный вакуум, потеря смысла, как полагает В. Франкл, наиболее часто приводят к попытке самоубийства (Франкл В. Человек в поисках смысла / общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. М., 1990. С. 150). Подобную ситуацию описывает В. С. Соловьев: «они (самоубийцы – Л. Ф. и В. Л.) предполагали, что жизнь имеет такой смысл, ради которого стоит жить, но, убедившись в несостоятельности того, что они принимали за смысл жизни, и вместе с тем не соглашаясь невольно и бессознательно подчиняться другому неведомому им жизненному смыслу, они лишают себя жизни» (Соловьев В. С. Нравственный смысл жизни в

его предварительном понятии // Собр. соч. Спб., 1902. Т. 7. С. 7).

В заключение отметим, что смысл жизни возникает из осознания мира и себя, в этом его относительное преимущество. Смысл может явиться наряду с важнейшим основанием для жизни и превосходной причиной смерти. Человеческое сознание вполне может создать деструктивный смысл, основанный на принятии абсурдности существования. Универсальность укрепляющего действия смысла жизни вновь ставится под вопрос, когда к смерти приводят совершенно нерациональные причины.

Соответственно попытка сравнить категории смысла и ценности жизни показала важность не столько рационально-смыслообразующей деятельности, сколько нерационального ценностного императива, лежащего в основе уважения к жизни.

Библиографический список

1. Барулин, В. С. Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии / В. С. Барулин. – М., 1994.
2. Бергер, П. Л. Общество в человеке / П. Л. Бергер // Социолог. журн. – 1995. – № 2.
3. Вардомацкий, А. П. Сдвиг в ценностном измерении / А. П. Вардомацкий // Социолог. исслед. – 1993. – № 4.
4. Смирнова, Е. Р. Семья нетипичного ребенка: Социокультурные аспекты / Е. Р. Смирнова. – Саратов, 1996.
5. Сорокин, П. А. Кризис нашего времени / П. А. Сорокин // Американская социологическая мысль ; под ред. В. И. Добренкова. – М., 1996.
6. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. – М., 1994.

Bibliographical list

1. Barulin, V. S. Social and Philosophical Anthropology. Fundamentals of Social and Philosophical Anthropology / V. S. Barulin. – M., 1994.
2. Berger, P. L. Society within a Human Being / P. L. Berger // Sociologicheskii jurnal. – 1995. – № 2.
3. Vardomatsky, A. P. A Shift in the Evaluative Dimension / A. P. Vardomatsky // Sociologicheskie Issledovaniya. – 1993. – № 4.
4. Smirnova, E. P. The Atypical Child's Family: Socio-cultural Aspects / E. P. Smirnova. – Saratov, 1996.
5. Sorokin, P. A. The Crisis of Our Time / P. A. Sorokin // American Sociological Thought ; ed. by V. I. Dobrenkov. – M., 1996.
6. Trubetskoy, E. N. The Meaning of Life / E. N. Trubetskoy. – M., 1994.

**ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА» КАК ЦЕНТРАЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА
ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

**The Category of «Human Rights» as a Central Element of Legal Position of a Citizen in Modern Russian Society:
Problems of Understanding and Application**

Аннотация. Фактическое положение гражданина в современном российском обществе зависит от действия ряда факторов. Основными из них являются правильное понимание и корректное применение в практической деятельности категории «права человека». Последняя занимает центральное положение в правовом статусе гражданина и во многом обуславливает реализацию остальных его элементов. Именно этой теме посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: правовой статус, фактическое положение личности, права человека.

Annotation. Today in Russia the legal position of a citizen depends on a number of factors. Among the principal ones is the correct understanding and application of the category «human rights» in practice. This category occupies the central place in the legal status of a citizen and determines in many ways the realization of the rest elements. The article is devoted to this particular problem.

Key words: legal status, real position of a person, human rights.

В научной литературе обеспечение реализации элементов правового статуса гражданина связывается прежде всего с наличием в государстве правовых и иных гарантий. Однако сам факт существования в российском обществе юридических гарантий, даже при условии четкой работы механизма их реализации, не обеспечит достижения того идеала, когда сформулированные в нормах международного и национального права стандарты о правах и свободах человека станут реальностью повседневной жизни, т. е. получат возможность фактического их воплощения в стране всеми без исключения гражданами.

Бюрократическая система, организация публичной власти, экономическое неравенство субъектов России, влияние религии на правоотношения, низкий уровень правовой культуры населения и т. д. – это факторы, которые оказывают влияние на реализацию элементов правового статуса гражданина и обуславливают его фактическое положение в обществе.

Правильное понимание и корректное применение юридических понятий в практической деятельности – одно из составляющих успеха в деле защиты прав и свобод граждан как в национальных, так и в межгосударственных органах по защите прав человека (Азаров А., Ройтер В., Хюфнер К. Права человека. Международные и российские механизмы защиты. М., 2003). В связи с этим полагаем, для того чтобы говорить о фактической реализации элементов правового статуса в нашей стране, необходимо, прежде всего, иметь четкое понимание того, что представляют собой права человека, поскольку именно последние являются центральным звеном правового положения личности и во многом обуславливают реализацию всех остальных его элементов.

В настоящее время права человека воспринимаются в большей степени не как объединяющий, а как мешающий фактор в мировых делах, провоци-

рующий конфронтацию государств. Бесспорно, невыполнение взятых на себя обязательств, норм международного права в области прав человека приводит в результате к появлению проблемы двойных стандартов, ситуации, когда невыполнение обязательств «сильным» государством является приемлемым, в то время как для более «слабых» порождает поток критики и введение соответствующих санкций. Полагаем, что такая ситуация на мировой арене возникает в том числе и из-за настойчивых попыток трактовать права человека исключительно с точки зрения индивидуализма и либеральных ценностей. Однако здесь важен должный учет исторических, географических, климатических, культурных и религиозных особенностей конкретных стран и регионов, многообразия их политико-правовых систем.

Довольно часто в специальной литературе, средствах массовой информации наше государство подвергается критике в связи с несоблюдением прав человека в стране: невысокие пенсии, необеспечение всех нуждающихся жильем, низкие заработные платы, запрет курения в общественных местах, запрет продажи спиртосодержащих напитков в ночное время суток и т. д. Все указанное, с точки зрения населения, составляет нарушение прав человека. Что же собой представляют права человека?

Необходимо отметить, что в юридической науке не существует единого подхода относительно того, что следует понимать под правами человека. Так, некоторые западные специалисты склонны только права первого поколения (негативные права) рассматривать в качестве собственно прав человека, полагая, что права второго и третьего поколений (социально-экономические права, коллективные, репродуктивные и т. д.) являются всего лишь «социальными притязаниями», т. е. не столько правами, сколько привилегиями, направленными на «перераспределение национального дохода в пользу со-

циально слабых» (Дмитров А. И. Социальное государство и духовная культура. URL: <http://www.aasp.ru/info/articles/1/110.html>).

Мы придерживаемся иной точки зрения на этот счет. В ст. 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.), называемой Европейской конвенцией по правам человека (далее: ЕКПЧ), закреплено: «Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе 1 настоящей Конвенции» (URL: <http://zakon.kuban.ru/private/kzpwos5og.htm>). Таким образом, по нашему мнению, под правами человека следует понимать набор небольшого количества фундаментальных общепризнанных норм, закрепленных в международных документах, обязанность соблюдения которых возлагается на государство.

С учетом вышеизложенного предлагаем следующую классификацию прав человека, не допускающую двойственности толкования рассматриваемой категории.

1. Права человека (Human Rights) в истинном смысле слова. Нарушителем данных прав может быть только государство, что вытекает из содержания международных актов в области прав человека.

Полагаем важным выделить из данной категории две составляющие прав в зависимости от тех негативных последствий, которые возникают у государства в случае невыполнения им взятых на себя международных обязательств в области прав человека.

а) *Права человека-требования*. Данная группа включает негативные права, к числу которых относятся права первого поколения. Специфика этой категории прав состоит в том, что их соблюдение является прямой обязанностью государства.

Так, вступление России в феврале 1996 г. в Совет Европы означало не только признание Российской Федерации членом сообщества цивилизованных государств, но и принятие Россией целого ряда обязательств по отношению к другим государствам и лицам, находящимся под их юрисдикцией. Важным шагом на пути реализации данных обязательств стала ратификация Россией ЕКПЧ.

Помимо гарантий прав человека, закрепленных в ЕКПЧ, Россия признает также юрисдикцию контрольных органов по правам человека, учрежденных в Совете Европы. К их числу, в частности, относится Европейский суд по правам человека (далее: ЕСПЧ). Решения, вынесенные ЕСПЧ, обязательны для исполнения ответчиком по делу, государством-участником, ратифицировавшим ЕКПЧ (ст. 46 ЕКПЧ). Невыполнение взятых на себя обязательств может привести к приостановлению членства государства и в качестве крайней меры к исключению его из состава Совета Европы в соответствии с рекомендацией Комитета министров, осуществляющего надзор за исполнением решений ЕСПЧ.

Таким образом, права человека, закрепленные в ЕКПЧ, а также решения, вынесенные ЕСПЧ, обяза-

тельны для исполнения государством, ратифицировавшим ЕКПЧ. При этом государства не могут ссылаться на недостаток материальных и административных ресурсов в качестве оправдания при нарушении обязывающих норм, о чем неоднократно указывал ЕСПЧ в своих решениях не только в отношении Российской Федерации, но и других государств.

б) *Права человека-стремления*. Отличительной чертой этих прав является то, что мировое сообщество не предъявляет каких-либо жестких критериев к их осуществлению. Это, как правило, социально-экономические права.

Так, во Всеобщей декларации прав человека (10 декабря 1948 г.) подчеркивается, что ее назначение – служить в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства в своих усилиях по обеспечению всеобщего и эффективного признания и соблюдения перечисленных в ней прав и свобод (URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/declhr.htm>). Согласно ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (16 декабря 1966 г.) «каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется... принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер» (URL: <http://www.un.org/russian/document/convents/pacteon.htm>).

Таким образом, обеспечение указанных прав государством в полной мере зависит от наличия у него материальных и административных ресурсов. В связи с этим итогом рассмотрения ситуаций, частных жалоб на нарушение прав является обращение контрольного органа к государству с рекомендациями восстановить нарушенные права, предпринять меры по изменению ситуации. Подобные рекомендации не являются обязательными для государств, но они, несомненно, оказывают определенное политическое воздействие на государства, их законодательную и правоприменительную практику (Азаров А. Я. Права человека. Новое знание. М., 1995).

В настоящее время в юридической науке актуальными являются вопросы ратификации Европейской социальной хартии (Турин, 18 октября 1961 г.) странами-членами Совета Европы и введения контрольного механизма соблюдения этих прав аналогично тому, по которому ЕСПЧ уполномочен рассматривать индивидуальные жалобы по поводу нарушения прав, гарантированных ЕКПЧ.

До тех пор, пока Хартия не будет ратифицирована и не будет создан контрольный механизм соблюдения закрепленных в ней норм, реализация прав человека-стремлений будет носить для государства – участника международных отношений рекомендательный характер и зависеть от наличия у него материальных и административных ресурсов. Однако в случае, если государство

не может гарантировать высокий уровень социальной защищенности, то оно тем не менее обязано обеспечить равный доступ к реализации указанных прав всем без исключения гражданам.

Нечеткое понимание выделенных нами двух составляющих прав человека оказывает негативное влияние и на отечественное законодательство. Так, анализ ст. 3 «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и международно-правовые акты» УИК РФ предполагает следующее. Во-первых, уголовно-исполнительное законодательство *учитывает* международные договоры. В соответствии с Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» международные договоры России наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией РФ составной частью ее правовой системы (Рос. газ. 1995. 21 июля). При этом Россия выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств. Речь идет как об обязывающих правовых нормах, нарушение которых влечет юридическую ответственность государства, так и о рекомендательных (в зависимости от условий договора).

Во-вторых, выполнение указанного принципа международного права осуществляется в соответствии с экономическими и социальными *возможностями*. Данное положение имеет право на существование только в том случае, когда речь идет о рекомендательных правовых нормах, стандартах, которые государство стремится реализовать исходя из имеющихся у него экономических возможностей, но не об обязательных, ибо тогда государства не могут ссылаться на недостаток материальных и административных ресурсов в качестве оправдания при нарушении обязывающих норм.

Неточная формулировка данной нормы в УИК РФ на практике приводит к неверному ее толкованию персоналом исправительного учреждения, особенно сотрудниками, не имеющими юридического образования. В процессе реализации стандартов, а также при выявлении нарушений обязывающих норм практические работники нередко ссылаются на недостаток материальных и административных ресурсов и норму, которая закреп-

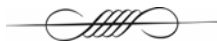
ляет реализацию международных норм с учетом экономических и социальных возможностей.

2. Права человека-возможные задачи государства.

Все, что оказывается вне сферы прав человека (Human Rights), – это права человека-возможные задачи государства. Например, если разные государства берут на себя обязательства обеспечить нуждающихся жильем, то в одном государстве норма жилой площади будет составлять 25 м² на человека, в другом – 18, единого стандарта нет.

Права человека (Human Rights) защищаются международными документами (конвенциями, пактами и т. д.), а реализация прав человека-возможных задач государства зависит от самого государства, т. е. во многом от избранного правительства. Восстановить нарушенные права данной категории можно либо с помощью проведения общественных кампаний, либо политическими методами, так как мы не можем подать в ЕСПЧ жалобу на государство, если оно не выполняет принятые на себя обязательства, установленные в национальных конституциях, поскольку эти нормы не закреплены в ЕКПЧ.

Таким образом, под правами человека (Human Rights) следует понимать набор небольшого количества фундаментальных общепризнанных норм, закрепленных в международных документах, обязанность соблюдения которых возлагается на государство. Невыполнение взятых на себя обязательств страной-участницей международного документа в области прав человека может повлечь за собой разные правовые последствия для государства: от рекомендаций устранить выявленные нарушения до материальной ответственности страны наряду с мерами политического воздействия (вплоть до исключения государства из состава Совета Европы). В связи с этим следует различать права человека-требования, соблюдение которых является прямой обязанностью государства, и права человека-стремления, которые выступают в качестве идеала, к достижению которого должны стремиться государства, принимая для этого все необходимые меры, в том числе и законодательные. На их базе принимаются, защищаются другие права, хоть и не относящиеся к правам человека (Human Rights), однако играющие достаточно важную роль для жизни и нормального существования людей – права человека-возможные задачи государства.

Библиографический список

1. *Азаров, А.* Права человека. Международные и российские механизмы защиты / А. Азаров, В. Ройтер, К. Хюфнер. – М., 2003.
2. *Головистикова, А. Н.* Права человека : учебник / А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына. – М., 2008.
3. *Юров, А.* Введение в концепцию прав человека и универсальных механизмов защиты / А. Юров // Кон Text. – 2006. – № 9.

Bibliographical list

1. *Azarov, A.* Human Rights. International and Russian Mechanisms of Protection / A. Azarov, V. Royther, K. Hufner. – M., 2003.
2. *Golovistikova, A. N.* Human Rights / A. N. Golovistikova, L. Ju. Grudtsyna. – M., 2008.
3. *Yurov, A.* Introduction to the Concept of Human Rights and Universal Mechanisms of Protection / A. Yurov // Con Text. – 2006. – № 9.

В. В. Шаханов,
*старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

V. V. Shakhanov,
*Senior Lecturer of the Department
of Civil Law Studies
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНОЛОГИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

Some Problems of the Technology of Conclusion of a Civil Law Treaty

Аннотация. В статье анализируются проблемные вопросы технологии заключения договора. Делается акцент на наиболее общих моментах, требующих особого внимания при заключении любого договора. Уделяется внимание как содержательной, так и тактической стороне технологии заключения гражданско-правового договора.

Ключевые слова: юридическая технология, заключение договора, техника договорной работы, содержание договора.

Annotation. In the article the problems of the technology of a treaty conclusion are analyzed. The most general points requiring special attention during the conclusion of a treaty are emphasized. Attention is paid not only to the rich contents but also to the tactical side of technology of a treaty conclusion.

Key words: legal technology, conclusion of a treaty, technique of contractual work, table of contents of a treaty.

Современная научная картина мира, отражающая развитие правовой науки, характеризуется повышенным вниманием к динамике правовых отношений, в частности, к тактике и стратегии, которые являются составными частями юридической техники, в том числе и гражданских правоотношений. Между тем «все то, что ныне в правовой науке и практике принято обозначать понятием “юридическая техника” правильнее называть “юридическая технология”», — отмечает В. М. Баранов (Баранов В. М. Предисловие // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 12). Обосновывает этот тезис указанный ученый следующим образом: «...часто вновь обретенные юридические знания сразу используются для создания новых правовых процедур. Порой знания даже специально ищут ради некоторого организационно-технического применения. Думаю, что постоянные сетования об отсутствии либо слабости механизмов реализации норм права и законодательных актов и есть призывы к выработке новой правовой технологии» (Там же). Сказанное в определенной мере можно отнести и к технологии составления и заключения договоров. Тонкости такой работы обычно не освещаются в учебной литературе. Кроме того, существуют некоторые пробелы по данной проблематике и в специальных научных исследованиях. Так, работа И. Г. Вахнина «Техника договорной работы» по сути посвящена лишь технике заключения договора поставки, а не гражданско-правового договора вообще (Вахнин И. Г. Техника договорной работы. М., 2009). Имеются труды иностранных авторов, где объектом изучения выступает техника заключения договоров применительно к правовым порядкам их стран. Одна-

ко в условиях нашей правовой действительности может быть заимствован только небольшой сегмент данных там рекомендаций.

Между тем обозначенная проблема является весьма актуальной в связи с тем, что практически каждый день мы сталкиваемся с необходимостью заключения различного рода договоров. Анализ судебно-арбитражной практики позволяет выделить следующие способы заключения договора: а) составление одного документа, подписываемого сторонами; б) обмен сторон документами; в) продажа имущества должника с торгов при обращении на него взыскания; г) оформление договора посредством выдачи лотерейного билета, квитанции, другого документа или иным предусмотренным условиями лотереи способом; д) фактические действия сторон по передаче и принятию товара; е) продолжение пользования имуществом после истечения срока договора при отсутствии возражений со стороны арендодателя (Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2009. С. 1109, 1110).

Большинство договоров совершается в устной форме (договор розничной купли-продажи, договор перевозки, разнообразные виды договора возмездного оказания услуг). Вместе с тем возможно заключение договоров и в письменной форме.

Некоторые граждане в результате своей правовой неграмотности не могут потребовать от контрагента исполнения им взятых на себя по договору обязательств. Причин этого множество, одна из которых — незнание технологии заключения договора. В рамках настоящей статьи автор раскроет лишь некоторые существенные моменты, связанные с конструированием договор-

ной модели и тактикой заключения гражданско-правового договора.

В средневековой Франции условия договора записывали на свитке пергамента и разрывали его пополам. В случае возникновения спора об обстоятельствах дела соединяли две части документа. «Свиток по-французски – *role*. Его половина – *contre-role*. Нешуточная значимость этого самого *contre-role* и дала миру слово “контроль”», – отмечает С. Степашин (Степашин С. От «ауди» к аудиту (Независимый финконтроль как гарант сильной России) // Рос. газ. 2009. 24 июня). Развитие науки и техники позволило избавиться от подобных средневековых методов в идентификации различных экземпляров одного и того же договора. Однако проблема формулирования его содержания не является технической, так как представляет собой разновидность интеллектуальной деятельности. Автор полагает, что невозможно сконструировать универсальную форму договора, способную наиболее полно обеспечить интересы сторон. «Договор – акт строго индивидуальный, и составлять его надо для каждого случая отдельно...», – справедливо указывает В. В. Меркулов (Меркулов В. В. Гражданско-правовой договор в механизме регулирования товарно-денежных отношений : монография. Рязань, 1994. С. 34).

Современное отечественное гражданское законодательство базируется на принципе свободы договора, что обусловило минимальное использование обязательных для сторон типовых договоров, которыми изобиловали правоотношения, регулируемые законодательством советского периода. Тогда практически каждое договорное обязательство оформлялось в виде типового договора. Согласно действующему Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее: ГК РФ) договор считается заключенным, когда в надлежащей форме достигнуто соглашение по всем его существенным условиям. К последним относятся: условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ). Следовательно, в некоторых случаях договор может считаться заключенным, если достигнуто соглашение о его предмете, если законом не предусмотрены для данного вида договора существенные или необходимые условия и если стороны не настаивают на достижении соглашения по иным условиям договора (например, о цене, если она не является существенным условием данного договора, с точки зрения законодателя, о дополнительной к предусмотренной законом ответственности сторон и др.).

В гражданском законодательстве отсутствуют специальные нормы, регламентирующие формат договора-документа, способы расположения текста, реквизитов сторон, а также способы объективации документов, имеется только упоминание об устной и письменной формах договора. Применительно к письменной форме говорится о том, что договор может быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами, либо путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору (п. 2 ст. 434 ГК РФ). В связи с этим при решении обозначенных выше вопросов следует исходить из общих требований, регламентирующих правила документооборота. По мнению автора, отступление от этих требований не должно влиять на действительность договора, однако их соблюдение свидетельствует о высокой договорной культуре контрагента. Небрежность в составлении договора должна настораживать, поскольку сам факт заключения договора не гарантирует исполнения обязанностей противоположной стороной. Договорная культура формируется постепенно с опытом работы, по ней можно косвенно судить о надежности выбираемого партнера.

Важное значение при заключении договора играют не только условия, которые являются существенными или необходимыми для данного вида договора и обозначены законодателем. Так, нередко граждан вводят в заблуждение по поводу срока исполнения контрагентом своих обязанностей по договору. При этом срок либо вообще не указывается (конечно же, в случае, если срок не является существенным условием договора данного вида), либо указывается достаточно продолжительный срок, но при этом устно граждан заверяют, что обязательства будут исполнены в более короткий срок. В результате возникают проблемы, которых можно было избежать.

На практике нередко складываются ситуации, когда стороны решают внести изменение в договор. В соответствии с п. 1 ст. 450 ГК РФ допускается вносить изменения по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами или договором. Изменения в текст договора во избежание дальнейших споров необходимо оформлять отдельным соглашением, а не путем внесения исправлений в существующий текст. В преамбуле подобного соглашения необходимо указать: к какому договору оно составлено; минимально необходимое количество реквизитов этого договора с тем, чтобы его можно было точно идентифицировать, а также следить за тем, чтобы уточнения не привели к разночтению.

Распространенным является заключение договора в отсутствие лица, фигурирующего в договоре в качестве стороны, т. е. не с частным предпринимателем, руководителем организации и т. п., а с иным лицом – работником (продавцом, консультантом и т. п.), состоящим в трудовых или иных договорных отношениях с работодателем. Полномочие указанного лица явствует из обстановки, в которой он действует (продавец в розничной торговле, кассир и т. п.), и не требует оформления этого полномочия посредством выдачи доверенности (п. 1 ст. 182 ГК РФ). Подобные договоры должны заключаться от имени представляемого, а значит, и подпись под договором должна стоять именно представляемого лица, а не работника. Сказанное подтверждается позицией законодателя, отраженной в п. 2 ст. 182 ГК РФ, где говорится, что не являются представителями лица, действующие хотя и в чужих интересах, но от собственного имени. Это не означает, что продавец или консультант не должен ставить свою подпись под договором, поскольку сторона не видит, с кем она непосредственно заключила договор, так как бланки договоров контрагент обычно подписывает заранее и нет уверенности, что данная подпись принадлежит именно этому лицу. В данной связи требование стороны, присоединяющейся к договору, о подписании его также и продавцом (консультантом и др.) будет вполне оправданным.

При составлении текста договора нередко используется бланкетный прием. Одной из его разновидностей является отсылка к примерным условиям, разработанным для договоров соответствующего вида. Применение подобного приема закреплено п. 1 ст. 427 ГК РФ. Единственное необходимое требование для легитимации примерных условий законодатель связывает с опубликованием этих условий в печати.

В качестве еще одной разновидности применения бланкетного приема автор признает указание в тексте договора на иные документально оформленные соглашения, рассматриваемые как неотъемлемая часть договора. Например, «Исполнитель обязуется поставить Заказчику предметы мебели, а также необходимые услуги по транспортировке и сборке согласно Приложению № 1 (бланк заказа), которое является неотъемлемой частью данного договора».

Иные примеры применения бланкетного приема изложения содержания договоров приводит С. А. Хохлов (Хохлов С. А. Техника договорной работы // Антология уральской цивилистики. 1925–1989 : сб. ст. М., 2001. С. 222, 223).

Возвращаясь к вопросу о применении типовых договоров, автор отмечает, что ГК РФ упоминает о них лишь однажды, в п. 4 ст. 426: «В случаях, предусмотренных законом, Правитель-

ство Российской Федерации, а также уполномоченные Правительством Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти могут издавать правила, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров (типовые договоры, положения и т. п.)». Здесь важными являются три момента. Во-первых, принятие любого типового договора может быть обусловлено только законом, а под этим термином здесь понимается ГК РФ и принятые в соответствии с ним иные федеральные законы (п. 2 ст. 3 ГК РФ). Во-вторых, утвердить типовой договор может только Правительство Российской Федерации. И, в-третьих, типовые договоры могут приниматься только в отношении публичных договоров.

Формулирование договорных условий ограничено не только фантазией сторон, но и нормами права. «Договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения», – гласит п. 1 ст. 422 ГК РФ. По своему усмотрению стороны могут изменить лишь правила, предусмотренные диспозитивными нормами, которые можно идентифицировать по выражению: «...если иное не предусмотрено договором».

Структура договора – понятие относительное. Она может существенно изменяться в зависимости от вида договора и желаний сторон. Общими для всех договоров являются преамбула (или вводная часть), существенные условия договора и подписи сторон. Все перечисленные разделы носят условный, а не буквальный характер, поэтому в любом договоре нет раздела под названием «Преамбула». Между тем в преамбуле содержатся сведения о наименовании договора, месте и дате подписания, индивидуализируются стороны договора. Существенные условия договора могут отражаться в следующих «буквальных» разделах: предмет договора, дополнительные условия договора, прочие условия договора. Связано это с тем, что закон относит к существенным условиям не только соглашение о предмете договора и условия, названные в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, но также и все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Подписи сторон свидетельствуют о достижении сторонами соглашения по всем существенным условиям договора. Необходимость наличия подписей сторон следует из абз. 1 п. 1 ст. 160 ГК РФ: «Сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание *и подписанного лицом*

или лицами, совершающими сделку, или должным образом уполномоченными ими лицами (курсив наш. – В. Ш.)».

На практике возникают ситуации, когда вместо подписания договора на документе проставляют оттиск печати уполномоченного лица (факсимиле). В таких случаях арбитражная практика признает письменную форму сделки несоблюденной, если только соглашением сторон не была предусмотрена возможность факсимильного воспроизведения подписи. Однако несоблюдение письменной формы влечет недействительность сделки только в случаях, указанных в законе или в соглашении сторон (п. 2 ст. 162 ГК РФ). На этом основании суды признают существование гражданских прав и обязанностей, если стороны, заключившие договор с пороком формы, исполнили свои обязанности в соответствии с договором (ст. 183 ГК РФ) (Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой. С. 268).

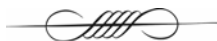
Договор, содержащий множество условий, часто составляется на нескольких листах. Для исключения злоупотреблений, связанных с возможностью подмены недобросовестной стороной не подписанных участниками соглашения листов, желательно (хотя законом не установлено такого требования) подписание каждого листа договора обеими сторонами. Кроме того, договор может также прошиваться с последующим проставлением подписи на шивке.

Законодательно предусмотрено, что договор может быть подписан не лицами, между которыми заключается договор, а их представителями.

В этом случае в договоре, помимо данных сторон, указываются данные о представителях и полномочия, в силу которых они действуют. Не совершеннолетние старше 14 лет и ограниченные в дееспособности граждане заключают и подписывают договор самостоятельно. Однако на заключение ими договора в силу положений п. 1 ст. 26 и п. 1 ст. 30 ГК РФ требуется согласие их законных представителей или попечителей. Требования к форме согласия законом не установлены, в связи с чем согласие законных представителей несовершеннолетних может быть выражено в договоре или представлено отдельными документами.

При написании текста договора целесообразно прибегать к использованию правил юридической, в частности интерпретационной, техники, так как договор относят к интерпретационным актам. Автор отмечает, что составляя текст договора, важно иметь в виду следующее: в случае неясности после подписания договора сторонами можно будет лишь толковать (используя правила толкования) договор, но не уточнять его содержание.

Технология заключения договора не исчерпывается рассмотренными выше вопросами и во многом определяется видом договорного правоотношения. Автор считает, что прежде чем составить текст договора, необходимо изучить рекомендации юристов, специализирующихся в соответствующей области, и преломить эти рекомендации сквозь призму конкретного правоотношения.

Библиографический список

1. Вахнин, И. Г. Техника договорной работы / И. Г. Вахнин. – М., 2009.
2. Меркулов, В. В. Гражданско-правовой договор в механизме регулирования товарно-денежных отношений : монография / В. В. Меркулов. – Рязань, 1994.
3. Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой / под общ. ред. В. А. Белова. – М., 2009.
4. Хохлов, С. А. Техника договорной работы / С. А. Хохлов // Антология уральской цивилистики. 1925–1989 : сб. ст. – М., 2001.

Bibliographical list

1. Vakhnin, I. G. Technique of Contractual Work / I. G. Vakhnin. – M., 2009.
2. Merkulov, V. V. Civil Law Treaty in the Mechanism of Regulating Commodity-money Relations / V. V. Merkulov. – Ryazan, 1994.
3. Practice of Application of Part One of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by V. A. Belov. – M., 2009.
4. Hohlov, S. A. Technique of Contractual Work / S. A. Hohlov // Anthology of Ural Civilistics. 1925–1989. – M., 2001.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

А. В. Агарков,
доцент кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

A. V. Agarkov,
Associate Professor of the Department
of Organizing Operative Work
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Transformation of Tasks of Operative Divisions in the Penitentiary System of the USSR in the First Half of the Twentieth Century

Аннотация. Статья посвящена вопросам трансформации задач оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы СССР в первой половине XX в. На основе архивных документов и научных работ анализируются этап формирования оперативных аппаратов в местах лишения свободы Советского государства, их первоначальное назначение, изменение их компетенции в зависимости от развития пенитенциарной системы страны, приведшее к пониманию необходимости постоянной борьбы с уголовными преступлениями в местах лишения свободы.

Ключевые слова: оперативные подразделения, места лишения свободы, задачи, уголовные преступления, заключенные, оперативно-розыскная деятельность.

Annotation. The article is devoted to describing the transformation of tasks of operative divisions of the penal system of the USSR in the first half of the XX-th century. Guided by archival documents and scientific papers the author analyzes the stage of creation of operative divisions in places of imprisonment of the Soviet state, considers their initial functions, the transformation of their tasks under the influence of the developing penitentiary system of the USSR which led to understanding the necessity of a constant struggle against criminal offences in imprisonment places.

Key words: operative divisions, imprisonment places, tasks, criminal offences, prisoners, operatively-search activity.

Восьмого мая 2010 г. исполнилось 75 лет со дня создания оперативных подразделений в местах лишения свободы России. За весь период своего существования оперативные аппараты убедительно и принципиально доказали свою безусловную значимость, обезвреживая правонарушителей, раскрывая латентные преступления не только во времена идеологических потрясений, но и при создании демократического общества, правового государства. История борьбы с пенитенциарной преступностью свидетельствует о том, что предыдущими поколениями оперативных сотрудников накоплен положительный опыт работы, который можно, адаптировав к современным условиям, успешно использовать при организации оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) в уголовно-исполнительной системе.

В первые годы советской власти в местах лишения свободы резко возросло количество совершаемых спецконтингентом преступлений, в первую очередь побегов. Так, в 1922 г. побеги совершили 19,2 % от общего количества лиц, содержащихся в местах заключения (Пенитенциарное дело в 1922 г. : отчет НКВД по Глав. упр. местами заключения X съезду Советов. М., 1923). Это объяснялось прежде всего отсутствием (в силу ряда причин) квалифицированного персонала, а также соб-

ственных служб по предупреждению и раскрытию преступлений и правонарушений. Оперативное обслуживание пенитенциарной системы осуществлялось в пределах своих полномочий подразделениями уголовного розыска и территориальными органами ВЧК – ГПУ – ОГПУ. Сотрудники уголовного розыска выявляли, предупреждали и раскрывали совершенные в местах лишения свободы уголовные преступления, производили по ним дознание, вели розыск бежавших, изучали личности спецконтингента, формировали оперативные учеты и накапливали опыт борьбы с пенитенциарной преступностью. В то же время органы ВЧК – ГПУ осуществляли деятельность по предотвращению и раскрытию контрреволюционных преступлений, а также выявлению и устранению недостатков, способствующих совершению преступлений в местах лишения свободы. Необходимость координирования действий, дублирование функций, несогласованность в проведении различных мероприятий – все это обусловило создание в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы собственных оперативных подразделений.

Седьмого апреля 1930 г. Совет Народных Комиссаров СССР своим постановлением утверждает Положение об исправительно-трудовых лагерях (далее: ИТЛ), созданных еще в 1929 г. и

подчиненных ОГПУ. Данное Положение предусматривало для их оперативного обслуживания организацию в ОГПУ специальных оперативных аппаратов – информационно-следственных отделов. Они являлись исключительно чекистскими аппаратами и были наделены полномочиями окружных отделов ОГПУ с аналогичными задачами: предотвращение и раскрытие государственных преступлений, розыск преступников, совершивших побег. Вместе с тем, исходя из специфики обслуживаемых объектов, они осуществляли борьбу и с общеуголовными преступлениями в ИТЛ.

Необходимо подчеркнуть, что именно информационно-следственные отделы при ИТЛ стали первыми в истории пенитенциарной системы России специализированными оперативными подразделениями по обслуживанию мест лишения свободы. Они организационно не входили в структуру уголовно-исполнительной системы, однако стали исходным элементом в дальнейшем формировании правоохранительных служб, осуществлявших оперативное обслуживание уголовно-исполнительной системы.

Однако вскоре с целью совершенствования борьбы с побегами был издан приказ ОГПУ от 29 августа 1932 г. № 828с «О слиянии аппаратов военизированной охраны исправительно-трудовых лагерей с информационно-следственными отделами лагерей на местах и в центре и о переименовании последних в секретно-оперативные отделы». Впоследствии в соответствии с приказом ОГПУ от 23 сентября 1932 г. № 923с секретно-оперативные отделы стали называться (в целях конспирации) третьими отделами ([URL: http://www.pseudology.org/GULAG/Glava01.htm](http://www.pseudology.org/GULAG/Glava01.htm)). Они включали в себя штаб охраны и следующие отделения: контрразведывательное, секретно-политическое, экономическое, особое и оперативное. В компетенцию третьих отделов входило: организация борьбы с политическими и уголовными преступлениями в ИТЛ, оперативное обслуживание заключенных и личного состава (администрация, охрана, инженерно-технический персонал). Именно они стали первыми специализированными оперативными подразделениями мест лишения свободы СССР (Дедюхин В. В. Становление и развитие организации борьбы с преступностью в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1984. С. 29–32).

Единого нормативного акта, четко определявшего функциональные обязанности структурных подразделений третьих отделов ИТЛ, в тот период не было. По общему правилу на *контрразведывательное отделение* возлагались: осуществление оперативной проверки заключенных, осужденных за шпионаж, измену Родине, диверсии и активное участие в контрреволюционных, повстанческих и вредительских организациях, в целях выявления

их связей на свободе и предотвращения контрреволюционной деятельности, а также выявление и предупреждение шпионажа со стороны вольнонаемных сотрудников ИТЛ, ведение следствия по всем перечисленным преступлениям. *Секретно-политическое отделение* осуществляло оперативную проверку заключенных, осужденных за активное участие в различных контрреволюционных антипартийных группах, антисоветских партиях, террористическую деятельность и разработку вольнонаемных сотрудников, подозревавшихся в подготовке или совершении перечисленных преступлений, а также выявляло политические настроения заключенных и вольнонаемных сотрудников ИТЛ. *Экономическое отделение* предотвращало и раскрывало факты вредительства и диверсий на предприятиях ИТЛ, выявляло различные недостатки в производственной деятельности ИТЛ и осуществляло меры по их устранению. *Особое отделение* отвечало за оперативное обслуживание личного состава военизированной охраны лагеря (по всем линиям). *Оперативное отделение* вело учет контрреволюционных элементов, конфиденентов и результатов оперативно-следственной работы в ИТЛ.

Анализ функциональных обязанностей сотрудников структурных подразделений третьих отделов и третьих частей лагерных отделений ИТЛ показывает, что их деятельность была направлена прежде всего на борьбу с контрреволюционными преступлениями; организация же борьбы с общеуголовными преступлениями и побегами заключенных практически не входила в обязанности ни одного из структурных подразделений третьего отдела. Однако в связи с увеличением количества преступлений, совершаемых спецконтингентом, во всех ИТЛ дополнительно были созданы специализированные подразделения, подчиненные третьим отделам: отделения уголовного розыска и отделения по борьбе с побегами. В их задачи входили борьба с убийствами, грабежами, хищениями, совершаемыми заключенными и персоналом, а также работа по предотвращению побегов и розыск бежавших заключенных. Учитывая опасность и распространенность побегов, на борьбу с ними также был ориентирован весь оперативный состав ИТЛ.

В 1934 г. по решению Центрального Исполнительного Комитета СССР был образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел (далее: НКВД), в состав которого вошло ОГПУ со всеми подведомственными ему учреждениями, включая и ИТЛ, образовав Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения (далее: ГУЛАГ), а в 1935 г. на основании приказа наркома внутренних дел СССР Г. Ягоды от 8 мая 1935 г. функция осуществления ОРД во всей пе-

нитенциарной системе Советского Союза была передана самостоятельным оперативным подразделениям, входящим в ее структуру (ГАРФ. Ф. Р-9401сч. Оп. 1а. Т. 1. Д. 6. Л. 32). Деятельность данных подразделений была регламентирована приказом НКВД СССР от 14 сентября 1937 г. № 00588, объявившим Временное положение о третьих отделах исправительно-трудовых лагерей НКВД (Там же. Д. 9. Л. 22–24). Согласно данному документу оперативные аппараты (третьи отделы) в полном объеме вели оперативную и следственную работу в отношении заключенных и вольнонаемного состава. Третий отдел имел в своем составе следующие отделения (группы). *Контрразведывательное отделение*: оперативное обслуживание осужденных за шпионаж, измену Родине, диверсию, участие в контрреволюционных повстанческих и вредительских организациях, лиц из вольнонаемного состава лагеря, заподозренных в шпионаже; выявление и предотвращение вредительства и диверсии, а также «ненормальностей» в производственной деятельности лагерей. *Секретно-политическое отделение*: оперативная проработка осужденных за участие в контрреволюционных троцкистско-зиновьевских организациях, бывших членов антисоветских политпартий, террористов. *Особое отделение*: оперативное обслуживание всего личного состава военизированной охраны. *Учетно-статистическое отделение*: учет контрреволюционного элемента и конфиденентов в ИТЛ, а также учет оперативно-следственной работы в ИТЛ. Для борьбы с побегами было организовано *отделение по борьбе с побегами*, оперативным путем предотвращавшее побег, принимавшее меры по розыску бежавших заключенных и осуществлявшее следствие по делам о побегах. *Отделение уголовного розыска* было создано с целью противодействия лагерному бандитизму, расхищениям социалистической собственности и другим уголовным преступлениям, совершаемым как заключенными, так и вольнонаемным составом. Кроме того, этому отделению было предоставлено право ведения следствия по вышеперечисленным преступлениям.

Из текста приказа НКВД СССР от 14 сентября 1937 г. следует, что увеличение количества уголовных преступлений, совершаемых в ИТЛ, вызванное отсутствием их профилактики, стало причиной расширения компетенции третьих отделов: в их задачи была включена борьба с побегами, лагерным бандитизмом, хищениями и другими уголовными преступлениями, так как существовавшие возможности третьих отделов позволяли оперативными методами осуществлять борьбу с различными видами пенитенциарной преступности.

В 1940 г. в организационных структурах управления оперативными подразделениями мест лише-

ния свободы произошли некоторые изменения. Третьи отделы и третьи отделения, входившие в структуру местных управлений НКВД, были реорганизованы в оперативно-чекистские отделы (отделения). Несколько изменились их структура, задачи, была расширена компетенция. Так, в качестве одной из основных задач впервые была выделена необходимость взаимодействия с территориальными органами внутренних дел. Непосредственно в пенитенциарных учреждениях оперативные подразделения были переименованы в оперативно-чекистские части.

Совершенствование в предвоенные годы структуры, форм и методов работы оперативных подразделений ИТЛ, уточнение их задач, функций и компетенции способствовали тому, что к началу Великой Отечественной войны оперативная обстановка в местах лишения свободы нормализовалась, количество совершаемых преступлений (особенно побегов) заметно уменьшилось.

С разделением в 1941 г. НКВД СССР на НКВД и НКГБ СССР в составе ГУЛАГа были созданы единые оперативные отделы системы исправительно-трудовых учреждений (далее: ИТУ). Они обладали широкой компетенцией: осуществляли борьбу с преступлениями среди осужденных, оперативно обслуживали по всем линиям сотрудников и личный состав конвойной охраны, а с октября 1942 г. и «трудмобилизованных» немцев, проводили работу по отбору и подготовке лиц из числа осужденных для направления на фронт (Вербовой В. Т. Система оперативных аппаратов исправительно-трудовых учреждений, их задачи, функции и компетенция. М., 1982. С. 9).

В первые послевоенные годы существенно увеличилось количество преступлений, совершаемых осужденными: убийств, групповых вооруженных побегов, массовых беспорядков и групповых неповиновений заключенных, бандитских и хулиганских проявлений, нападений на представителей администрации ИТУ и др. Это объяснялось в первую очередь значительным изменением состава и увеличением количества заключенных, содержащихся в ИТУ. Причем увеличение количества заключенных в этот период происходило за счет возрастания доли лиц, осужденных за общеуголовные преступления, прежде всего за бандитизм, умышленное убийство, разбой, грабеж, хищения в крупных размерах и др. Так, если в 1944 г. лица, осужденные за бандитизм, умышленное убийство и разбой, составляли 1,2 %, в 1946 г. – 2 % от общего количества заключенных, содержащихся в ИТУ, то в марте 1953 г. – 4 %. Количество лиц, осужденных за хищения в крупных размерах, а также воров-рецидивистов увеличилось с 13,1 % в 1944 г. до 28,3 % в 1953 г. (Дедюхин В. В. Указ. соч. С. 73–74). Это было обусловлено прежде всего последствиями войны: нестабильность в стране, де-

фицит продовольствия, массовые миграции населения, большое количество неучтенного оружия у граждан и т. д.

Еще одной задачей, существенно осложнявшей деятельность оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы, стала активизация борьбы с «ворами в законе» и их группировками. Не касаясь в рамках настоящей статьи данного вопроса, требующего отдельного глубокого изучения, заметим лишь, что борьба между различными враждующими преступными группировками заключенных и их противодействие мероприятиям, проводимым сотрудниками оперативных служб, часто приводили к массовым беспорядкам, убийствам, бандитским проявлениям, групповым хулиганским действиям и др.

Именно эти задачи стали приоритетными для оперативных подразделений пенитенциарной системы вплоть до середины 50-х гг. XX в., до момента кардинального реформирования мест лишения свободы СССР.

Проследивая генезис оперативной работы в уголовно-исполнительной системе СССР в первой половине XX в., мы считаем необходимым отметить, что предпринятая в период становления советской государственности попытка отка-

заться от осуществления ОРД в местах лишения свободы сопровождалась всплеском пенитенциарной преступности. Выстраивая схему оперативного обслуживания уголовно-исполнительной системы, руководство страны осуществляло поиск наиболее оптимальных форм ее организации. Созданная как орудие борьбы против политических оппонентов система оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы была вынуждена постепенно переориентироваться на противодействие уголовным преступлениям, как непосредственно препятствующим исполнению наказаний. Таким образом, практика функционирования мест лишения свободы доказала, во-первых, необходимость борьбы с пенитенциарной преступностью путем осуществления ОРД, сочетая гласные (в том числе режимные) и негласные методы; во-вторых, ОРД в местах лишения свободы должна осуществляться специализированными подразделениями, непосредственно входящими в пенитенциарную систему. Именно эти оперативные подразделения способны с максимальной эффективностью предпринимать действенные меры, направленные на недопущение, пресечение и раскрытие преступлений в уголовно-исполнительной системе.

Библиографический список

1. Бердинских, В. А. История одного лагеря (Вятлаг) / В. А. Бердинских. – М., 2001.
2. Вербовой, В. Т. Система оперативных аппаратов исправительно-трудовых учреждений, их задачи, функции и компетенция / В. Т. Вербовой. – М., 1982.
3. Дедюхин, В. В. Становление и развитие организации борьбы с преступностью в исправительно-трудовых учреждениях / В. В. Дедюхин. – М., 1984.
4. Детков, М. Г. Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве: исторический аспект и современность / М. Г. Детков. – М., 1998.
5. Тюремное дело : учеб. пособие по чекист. работе. – М., 1939.

Bibliographical list

1. Berdinskikh, V. A. The History of One Camp (Vyatlag) / V. A. Berdinskikh. – M., 2001.
2. Verbovoy, V. T. The System of Operative Divisions of Corrective-labour Institutions, Their Tasks, Functions and Competence / V. T. Verbovoy. – M., 1982.
3. Dedyukhin, V. V. Formation and Development of the Organisation for Struggling against Criminality in Corrective- labour Institutions / V. V. Dedyukhin. – M., 1984.
4. Detkov, M. G. Scientific and Organizational-legal Support of Execution of Criminal Punishments in the Form of Imprisonment in the Russian State: Historical Aspect and Current State / M. G. Detkov. – M., 1998.
5. The Prison Business. – M., 1939.

М. А. Богданов,
аспирант кафедры теории
и истории государства и права
Московского гуманитарно-экономического
института

M. A. Bogdanov,
post-graduate student of the Department of Theory
and History of State and Law
of Moscow Humanitarian-economic Institute

НОВАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ (ФЕВРАЛЬ – ОКТЯБРЬ 1917 г.)

A New Page in the History of the Parole Institution (February – October 1917)

Аннотация. В статье впервые проанализировано законодательство Временного правительства об условно-досрочном освобождении, принятое и введенное в действие в 1917 г. между Февральской и Октябрьской революциями.

Ключевые слова: амнистия, условно-досрочное освобождение, реформы законодательства, надзор, опека.

Annotation. In the article for the first time the author analyzes the parole legislation of the Provisional government, accepted and put into force in 1917, between the February and the October revolutions.

Key words: amnesty, parole, reforms of the legislation, supervision, guardianship.

После Февральской революции 1917 г. начался новый этап реформирования системы исполнения уголовных наказаний. Пребывание у власти Временного правительства существенно отразилось на пенитенциарной политике государства. Несмотря на сохранение основ уголовно-исполнительной системы в основном в прежнем виде, смена общественно-политического устройства вызвала необходимость ее реформирования, приспособления к новым условиям жизни государства (Уголовно-исполнительная система. 130 лет / [Г. В. Алексушин и др.]. М., 2009. С. 53). Между тем, как справедливо указывает М. Г. Детков, этот период истории российской уголовной и пенитенциарной политики в литературе освещен довольно слабо (Детков М. Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 гг. М., 1992. С. 11–26).

В марте 1917 г. один за другим были приняты акты о политической и воинской амнистиях. По данным П. И. Люблинского, после Февральской революции 1917 г. Временное правительство «освободило из мест заключения более $\frac{3}{4}$ содержащихся там лиц, призвав их к свободной жизни с погашением всех последствий судимости» (Люблинский П. И. Мартовские амнистии // Журн. М-ва юстиции. 1917. № 4. С. 3–4). Многие категории заключенных подлежали освобождению на основании постановления Временного правительства от 17 марта 1917 г. «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления», которое явилось актом общеуголовной амнистии. Данное постановление предусматривало, что «даруемые льготы не устраняют в подлежащих случаях применение условного досрочного освобождения» (Там же. С. 15).

История отечественного института условно-досрочного освобождения начинается с широкого рас-

пространения наказаний в виде лишения свободы и становления идеи нравственного исправления преступников. В 1866 г. в России был принят закон, допускавший условно-досрочное освобождение несовершеннолетних из исправительно-воспитательных заведений. Других законодательных актов, содержащих нормы об условно-досрочном освобождении, в XIX в. не принималось. Введение условно-досрочного освобождения в качестве общей меры произошло с принятием Закона Российской империи от 22 июня 1909 г. «Об условном досрочном освобождении» (далее: Закон от 22 июня 1909 г.), комплексно регулировавшего основные вопросы его применения и положившего начало его дальнейшего развития как самостоятельного межотраслевого института, объединяющего нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права.

Закон от 22 июня 1909 г. был включен в Свод законов Российской империи и дополнил Устав о содержащихся под стражею ст. 416–439, объединенными в отдельную главу.

На основании данного Закона условно-досрочное освобождение применялось к лицам, приговоренным к заключению в тюрьме, исправительном арестантском отделении или исправительном доме (на срок не менее восьми месяцев), по отбытии $\frac{3}{4}$ срока назначенного им наказания, если во время отбывания наказания «одобрительное поведение» осужденных давало основания полагать, что при освобождении они будут вести «добропорядочный образ жизни» (ст. 1, 2 Закона от 22 июня 1909 г.). Решение об условно-досрочном освобождении принимал суд после предварительного обсуждения этого вопроса Особым совещанием.

В 1914 г. Российская империя вступила в Первую мировую войну. С 1916 г. заключенным, принимавшим участие в «работах, связанных с военными нуждами», сокращались сроки лише-

ния свободы. В циркуляре Министерства юстиции от 13 апреля 1917 г. № 25 было указано, что такое сокращение срока наказания «не должно превышать одной пятой части всего срока, назначенного заключенному по судебному приговору» и применимо к арестантам всех категорий независимо «от тех льгот, которыми арестанты эти могли бы воспользоваться на основании различных действующих узаконений и постановлений» (Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 122. Оп. 5. Д. 3305. Л. 34).

Поскольку Временное правительство выступало за продолжение военных действий, некоторые категории заключенных, подлежавших «условному помилованию», обязаны были отбыть воинскую повинность. В целях единообразного применения постановления Временного правительства от 17 марта 1917 г. циркуляр Министерства юстиции от 8 июня 1917 г. № 7005 разъяснял, что «лица, обращенные в войска, согласно ст. 10 отд. I постановления, в случае удостоверенного военными властями дурного их поведения или уклонения от воинского долга, подлежат обращению в распоряжение прокурорского надзора на предмет отмены судом условного их освобождения. В тех же случаях, когда лица указанной категории учинят, по условному их освобождении, новое преступление в условиях, устраняющих возможность отзыва о них военного начальства, то они должны быть немедленно передаваемы в распоряжение судебных властей и без такого отзыва» (Циркулярные распоряжения по Министерству юстиции // Журн. М-ва юстиции. 1917. № 7–8. С. 125).

Временное правительство начало разрабатывать новую концепцию исполнения наказаний. Начальник Главного тюремного управления А. А. Жижиленко в приказе от 18 марта 1917 г. № 3 указывал, что «борьба с преступностью, ограниченная одним только применением наказания, никогда не может дать благоприятных результатов. Она только тогда в состоянии достигнуть успеха, если наряду с наказанием будут применяться и другие меры оздоровления общества. Как бы ни было поставлено тюремное воспитание, оно само по себе не может надлежащим образом выполнить свои задачи, если не будет принято никаких мер попечения о дальнейшей судьбе лиц, отбывающих наказание» (Цит. по: Детков М. Г. Указ. соч. С. 15). К решению указанных задач должны были привлекаться институты гражданского общества и в первую очередь институт тюремного патроната.

В апреле 1917 г. центральное тюремное ведомство было переименовано в Главное управление местами заключения (ГУМЗ), а в июне того же года Временное правительство реорганизовало его аппарат. Обеспечить надлежащий порядок в пенитенциарных учреждениях должны

были подготовка квалифицированных кадров и введение в местах заключения прогрессивной системы исполнения наказаний.

В телеграмме ярославскому губернскому комиссару Временного правительства от 14 июля 1917 г. № 11756 Главное управление местами заключения сообщало, что «в настоящее время разрабатывается законопроект об условном досрочном освобождении лиц, осужденных за деяния, совершенные ими до 17 марта сего года» (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 3305. Л. 91).

Первого августа 1917 г. Временное правительство приняло постановление «Об условном досрочном освобождении» (далее: Постановление), которое отменяло действовавшие ранее ст. 416–439 Устава о содержащихся под стражею (Там же. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–7). После опубликования 12 сентября 1917 г. данного постановления в официальном правительственном издании – Вестнике Временного правительства № 151(197) Закон от 22 июня 1909 г. фактически утратил силу.

Статья 1 рассматриваемого документа устанавливала, что «приговоренные к заключению в тюрьме, в исправительном арестантском отделении или в исправительном доме, к ссылке в каторжные работы на срок или к срочной каторге могут быть условно освобождены из заключения по отбытии не менее половины определенного им судебным приговором срока наказания, если они притом пробыли в месте заключения, во исполнение приговора, не менее шести месяцев».

Таким образом, Временное правительство распространило институт условно-досрочного освобождения на приговоренных к каторге и каторжным работам. При этом минимальный срок наказания, по отбытии которого Закон от 22 июня 1909 г. допускал применение условного освобождения, сократился с $\frac{3}{4}$ до половины срока лишения свободы, определенного судебным приговором. Исключение составляли осужденные к бессрочной каторге, досрочное освобождение которых могло последовать только по отбытии 12 лет наказания (ч. 2 ст. 1 Постановления).

Полномочия окружных судов по разрешению вопросов, связанных с применением условно-досрочного освобождения, были переданы особым комиссиям по освобождению из мест заключения, которые образовывались при каждом месте заключения под председательством одного из местных мировых судей, назначаемого съездом мировых судей или окружным судом (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 12. Л. 2). Согласно ст. 4 Постановления в состав Особой комиссии входили начальник места заключения, лицо прокурорского надзора, представитель адвокатуры, два члена общества патроната или других благотворительно-тюремных организаций.

В соответствии со ст. 2 Постановления право ходатайствовать об условном освобождении бы-

ло предоставлено всем членам Особой комиссии, а также состоящим при месте заключения духовным лицам, врачам и учителям.

Концепция анализируемого Постановления Временного правительства в части оснований применения и отмены условно-досрочного освобождения (ст. 2, 6, 12) и непредоставления осужденному права ходатайствовать о применении данной меры полностью совпадала с положениями ст. 2 и 19 Закона от 22 июня 1909 г.

В соответствии со ст. 7 Постановления при предоставлении заключенному условно-досрочного освобождения «в особо уважительных случаях комиссия может разрешить жительство в местностях, в коих на основании ст. 58² Уложения о наказаниях и п. 1 ст. 34 Уголовного уложения осужденному воспрещается пребывание» (Там же. Л. 3).

Решение Особой комиссии о предоставлении заключенному условно-досрочного освобождения приводилось в исполнение начальником места заключения в течение суток (ст. 8 Постановления).

Согласно ст. 14 Постановления «условное освобождение отменяется: судом, постановляющим приговор о новом преступном деянии условно-освобожденного, и местным мировым судьей – в остальных случаях. Производство об отмене условного освобождения, если поводом для сего не является учинение нового преступного деяния, возбуждают перед местным мировым судьей общества, имеющие попечение и наблюдение над условно-освобожденным...» (Там же. Л. 4–5). При рассмотрении дела об отмене досрочного освобождения суд обязательно вызывал условно освобожденного, интересы которого мог представлять адвокат (ст. 15 Постановления).

Если в течение испытательного срока суд не отменил условно-досрочное освобождение, то определенное приговором наказание считалось отбытым со дня предоставления условного освобождения. В этих случаях отпадали ограничения в праве избрания и перемены места жительства, установленные законом как последствия преступных деяний (ст. 18 Постановления).

Отдел II Постановления предусматривал, что осужденные, воспользовавшиеся льготами, дарованными постановлением Временного правительства от 17 марта 1917 г. «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления», но не подлежащие немедленному освобождению из мест заключения, могли быть условно освобождены и до истечения сроков, указанных в ст. 1 Постановления (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 12. Л. 7).

Анализ первоисточника и исследование архивных материалов свидетельствуют о том, что накануне Октябрьской революции 1917 г. правовую базу условно-досрочного освобождения в России составляли рассмотренные положения именно Постановления. К сожалению, в силу объективных причин мы не располагаем данными о результатах его практического применения.

С учетом изложенного нельзя согласиться с позицией ряда исследователей, указывавших, что после принятия Закона от 22 июня 1909 г. институт условно-досрочного освобождения в неизменном виде просуществовал до Октябрьской революции 1917 г. (Барсукова С. Г. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания по российскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. Йошкар-Ола, 2000. С. 98 ; Малин П. М. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. С. 14 ; Соловьев Ю. Д. Становление и развитие института условно-досрочного освобождения от наказания в советском уголовном законодательстве // Проблемы ответственности и применения уголовного наказания. М., 1984. С. 56–57). Несмотря на кратковременность своего пребывания у власти, Временное правительство приняло важный законодательный акт об условно-досрочном освобождении, существенно расширивший область применения данного института и установивший для осужденных более благоприятные основания его применения, что явилось следствием гуманизации пенитенциарной политики новой власти.

Библиографический список

1. Детков, М. Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 гг. / М. Г. Детков. – М., 1992.
2. Люблинский, П. И. Мартовские амнистии / П. И. Люблинский // Журн. М-ва юстиции. – 1917. – № 4.
3. Уголовно-исполнительная система. 130 лет / Г. В. Алексушин [и др.]. – М., 2009.
4. Циркулярные распоряжения по Министерству юстиции // Журн. М-ва юстиции. – 1917. – № 7–8.

Bibliographical list

1. Detkov, M. G. The Content of the Penitentiary Policy of the Russian State and Its Realization within the System of Criminal Penalty in the Form of Imprisonment during the Period from 1917 to 1930 / M. G. Detkov. – M., 1992.
2. Lublinskiy, P. I. Amnesties in March / P. I. Lublinskiy // Jurnal Ministerstva Justits. – 1917. – № 4.
3. The Penal System. 130 years / G. V. Aleksushin [et al.]. – M., 2009.
4. Circular Instructions in the Ministry of Justice // Jurnal Ministerstva Justits. – 1917. – № 7–8.

В. С. Волков,
*преподаватель кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии
Пермского филиала Нижегородской академии
МВД России*

V. S. Volkov,
*Lecturer of the Department of Criminal Law,
Penal Law and Criminology
of Perm Branch of Nizhniy Novgorod Academy
of the Ministry of the Internal Affairs of Russia*

**БОРЬБА ОРГАНОВ МИЛИЦИИ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ И БЕЗНАДЗОРНОСТЬЮ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

**The Fight of the Perm Militia against Homelessness and Neglect during the Great Patriotic War
as a Principal Means of Juvenile Delinquency Prevention**

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов борьбы с подростковой преступностью на территории Пермской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Рассматриваются основные изменения правового регулирования вопросов профилактики детской беспризорности и безнадзорности. Изучены архивные статистические данные, на основе которых сделан сравнительно-правовой анализ причин и условий, способствовавших детской преступности в регионе. Оценивается роль правоохранительных органов, в частности отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, в противодействии и профилактике одноименной категории преступлений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, органы милиции, несовершеннолетний, беспризорность, безнадзорность, детская преступность, приемники-распределители, детские трудовые колонии, детский дом.

Annotation. The article is devoted to the issues of fight against juvenile delinquency in Perm Region during the Great Patriotic War (1941–1945). The main changes in legal control over children's homelessness and neglect are considered. On the basis of archival statistical data the legal comparative analysis of causes and conditions that contributed to juvenile delinquency in the region has been made. Special attention is paid to the role of law enforcement bodies, in particular of the department engaged in the fight against children's homelessness and neglect in the process of counteraction and prevention of such types of crime.

Key words: the Great Patriotic War, militia bodies, juvenile, homelessness, neglect, children's delinquency, receiving-distributing unit, children's labour colonies, children's home.

Вопросы эффективности противодействия и профилактики беспризорности и безнадзорности как негативных социально обусловленных явлений общества никогда не теряют своей актуальности, особенно в период войн, репрессий, а также коренного реформирования. В годы Великой Отечественной войны, в ходе которой все без исключения сферы деятельности общества подверглись существенному изменению, в связи с колоссальными масштабами беспризорности, обусловленными эвакуацией населения в тыловые регионы страны, профилактика и пресечение беспризорности были возложены на органы милиции, входившие в то время в состав НКВД.

Советское государство, проявляя заботу о будущем поколении, предприняло меры и создало необходимые условия для жизни и учебы эвакуированных детей. Только за вторую половину 1941 г. и начало 1942 г. в тыловые районы страны было вывезено 167 223 воспитанника из 976 детских домов (Нечаева А. М. Дети-сироты в России (послеоктябрьский период) // Государство и право. 1993. № 1. С. 124). Заметим, что за первые два года войны связь с родными потеряли около 200 тыс. несовершеннолетних (Российская педагогическая энциклопедия. М., 2006. С. 85).

На территории Прикамья в годы войны разместились: 71 детский дом, 48 из которых были эвакуированы из прифронтовых регионов, 36 школь-

ных и 12 дошкольных эвакуированных учреждений, 23 стационарных. В результате организации деятельности указанных учреждений за первые два года войны в них постоянно пребывало не менее 10401 подростка, часть из которых в рамках работы по обеспечению занятости проходили обучение в 45 мастерских (Пермский государственный архив Новейшей истории (далее: ПермГАНИ). Ф. 105. Оп. 9. Д. 217. Л. 7).

Благоприятное географическое положение Пермской области предопределило не только ее тыловое предназначение, но и обусловило резкий всплеск преступности, среди которой особое место занимала подростковая.

Только за 1941 г. сотрудниками милиции Прикамья было задержано и подобрано 3076 несовершеннолетних, среди них: беспризорных – 772, безнадзорных – 2157, заблудившихся – 143, подкинутых – 4. В 1942 г. общее количество задержанных составило 5043: беспризорных – 766, безнадзорных – 3966, заблудившихся – 301, подкинутых – 10; в 1943 г. – 1477 (137, 1207, 129, 4 соответственно). К 1945 г. ситуация существенным образом не изменилась и было задержано 1359 несовершеннолетних (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 10. Д. 285. Л. 137). Таким образом, отмечается рост числа случаев задержания сотрудниками милиции несовершеннолетних беспризорных: к 1942 г. по сравнению с 1941 г. – на 63,95 %. По отдельным категориям:

количество безнадзорных увеличилось на 84 %, заблудившихся – 110 %, подкинутых – 150 %.

Как показала практика, недостаточным оказалось принятие традиционных мер нормативного и организационного характера. Столь значительный рост беспризорного детского населения, поступающего в регион, в том числе неорганизованно, существенно повлиял на количество совершаемых ими преступлений. Так, в 1941 г. к уголовной ответственности было привлечено 715 человек, в 1942 г. количество возросло до 947 человек, а за первый квартал 1943 г. число несовершеннолетних преступников, привлеченных к ответственности, достигло 280, т. е. наблюдается увеличение на 32 %.

Если противодействие профилактической направленности беспризорности и безнадзорности осуществлялось силами и средствами множества государственных и общественных организаций, то пресечение детской преступности полностью возлагалось на органы милиции. В ситуации кадрового дефицита в органах НКВД Молотовской области одновременное увеличение численности несовершеннолетнего населения, склонного и способного совершать преступления, требовало создания относительно новой и одновременно эффективной методики пресечения такой категории преступности.

Следует отметить, что необходимость дальнейшего нормативного регулирования вопросов, касающихся пресечения и профилактики детской преступности, была обусловлена также резким всплеском совершенных подростками тяжких преступлений. Так, в 1943 г. несовершеннолетними лицами на территории всей страны совершено 35 % от общего числа убийств, разбоев, грабежей (Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 9415. Оп. 3. Д. 12 а. Л. 28). Рост преступности наблюдался также на территории Прикамья. Только по г. Молотову в 1943 г. было задержано 4842 несовершеннолетних, из которых беспризорных – 856, безнадзорных – 3986. Из числа задержанных привлечены к уголовной ответственности 675 человек, в том числе беспризорных – 90, учащихся – 114, не учащихся – 471 человек (Руцкин В. М. В дни испытаний и тревог. Пермь, 2005. С. 30). В особенности преступность несовершеннолетних возросла среди учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ городов Молотова, Лысьвы, Чусового и Краснокамска (Государственный общественно-политический архив Пермской области. Ф. 1. Оп. 32. Д. 108. Л. 20). Наиболее распространенными преступлениями несовершеннолетних в регионе стали убийства и грабежи, за которые к уголовной ответственности привлечено 200 человек: в январе – 38, феврале – 52, марте – 62, апреле – 48 (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 217. Л. 11).

В связи с этим большое практическое значение для профилактики правонарушений среди подростков имело постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 215. Л. 214–216), послужившее основой для создания первых специализированных подразделений по делам несовершеннолетних в аппаратах уголовного розыска НКВД СССР, НКВД союзных и автономных республик, УНКВД краев и областей. Директивой НКВД СССР 24 июля 1943 г. был организован отдел НКВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, аналогичные отделы предписывалось создать и на местах. В отделах территориальной и транспортной милиции создавались отделения по борьбе с детской преступностью (Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 30. Л. 63). Начальники образованных отделений одновременно являлись заместителями начальников соответствующих отделов уголовного розыска, что подчеркивало особую важность работы по предупреждению правонарушений подростков и ее влияние на перспективы борьбы со всей преступностью в стране (Фильченков Г. И. Обеспечение контроля за поведением несовершеннолетних, осужденных условно и к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора : учеб. пособие. М., 1995. С. 16).

Двадцать четвертого июля 1943 г. в рамках штата УНКВД Молотовской области также было организовано новое подразделение – отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью УНКВД (далее: ОБДББ) (ОСИР ИЦ ГУВД по Пермскому краю. Ф. 105. Оп. 1. Д. 31. Л. 244). Аналогичные отделы создавались повсеместно, незначительно различались лишь структура и количественный показатель кадрового обеспечения. Так, например, в рамках УНКВД Ленинградской области такой отдел включал в себя 13 сотрудников (Смирнова Н. В. Отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Народного комиссариата внутренних дел // Рос. следователь. 2008. № 21. С. 42), в то время как штат отдела в Молотовской области был представлен 21 сотрудником.

В своей работе ОБДББ руководствовался нормативными предписаниями партийных органов и правительства, приказами и директивами НКВД СССР, что периодически, как показал опыт работы иных подразделений аппарата УНКВД Молотовской области, приводило к выполнению достаточно противоречивых по содержанию предписаний. Учитывая такое децентрализованное нормативное руководство деятельностью, на ОБДББ возлагалось решение следующих задач: руководство трудовыми и воспитательными колониями для несовершеннолет-

них; организация деятельности и контроль за приемниками-распределителями; разработка конкретной программы по ликвидации детской преступности для подразделений УНКВД; поддержание постоянного взаимодействия с иными учреждениями, осуществляющими профилактику беспризорности и безнадзорности в Прикамье; руководство процессом выполнения мероприятий по трудоустройству несовершеннолетних, находившихся в приемниках-распределителях или отбывших уголовные наказания в исправительно-трудовых колониях.

Следует отметить, что при наличии столь объемных задач ни одна ведомственная директива или партийное предписание не содержали указание на осуществление межрегионального взаимодействия по обмену положительным опытом и внедрению его в практику, в силу чего регионам приходилось учиться на своих ошибках, теряя при этом массу времени и восполняя последствия, причиненные несовершеннолетними правонарушителями. В связи с этим работа нового подразделения по противодействию беспризорности и безнадзорности началась именно с анализа одноименной работы, осуществленной иными подразделениями в целях разработки конкретных мероприятий с учетом ранее совершенных ошибок.

В результате такой работы были установлены следующие причины и предпосылки, способствующие совершению преступлений со стороны подростков:

1. Вопросы воспитания детей в большинстве партийных организаций не являлись предметом обсуждения на партийных собраниях.

2. Отсутствие запланированных родительских собраний по вопросу детской занятости, беспризорности и безнадзорности.

3. Полное отсутствие разъяснительной работы по вопросам усыновления и патронирования детей среди рабочих, служащих и колхозников (за два года войны в Александровском и Ныробском районах Молотовской области взято на патронирование по 1 человеку, в Суксунском – 14, Оханском – 18, Частинском – 10) (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 217. Л. 12).

4. Работа по проверке мест массового скопления народа, таких как вокзалы, рынки, площади, скверы, пристани, осуществлялась только нарядами милиции, однако аналогичная работа была директивно закреплена за комсомольскими организациями и депутатами советов.

5. Непривлечение общественности к дежурству в комнатах привода, которых за 1941–1942 гг. на территории г. Молотова было организовано всего одна единица при первом отделении милиции. Таким образом, весь объем задержанных несовершеннолетних поступал на общих основа-

ниях совместно со взрослыми преступниками, которые, пользуясь случаем, проводили работу по вовлечению подростков в дальнейшее осуществление преступной деятельности, препятствуя при этом воспитательному процессу. Не оборудован пункт приема детей и на ст. Пермь II, где наблюдалось постоянное скопление подростков.

6. Не решен вопрос об устройстве детей в возрасте от 15 до 17 лет, которые не подлежат размещению в детприемник. Следовательно, указанная категория лиц вынуждена до момента определения их на завод, в колхоз или ремесленное училище пребывать на улице и совершать правонарушения в целях обеспечения себя питанием.

7. При проверке детприемника установлено крайне неудовлетворительное его оборудование необходимым инвентарем – дети вынуждены спать по два человека на кровати, что приводит к многочисленным побегам, в целях предотвращения которых администрация принимала меры к камерному их содержанию, что естественно противоречило воспитательному процессу. Кроме того, в рамках ревизии финансово-хозяйственной деятельности детприемника г. Молотова установлено, что денежные средства выдавались без соответствующего документального оформления, детские вещи и постельное белье не имели соответствующих клеймений, присутствовали значительные растраты денежных средств на личные нужды (ОСИР ИЦ ГУВД по Пермскому краю. Ф. 8. Оп. 1. Д. 19. Л. 74).

8. За двухлетний период войны были закрыты 15 из 17 пионерских домов; из 5 детских технических станций 4 прекратили свою работу; полностью закрыты станции детских натуралистов, детские кино; детские библиотеки не пополнялись.

9. Прекратили свою работу районные комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей.

10. В тюрьме № 3, расположенной в г. Кизеле, практиковалась такая мера наказания несовершеннолетних правонарушителей, как помещение подследственных в камеры со взрослыми осужденными, что препятствовало исправлению подростков.

11. Слабая организация взаимодействия с «соседними» областями в сфере контроля за перемещением несовершеннолетних. Учитывая, что за 1942 г. на территории двух областей Южного Урала (Челябинской и Чкаловской) из 6665 зарегистрированных преступлений 40 % были совершены подростками (Романович С. В. Борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2006. С. 9), можно предположить, что при отсутствии контроля за их перемещением часть из них могли расположиться на территории Молотовской области и продолжить заниматься преступной деятельностью.

Таким образом, очевиден рост уровня преступности. Следует отметить, что все перечисленные факторы и условия не касаются деятельности правоохранительных органов. В связи с этим для установления полного перечня указанных выше причин необходимо рассмотреть как положительную, так и отрицательную практику функционирования аппаратов милиции в данной области. Изучение ведомственных архивных материалов Молотовской области дало возможность выявить следующие негативные моменты правоохранительной деятельности органов милиции:

1. Отсутствие на первоначальном этапе как военных действий, так и процесса эвакуации единого аппарата по противодействию детской преступности, а следовательно, квалифицированных кадров в работе с несовершеннолетними.

2. В рамках текущего и перспективного планирования не принимались меры по ликвидации детской преступности.

3. Взаимодействие органов милиции, партийных органов и комсомольских организаций сведено к минимуму, о чем свидетельствует наличие двойной статистики, часть которой искажена в сторону указания на присутствие в регионе «благоприятной» обстановки.

4. Использование классических оперативных методов противодействия преступности, несмотря на то, что несовершеннолетние являются специфическими субъектами преступной деятельности, обладающими не менее специфичной психологией, привычками и т. п. Неэффективно с этой точки зрения использование, например, агентурного внедрения самих сотрудников в преступные группы несовершеннолетних.

5. Не все участки тюрем с несовершеннолетним контингентом были охвачены агентурным обслуживанием; не велся учет осведомителей-заявителей; отсутствовали отметки об использовании агентурных донесений. Сотрудники тюрем, уходя в отпуска, не передавали наработанные материалы. Учебно-воспитательная работа была сведена к минимуму и представляла собой простое чтение литературы, охватывая при этом 60–65 % контингента при отсутствии плана воспитательной работы (ОСИР ИЦ ГУВД по Пермскому краю. Ф. 8. Оп. 1. Д. 19. Л. 64).

Учитывая отрицательную практику работы по противодействию преступности несовершеннолетних, руководство УНКВД Молотовской области предприняло ряд мероприятий в целях стабилизации обстановки.

Во-первых, для наиболее эффективного и централизованного управления детскими приемниками-распределителями было принято решение о полной их передаче в отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (Там же. Д. 31. Л. 42). Для этого 6 августа 1943 г.

была создана комиссия в составе бухгалтерских, финансовых работников под председательством старшего оперуполномоченного. Примечательным является тот факт, что с учетом объективной необходимости принятия оперативных мер в решении вопросов несовершеннолетней преступности процесс передачи указанных объектов было предписано закончить к 20 августа, т. е. в двухнедельный срок.

Во-вторых, на основе анализа выявленных условий, способствующих росту детской преступности и беспризорности, установлена неспособность принимаемых мер в стабилизации обстановки. Учитывая некоторый положительный опыт работы исправительно-трудовых учреждений, руководство УНКВД Молотовской области считало изоляцию от общества наиболее результативной мерой как воспитательного, так и превентивного характера. В целях апробации своего предположения на территории Молотовской области ускорился процесс увеличения количества детских трудовых колоний и подбора соответствующего персонала для работы в них. Зная, что процесс строительства всех необходимых новых специализированных зданий и сооружений крайне затруднителен в условиях военного времени, принято решение задействовать в их организации часть производственных помещений некоторых заводов. Кроме того, такая организация позволила бы одновременно осуществлять производственный процесс, являющийся неотъемлемой частью воспитательных мероприятий. В рамках организации данных режимных объектов дирекциями заводов было выделено 150 работников для оказания помощи при производстве ремонтных работ. Одновременно с этим начальник ОБДББ составил и направил в Москву обоснованную заявку-расчет на продовольствие, оборудование, вещевое довольствие, стройматериалы и финансирование, а на начальника УНКВД по кадрам была возложена обязанность подобрать для вновь организуемых колоний в первую очередь руководящий состав (ОСИР ИЦ ГУВД по Пермскому краю. Ф. 8. Оп. 1. Д. 31. Л. 44). Такая организация указывала на некоторый переход от декларативности к реальному выполнению решений, что проявилось в создании уже через два месяца двух колоний: в п. Юг Верхне-Муллинского района с контингентом 300 человек (Там же) и в г. Кунгуре с аналогичным количеством несовершеннолетних осужденных.

В-третьих, в силу того, что детский приемник г. Молотова не имел в достаточной мере приспособленных помещений для содержания несовершеннолетних, что влекло за собой все учащающиеся случаи побегов, Приказом УНКВД № 55 был создан пересыльно-распределительный пункт (Там же).

В-четвертых, летом 1944 г. на территории г. Молотова дополнительно к одной имеющейся детской комнате были образованы еще три при третьем, пятом и шестом городских отделениях милиции (Там же. Д. 37. Л. 117). Следует отметить, что оплата труда сотрудников детских комнат осуществлялась за счет местных средств, возможно, поэтому в штат каждой такой комнаты входили всего два сотрудника, состоящих в должностях инспектора и помощника инспектора детской комнаты.

В-пятых, возобновлена практика привлечения родителей к административной ответственности, предусмотренной постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. (Мулукаев Р. С. Развитие системы органов внутренних дел Российской Федерации. М., 1995. С. 149), выражавшейся в возможности наложения штрафа в размере 200 рублей за беспризорность своих детей, в целях усиления контроля и воспитания не прибегая к помощи правоохранительных органов.

В-шестых, в рамках учебных программ занятий по подготовке сотрудников УНКВД предусмотрены лекционные занятия, посвященные рассмотрению темы «Преступность среди несовершеннолетних» (ОСИР ИЦ ГУВД по Пермскому краю. Ф. 8. Оп. 1. Д. 40. Л. 160).

В-седьмых, для широкомасштабного привлечения общественности в решении детской преступности налажен систематический выпуск средств массовой информации с размещением в них сведений о беспризорности и безнадзорности (На посту. 1943. 4 сент. ; 1944. 15 янв. ; 1945. 21 июля).

Несмотря на значительную по объему реорганизационную работу в сфере противодействия детской преступности и беспризорности, первые ее результаты были неоднозначными. Так, за 1944 г. на территории Молотовской области к уголовной ответственности было привлечено 1784 подростка (ОСИР ИЦ ГУВД по Пермскому краю. Ф. 8. Оп. 1. Д. 37. Л. 67). Данный показатель по сравнению с 1941 г. увеличился на 149,5 %, а в сравнении с 1942 г. – на 88,3 %. Анализируя отчетные документы периферийных органов НКВД по данному вопросу, можно отметить резкий рост детской преступности в некоторых районах. Так, например, по Саликамскому району в 1944 г. было зарегистрировано 114 преступлений, из них в третьем квартале – 19, четвертом – 35 (+54,8 %); по Чуковскому району наблюдается аналогичная ситуация, где за истекший период зарегистрировано 77 преступлений несовершеннолетних, из них в третьем квартале – 19, а в четвертом – 21 (+61,9 %). В указанных районах отмечены неудовлетворительная работа по проведению массовых мероприятий по изъятию с улиц беспризорных и безнадзорных детей, прак-

тически полное отсутствие участия в данной работе представителей общественности. Кроме того, неудовлетворительными можно признать результаты агентурной работы, что, в частности, проявляется в отсутствии вербовочной работы, приведшей к ослаблению осведомительной сети. Сотрудники уголовного розыска и органов предварительного следствия относятся к раскрытию преступлений формально, не уделяя должного внимания системе профилактических мер. Так, установлено, что значительная часть преступлений несовершеннолетних была организована взрослыми преступниками-рецидивистами, однако данному вопросу не уделялось достаточно внимания. К несовершеннолетним все чаще применялась такая мера пресечения, как арест. Так, из общего количества несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности, за 1944 г. арестовано 889 человек, или 48,7 %. По отдельным районам ситуация выглядела следующим образом: Соликамским ГО НКВД арестовано к числу привлеченных к уголовной ответственности 34,6 % лиц, в Кизеловском – 38,3 %, Чусовским – 58 %, Лысьвенским – 63 %, Краснокамским – 66,3 %, Кунгурским – 91 % (ПермГИА. Ф. 105. Оп. 9. Д. 412. Л. 5).

Анализ вышеизложенного позволил сделать вывод о том, что мероприятия, сформулированные и закрепленные на уровне нормативных предписаний, в конце 1943 – начале 1944 г. не были реализованы в полном объеме, о чем свидетельствуют статистические данные и конкретные факты халатного поведения.

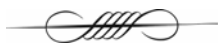
По нашему мнению, одна из причин неполной реализации запланированных мероприятий состоит в разрозненном их закреплении в директивах и приказах как УНКВД Прикамья, так и ВКП(б). Наличие столь объемных по количеству и содержанию актов породило безразличное отношение к ним. Кроме того, отсутствовала позиция относительно ответственности за невыполнение данных мероприятий. По-прежнему напряженным оставался кадровый вопрос в дошкольных и школьных заведениях, который во многом обусловлен экономической составляющей – крайне низкой заработной платой. На примере г. Лысьва становится очевидным отсутствие любого рода досуга для несовершеннолетних, что в конечном счете приводит к их беспризорности, а затем противоправной деятельности.

Без внимания со стороны органов милиции остался и тот факт, что работа с несовершеннолетними являлась специфической в силу возрастных, психологических и поведенческих факторов, которые не были учтены при проведении оперативных и розыскных мероприятий. Деятельность по борьбе с преступностью традиционно возлагалась на аппарат уголовного розыска, а вновь образованное

отделение (ОБДББ) осуществляло в большей степени профилактическую работу и работу в исправительно-трудовых учреждениях.

Таким образом, опыт работы аппарата милиции Пермской области в годы Великой Отечественной войны показал, что увеличению детского беспризорного населения способствовали условия неблагоприятной военно-стратегической обстановки на фронте, а также широкомасштабная эвакуация населения. Предпринимаемые меры нормативного и организационного характера оказались крайне не эффективными, не позво-

ляющими выработать единой методики противодействия подростковой преступности. Кроме того, выявленные в ходе правоохранительной деятельности причины и условия детской беспризорности не всегда составляли предмет только работы органов милиции, поэтому представленные статистические данные – результат деятельности множества органов и учреждений. Несмотря на это, можно утверждать, что органы милиции Прикамья внесли огромный вклад в реализацию государственной политики в борьбе с детской беспризорностью.

Библиографический список

1. Бакаев, А. А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних : учеб. пособие / А. А. Бакаев. – М., 2004.
2. Нечаева, А. М. Дети-сироты в России (послеоктябрьский период) / А. М. Нечаева // Государство и право. – 1993. – № 1.
3. Руцкин, В. М. В дни испытаний и тревог / В. М. Руцкин. – Пермь, 2005.
4. Смирнова, Н. В. Отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Народного комиссариата внутренних дел / Н. В. Смирнова // Рос. следователь. – 2008. – № 21.
5. Фильченков, Г. И. Обеспечение контроля за поведением несовершеннолетних, осужденных условно и к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора : учеб. пособие / Г. И. Фильченков. – М., 1995.

Bibliographical list

1. Bakaev, A. A. The System of Juvenile Delinquency Prevention / A. A. Bakaev. – M., 2004.
2. Nechaeva, A. M. Orphans in Russia (Post-october Period) / A. M. Nechaeva // Gosudarstvo i Pravo. – 1993. – № 1.
3. Rutskin, V. M. On the days of Ordeals and Alerts / V. M. Rutskin. – Perm, 2005.
4. Smirnova, N. V. The Departments of the People's Commissariat for Internal Affairs Dealing with Fighting against Children's Homelessness and Neglect / N. V. Smirnova // Rossiyskiy Sledovatel. – 2008. – № 21.
5. Filchenkov, G. I. Providing the Control over the Behavior of Minors, Put on Probation and Deprived of Liberty with a Stay of Execution / G. I. Filchenkov. – M., 1995.

Д. А. Ерин,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
БЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

D. A. Erin,
Associate professor of the Department of State
and Law Studies of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ШТАТНОЙ СТРУКТУРЫ ВЕДОМСТВЕННОЙ МИЛИЦИИ РСФСР
В ПЕРИОД ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ (1924–1925 гг.)**

**Peculiarities of the Organizational and Staff Structure of the Departmental Militia of the RSFSR
during the Period of its Formation (1924–1925)**

Аннотация. Статья посвящена проблемам становления и организации ведомственной милиции в РСФСР в 1924–1925 гг. В ней раскрываются особенности правового регулирования деятельности данного вида милиции в Советском государстве.

Ключевые слова: история отечественного государства и права, милиция РСФСР, ведомственная милиция.

Annotation. The article is devoted to the problems of formation and organization of departmental militia in the RSFSR in 1924–1925. It discloses the peculiarities of legal control over the activities of this type of militia in the Soviet State.

Key words: history of the Russian State and Law, the RSFSR militia, departmental militia.

Особое место в процессе становления ведомственной милиции в РСФСР занимала организационная структура как центральных, так и территориальных ее подразделений и аппаратов, так как создание управленческой системы позволяло наиболее эффективно решать все поставленные перед данным видом милиции задачи.

Первоначально ни постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 6 февраля 1924 г. «О ведомственной милиции», ни последующие ведомственные нормативные правовые акты не определяли четкой организации управления ведомственной милицией на уровне Центрального административного управления (ЦАУ) НКВД РСФСР. Только в Положении о ведомственной милиции 1925 г. (далее: Положение) впервые устанавливалась система центральных органов управления всей ведомственной милицией РСФСР. В нем указывалось, что общее руководство и направление деятельности ведомственной милиции принадлежит начальнику милиции Республики. В принятом тексте Положения (Сборник приказов начальника ЦАУ НКВД – начальника милиции Республики. 1925. № 4) для непосредственного руководства и «наблюдения за организацией и службой ведомственной милиции» в составе отдела милиции ЦАУ НКВД РСФСР учреждался подотдел ведомственной милиции, начальник которого и возглавлял непосредственно ведомственную милицию. Вместе с тем практика организации управления и общее реформирование системы советской милиции привели к изменениям, в результате которых приказом ЦАУ НКВД РСФСР от 19 сентября 1925 г. № 151 непосредственное руководство подотделом ведомственной милиции возлагалось не на начальника ведомственной милиции РСФСР, а на заведующего этим подотделом. Должность начальника ведомственной милиции РСФСР соединялась с должностью начальника отдела милиции ЦАУ НКВД РСФСР, который стал

непосредственно осуществлять руководство ведомственной милицией.

Анализ правового положения подотдела ведомственной милиции показывает, что он наделялся широкой компетенцией, которая определялась статусом высшего органа государственного управления в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. Все вопросы, входившие в ведение подотдела ведомственной милиции ЦАУ НКВД РСФСР, сводились к осуществлению следующих видов деятельности: организационно-управленческая, правотворческая, контрольно-надзорная.

В отличие от организации центрального органа управления ведомственной милиции РСФСР становление аппаратов управления на уровне «губерния–область» происходило опытным путем с учетом особенностей не только административно-территориального деления страны, но и экономической географии, а также расположения предприятий и учреждений.

Так, циркуляр от 23 мая 1924 г. № 217 «О принципах организации ведомственной милиции» устанавливал, что общее управление и руководство ведомственной милицией в пределах губерний (областей) и автономных республик «возлагается на соответствующих начальников милиций» (О принципах организации ведомственной милиции : циркуляр от 23 мая 1924 г. № 217 // Бюл. НКВД. 1924. № 19). Однако практика выявила один существенный недостаток, который не был учтен при разработке и принятии данного циркуляра, – организация трестов и синдикатов в промышленности Советского государства привела к укрупнению производственных подразделений и соответственно созданию промышленных объединений, выходящих за рамки одной губернии или области. Эта особенность была учтена. Так, в Положении устанавливалось, что в тех случаях, когда территория

соответствующего предприятия выходит за пределы одной губернии (области), общее управление и руководство деятельностью ведомственной милиции по распоряжению НКВД РСФСР возлагается на начальника милиции губернии (области), на территории которой находится административный орган, руководящий деятельностью данного предприятия.

Для непосредственного руководства ведомственной милицией в пределах губернии (области), исходя из специфики правового статуса данного вида милиции и ее отличия от общегосударственной, а также опыта организации ведомственной милиции в течение 1924 г., в составе административных отделов губернских исполнительных комитетов (ГИКов) были образованы на правах подотделов отделения ведомственной милиции. Следует отметить, что необходимым условием создания данных отделений являлся не сам факт обязательного наличия ведомственной милиции в губернии (области), а количество предприятий, обслуживаемых данным видом милиции (не менее 15), либо общее количество ведомственных милиционеров (более 150). Установление такого ограничения для образования аппаратов управления диктовалось прежде всего отличием ведомственной милиции от общегосударственной, в которой не предусматривалось прямой зависимости создания соответствующего аппарата от количества милиционеров. В большинстве случаев в губерниях и областях в первую очередь образовывалась ведомственная милиция для охраны конкретных предприятий, и только потом местными ГИКа и облисполкомами учреждались аппараты управления. Так, в Нижегородской губернии к формированию ведомственной милиции приступили 30 апреля 1924 г., а губернское отделение ведомственной милиции было образовано только приказом начальника административного отдела Нижегородского ГИКа от 26 октября 1924 г. № 69, когда количество предприятий, охраняемых данным видом милиции, достигло 10, а число милиционеров составляло 205 человек (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43(а). Д. 376. Л. 85 ; Д. 377. Л. 2).

Губернское (областное) отделение ведомственной милиции возглавлялось начальником, который находился в непосредственном подчинении начальника милиции губернии (области) и пользовался правами его помощника. Фактически статус начальника ведомственной милиции губернии приравнивался к статусу начальника общей (государственной) милиции и уголовного розыска, что косвенно предполагало, несмотря на то, что ведомственная милиция и существовала как дополнительный штат общегосударственной милиции, определенную самостоятельность.

Как правило, функции отделения ведомственной милиции при административном отделе

ГИКа и облисполкома дублировали полномочия и основные направления деятельности центральных органов управления только на местном уровне (ГАРФ. Д. 715. Л. 25, 25 об).

Практика создания системы управления ведомственной милицией привела к тому, что в отдельных случаях НКВД РСФСР допускал отступления от норм Положения, в частности, одним из циркуляров разрешалось подчинение в порядке внутреннего управления начальника отделения ведомственной милиции начальнику подотдела милиции губернии.

Для оптимизации системы управления ведомственной милицией на уровне предприятия (группа предприятий)–уезд допускалась организация отделения ведомственной милиции непосредственно на охраняемом объекте, но только в том случае, если количество милиционеров составляло 50 и более человек. Однако такая практика получала распространение в наиболее промышленно развитых областях и губерниях, в которых число предприятий и учреждений было весьма значительным. В городах с менее развитой промышленностью допускались определенные отклонения. Так, согласно отчету о деятельности ведомственной милиции Архангельской губернии в феврале 1925 г. расположенные в городе ведомственные милиционеры подчинялись начальникам отделений общей милиции, а на отдельных предприятиях – начальнику заводской милиции, подчиненному непосредственно начальнику ведомственной милиции губернского административного отдела (Адм. вестн. 1925. № 4. С. 64).

Практика подчинения ведомственной милиции, обслуживающей предприятия и учреждения, начальникам городских отделений общей милиции выявила ряд существенных недостатков в организации эффективного управления и соответственно качественного несения караульной и сторожевой службы милиционерами ведомственной милиции. В первую очередь необходимость оптимизации организационной структуры затронула крупные промышленные центры и губернские города, в которых, как правило, сосредоточивалось значительное количество предприятий различного характера и масштаба. Кроме того, довольно значительный объем хозяйственных объектов (складов, магазинов и т. д.), а также советских и иных учреждений, расположенных на обширной территории и обслуживаемых небольшим числом ведомственных милиционеров (2–8 человек), не предполагал образования отделений, а старшие милиционеры и надзиратели не могли обеспечить эффективного управления и в первую очередь контроля за осуществлением качественного несения службы ведомственными милиционерами.

Так, в конце 1924 – начале 1925 г. в г. Москве во 2-м и 26-м городских отделениях количество ведомственных милиционеров значительно пре-

вышло состав общей милиции, что привело к тому, что «комсостав городской милиции, чрезвычайно загруженный общемилицейской работой, не может полностью справиться с наблюдением и работой промохранины (ведомственной милиции)» (Там же. № 5. С. 50). В связи с этим руководство административного отдела Московского ГИКа приняло решение, противоречащее основным нормативным правовым актам, регулирующим порядок организации ведомственной милиции, организовав в указанных отделениях специальные карательные команды и учредив соответственно при каждом отделении должности начальника команды и его помощника. Аналогичная практика сложилась и в Ленинградском административном отделе. Там при отделении ведомственной милиции административного отдела ГИКа в конце 1924 – начале 1925 г. были учреждены особые должности наблюдающих за командами, причем наличие этих должностей подтверждалось приказами начальника административного отдела 1926 г. № 23, 40, 64 (ГАРФ. Д. 706. Л. 9, 39 об, 80 об).

Таким образом, необходимость создания особого аппарата в рамках ведомственной милиции, основной задачей которого являлась непосредственная организация работы ведомственных милиционеров, выявлялась опытным путем. Итогом практической деятельности ведомственной милиции по созданию эффективной и жизнеспособной организационно-управленческой структуры стало Положение и последующие ведомственные нормативные правовые акты (например, приказ ЦАУ НКВД РСФСР № 151), которые устанавливали возможность организации отделения ведомственной милиции при условии его подчинения начальнику уездной милиции и в случае, если общее количество ведомственных милиционеров в уезде составляло более 50 человек.

Таким образом, формирование отделений ведомственной милиции не являлось обязательным, и в случае отсутствия таковых на уровне предприятие–уезд непосредственное руководство и управление деятельностью ведомственной милиции уезда осуществлялось либо начальником отделения соответствующей общегосударственной милиции, либо соответствующими начальниками уездной или волостной (районной) милиции. Как правило, в большинстве губернских городов ведомственная милиция не создавалась в качестве отделений на предприятиях и учреждениях, а прикреплялась к городским отделениям общегосударственной милиции и соответственно подчинялась ее начальникам. Данный вывод можно сделать на основе анализа актов обследования губернских милиций за июнь–июль 1925 г. в Астраханской, Самарской, Саратовской, Сталинградской губерниях (Там же. Д. 402. Л. 1, 3, 5, 19).

Отличительной чертой ведомственной милиции по сравнению с уездно-городской (общего-

сударственной) и уголовным розыском являлось то, что во всех нормативных правовых актах, регулирующих ее деятельность, отмечалось, что управленческие структуры ведомственной милиции «*могут быть формируемы*», т. е. законодатель, исходя из специфики деятельности ведомственной милиции и в первую очередь из особенностей финансирования, оставлял право формирования отделений на усмотрение руководителей административных отделов ГИКов.

В отличие от штатов общегосударственной и уголовно-розыскной милиции штаты отделений ведомственной милиции при административных отделах ГИКов и отделениях при предприятиях и учреждениях устанавливались только в примерном виде (прил. к ст. 25, 26 Положения). Учитывая специфику ведомственной милиции и зависимость ее формирования от финансовых возможностей администрации предприятий и учреждений, Положение предусматривало возможность увеличения числа сотрудников отделений. Однако такое увеличение допускалось только в том случае, если «...отпускаемые учреждениями и предприятиями средства на содержание руководящих аппаратов... допускают такое увеличение штата...», и это связано с особыми условиями организации и деятельности ведомственной милиции на конкретном предприятии (учреждении).

Непосредственная охрана предприятий и учреждений осуществлялась милиционерами ведомственной милиции. Вместе с тем практика существования данного вида милиции в течение 1924 г. выявила некоторые недостатки в организации управления на самом нижнем участке всей системы ведомственной милиции. В циркуляре № 217 устанавливалось, что при формировании милиции «...на отдельных предприятиях численностью от 5 до 10 милиционеров учреждается должность одного старшего милиционера, при наличии от 25 до 30 милиционеров – одного надзирателя, и, кроме того, на каждые 10 милиционеров – по одному старшему милиционеру». Однако на практике в губерниях и областях местные административные отделы самостоятельно интерпретировали это положение. Например, если в Архангельской губернии в феврале 1925 г. штаты ведомственной милиции включали в себя младших милиционеров и надзирателей, то в Рязанской губернии в период становления ведомственной милиции должности старших милиционеров и участковых надзирателей не учреждались, что объяснялось экономией средств и противоречило циркуляру № 217 (Адм. вестн. 1925. № 4. С. 64 ; ГАРФ. Оп. 51. Д. 36. Л. 4). Штаты отделения ведомственной милиции Нижегородской ярмарки устанавливали должности как старших, так и младших надзирателей.

По итогам почти годового существования ведомственной милиции наличие должностей надзи-

рателей было признано нецелесообразным, и в Положении эта должность не предусматривалась. В результате была выработана оптимальная схема, предусматривающая учреждение одной должности старшего милиционера на 5–10 милиционеров.

Необходимо обратить внимание на то, что штаты ведомственной милиции не являлись фиксированными и устанавливались применительно к каждому конкретному случаю, тогда как штатное расписание общегосударственной милиции и уголовного розыска четко определялось ведомственными нормативными правовыми актами. Так, штаты милиции укрупненной волости, утвержденные приказом начальника ЦАУ НКВД РСФСР от 22 декабря 1924 г. № 243, устанавливали, что количество младших милиционеров определяется в зависимости от численности населения волости из расчета один младший милиционер на 5 тыс. жителей или по усмотрению ГИКа – на каждые 3 тыс. Эта особенность, по нашему мнению, была напрямую связана с различными путями финансирования ведомственной и общегосударственной милиции и уголовного розыска.

Кроме того, возложение на ведомственную милицию обязанности по производству дознания по уголовным преступлениям не нашло отражения в ведомственных нормативных правовых актах в форме упоминания об учреждении специальных должностей по выполнению функций предварительного следствия. Однако штаты уголовного розыска явно не отражали уровень криминализации населения и количественное соотношение сотрудников уголовно-розыскных подразделений, которых особенно было недостаточно в сельской местности. Так, по штатам милиции укрупненной волости согласно указанному приказу № 243 один агент уголовного розыска 2-го разряда предусматривался только в тех волостях, где население превышало 25 тыс. человек.

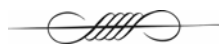
В связи с этим ЦАУ НКВД РСФСР, принимая во внимание также и количество преступлений, совершаемых на предприятиях, в учреждениях и на территории фабрично-заводских поселений, в своих разъяснениях указывало, что «...так как Положение не устанавливает какого-либо минимального количества личного состава, при котором возможно формирование ведомственной ми-

лиции, то поэтому не исключается возможность учреждения должности старшего милиционера с возложением на него обязанности производства дознаний» (Положение и инструкция об организации ведомственной милиции. М., 1925. С. 17).

Кроме того, необходимо отметить, что право определения количества ведомственных милиционеров, предоставленное местному руководству, приводило к известным перегибам и несоответствию числа штатов ведомственной милиции ее действительным потребностям. Например, это выражалось в необоснованном увеличении административно-хозяйственного аппарата данного вида милиции, а также в содержании за счет ставок должностей младших милиционеров кучеров, конюхов и т. д. в отдельных губерниях. Штат личного состава ведомственной милиции устанавливался не в целых единицах, а в дробных с целью «образования резерва на случай болезни и пр.», причем на предприятия возлагалась обязанность содержать 2 ¼, 3 ½ милиционеров (Адм. вест. 1926. № 2. С. 36). Так, при заключении договора от 27 сентября 1924 г. на формирование ведомственной милиции для охраны Гомельского центрального рабочего кооператива устанавливался штат, состоящий из 11 ½ человек (одного старшего и 10 ½ младших милиционеров) (ГАРФ. Оп. 43(а). Д. 354. Л. 11).

Существование необоснованных штатов во многом являлось одной из причин нежелания администраций предприятий и учреждений передавать под охрану ведомственной милиции свои объекты.

Однако, несмотря на отдельные перегибы и недочеты, необходимо отметить, что организационно-штатная структура ведомственной милиции отличалась от штатного расписания общегосударственной милиции и уголовного розыска и была наиболее приспособлена к условиям и особенностям выполняемых задач. Штаты ведомственной милиции напрямую зависели не от установленных для общегосударственной милиции требований, а от необходимости и материальных возможностей администрации предприятий и учреждений, а также инициативы местного руководства административных отделов ГИКов и облисполкомов.

Библиографический список

1. Бюллетень НКВД. – 1924. – № 19.
2. История советской милиции : в 2 т. – М., 1977.
3. Мулукаев, Р. С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917–1920) / Р. С. Мулукаев. – М., 1975.
4. Органы внутренних дел России. 1802–2002 : в 2 т. – М., 2002.
5. Органы и войска МВД России : крат. истор. очерк. – М., 1996.

Bibliographical list

1. Bulletin of the People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD). – 1924. – № 19.
2. The History of Soviet Militia : in 2 vol. – М., 1977.
3. Mulukaev, R. S. Organizational and Legal Fundamentals of Soviet Militia Establishment (1917–1920) / R. S. Mulukaev. – М., 1975.
4. Internal Affairs Agencies (OVD) in Russia. 1802–2002 : in 2 vol. – М., 2002.
5. Agencies and Forces of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. – М., 1996.

Р. И. Иваняков,
ученый секретарь ученого совета
Псковского юридического института ФСИН России
кандидат исторических наук

R. I. Ivanyakov,
scientific secretary of the Academic Council
of the Pskov Law Institute of the FPS of Russia
Candidate of Historical Sciences

**ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ И ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

**Financial Support of Correctional Institutions for Juvenile Criminals and Delinquents
in Pre-revolutionary Russia**

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов финансово-хозяйственной деятельности воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних преступников и правонарушителей в XIX – начале XX в. В работе рассматриваются основные источники финансирования воспитательно-исправительных учреждений, роль и место государственной власти в их организации и содержании, финансовые проблемы, возникавшие перед указанными учреждениями в их деятельности.

Ключевые слова: пенитенциарная политика государства, воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних, финансовое обеспечение.

Annotation. This article is devoted to the analysis of financial and economic activities of correctional institutions for juvenile criminals and delinquents in the 19th century and at the beginning of the 20th century. This article touches upon the basic sources of financing these correctional institutions. It also throws light on the role and place of state power while organizing and supporting correctional institutions. The financial problems that these correctional institutions faced while performing their activities are also covered.

Key words: penitentiary policy of the State, correctional institutions for juveniles, financial supply.

Проблема перевоспитания преступников и правонарушителей, не достигших совершеннолетия, стояла перед обществом на протяжении всей истории человечества, но долгое время этот вопрос решался весьма поверхностно. Как правило, несовершеннолетние преступники в существовавших нормативных правовых актах не выделялись в отдельную категорию и налагавшееся им наказание практически не отличалось от наказания взрослых преступников. Это в полной мере относится и к истории Российского государства.

Согласно Соборному уложению 1649 г. несовершеннолетние не обладали никакими особыми правами при рассмотрении уголовных дел, совершенных ими. Только по прошествии двадцати лет, в 1669 г., в дополнениях к Соборному уложению появилась первая норма, предусматривающая отличие уголовной ответственности несовершеннолетних от взрослых преступников. Тем не менее ранние законодательные акты предусматривали либо применение карательных санкций к несовершеннолетним, преступившим закон, либо освобождение от них в силу возраста и «отсутствия разума» (Соборное уложение 1649 года // Рос. законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1985. С. 116). Перевоспитание до XIX в. практически не рассматривалось, лишь некоторыми законодательными актами, особенно XVIII в., предусматривалась отдача детей, преступивших закон, родителям или отправка в монастыри на воспитание (К вопросу об исправительных для малолетних преступников колониях. Курск, 1891. С. 31). Следует отметить, что вопросы, касающиеся несовершеннолетних преступников и правонарушителей, долгое время находились в области церковной юрисдикции.

Воспитательная составляющая в отношении несовершеннолетних начала доминировать над карательной с середины XIX в. Именно в это время появились воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних. В 1864 г. был создан Московский городской исправительный приют (более известный как Московский Рукавишниковский). В дальнейшем численность приютов постоянно возрастала, достигнув, по подсчетам М. И. Красовского, к 1895 г. 23 заведений (Красовский М. И. Вопросы устройства русских исправительных заведений для несовершеннолетних, с приложением узаконений и распоряжений правительства, относящихся к малолетним и несовершеннолетним преступникам. Саратов, 1900. С. 7), а по данным А. Г. Батя, к 1897 г. – 27 заведений (Батя А. Г. К вопросу о мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних. Казань, 1900. С. 10–11).

С появлением первых воспитательно-исправительных приютов возникла проблема, имевшая место на протяжении всей истории существования этих заведений, – их финансовое обеспечение. Примечательно, что все воспитательно-исправительные учреждения для несовершеннолетних, существовавшие в дореволюционной России, были негосударственными, государство лишь принимало участие в организации их работы, в том числе в области финансирования. В соответствии с самым первым нормативным документом, регламентировавшим создание исправительных заведений для несовершеннолетних преступников, а именно Законом от 5 декабря 1866 г. «О исправительных приютах и колониях для несовершеннолетних» (далее: Закон), утвердившим Временные правила исправительных приютов для несовершеннолетних, предусматривались следующие формы финансовой поддержки воспитательно-исправительных учреждений:

1) недвижимое имущество, принадлежащее приюту или приобретаемое для него, освобождалось от всяких сборов в пользу казны;

2) каждому приюту ежегодно разрешалось разыгрывать без взноса установленных процентов лотерею с тем, чтобы сумма продаваемых билетов не превышала 3000 руб.;

3) в случае необходимости Министерство государственных имуществ предоставляло в пользование этим заведениям участок казенной земли;

4) на каждого содержащегося в приюте несовершеннолетнего местным попечительным о тюрьмах комитетом выдавалась сумма, которая полагалась на пищу и одежду арестанта (К вопросу об исправительных для малолетних преступников колониях. С. 41).

Кроме того, родители отданных в приюты детей могли присуждаться с учетом их финансовых возможностей к оплате за содержание и воспитание детей. В соответствии с Законом денежный взнос в пользу приюта при этом не должен был превышать (для родителей с недостаточными средствами) трех рублей в месяц (О приютах для несовершеннолетних преступников в связи с кратким историческим очерком мест заключения вообще. Саратов, 1873. С. 50).

Следует отметить, что положения Закона достаточно поверхностно регламентировали финансовую составляющую деятельности воспитательно-исправительных заведений, что, возможно, привело к неразберихе и злоупотреблениям. В связи с этим положения Закона были дополнительно разъяснены циркуляром от 28 октября 1890 г. № 21, в котором предусматривалось следующее:

– деньги на продовольствие воспитанников земледельческих колоний и приютов должны отпущаться ежемесячно (в виде аванса) в размере ежемесячной потребности местными тюремными комитетами, а при их отсутствии – губернаторами;

– установленная плата за питание должна выдаваться на всех содержащихся в заведении воспитанников вне зависимости от того, были ли они в течение этого времени здоровы или больны, лечились ли они в самом заведении, в городской или земской больнице;

– деньги на одежду воспитанников должны выдаваться тюремными комитетами в размерах в соответствии с табелью одежды арестантов губернских и уездных тюремных замков, утвержденной 24 апреля 1887 г. Деньги должны перечисляться комитетом в распоряжение колонии или приюта немедленно по открытии соответствующего кредита по тюремной смете того года (Красовский М. И. Указ. соч. С. 214).

Различные циркуляры и разъяснения особо оговаривали недопустимость выдачи вместо денег товаров, так как в Законе предусматривалась выдача именно денежных средств (Там же. С. 215).

Однако, несмотря на принятые меры, материальное положение воспитательно-исправительных

заведений оставалось очень сложным. В связи с этим один из дореволюционных общественных деятелей и исследователей вопросов, связанных с перевоспитанием несовершеннолетних преступников и правонарушителей, А. Г. Бать отмечал: «На 1 января 1898 года количество исправительных приютов... равнялось 27 с населением 1414 человек... и все эти 27 приютов созданы частной инициативой, развернуться которой в более широких размерах мешает главным образом недостаток материальных средств. Членские взносы, незначительные пайки, даваемые тюремными комитетами и 10 % отчисления штрафных сумм слишком недостаточны для прочной постановки дела. С этими финансовыми затруднениями приходится на первых порах сталкиваться каждому Обществу, задавшемуся целью организации исправительных заведений» (Бать А. Г. Указ. соч. С. 10–11). Ученый полагал, что именно по этой причине многие общества, задумавшие открыть исправительные заведения, были вынуждены долгое время откладывать это. Один из наиболее ярких примеров, на который указывает исследователь, – это деятельность Казанского общества земледельческих колоний и приютов, которое было учреждено в 1873 г., но приступило к устройству приюта лишь в 1890 г.

Для того чтобы проследить изменения в структуре финансовых поступлений воспитательно-исправительных приютов, обратимся к следующим цифрам. Так, за период с 1886 по 1897 г. включительно всеми обществами было получено на содержание приютов 4 031 753 руб. 68 коп. (в среднем за год по 335 979 руб. 47 коп.), из них 32,9 % – различные пожертвования от частных благотворителей, 18,7 % – доход от хозяйственных производств самих заведений, 4 % – случайные поступления и 44,4 % – пособия от казны, правительственных и общественных учреждений (Бать А. Г. Указ. соч. С. 12).

По состоянию на 1905 г. общая сумма финансовых средств 47 существовавших в указанный период воспитательно-исправительных заведений составила 561 159 руб. 4 $\frac{1}{2}$ коп., из них 33, 5 %, или 187 949 руб. 56 коп., – перечисления от обществ, учредивших заведение, и от частных лиц (членские взносы – 16 815 руб. 26 коп.; пожертвования частных лиц вещами и деньгами, а также кружечный сбор – 31 738 руб. 13 коп.; чистый доход от концертов, публичных лекций и других подобных источников – 12 096 руб. 31 коп.; процент капитала, продажа бумаг, тиражные операции – 46 755 руб. 8 коп.; выдача от учреждений (городских дум, земств, тюремных комитетов и пр.), принявших на себя содержание заведений, – 80 544 руб. 78 коп.), 36,6 %, или 205 572 руб. 89 коп., – от казны, правительственных и общественных учреждений (особые пособия от казны – 26 837 руб.; пособия и пожертвования общественных и правительственных учреждений – 58 764 руб. 51 коп.; десятипроцентные отчис-

ления из штрафных сумм – 54 276 руб. 43 коп.; от казны за продовольствие и одежду – 65 694 руб. 95 коп.), 21,7 %, или 121 768 руб. 2 ½ коп., – от заведений (от мастерских – 73 127 руб. 79 коп.; от полеводства, садоводства, лесоводства, скотоводства и огородничества – 32 082 руб. 17 ½ коп.; от аренды земель, угодий, строений и пр. – 16 558 руб. 6 коп.), 8,2 %, или 45 868 руб. 57 коп., – прочие поступления (Россия. Главное тюремное управление. Несовершеннолетние в возрасте от 10 до 17 лет. Размещение несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет в тюрьмах и арестных помещениях. Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних, приюты для арестованных детей и общества патрона. Спб., 1907. С. 8–11).

Следует отметить, что финансирование от казны, правительственных и общественных учреждений в относительном выражении даже сократилось: с 44,4 % в 80–90-е гг. XIX в. до 36,6 % в 1905 г. – благодаря увеличению дохода за счет прочих поступлений и самих заведений. С учетом общего роста финансовых поступлений в реальном выражении сумма скорее всего не изменилась, но удельный вес сократился.

Одним из важных источников поступления денежных средств служили взносы почетных и действительных членов губернских обществ. Так, в соответствии с Уставом общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних Владимирской губернии почетные члены общества вносили единовременно не менее тысячи рублей, а действительные члены общества должны были внести ежегодно не менее пяти рублей или единовременно не менее ста рублей (Устав общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних Владимирской губернии. Владимир, 1916).

Тем не менее финансовые проблемы являлись неотъемлемой составляющей жизни воспитательно-исправительных заведений. Например, в источниках и описаниях современников отмечается крайне плохое финансирование Курской земледельческо-ремесленной исправительной колонии для несовершеннолетних и как следствие – постоянная нехватка средств. На каждом заседании Правления общества обсуждалась проблема неравномерности поступления доходов, которая оставалась актуальной, несмотря на то, что в каждом из уездов губернии работали уполномоченные общества по сбору взносов. Неоднократно Правлению общества приходилось прибегать к кредиту в Курском отделении государственного банка под обеспечение процентных бумаг, принадлежащих обществу. О том, что финансовое состояние не улучшалось, свидетельствует постоянное увеличение долгов по кредиту. Так, на 1 января 1909 г. долг составлял 10 908 руб. 33 коп., на 1 января 1910 г. – 11 472 руб. 22 коп. (Сапрыкин И. И., Коломенцев Д. В. Исправительные учреждения для несо-

вершеннолетних в России на рубеже XIX – начала XX века // Вестн. Воронеж. колледжа ФСИН России. 2005. Вып. 3. С. 287).

Возникавшие материальные затруднения решались следующим образом: «в качестве пожертвований принимались не только деньги, но и предметы, имевшие значение в жизни колонии... свечи, масло и ладан для церковных служб; книги и журналы для библиотеки; сельскохозяйственный инвентарь для работы» (Там же. С. 287–288). Для более активного привлечения населения к благотворительности выпускались специальные открытки и листовки (Там же).

Следует отметить, что подобная ситуация была характерна для всей пенитенциарной системы России того периода. По данным М. Г. Деткова, правительство постоянно проводило политику экономии денежных средств, выделяемых на исправительные заведения. Это касалось как статей расходов, связанных с ремонтом, строительством и расширением пенитенциарных учреждений, так и с продовольственным и вещевым обеспечением (Детков М. Г. Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве: исторический аспект и современность (к 200-летию МВД России) : монография. М., 1998). Что касается продовольствия, то по состоянию на 1888 г. из общей проектной суммы в 3 621 790 руб. было исключено 421 790 руб. (около 11 %). Сумма, запрашивавшаяся на одежду, в 1888 г. была уменьшена на 12 % (местным тюремным властям предлагалось использовать запасы старой одежды с переключением ее по новым образцам, считалось излишним изготовление сапог с длинными голенищами, рекомендовалось обеспечить арестантов, не выводимых на работу, лаптями или другой дешевой обувью местного производства) (Там же. С. 29–30).

В начале XX в. в связи с существенным увеличением числа воспитательно-исправительных заведений, предназначенных для содержания несовершеннолетних преступников и правонарушителей, в 1909 г. было принято Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних (далее: Положение), которое, по мнению современников, являлось «практическим воплощением научной теории» (Тебиев Б. К., Коркищенко О. А. Государство, общество и «трудные дети» в досоветской России: государственно-правовая мысль, социальная политика и общественно-благотворительная деятельность по предупреждению преступности и безнадзорности несовершеннолетних в России XVIII–XX века : монография. М., 2005. С. 88). Так, в разделе, касающемся финансирования воспитательно-исправительных заведений, предусматривалось выделение:

– на каждого несовершеннолетнего, за исключением отдаваемых для исправления родителями, двойной суммы против ежегодной стоимости

продовольствия, одежды, белья, обуви, постельных принадлежностей по установленной табели на каждого арестанта в местных тюрьмах;

– на каждого больного воспитанника по три копейки в сутки на медикаменты;

– на расходы по погребению умерших воспитанников – плата, равная той, которая выделялась на погребение арестантов, умерших в гражданских больницах;

– разъездных денег: по грунтовым дорогам – в размере прогонов на одну лошадь, а по направлениям паровозных и железных дорог – в размере оплаты в местах низшего класса как для сопровождающего, так и для сопровождаемого с выдачей кормовых денег сопровождающему по тридцати копеек в сутки, а сопровождаемому – в размере, установленном для прокормления арестантов во время пересылки.

Кроме того, воспитательно-исправительным заведениям из числа штрафных сумм, перечислявшихся земским учреждениям или иным учреждениям, ежегодно направлялось от 10 до 20 % на устройство и содержание воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних. Местные органы власти также могли предоставлять единовременные пособия в размере до 20 тыс. руб. из свободной наличности штрафных сумм на устройство и ремонт зданий воспитательно-исправительных заведений (Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних. Издание 1909 года // Уголовно-исполнительное законодательство России XIX – начала XX века : сб. норматив. актов. Рязань, 1998. С. 125–126).

Воспитательно-исправительным заведениям предоставлялись льготы, освобождавшие их от некоторых налогов и сборов, а также право бесплатной пересылки писем и посылок и получения зе-

мель из числа имеющихся в данной местности свободных казенных земель (Там же. С. 125).

Однако, несмотря на предпринимаемые меры, участие государства в финансировании и содержании таких учреждений в начале XX в. оставалось незначительным, так как даже в Положении, являвшемся наиболее проработанным в правовом отношении, в качестве важнейших составляющих финансирования воспитательно-исправительных заведений предусматривались негосударственные источники. Так, в Положении было закреплено право воспитательно-исправительных заведений:

– принимать пожертвования и отказы по духовным завещаниям, а также единовременные и ежегодные пособия от земств, городов, сословных, волостных, приходских и сельских обществ и иных учреждений и частных лиц;

– производить с разрешения епархиального руководства в определенные дни сборы в церквях;

– осуществлять сборы пожертвований в губернии, в которой находится заведение, а если часть воспитанников заведения родом из смежных с ней губерний, то и в тех губерниях, при условии, что в них отсутствуют воспитательно-исправительные заведения;

– устраивать с надлежащего разрешения платные публичные чтения, концерты, выставки и т. д. (Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних. Издание 1909 года. С. 125–126)

В заключение следует отметить, что Положение практически не оказало серьезного воздействия на развитие воспитательно-исправительных заведений дореволюционной России. Разразившаяся Первая мировая война и последовавшие за ней революции не позволили увидеть результатов ее применения на практике.

Библиографический список

1. *Детков, М. Г.* Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве: исторический аспект и современность (к 200-летию МВД России) : монография / М. Г. Детков. – М., 1998.

2. *Сапрыкин, И. И.* Исправительные учреждения для несовершеннолетних в России на рубеже XIX – начала XX века / И. И. Сапрыкин, Д. В. Коломенцев // Вестн. Воронеж. колледжа ФСИН России. – 2005. – Вып. 3.

3. *Тебиев, Б. К.* Государство, общество и «трудные дети» в досоветской России: государственно-правовая мысль, социальная политика и общественно-благотворительная деятельность по предупреждению преступности и безнадзорности несовершеннолетних в России XVIII–XX века : монография / Б. К. Тебиев, О. А. Коркищенко. – М., 2005.

Bibliographical list

1. *Detkov, M. G.* The Scientific, Organizational and Legal Ensuring of Execution of Criminal Punishments in the Russian Federation in the Form of Deprivation of Freedom: Historical Aspect and Current Situation (for the 200th Anniversary of the Ministry of the Internal Affairs of Russia) / M. G. Detkov. – M., 1998.

2. *Saprykin, I. I.* Correctional Institutions for Juvenile Delinquents in Russia in the late 19th and early 20th centuries / I. I. Saprykin, D. V. Kolomentsev // Vestnik of the Voronezh College of the FPS of Russia. – 2005. – Vol. 3.

3. *Tebiev, B. K.* The State, Society and Neglected Children in Pre-Soviet Russia: Legal State Idea, Social Policy and Charitable Activities of the Society for Prevention of Crimes and Juvenile Neglect in Russia of the XVIIIth–XXth Centuries / B. K. Tebiev, O. A. Korkishchenko. – M., 2005.

Д. В. Коломенцев,
начальник учебного отдела
Воронежского института ФСИН России
кандидат исторических наук

D. V. Kolomentsev,
Head of the studies department
of Voronezh Institute of the FPS of Russia
Candidate of Historical Sciences

**ПОПЫТКИ ТЮРЕМНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1845 г.
(ПРОЕКТ НИКОЛАЯ I О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОДИНОЧНЫХ ТЮРЕМ)**

**Attempts to Transform Prisons in the Russian Empire in 1845
(Project on Single Prisons Construction by Nicholas I)**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реформирования тюрем Николаем I в 1845 г. Автор доказывает, что все начинания строительства новых тюрем оставались на уровне проектов.

Ключевые слова: одиночная тюрьма, тюремная реформа, комитет.

Annotation. The article deals with the problem of reforming prisons by Nicholas I in 1845. The author proves that all the undertakings of building prisons of new types remained at the stage of a project.

Key words: single prison, prison reform, committee.

После введения в 1845 г. нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных правительством вынуждено было поставить вопрос о необходимости проведения тюремных преобразований в России, поскольку этого требовала расширенная роль тюремного заключения согласно указанному Уложению. Выдающийся исследователь истории царской тюрьмы М. Н. Гернет в своих трудах возводил значение данных преобразований в статус первой тюремной реформы России (Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 2. С. 55). Однако узкая направленность, отсутствие надлежащих финансовых средств в казне, недооценка реального состояния существовавших тюрем позволяет усомниться в этом. Как показывает история, все ограничилось составлением проекта нового закона о тюрьмах. Тем не менее этот проект заслуживает особого внимания, так как задуманные планы тюремного строительства были совершенно необычными для русской тюрьмы, а ее переустройство, к сожалению, не реализовано в силу объективных причин.

В одном из архивных дел РГИА содержится немало интересных сведений как по истории составления проекта, так и относительно его содержания (РГИА. Ф. департамента полиции исполнительной. 1845 г. Оп. 1. Д. 1285).

Как следует из материалов дела, инициатором тюремных преобразований в России явился сам Николай I после личного осмотра им в Лондоне Пентонвильской одиночной тюрьмы. Вывезя с собой в Россию описание этой тюрьмы, царь передал его министру внутренних дел с пожеланием иметь такую же одиночную тюрьму у себя в столице и в других крупных городах империи. Изучив данное место заключения и проведя консультации с министром финансов, министр внутренних дел представил доклад, в котором изложил свое видение устройства в России одиночных тюрем по образцу Пентонвильской. Однако

он сообщил, что царская идея обойдется казне в 23 млн руб. серебром. Такова была стоимость лишь 75 одиночных тюрем на 520 человек каждая, или в среднем на 40 тыс. заключенных в год, из числа осужденных (Там же. Л. 134). Между тем, по сведениям министерства юстиции, только одних обвиняемых содержалось в то время в тюрьмах ежегодно 105 тыс. человек (ГАРФ. Ф. 120. Оп. 3. Д. 86. Л. 5). Расчеты министерства внутренних дел не касались мест заключения для огромного числа подследственных арестантов.

Несмотря на это, Николай I утвердил образование особого комитета под руководством товарища министра внутренних дел И. Г. Сеньявина, поручив ему выработку проекта устройства одиночных тюрем, «применяясь к правилам, какие существуют в Англии и других просвещенных государствах».

Относительно этих «правил» была представлена очень интересная записка членом комитета А. С. Кутузовым. Надо отдать должное: он ярко охарактеризовал жестокости репрессивной борьбы с преступностью в Англии и других «просвещенных государствах». В частности, он имел мужество высказаться и против одиночной системы заключения, понравившейся царю. Критикуя систему одиночных камер в Пенсильвании, А. С. Кутузов говорил, что эти тюрьмы «исправляют только тех, которые из каменной временной могилы готовы перешагнуть в могилу вечную, земляную». Об одиночном же заключении в Англии он писал, что оно, «составляя самую ужасную кару, какую только наш век мог избрести, не приносит ожидаемой пользы» (РГИА. Д. 1285. Л. 285 об.).

Вопрос об устройстве одиночной тюрьмы в Петербурге по образцу Пентонвильской был решен самим Николаем I. На представленном докладе министра внутренних дел он, не дожидаясь мнения учрежденного комитета, предписал устроить такую

одинокую тюрьму «или на месте, где теперь Знаменская церковь, которую включить в заведение, или на Измайловском парадном месте, или, наконец, у Лигова канала, между Нарвской и Московской дорогами» (Там же. Л. 286).

Комитету ничего иного не оставалось, как выработать проект правил для одиночной тюрьмы. Последняя представляла собой пять корпусов (отделений), сходящихся радиусами в один центр. Первое отделение согласно данному проекту отводилось для женщин, что уже предусматривало разделение заключенных по полу. Кроме того, арестанты разделялись и по социальному происхождению. Одиночные камеры нумеровались арабскими цифрами, если они предназначались для лиц из сословий, свободных от телесного наказания.

Для организации управления тюрьмой создавался особый орган в виде попечительного совета. Его членами становились верхи петербургской знати в лице военного генерал-губернатора, гражданского губернатора, предводителя дворянства, городского главы, настоятеля монастыря Александра-Невской лавры и попечителя тюрьмы. Однако проект правил для одиночной тюрьмы не определял обязанности ее смотрителя и других должностных лиц, предоставив это особым инструкциям.

Стоит отметить, что в процессе работы комитета по устройству одиночных тюрем было выработано еще два проекта. В соответствии с первым в тюрьму заключались на срок от одного месяца, но не бессрочно и не пожизненно. Согласно второму проекту в одиночной тюрьме арестанты отбывали наказание сроком от 6 месяцев до 6 лет. Они распределялись по четырем классам, или отделениям, отличавшимся друг от друга режимом заключения. Осужденные за преступления попадали в первое или второе отделение в зависимости от тяжести преступлений, а осужденные за проступки – в третье или четвертое. Только в последних двух отделениях работы производились в общих рабочих залах. Как и в заграничных одиночных тюрьмах, арестанты на прогулках должны были идти вереницей один за другим на расстоянии шести аршин друг от друга. Обстановка камер должна была состоять из стола, стула и подвесной свертывающейся матросской койки из парусины (РГИА. Д. 1285. Л. 298).

Что же касается мер дисциплинарного воздействия, то в соответствии со ст. 268 первого проекта они налагались за следующие нарушения: «за всякое ослушание и за неуважение к чинам тюремной администрации, за леность, за умышленную порчу

работы, за отказ идти в церковь на молитву и на ученье, за непристойное поведение в церкви, за клятвы, неприличные безнравственные слова, за ссору, драку, шум, свист, пение; за разговоры или сношение с другими арестантами; за желание перейти за пределы той части тюрьмы, отделения, палаты или двора, к которым принадлежат; за искажение стен келий рисованием или письмом на оных или же иным чем... за ссуду или заем у других арестантов пищи, книг или других вещей» (Там же. Л. 306). Эта же статья содержала и меры дисциплинарных наказаний: по решению смотрителя тюрьмы арестанты лишались права работы, чтения; они могли быть заключены в «тесные, темные кельи», переведены на хлеб и воду на срок до трех дней; за более важные проступки к ним применялись телесные наказания, наложение оков и продление срока заключения. Одновременно с этим проект предусматривал, что заковывание в кандалы и телесные наказания не применяются к тем, кто освобожден от них по закону. Вообще же проект выделял привилегированных и создавал для них даже особую форму записи в число арестантов.

Неудивительно, что комитет 1845 г. не спешил с обсуждением проекта устройства в России тюрем по одиночной системе, поскольку находился в довольно затруднительной ситуации. С одной стороны, известно было расположение царя к такой реформе, а с другой – для государственной казны были совершенно непосильны миллионные расходы на устройство 75 одиночных тюрем, из которых каждая должна была обойтись в 300 тыс. руб. Большинство членов комитета были настроены не в пользу системы одиночных тюрем. Однако Комитет нашел выход из создавшегося положения: его члены предложили приостановить свою деятельность впредь до того времени, когда они будут располагать более ценными, чем теперь, сведениями об одиночном заключении в других государствах. Комитет указал, что начатое в Германии устройство одиночных тюрем сможет послужить опытом для русского правительства и что в 1847 г. предстоит тюремный конгресс в г. Брюсселе, на котором будет обсуждаться вопрос об одиночном заключении; в связи с этим предлагалось послать на этот конгресс представителя от России.

Мнение комитета было утверждено, и деятельность его прекратилась, как и попытка тюремных преобразований. Таким образом, проектирование и строительство новых тюрем в России к концу 1845 г. по-прежнему оставалось «бумажным начинанием» и не способствовало улучшению состояния существующих тюрем.

Библиографический список

Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 2 / М. Н. Гернет. – М., 1961.

Bibliographical list

Gernet, M. N. The History of Imperial Prison. In 5 vol. Vol. 2 / M. N. Gernet. – M., 1961.

Н. В. Черкашина,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
факультета права и социальных технологий
Муромского института (филиала)
Владимирского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент

N. V. Cherkashina,
Associate Professor of
the Department of Civil Law Studies
of the Faculty of Law and Social Technologies
of Murom Institute (branch)
of Vladimir State University
Candidate of Law, Assistant professor

ГОСПИТАЛИ ДЛЯ «ЗАЗОРНЫХ» МЛАДЕНЦЕВ: УСЛОВИЯ, ПОРЯДОК ОБРАЗОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Hospitals for «Shameful» Babies: Conditions and Procedure for Education and Peculiarities of legal Regulation

Аннотация. В статье рассматривается деятельность госпиталей для «ззорных» младенцев, проведен анализ практической реализации института призрения незаконнорожденных детей с помощью госпиталей. С этой целью изучены условия, порядок образования и особенности правового регулирования госпиталей для «ззорных» младенцев начиная со времени правления Петра I и заканчивая периодом правления Елизаветы Петровны.

Ключевые слова: незаконнорожденные, нищенствующие, госпиталь, призрение, попечение, опекунский совет.

Annotation. The article is devoted to considering the activities of hospitals designed for «shameful» babies. The scientific novelty of the research consists in carrying out the analysis of practical realization of the institution for caring for illegitimate children with the help of hospitals. To achieve this goal, the author studies the conditions, the order of formation and features of the legal regulation of hospitals for «shameful» babies starting with the time of the reign of Peter I and finishing with the period of the reign of Elizaveta Petrovna.

Key words: illegitimate babies, beggars, hospital, care, charge, board of trustees.

В 1712 г. вопрос о судьбах внебрачных детей впервые получил освещение в российском законодательстве. В январе среди первоочередных задач Петр I собственноручно выделил создание по всем губерниям «шпиталетов для самых увечных... зело престарелых, также прием незазрительный и прокормление младенцев, которые не от законных жен рождены, дабы вящего греха не делали, сиречь убийства, по примеру новгородского архиерея» (О штрафах с офицеров за побег и о наказании беглецов и их укрывателей; ...об учреждении по губерниям госпиталей; о призрении незаконнорожденных... : указ именной, в пунктах от 16 янв. 1712 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Спб., 1830 (далее: ПСЗ). Т. 4, № 2467). Тридцать первого января 1712 г. положение об организации призрения незаконнорожденных младенцев было оформлено отдельным указом (Об учреждении во всех губерниях госпиталей : указ императорский от 31 янв. 1712 г. // ПСЗ. Т. 4, № 2477). Создание светских приютов было освящено авторитетом крупнейшего православного иерарха, новгородского митрополита Иова, который в 1706 г. первым в России создал в своей епархии заведение для подкидышей и содержал его за счет церковных доходов и подаваний. Однако царем была предложена западная форма организации младенческого призрения – госпиталь с казенным содержанием младенцев.

Кроме требования тайного приема детей и цели нововведения – сохранения жизни незаконнорожденным – указ, предназначенный для отправления в губернии, не содержал ничего кон-

кретного. Тем не менее на местах приступили к его выполнению. Так, в Смоленской губернии 1 декабря 1712 г. губернатор П. С. Салтыков определил в отсутствие «госпитали, которую велено построить для воспитания беззаконно рождающихся детей, отвести в солдатских слободах в пристойных местах по избе или по две» (Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 248: Сенат и его учреждения. Оп. 14. Д. 790. Л. 895). Особенный интерес представляет расположение места содержания младенцев: не у церкви, как центра призрения нуждавшихся, а в солдатских слободах. Это указывает на то, что одной из причин решения государством данной проблемы были последствия рекрутской системы формирования новой регулярной армии.

Далее данный указ предписывал, чтобы в ответственных избах жили старые женщины, вдовы: «...жить женам... искусным». Именно они должны были кормить детей и следить за ними. Предписывалось наряду с питанием младенцев, для чего необходимо было купить одну или две коровы, выделять содержание женщинам: «...провианту им, вдовам, давать муки по полтора четверика, круп по малому четверику на месяц», а также «покупать дрова из казны». Что касается тайного приема младенцев, то смоленский губернатор предписал следующее: «...При тех избах устроить у окон небольшие ящики и в них в середине для теплоты обить войлоки или овчинами, и чтоб были под окнами в покрытии». Однако вряд ли можно утверждать, что положения губернского распоряжения являлись целиком местной инициативой. Возможно, это выполнение каких-то допол-

нительных инструкций сверху, поскольку царский указ был издан почти год назад.

Неясным остается вопрос о фактической организации призрения младенцев. Имеются сведения, что в апреле 1713 г. «питательницы» просили выделить вместо материала, который шел на пеленки, повивки, рубахи для них и на рубахи младенческие, по одной корове. Просьбу удовлетворили, выдав 40 казенных рублей на покупку 10 коров. Однако потом было отмечено, что других расходов на провиант и фураж не последовало, так как «беззаконно рождающихся младенцев в приносе не было» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790). Возможно, решения смоленских властей о создании и функционировании детского приюта остались лишь на бумаге.

Четвертого ноября 1714 г. вышел новый именной указ царя «Об устройстве при церквах госпиталей для незаконнорожденных детей» (ПСЗ. Собр. 1. Спб., 1830. Т. 5, № 2856). Его положения были более конкретны. Указывалось место построения госпиталей в городах – «при церквах, где пристойно». В документе выделялась Москва: вместо деревянных госпиталей в древней столице требовалось построить мазанки. Определялась финансовая сторона: содержание младенцев составляло 3 деньги каждому в день, а женщинам, присматривающим за ними, – 3 руб. в год и полуосьмина хлеба в месяц. Источником денежных средств выступали «неокладные прибыльные» доходы. Женщины для присмотра за младенцами должны были быть «искусные».

Выделение в данном указе города напрямую связывает проблему незаконнорожденных с урбанизационными процессами, а требование строительства госпиталей при церквах свидетельствует, видимо, о том, что государственная власть, вводя новшество, стремилась максимально использовать многовековые традиции страны. Особое же внимание к первопрестольной объясняется тем, что это был крупнейший город страны с населением порядка 200 тыс. человек. Указание на строительство мазанок можно объяснить опустошительными пожарами предыдущих лет и тем, что на некоторое время было вообще запрещено каменное строительство, так как возводилась новая столица России – Санкт-Петербург.

Завершающим в серии документов о построении госпиталей для «засорных» младенцев был указ Сената от 4 ноября 1715 г. Он наиболее полно выразил правила призрения незаконнорожденных, расширив содержание двух предыдущих актов. Наряду с ранее установленными местами содержания незаконнорожденных, размером финансирования, требованием к уровню умения приставленных к младенцам, формой осуществления приема детей были вновь обозначены источники призрения и наказание за убий-

ство внебрачных младенцев. Интересно, что указ опять содержал ссылку на пример новгородского митрополита Иова, которому давалась высокая оценка. Таким образом, новшество снова освящалось авторитетом церковного иерарха, союзника светской власти в решении проблемы брошенных детей. Документ требовал сохранять жизнь младенцам и приносить их в госпитали тайно, грозя виновным в убийстве внебрачных детей смертной казнью (т. е. повторяя тем самым статью Соборного уложения 1649 г.). Четко определялось, что строить и содержать госпитали должны губернские власти.

Указ гласил буквально следующее: «Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич... указал... в Москве и в других городах при церквах, у которых пристойно, при оградах сделать гошпитали, в Москве мазанки, а в других городах деревянные, також как о таких делах боготщательное и душеспасительное осмотрение преосвященный Иов, митрополит Новгородский, учинил в Великом Новгороде. И избрать искусных жен для сохранения зазорных младенцев, которых жены и девки рожают беззаконно и стыда ради отметывают в разные места, отчего оные младенцы безгодно помирают, а иные от тех же, кои рожают, и умерщвляются. И для того объявить указом, чтоб таких младенцев в непристойные места не отметывали, но приносили б к вышеозначенным гошпиталиям и клали тайно в окно чрез какое закрытие, дабы приношенных лица было не видно. А ежели такие незаконнорождающие явятся в умерщвлении тех младенцев, и оные за такие злодейственные дела сами казнены будут смертию. И те гошпитали построить и кормить из губерний из неокладных прибылых доходов, а имянно: приставленным на год денег по 3 рубли да хлеба по полуосмине на месяц, а младенцам на день 3 деньги» (О сделании в городах при церквах госпиталей для приема и содержания незаконнорожденных детей : указ именной, объявленный из Сената от 4 нояб. 1715 г. // ПСЗ. Т. 5, № 2953).

Именно названный указ 1715 г. в дальнейшем (вплоть до возникновения Императорского воспитательного дома) служил основанием для осуществления призрения незаконнорожденных младенцев, являясь основой для устройства государственной системы.

В 1724 г. был издан акт, который касался обучения детей. Именной указ императора требовал в Москве и иных городах, «где обретаются во устроенных домах незаконнорожденные и подкидыши в возрасте», определить «ко всяким художествам в ученики» (О переводе из Олонецких, Петровских заводов оружейного дела мастеров на Сестрорецкие заводы и об определении ко всяким художествам в ученики незаконнорожденных и подкидышей, воспитанных в сиротских домах : указ имен-

ной, данный Сенату от 20 янв. 1724 г. // ПСЗ. Т. 7, № 4421). Указ был направлен в Синод, Главный магистрат, Мануфактур-коллегию, Берг-коллегию, Адмиралтейскую коллегию, в Штатс-контор коллегию, в Военную коллегию, а также в губернии. Незаконнорожденным уготовлялась роль мастеровых – ремесленников.

Таким образом, в системе государственного призрения внебрачных детей можно выделить уже два звена: 1) содержание в госпиталях; 2) их обучение (как предполагалось в проекте времен царя Федора Алексеевича). В 1729 г. был издан новый указ Сената, определявший будущее выросших обученных незаконнорожденных детей в одной-единственной губернии – Московской, причем оно весьма отличалось от замысла Петра I. Предписывалось мальчиков, годных к службе хотя бы в барабанщики, отсылать в Военную коллегию, а девочек отправлять на мануфактуры или отдавать в услужение. При этом детям выдавались вольные паспорта. Незаконнорожденных детей-инвалидов, «малоумных и увечных», в соответствии с тем же указом необходимо было помещать в богадельни, которые находились в ведомстве Коллегии экономии Синода (О помещении незаконнорожденных, пришедших в возраст и обученных разным мастерствам, на мануфактуры; о определении малоумных и увечных в богадельни и об отдаче годных в военную службу : указ Сената от 25 июля 1729 г. // Там же. Т. 8, № 5452).

В этом же году указом Сената было предписано собрать сведения из губерний о реальном состоянии дел по призрению «засорных» детей. На основе полученных данных правительство Петра I предполагало осуществить корректировку законодательства и наметить перспективы. В документе отмечалось: «...прислать из губерний и из Санкт-Петербурга в Сенат ведомости, имеющиеся шпитали, как по вышеписанному 1715 году указу велено сделать...» (Там же).

Таким образом, в период с 1712 по 1729 гг. в России впервые была создана законодательная основа государственной политики призрения незаконнорожденных детей, предполагавшая содержание, обучение и устройство их дальнейшей судьбы. Однако в реальности все было иначе.

Поступавшие в течение нескольких лет данные из губерний свидетельствовали о том, что попытки осуществления предписанных мер по призрению незаконнорожденных младенцев провалились.

В Смоленской губернии первые шаги к исполнению указа 1715 г. предприняли лишь в марте 1717 г. Тогда последовало определение вице-губернатора Гагарина и ландратов, по которому были выбраны две вдовы, куплена корова, выдано 3 руб. денег. В сентябре 1717 г. на пропитание младенцев было дано 40 коп. Вдовы получили провиант: муки ржаной четыре четве-

рика и крупы по половине четверика. Вместе с тем кормилицы вскоре объявили: «...Было у них в сохранении зазорных младенцев три человека, и те младенцы померли, и корова пала». В 1718 г. по определению того же вице-губернатора Гагарина для приема «засорных» младенцев в Смоленске была определена на посаде особая богадельня, и две вдовы должны были заниматься с детьми. Отставной поручик, специально определенный, присматривал, «чтобы младенцев не отнимали б в непристойные места, а приносили бы к богадельне». Следует заметить, что речь идет уже о богадельне, т. е. о традиционно принятой структуре для призрения нуждавшихся, а не о построении госпиталя, как того требовал указ. Неизвестно, как обстояло дело в Смоленской губернии на протяжении последующих 10 лет. В доношении, отправленном в канцелярию Сената 13 декабря 1729 г., отмечалось: «...А ныне по справке в оной богадельне приносных младенцев и на них в расходе денег и провианта не было. Так же по ответствиям Смоленской губернии из городов от воевод: в тех городах для воспитания беззаконно рождающихся младенцев шпиталей и денег в расходе, и младенцев в приносе не было» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790).

Анализируя данные, присланные в Сенат в 1730 г. из Белгородской губернии, которая двумя годами ранее была образована из части территорий Киевской губернии, можно сделать аналогичный вывод. В г. Курске в 1717 г. был построен «шпиталь». В период с 1718 по 1720 гг. там было в приеме 9 младенцев «обоого полу». При детях находилась приставница, которой выплачивали в 1717 и 1719 гг. жалование в размере 2 руб. 75 коп., а также выдали 1 четверть и 6 четвериков хлеба. Младенцу «полагали» 10 коп. Из тех младенцев в 1718–1719 гг. двое умерли, «о других известия нет». В Севской провинции в 1717 г. в «шпиталь», построенный в 1716 г., была принесена одна девочка. В тот же год приставнице и младенцу было дано жалования 2 руб. 66 коп., а в 1718 г. приставница и младенец умерли, «изба завалилась». В Орловской провинции в г. Белеве «шпиталь» построили в 1717 г. Сюда были приняты с 1718 по 1723 гг. восемь мальчиков. Для постройки госпиталя понадобилось 12 руб. 4 коп. На содержание младенцев и оплату труда приставленной женщине с 1718 по 1730 гг. было израсходовано 139 руб. 84 коп. В дальнейшем умерло пять младенцев, а к февралю 1730 г. осталось два ребенка: «...один десяти лет, другой семи лет, и оные ничему не обучаются». В других городах Белгородской губернии и в самом г. Белгороде ни госпиталей, ни призревавшихся младенцев не было (Там же. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790).

Сведения светских властей из других губерний (Новгородской, Киевской, Воронежской, Архангелогородской, Сибирской и Нижегородской (заключением Московской губернии), направленные в Сенат в 1729 и 1730 гг., были сходными: отсутствовали госпитали для незаконнорожденных младенцев. Таким образом, первая попытка создать структуру в общероссийской системе призрения младенцев оказалась неудачной.

Перенесение западного опыта на русскую почву могло дать результаты лишь при соответствующей корректировке при учете местных условий и традиций. Именно это показывает опыт Московской губернии, руководство которой 1 декабря 1715 г. получило указ о призрении незаконнорожденных (РГАДА. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790). В конце марта 1719 г. московский губернатор К. А. Нарышкин доносил в Сенат следующие сведения. Прием детей начался с 29 декабря 1715 г. Вплоть до 1 мая 1717 г. было записано 170 человек. В 1717 г. 80 младенцев умерло, в живых осталось 90 детей, при которых было 45 кормилиц. В 1718 г. младенцы питались в указных местах, деньги были выданы из губернских доходов по «нынешний год» (Там же. Ф. 279. Оп. 1. Кн. 32, 45, 54, 68, 81, 90, 105, 120, 626).

Сложно сказать, что имелось в виду, когда называлось место содержания младенцев – в Москве предполагалось создание госпиталей в виде мазанок. Имеются сведения о плане, в соответствии с которым должно было быть построено 15 мазанок: одна – в Кремле, две – в Китай-городе, четыре – в Белом городе, восемь – в Земляном и за Земляным городом. Их предполагалось соорудить на церковных землях рядом с теми церквями, где было бы удобнее, а за строение должен был отвечать выбранный «бурмистр из купечества». Таким оказался Иван Маленкой, определивший, что одна «мазанка с сеньми» обойдется в 191 руб., а все вместе – в 2865 руб. В итоге «тех мазанок не построено, а для сохранения младенцев описаны к тому пристойные богадельни» (Там же). Возможно, здесь и содержались «ззорные», учитывая традицию.

В 1719 г. порядок выделения денежных средств изменился: теперь решения о выплатах должна была принимать непосредственно Штатс-контор коллегия. В связи с этим губернатор К. А. Нарышкин просил определения у Сената: «Давать ли (жалование кормилицам и младенцам – *Н. Ч.*) и из каких доходов. О том Великий государь что укажет». Видимо, ответа не последовало, затем сменилось руководство Московской губернии, поэтому вопрос о выдаче жалования кормилицам и младенцам решен не был.

Такая ситуация могла бы продолжаться и дальше, если бы не инициатива нового вице-

губернатора И. Л. Воейкова. Он дважды шел на встречу требованиям кормилиц, выдавая им жалование без определения вышестоящей инстанции, «чтоб не поморить младенцев голодной смертью» (Там же. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790). В декабре 1719 г. число младенцев возросло с 90 до 125 человек, а число кормилиц – с 45 до 63 (РГАДА. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790). Одновременно И. Л. Воейков направлял доношения в Штатс-коллегию, Камер-коллегию и Правительствующий сенат, сообщая о состоянии дел по призрению незаконнорожденных детей и прося указов (Там же). В феврале 1720 г. Сенат определил порядок выдачи жалования младенцам и их кормилицам, организацию призрения детей, возложив персональную ответственность на вице-губернатора И. Л. Воейкова «с товарищи», которые обязаны были действовать в соответствии с положениями указа Сената «О строении в Москве госпиталей для помещения незаконнорожденных младенцев и о даче им и их кормилицам денежного жалованья» от 1 февраля 1720 г. (ПСЗ. Т. 6, № 3502). С этого момента Москва стала центральным местом реализуемого замысла по созданию общероссийской системы детского призрения. Это положение древняя столица сохраняла приблизительно десятилетие. Затем в политике верховной власти начались колебания. Интерес к проблеме детского призрения то пропадал, то появлялся снова. Госпитали для «ззорных» были забыты. Центральные органы перестали заниматься проблемой незаконнорожденных младенцев в Москве, возложив всю ответственность за эту деятельность на Губернскую канцелярию, которая осуществляла ее на протяжении более сорока лет. За это время в городе был создан своеобразный механизм, позволявший организовать прием младенцев и их содержание особыми женщинами-кормилицами, считавшимися казенными служительницами, а также устроить дальнейшую судьбу выросших питомцев. Становление организации социальной заботы о внебрачных детях происходило не просто и во многом зависело от верховной власти. Именно поэтому для рассмотрения вопроса предложены данные хронологические рамки, помогающие понять особенность призрения «ззорных» в Москве на каждом отдельном этапе.

Время правления Петра I и его ближайших преемников отмечено становлением и организацией призрения незаконнорожденных детей, центром которого в Москве являлась Губернская канцелярия. С 1719 и вплоть до 1726 гг. Московскую губернию возглавлял вице-губернатор бригадир, а затем генерал-майор член Конторы сенатского правления в Москве (в период правления Екатерины I) И. Л. Воейков. В 1726 г. доку-

менты о кормилицах и незаконнорожденных младенцах подписывались действительным статским советником и губернатором А. Плещеевым, а также П. Вельяминовым-Зерновым, который был членом Сенатской канцелярии в Москве (РГАДА. Ф. 279. Оп. 1. Кн. 32, 45, 54, 68, 81, 90, 105, 120, 626). Вопрос о размещении младенцев в госпиталях или мазанках оставался для руководства Москвы открытым. Камер-коллегия в апреле 1720 г. вопреки существовавшему указу приняла решение: «...Вновь госпиталей не строить», отвести «отписные дворы... сколь надлежит» (Там же). Интересно, что упоминаемое размещение детей в богадельнях вместе с кормилицами-богаделенками осуществлялось без официального определения Монастырского приказа. Кроме того, часть детей с кормилицами проживали по разным районам Москвы: в Бутырьках, в Преображенском, Семеновском, Лафертовском и Ингерманландском полках.

Такая ситуация создавала сложности Губернской канцелярии в контроле над осуществлением призрения младенцев. Пытаясь решить проблему, вице-губернатор И. Л. Воейков неоднократно предпринимал попытки утвердить в вышестоящих инстанциях тот или иной вариант размещения госпиталей для «засорных» детей (РГАДА. Ф. 279. Оп. 1. Кн. 32, 45, 54, 68, 81, 90, 105, 120, 626). Несмотря на то, что никакой резолюции по этим предложениям не последовало, вице-губернатор и в дальнейшем в своих доношениях затрагивал проблему создания госпиталей для «засорных» младенцев. Лишь при Екатерине I был издан указ Сената от 3 марта 1726 г. «О кормовых деньгах незаконнорожденных младенцев и их кормилицам» (ПСЗ. Т. 7, № 4844), которым наряду с прочим предписывалось отвести под госпитали отписные опальные дворы, не требующие починки, и прислать ведомости с подробным указанием, чьи дворы, в каких местах, с каким строением будут найдены. Вместе с тем ни в 1727 г., ни позже положение не изменилось. Госпиталей для незаконнорожденных не существовало, кормилицы с младенцами жили по разным местам.

Порядок поступления детей в построенные госпитали по указам царя должен был быть тайным. На практике детей открыто приносили для записи в Московскую губернскую канцелярию вдовы, жены людей различных чинов, богаделенки. Кроме того, солдатские жены, не могшие из-за «всеконечной скудости» самостоятельно содержать своих детей, предпринимали попытки записать их на «указное жалование». Когда они сталкивались с невозможностью этого, то просто-напросто оставляли ребятишек в помещении или на крыльце Губернской канцелярии. Так законные дети превращались в подкинутых, а сле-

довательно, им были обязаны выделять казенное обеспечение.

Что касается определения в кормилицы, то ими могли становиться женщины, приносившие в Губернскую канцелярию для записи найденных младенцев. В соответствии с какими критериями так происходило, выяснить не удалось. Сам император предполагал, судя по данным 1724 г., что для отыскания на улицах подкидышей, т. е. незаконнорожденных, должны быть специальные женщины, но таковых в Москве не было, а существовали лишь кормилицы (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 66. Л. 407, 422–441 ; Кн. 67. Л. 543–543 об. ; Кн. 68. Л. 75 ; Кн. 69. Л. 226).

С течением времени кормилицы, вероятно, сосредоточились исключительно на содержании и воспитании детей. В 1729 г. московские власти доносили в Сенат, что младенцев приносят к записке в Губернскую канцелярию разных мужей чинов жены и вдовы, а затем дети в отсутствие госпиталей отдаются к «определенным кормилицам» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790).

Случалось и так, что кормилицами были родные матери младенцев. Губернская канцелярия приводила объяснения женщин: мол, детей прижили «по насильным разным чинов незнаемых людей на дорогах блудодеянием... и откинута были в разные места, и посторонними бабами те младенцы подняты и объявлены в Губернской канцелярии засорными» (РГАДА. Ф. 279. Оп. 1. Кн. 32, 45, 54, 68, 81, 90, 105, 120, 626).

По социальному составу кормилицами были вдовы и жены солдат, драгун, «других чинов», богаделенки разного возраста, например, оставленные за старостью и болезнями.

В 1723 г. из 218 кормилиц 54 были богаделенками, на воспитании у них находилось 189 детей, а 164 женщины содержали 673 ребенка. Сохранился список кормилиц и младенцев, датируемый маем 1724 г. Из 218 женщин 29 были полностью именованы. Среди них лишь одна жена солдата, остальные – вдовы (причем большинство из них, 13 женщин, – вдовы солдат). Кроме того, в списке значились три драгунские вдовы, одна вдова гренадера, одна стрелецкая вдова, одна вдова пушкаря, четыре вдовы посадские, а также вдова дьякона, сторожа Чудова монастыря, мясника, дворового человека, упомянута вдова богаделенного (Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 66. Л. 407, 422–441 ; Кн. 67. Л. 543–543 об. ; Кн. 68. Л. 75 ; Кн. 69. Л. 226).

Кормилицы имели на воспитании несколько разнополых и разновозрастных детей. Как в таком случае они управлялись со всеми? В этой связи представляется интересным упоминание о так называемых приписных кормилицах. В 1723 г. вице-губернатор И. Л. Воейков доносил в Сенат, что кормилицы «для вспоможения при себе

имеют на своем коште кормилиц же по несколько человек». Кормилицы требовали выплачивать «приписным» казенное жалование, так как те имели на воспитании и по два, и по три младенца (Там же. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790). В списке, направленном И. Л. Воейковым в Кабинет императора в 1724 г., в этом качестве названо 84 женщины. Вице-губернатор отметил, что им «кормового денежного и хлебного жалования не дается» (Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 66. Л. 407, 422–441; Кн. 67. Л. 543–543 об.; Кн. 68. Л. 75; Кн. 69. Л. 226). Однако решения на этот счет не последовало, статус приписных кормилиц закреплён не был. Возможно, была какая-то выгода находиться в приписных кормилицах? В последующих списках 1726, 1727, 1730 гг. категория приписных кормилиц уже не упоминалась. Однако при сопоставлении данных выясняется, что девять женщин из числа приписных перешли в разряд «настоящих» кормилиц, получавших казенное жалование (Там же. Ф. 279. Оп. 1. Кн. 32, 45, 54, 68, 81, 90, 105, 120, 626).

Что касается численности кормилиц и призревавшихся ими младенцев, то их общая динамика за 15 лет, вплоть до правления Анны Иоанновны, была следующей. С 1719 г. количество призревавшихся младенцев неуклонно возрастало от 90 человек до 1008 в конце августа 1723 г. После этого наблюдалось последовательное снижение их численности до 239 человек в октябре 1730 г. Такова же динамика численности кормилиц. Количество женщин, заботившихся о детях, выросло с 45 до 218, приблизительно два с половиной года оставалось постоянным, хотя в 1724 г. указаны и 84 приписные кормилицы, а в дальнейшем снизилась вместе с уменьшением количества детей и достигла прежнего числа: 45 женщин при 239 младенцах. Интересно, что в 1719 г. на то же количество кормилиц приходилось в два с лишним раза меньше детей. Снижение числа призревавшихся объясняется созданием в Москве приютов при монастырях, куда была отправлена часть детей.

На воспитании кормилицы имели от одного до одиннадцати детей, различавшихся по полу и возрасту (от нескольких месяцев до четырнадцати лет) (РГАДА. Ф. 8. Отд. 2. Кн. 66. Л. 414–441; Ф. 279. Оп. 1. Кн. 90. Л. 317–331; Кн. 105. Л. 406–419; Кн. 120. Л. 131–134). В документе, датированном 1723 г., было сказано, что кормилицы приносят к записи в Губернскую канцелярию 10-недельных, полугодовых и более старших младенцев, которые найдены ими подкинутыми в торговых банях и на улицах (Там же. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790). Следует отметить, что в течение восьми лет некоторая часть списочного состава детей оставалась постоянной, несмотря на потери по причине смерти и на прибавление в виде вновь зачисленных.

Анализ численности младенцев показал, что общей тенденцией было снижение год от года количества принимаемых детей при увеличении их возраста. Например, в 1724 г. годовалых детей почти в четыре раза меньше, чем в 1722 г. Если в октябре 1720 г. И. Л. Воейков доносил, что «младенцев к записи приносят непрестанно», то с марта по июль 1724 г. (приблизительно за четыре месяца) было записано всего девять детей; с июля 1724 по февраль 1725 гг. (за 8 месяцев) – 18; а за весь 1725 г. упоминается всего семь записанных младенцев (Там же. Ф. 279. Оп. 1. Кн. 32, 45, 54, 68, 81, 90, 105, 120, 626).

Как известно, детская смертность особенно высока среди младенцев в возрасте до одного года. В рассмотренных документах точные данные о количестве умерших встречаются не часто. Вместе с тем имеются сведения, что с мая 1717 по март 1719 гг. умерло 80 младенцев из 170 записанных. К марту 1724 г. было 19 умерших, к июлю – 45, а в сентябре умерло «немалое число». Кроме того, есть упоминания о «не явившихся» у кормилиц 11 младенцах и 15 «нетчиках», однако точно не известно, считались ли эти дети умершими (Там же. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790).

По имеющимся данным, принимая смертность младенцев, вскормленных матерью, за единицу, смертность детей, вскормленных молоком матери и молоком животных, составит 3,1. Если же младенцев вскормили одним молоком животных, то их смертность – 6,6, а вскормленных различным образом, кроме материнского молока, – 7,4. Смертность детей, вскормленных одними суррогатами молока, – 9,9 (Смелик О. Г. К историографии изучения детской смертности в России // Проблемы истории демографической мысли и критики буржуазных демократических концепций. Киев, 1979. С. 104–122). Однако у кормилиц не всегда были средства, чтобы покупать молоко и хлеб. Жалование они получали нерегулярно, это приводило к тому, что младенцы умирали от голода, и в таких условиях женщины «добровольно, без принуждения» детей для содержания и прокормления не принимали.

Кормилицы стали одной из первых профессиональных социальных категорий женщин в России, находившихся на государственном жаловании. Порядок его расчета и выдачи был следующим. Указом царя дневное содержание младенцу определялось в 3 деньги, что составляло в год 5 рублей 15 алтын 5 денег. Месячное денежное жалование кормилицы из расчета положенных 3 рублей в год составляло полуполтину. Кроме того, именным указом от 4 ноября 1714 г. «Об устройстве при церквях госпиталей для незаконнорожденных детей» (ПСЗ. Т. 5, № 2856) полагалось выдавать женщине в месяц полуосьмину хлеба.

Суммы, которые выделялись на пропитание младенцев и их кормилиц, на протяжении 15 лет были разными и зависели от количества призревавшихся и содержавших их. Постоянным требованием вышестоящих инстанций была выдача жалования – денежного и хлебного – на наличных детей и кормилиц. Эта наличность устанавливалась на валовых смотрах, проводимых Губернской канцелярией. Именно здесь женщины предъявляли «засорных» младенцев, которые находились у них на воспитании, а служитель Канцелярии составлял на основе этого полный список. Кормилицы объявляли об умерших детях, выявлялись отсутствовавшие («нетчики»), вскрывались злоупотребления, когда на месте действительно «засорных» оказывались законнорожденные младенцы. Кормилицы, заподозренные в подлогах, ничего не получали до окончания «розыска», который проводила Губернская канцелярия. Если вина женщин была доказана, то следовало наказание. Так, однажды на валовом смотре у двух кормилиц в качестве «засорных» были обнаружены украденные законные дети. Одна из них была «вместо кнута бита батогами», в отношении другой, которая заболела, решение приняли позднее (РГАДА. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790). Если же кормилиц оклеветали, то после проведения следствия, а длиться оно могло год и больше, жалование потом все же выделялось. Периодичность проведения валовых смотров точно установить не удалось. Однако помесечная выдача жалования, требуемая указами с 1720 г., предполагала, вероятно, ежемесячные валовые смотры. В действительности все было иначе (РГАДА. Ф. 279. Оп. 1. Кн. 32, 45, 54, 68, 81, 90, 105, 120, 626).

Существует несколько причин, объясняющих данную ситуацию. Во-первых, губерния не располагала достаточными средствами. Если до 1719 г. ежегодный размер выплат на призрение незаконнорожденных составлял 460–500 руб., то в 1723 г., когда число младенцев достигло максимума, было выдано 5830 руб. 25 коп. (Там же). В дальнейшем суммы выдач также измерялись несколькими тысячами рублей. Во-вторых, законодательно предполагалось, что средства на «засорных» младенцев и их кормилиц будут поступать из губернских неокладных «прибыльных» доходов. Однако в 1720–1730-х гг. Московская губернская канцелярия неоднократно доносила, что неокладных доходов нет. Попытка решить проблему на самом высоком уровне не увенчалась успехом. Требовались указы нескольких вышестоящих инстанций: Штатс-конторы, Камер-коллегии и Сената. В сложной бюрократической системе со временем появлялись новые структуры, чьи решения были определяющими: Сенатская контора в Москве, государственная

Штатс-контора и государственная Камер-коллегия в Петербурге. И только потом деньги в губернию отпускались московской рентереей.

Такое количество инстанций и необходимость получения их резолюций, отсутствие устойчивого порядка в связи со сменой правителей, приводили, конечно, к длительному промежутку во времени между подачей «доношения» из Губернской канцелярии и отпуском соответствующей суммы из московской рентереи.

Московская губернская канцелярия в процессе призрения решала не только вопросы содержания и обеспечения незаконнорожденных младенцев и их кормилиц. Уже в 1721 г., через год после возложения на вице-губернатора И. Л. Воейкова персональной ответственности за заботу о призревавшихся детях, им были поставлены перед Штатс-конторой вопросы о необходимости обучения в школе или какому-либо мастерству шестилетних и семилетних детей мужского пола, записи их в какой-либо чин, а также о материальном обеспечении выросших младенцев (Там же). Однако Штатс-контор коллегия не имела полномочий на принятие решения, а Камер-коллегия на донесение не ответила. С течением времени количество детей в возрасте от пяти до семи лет, призревавшихся в Москве, увеличилось с 31 человека в 1721 г. до 48 в 1723 г. Однако, несмотря на неоднократные просьбы вице-губернатора в Штатс-контор коллегию и Сенат об «определении в какую науку детей», решения не последовало (Там же. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790).

Пока государственные инстанции обсуждали вопрос об устройстве судеб подрастающих подкидышей, в обществе появился проект частного лица об обучении младенцев. Речь идет о челобитной отставного сержанта Ф. Михайлова, сына Лодыгина «Никитина полку Козлова», датированной 4 мая 1724 г. В своем прошении автор делился планом организации обучения незаконнорожденных (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 66. Л. 407, 422–441 ; Кн. 67. Л. 543–543 об. ; Кн. 68. Л. 75 ; Кн. 69. Л. 226). Предложения сержанта крайне интересны тем, что сама идея о выделении казенного жалования внебрачным детям воспринималась как высокая милость. Его мысль об обучении детей с младенчества искусными женщинами представляла собой идею специального воспитания и обучения с целью подготовки полноценных членов общества. При этом церковь не упоминалась, т. е. предполагался светский характер заведения. К сожалению, сведений об отношении императора к данному проекту и о дальнейшей судьбе самого челобитчика обнаружить не удалось.

Организация обучения детей, призревавшихся в Москве, реально началась после императорского указа, данного Сенату, «О переводе из Олонецких,

Петровских заводов оружейного дела мастеров на Сестрорецкие заводы и об определении ко всяким художествам в ученики незаконнорожденных и подкидышей, воспитанных в сиротских домах» от 20 января 1724 г. (ПСЗ. Т. 7, № 4421), которым предписывалось определять незаконнорожденных и подкидышей «ко всяким художествам в ученики». Интересно, что вышестоящие органы и должностные лица стали требовать от вице-губернатора направления в различные места грамотных детей из числа призревавшихся.

Данные о том, как конкретно происходил процесс обучения детей тому или иному мастерству, найти не удалось. Имеющиеся сведения за 1729 г. свидетельствуют уже о результатах этой деятельности. Из 292 детей 43 человека (39 девочек и 4 мальчика) в возрасте от 11 до 14 лет «изучены разных мастерств»: шить золотом, прясть лен и шерсть на флаги, обшивать немецкие пуговицы, плести шнурки и кружево, шить портное и русские шапки, вязать немецкие чулки. Губернская канцелярия ставила вопрос перед Сенатом об их дальнейшей судьбе. Кроме того, была настоятельная необходимость определить будущее трех детей с физическими недостатками: немом мальчика, горбатой девочки, безумной и глухой девочки. На основании принятого в том же году сенатского решения увечные дети были помещены распоряжением Коллегии экономии в богадельню. Мальчики, которые по малолетству не могли служить даже барабанщиками, остались на воспитании, а девочки, которые выросли, отправились по своему желанию на мануфактуры или в услужение с вольными паспортами (РГАДА. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790).

Таким образом, на протяжении пятнадцати лет (с 1715 по 1730 гг.) в Москве сложилась и действовала система призрения незаконнорожденных детей, имевшая несколько звеньев: содержание младенцев кормилицами, обучение детей и определение судеб выросших питомцев.

Эпоха Анны Иоанновны отмечена колебаниями в «сиротской политике». Десятилетний период правления новой императрицы внес изменения в процесс детского призрения, осуществлявшийся Московской губернской канцелярией. Его можно охарактеризовать как переход от поиска и нестабильности к созданию четкой организации системы содержания и воспитания незаконнорожденных младенцев. В 1730–1732 гг. резко сократилось число «засорных» детей и их кормилиц, был введен новый порядок призрения. В 1732–1737 гг. произошел частичный возврат к прежним правилам. В 1737 г. были заложены основы четко структурированной системы призрения, успешно функционировавшей последующие четверть века вплоть до открытия в Москве Императорского воспитательного дома.

Смена правления прежде всего отразилась на финансировании содержания младенцев и кормилиц: пока шла бюрократическая переписка, жалование им не поступало. Только после постановления Сената в январе 1731 г. (причем он дважды за неделю рассматривал этот вопрос) деньги на жалование младенцам и кормилицам были выделены.

Помимо вопроса о жаловании в июне 1730 г. по запросу Губернской канцелярии Сенатом был изменен порядок определения судеб младенцев.

Теперь выросшие незаконнорожденные девушки могли по желанию не только распределяться на мануфактуры или в услужение, но и выходить замуж. Малолетние девочки, те, кто «в совершенный возраст не пришли», поступали в услужение желавшим их взять с условием «жить у них вечно». Обосновывалось это решение финансовыми интересами: «...отпустить немедленно, дабы в даче им казенных денег убытку не происходило» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 2, 3, 9, 14. Кн. 124, 531, 610, 765, 790). Таким образом, по инициативе самой Губернской канцелярии была заложена основа для разрушения порядка призрения, созданного в соответствии с указами Петра I. Девочки-инвалиды – «самые дряхлые, увечные и малоумные» – по прежнему отправлялись в Коллегию экономии для содержания в богадельнях.

Процесс распределения призревавшихся детей продолжался несколько месяцев, до июля 1731 г. Есть сведения о новом указе Сената от 10 июня 1731 г., который обобщал принятые ранее решения об устройстве судеб незаконнорожденных, а также содержал новое – о направлении малолетних мальчиков в гарнизонную школу. В итоге 163 ребенка были розданы в услужение людям разных чинов, девочек с физическими недостатками отослали в богадельню, а мальчиков, годных к службе, направили в Военную коллегию. К июлю 1731 г. в призрении у Канцелярии осталось всего 68 детей. Число кормилиц также сократилось с 45 до 9 женщин (Там же).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что, видимо, Губернская канцелярия прекратила запись «засорных» младенцев и сосредоточила свое внимание только на содержании мальчиков, направленных для обучения в гарнизонную школу.

Суммы, положенные «засорным ребятам» и их кормилицам, рассчитывались в соответствии с указом Петра I, принятом в 1715 г.: на ребенка 3 деньги в день, на кормилицу 3 руб. в год и по полуосьмине хлеба на месяц.

В 1737 г. в Москве произошел переход на новую систему организации призрения незаконнорожденных детей, при которой решение всех вопросов было сосредоточено исключительно в Губернской канцелярии без обращения в центральные органы. Причины этого явления назвать трудно. Возможно, в правительстве уже за-

рождался замысел создания сиротских домов при «знатных местах» по епархиям, который был одобрен в указе императрицы год спустя.

Во время правления Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) деятельность Московской губернской канцелярии по заботе о внебрачных детях можно представить в виде хорошо отлаженного механизма. Незаконнорожденных младенцев находили на улицах, пустырях, у церквей, на церковных папертях, в торговых банях, на берегу Москвы-реки, «в крапиве», подкинутыми к домам, богадельням. Заявляли о находке обычные люди или должностные лица: десятские, пятидесятские, сотские, рогаточные, караульные.

Найденного младенца приносили на съезжий двор, где главой полицейской команды, имевшей тот или иной номер, соответствовавший, вероятно, номеру части города, составлялся рапорт с обстоятельным изложением фактов обнаружения младенца, описанием его внешнего вида и указанием на осуществление крещения. Отмечалось отсутствие записки или ее наличие. Тогда приводился ее текст, который мог содержать указание на имя ребенка и отсутствие крещения: «...младенцу молитва дана, именем Никита, а еще не крещен». Кроме того, на основе сопроводительного рапорта, который поступал вместе с младенцем в Полицмейстерскую канцелярию, там составлялась «промемория» о направлении ребенка на воспитание в Губернскую канцелярию в соответствии с указом. Губернская канцелярия, рассмотрев документ, принимала решение о содержании ребенка у той либо иной кормилицы, причем младенец снова подвергался осмотру, подтверждался его пол и свидетельства крещения.

Среди кормилиц были женщины разного возраста, как правило, вдовы. Проживали они с младенцами в разных районах Москвы. Местожительство каждой было прекрасно известно властям. На документе, которым кормилицу обязывали принять на воспитание младенца, указывался ее адрес. У кормилиц находились младенцы разного возраста:

та: от нескольких месяцев до 9 лет. В соответствии с ранее принятыми решениями времен Анны Иоанновны девочки могли отдаваться в услужение, а мальчики по достижении определенного возраста направлялись в гарнизонную школу. Поэтому детей старше 10 лет не было.

Количество младенцев у одной кормилицы также различалось и составляло от двух до семи человек. Лишь одна из кормилиц, проживавшая в собственном доме, имела в разное время на воспитании и двенадцать, и девять, и семь детей. На протяжении десятилетия (с 1742 по 1751 гг.) общее число младенцев, призревавшихся Губернской канцелярией, колебалось в пределах от 30 до 50 человек, не достигая сотенных величин Петровской эпохи. В конце правления Елизаветы Петровны существенных изменений в количестве призревавшихся не происходило. Число незаконнорожденных, направлявшихся из полиции в Канцелярию в течение года, видимо, ненамного превышало десятков.

Рассмотренная система организации заботы о брошенных детях функционировала в Москве вплоть до первых лет правления Екатерины II, когда в древней столице стала внедряться новая форма призрения незаконнорожденных.

Таким образом, на протяжении почти половины столетия в Москве реализовывался замысел Петра Великого о призрении «засорных» младенцев. Реальные условия вносили свои коррективы в предполагаемые новшества, адаптируя их к местным условиям и возможностям. Центральная власть расценивала московский опыт по-разному: то придавала ему общероссийское значение, то низводила до уровня губернского масштаба. Однако практика государственных структур по призрению незаконнорожденных младенцев за казенный счет, существование кормилиц как особой категории служилых людей обогатили опыт складывавшейся отечественной системы социального обеспечения, открыли новую страницу в истории детского призрения в России.

Библиографический список

1. О штрафах с офицеров за побег и о наказании беглецов и их укрывателей; ...об учреждении по губерниям госпиталей; о призрении незаконнорожденных... : указ именной, в пунктах от 16 янв. 1712 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Спб., 1830. – Т. 4, № 2467.
2. Об устройстве при церквях госпиталей для незаконнорожденных детей : указ именной от 4 нояб. 1714 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Спб., 1830. – Т. 5, № 2856.
3. Об учреждении во всех губерниях госпиталей : указ императорский от 31 янв. 1712 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Спб., 1830. – Т. 4, № 2477.

Bibliographical list

1. On Penalties on Officers for Escaping and on Punishment of Fugitives and their Concealers; ...on the Establishment of Hospitals in Provinces; on Caring for the Illegitimate... : Decree, in items of January, 16th, 1712 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. – Collection 1. – Spb., 1830. – Vol. 4, № 2467.
2. On the Organization of Church Hospitals for Illegitimate Children : Decree of November, 4th, 1714 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. – Collection 1. – Spb., 1830. – Vol. 5, № 2856.
3. On the Establishment of Hospitals in All the Provinces: Imperial Decree of January, 31st, 1712 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. – Collection 1. – Spb., 1830. – Vol. 4, № 2477.

И. И. Ябанжи,
*аспирант кафедры теории и истории
государства и права
Костромского государственного
технологического университета*

I. I. Yabanzhi,
*post-graduate student of the Department
of Theory and History of State and Law
of Kostroma State Technological University*

**РАССЛЕДОВАНИЕ ДЕЛ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

**Investigation of Cases of High Treasons in the Russian Empire
in Second Half of the XIX – at the Beginning of the XX Centuries**

Аннотация. В статье анализируется порядок предварительного производства по делам о государственных преступлениях по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., отмечаются основные этапы эволюции данной стадии уголовного процесса, выявляются недостатки системы расследования таких категорий дел. *Ключевые слова:* государственные преступления, дознание, политический розыск, жандармерия, Российская империя.

Annotation. In the article the order of pre-judicial investigation of high treasons in the Russian Empire according to the Charter of Criminal Proceedings of 1864 is analyzed, the basic phases of evolution of the given stage in criminal trial are marked. Deficiencies of the system of investigation of such categories of cases are revealed. *Key words:* high treasons, inquiry, political police, gendarmerie, the Russian Empire.

Нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее: Устав 1864 г.), установившие процессуальные особенности предварительного расследования дел о государственных преступлениях, по мере нарастания революционного движения в Российской империи претерпевали значительные изменения.

Исходя из особой общественной опасности и значимости государственных преступлений, создатели Устава 1864 г. возложили производство следствия на одного из членов судебной палаты при личном присутствии прокурора палаты или его товарища. По делам об общих преступлениях соответствующей юрисдикцией наделялись судебный следователь и прокурор окружного суда. При этом согласно ст. 1038–1040 Устава 1864 г. первоначальное дознание, включая обыск и первоначальный допрос, могли осуществляться местным судебным следователем, а за его отсутствием – чинами полиции до прибытия члена и прокурора судебной палаты (Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. Устав уголовного судопроизводства. Спб., 1866).

Такой порядок делегировал производство следствия высшим чинам Министерства юстиции. Органы жандармерии, в чьем ведении находились вопросы политического розыска, фактически исключались из дальнейшего расследования преступлений по прибытии члена судебной палаты.

«Казалось, судебное направление взяло решительный перевес и овладело всей областью, из-за которой оно так продолжительно боролось с противоположным полицейским направлением. Но это казалось не долго, потому что последнее, отступившее только на время, не замедлило

вновь выступить на сцену и, благодаря реакции, возобновить борьбу с новыми силами и новым оружием» (Н. Суд и государственные преступления // Юрид. вестн. 1881. Кн. 4. С. 641).

Под влиянием начальника III Отделения и шефа жандармов П. А. Шувалова порядок судебного преследования по делам о государственных преступлениях был изменен. Так, Законом от 19 мая 1871 г. были утверждены Правила о порядке действия членов корпуса жандармов по исследованию преступлений (далее: Закон 1871 г.) (Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 46, отд. 1, № 49615). Дознание превратилось в обязательную стадию и стало производиться жандармскими офицерами под наблюдением прокурорского надзора (ст. 21–22 Закона 1871 г.). Инициатива по производству дознания могла исходить как от прокурора Судебной палаты, так и непосредственно от жандармов (ст. 24 Закона 1871 г.). Особый статус дознанию придавала ст. 25 Закона 1871 г., которая закрепила за офицерами корпуса не только права, предусмотренные Уставом 1864 г. (розыск, словесные расспросы, негласное наблюдение, пресечение скрывания следов преступления (ст. 253–254, 256–257 Устава 1864 г.), но и право на проведение всех следственных действий, включая допросы, осмотры, освидетельствования, обыски и выемки с соответствующим процессуальным оформлением материалов дела (Свод законов Российской империи. Спб., 1892. Т. 16, ч. 1. Устав уголовного судопроизводства).

Таким образом, по мнению Л. Я. Таубера, Законом 1871 г. было создано так называемое формальное дознание, «которое по существу являлось не чем иным, как предварительным следст-

вием, производимым, однако, без соблюдения гарантий, установленных законом для предварительных следствий, не судебными органами, а офицерами корпуса жандармов...» (Таубер Л. Я. Предварительное производство по государственным преступлениям : докл. общ. собр. рус. группы междунар. союза криминалистов в Москве 21–23 апр. 1910 г. Спб., 1911. С. 202).

А. Ф. Кони отмечал: «Последствия этого закона были самые пагубные. Он не улучшил знаний и пониманий жандармов, в большинстве случаев крайне невежественных в юридической области, и в то же время в значительной мере развратил прокуратуру, чины которой из наблюдателей за законностью действий нередко делались фактически активными производителями дознаний и на успешном производстве их строили свою карьеру...» (Кони А. Ф. Петр IV // Избранное. М., 1989. С. 86).

Влияние прокурорского надзора в случае упущений или неправильных действий со стороны жандармских чинов ограничивалось обращением к начальству виновного, которое в свою очередь обязано было лишь уведомить прокурора о последствиях его сообщения (ст. 9, 10 Закона 1871 г.; ст. 488¹, 488² Устава 1864 г.).

С изданием закона «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участия в оных» от 4 июня 1874 г. жандармские чины при производстве дознания о противозаконных сообществах получили право по предложению прокурора судебной палаты заключать под стражу обвиняемых и в том случае, «когда им по закону не грозит лишение всех прав состояния или всех особых прав и преимуществ, если означенная мера представляется необходимой для предупреждения и сношений обвиняемых между собой или сокрытия следов преступления» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 49, отд. 1, № 53606).

Согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 30 октября 1878 г. офицеры, производящие дознание о государственных преступлениях, в случае необходимости осмотра или выемки почтовой или телеграфной корреспонденции испрашивали на то разрешение у шефа жандармов, который в свою очередь входил в соглашение по этому поводу с министром юстиции и министром внутренних дел. «Другими словами, для того чтобы нарушить тайну частной корреспонденции в общих уголовных делах, хотя бы и относительно маловажных, нужно судебное определение, а в политических – достаточно административного единоличного решения» (Н. Указ. соч. С. 632).

В соответствии со ст. 29 Закона 1871 г., ст. 1035¹¹ Устава 1864 г. завершённое дознание по его окончании представлялось прокурором судебной палаты министру юстиции, который по сношению с шефом жандармов или делал распо-

ряжение о производстве предварительного следствия, или испрашивал государя императора о прекращении производства. В последнем случае дело разрешалось либо в административном порядке, либо вовсе оставалось без последствий.

Предварительное следствие производилось в общем уголовно-процессуальном порядке, предусмотренном для судебных следователей окружного суда. Однако согласно ст. 1042 Устава 1864 г. (изд. 1892 г.) члену судебной палаты были предоставлены дополнительные права по выемке корреспонденции, аналогичные правам жандармских офицеров.

Представители научного юридического сообщества критически относились к изъятиям из уголовного процесса, составлявшим формальное дознание, и к его соотношению с предварительным следствием: «Из тех немногих дел, которые обращались к судебному рассмотрению, становилось совершенно очевидно, что производство предварительного следствия не только не развивает материалы дознания, но и во многом противоречит им. Акты дознания фигурировали на суде в значении равном с актами следствия, хотя бы это последнее не только было произведено, но даже не подтвердило многих данных дознания. Сведения, дознанием добытые, служили материалом для обвинительного акта, а иногда и обвинительной речи, несмотря на то, что судебное следствие нередко колебало эти данные или вовсе не повторяло их» (Н. Указ. соч. С. 614).

При рассмотрении дел в административном порядке лицу, подвергнутому уголовному преследованию, назначалось наказание, основанное лишь на материалах жандармского дознания. При таких условиях, по справедливому замечанию Л. Я. Таубера, «нельзя говорить не только о равновесии между обвинением и защитой, ибо в построенном по инквизиционному типу формальном дознании вовсе нет места защите, но и о каких бы то ни было судебных гарантиях для обвиняемых» (Таубер Л. Я. Указ. соч. С. 206).

Существовавший порядок административного рассмотрения дел о государственных преступлениях делегировал правительству право в течение 33 лет (1871–1904 гг.) направлять участников революционного движения в ссылку и высылку вне-судебным порядком. Статья 29 Закона 1871 г., регламентировавшая данную процедуру, «была включена по инициативе жандармских властей, которые утверждали, что передача всех политических дел в суд была бы “нежелательна в видах человеколюбия”, ибо наказания за государственные преступления слишком жестоки, а самое главное, это могло привести к росту оправдательных приговоров ввиду недостатка доказательств», – отмечал С. М. Казанцев (Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб., 1993. С. 174).

Законом от 7 июня 1904 г. «О порядке производства по делам о преступных деяниях государственных» (далее: Закон 1904 г.) дела о государственных преступлениях были возвращены к обязательному судебному рассмотрению (Собрание узаконений. 1904. 7 июня. Отд. 1, ст. 966). Выступая на заседании соединенных департаментов Государственного совета в 1904 г., министр юстиции Н. В. Муравьев вынужден был признать, что «административное рассмотрение означенных дел оказывается нормальным способом их разрешения, а судебное производство стало исключительным явлением... Что же касается улик, признаваемых достаточными для репрессий, то неблагонадежность сливается с виновностью и, таким образом, мерило предупредительное смешивается с мерилем карательным» (Цит. по: Таубер Л. Я. Указ. соч. С. 209).

Законом 1904 г. и некоторыми изменениями, происшедшими в 1905–1906 гг., порядок производства по государственным преступлениям был несколько оптимизирован и приобрел ряд новелл. Так, согласно ст. 1035¹⁴ Устава 1864 г. по продолжению Свода законов 1906 г. значительно упростилась процедура заключения под стражу, жандармы сами давали распоряжение о заключении лица под стражу, ограничиваясь доведением до сведения об этом лицу прокурорского надзора.

Кроме того, дознавателям было позволено производить обыски и выемки почтовой и телеграфной корреспонденции по соглашению с прокурорским надзором (ст. 1035¹¹ Устава 1864 г. по продолжению Свода законов 1908 г.), в то время как при производстве расследования по общим преступлениям требовалось получить санкцию окружного суда на совершение таких действий (ст. 368¹ Устава 1864 г. по продолжению Свода законов 1908 г.). По словам директора Департамента полиции А. А. Лопухина, в 1902–1905 гг. «выдающимся отличием правил о порядке производства дознаний об этих преступлениях представляется совершенное упразднение элементарных гарантий личной неприкосновенности» (Лопухин А. А. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907. С. 22).

Все производство по государственным преступлениям находилось теперь под надзором прокурора окружного суда, а предварительное следствие осуществлял судебный следователь по важнейшим или наиболее важным делам (ст. 1035¹¹, 1036 Устава 1864 г. по продолжению Свода законов 1906 г.). Вместе с тем предварительное следствие вовсе не стало обязательной стадией, а формальное жандармское дознание еще более сблизилось с ним. Так, к судебному производству по делам о государственных преступлениях стало позволительно приступить и по результатам формального дознания, если на ос-

новании собранных доказательств прокурор палаты признает возможным предложить палате обвинительный акт (ст. 1047 Устава 1864 г. по продолжению Свода законов 1906 г.). Это означало, что акты дознания фактически стали приравниваться к актам следствия, а лицо, привлеченное в качестве обвиняемого, лишалось всей совокупности предоставленных ему законом полномочий, в частности полномочий по обжалованию актов дознания и получения с них копий в случае прекращения производства Губернским совещанием за недостаточностью улик (Государственный архив Ярославской области. Ф. 906. Оп. 4. Д. 130. Л. 123).

Следует отметить, что формальное дознание существовало вместе с другим исключительным порядком производства по государственным преступлениям, установленным Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. (далее: Положение об охране) (ПСЗ. Собр. 3. Т. 1, № 350; СЗРИ. Спб., 1902. Т. 14. Прил. 1 к ст. 1, прим. 2). К этой форме расследования прибегали в том случае, «когда нет фактических данных для производства формального дознания и когда желают убедиться в политической благонадежности лица для принятия какой-либо административной меры. Вообще целесообразнее начинать дознание о всяком государственном преступлении на основании этого закона» (Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний. Спб., 1885. С. 135).

Положение об охране предоставило начальникам жандармских управлений и их помощникам право задержания лиц на срок не более двух недель (по правилам о местностях, не объявленных на исключительном положении, — до семи дней) лишь на основании, внушающем подозрение в совершении государственного преступления. Вместе с тем жандармы могли производить во всякое время обыски во всех без исключения помещениях и накладывать арест на имущество, указывающее на преступность действий (ст. 21, 29 Положения об охране). Чины прокурорского надзора лишь ставились в известность о принятых процессуальных решениях. Указанные полномочия представлялись исключительными и действовали только при объявлении местностей на усиленной или чрезвычайной охране. Однако учитывая то, что Положение об охране действовало непрерывно до Февральской революции 1917 г. во всех уголках Российской империи, подобное ограничение не имело особого значения.

В силу особого интеллектуального свойства многих политических преступлений использовались негласные методы их обнаружения, в частности агентурные данные. Последнее обстоятельство крайне затрудняло использование их в каче-

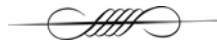
стве формальных доказательств, поэтому административный порядок разрешения дел стал значительно превалировать над судебным. Возможность же выбора юридических средств позволяла жандармским дознавателям манипулировать процессуальными формами, превращая дело о политической неблагонадежности (по Положению об охране) в дело о государственном преступлении (по Уставу 1864 г.). Данный факт, в частности, иллюстрируют многочисленные примеры из уголовных дел. Возбудив «переписку о политической благонадежности» и убедившись во «вредном направлении» того или иного лица, производивший расследование офицер выносил постановление о прекращении производства процессуальных действий в порядке Положения об охране и инициировал формальное дознание по ст. 1035 Устава 1864 г. (Государственный архив Костромской области. Ф. 749. Оп. 1. Д. 193. Л. 37 ; Д. 180. Л. 71). Именно за счет действия этого чрезвычайного законодательства, санкционировавшего административную высылку, судебный порядок рассмотрения дел о государственных преступлениях не был восстановлен в полном объеме.

А. А. Лопухин давал резкую характеристику деятельности политического розыска: «Создалось два порядка исследования государственных преступлений: один, основанный на положении об охране, другой, предусмотренный Уставом уголовного судопроизводства. И чем больше первый проникался полицейской исключительностью, тем более второй приобретал значение процедуры судебной, не приобретая, конечно, ее достоинств. Он даже, несмотря на ничтожество присущих ему форм, по-

лучил название порядка формального, в противоположность не знающему никаких форм порядку охранному» (Лопухин А. А. Указ. соч. С. 28).

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что для расследования государственных преступлений Уставом 1864 г. был учрежден особый порядок с участием высокообразованных чинов судебного ведомства, не нарушавший общие принципы уголовного процесса. Закон 1871 г. существенным образом преобразовал всю процедуру досудебного производства, создав обязательную стадию – формальное дознание, отличавшееся от предварительного следствия гипертрофированностью полномочий лиц, его осуществлявших. Дальнейшее развитие законодательства в этой области разрешило инициировать судебное разбирательство по материалам жандармского дознания, чем фактически сблизило его с предварительным следствием.

Законодательство вплоть до 1904 г. санкционировало административный порядок разрешения дел о государственных преступлениях. Однако нормы Закона 1904 г., упразднявшие внесудебное рассмотрение дел, были фактически нивелированы действием чрезвычайного законодательного акта – Положения об охране. Его правила позволяли жандармам использовать негласные методы при расследовании политических преступлений. Такой двойственный подход правительства к регулированию порядка предварительного производства по делам о государственных преступлениях противоречил общим прогрессивным тенденциям в уголовно-процессуальном законодательстве.

Библиографический список

1. Лопухин, А. А. Настоящее и будущее русской полиции / А. А. Лопухин. – М., 1907.
2. Н. Суд и государственные преступления / Н. // Юрид. вестн. – 1881. – Кн. 4.
3. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. Устав уголовного судопроизводства. – Спб., 1866.
4. Таубер, Л. Я. Предварительное производство по государственным преступлениям : докл. общ. собр. рус. группы междунар. союза криминалистов в Москве 21–23 апр. 1910 г. / Л. Я. Таубер. – Спб., 1911.

Bibliographical list

1. Lopukhin, A. A. The Present and the Future of the Russian Police / A. A. Lopukhin. – M., 1907.
2. N. Court and High Treasons / N. // Yuridicheskiy Vestnik. – 1881. – B. 4.
3. Judicial Charters of November, 20th, 1864 with a Statement of Reasoning on Which They are Based. Part Two. The Charter of Criminal Proceedings. – Spb., 1866.
4. Tauber, L. Ya. Pre-judicial Investigation of High Treasons / L. Ya. Tauber. – Spb., 1911.

В. В. Богатырев,

заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук, доцент

Н. А. Лукьянова,

курсант ВЮИ ФСИН России

V. V. Bogatyryov,

Deputy Chief of the Department
of State and Law Studies
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

N. A. Lukyanova,

student of VLI of the FPS of Russia

РОЛЬ И МЕСТО СТРАН – ЛИДЕРОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РАЗВИТИИ ПРАВА

Role and Place of Countries – Leaders of the Civilization Process in the Development of Law

Аннотация. В статье исследуется влияние государств – лидеров цивилизационного процесса на формирование права в Древние века (Римская империя), Средние века (Франция и Англия), Новое время (Франция, Германия, Англия и США) и Новейшее время (США). Делается прогноз на перемещение лидерства в цивилизационном процессе к Китаю, Индии, Бразилии и их влияние на формирующееся глобальное право.

Ключевые слова: цивилизация, лидер, глобализация, право.

Annotation. The article considers the influence of the states-leaders of the civilization process on the formation of law in ancient centuries (the Roman Empire), in the Middle Ages (France and England), in the Early Modern Period (France, Germany, England, and the USA) and in the contemporary history (the USA). The forecast is made concerning the leadership moving to China, India, Brazil and their influence on the formation of the global law.

Key words: civilization, leader, globalization, law.

Человеческая цивилизация вступила в новую фазу своего существования, которая характеризуется увеличением скорости преобразований и глобализацией всех сфер человеческой деятельности. Одной из сфер, подверженных данному процессу, является право. Современная юридическая наука интенсивно занимается исследованием данного явления. Вместе с тем неясным остается направление развития права, несмотря на существование значительного количества его вариантов. По нашему мнению, в решении данного вопроса необходимо изучить историю развития самой человеческой цивилизации, в процессе формирования правового регулятора которой явно просматриваются закономерности его развития. Анализ данных закономерностей позволит делать прогнозы на ближайшее будущее. Учитывая неравномерность развития человеческих социумов, в целом всегда будет иметь место нация или народ, который возглавит на определенном этапе все человечество, при этом навязав ему свои особенности и характерные черты. В связи с этим содержание и формы будущего глобального права будут зависеть от того государства, которое станет в ближайшем будущем лидером цивилизационного процесса. Цель настоящей публикации состоит в выяснении роли лидера в развитии нормативно-правовых регуляторов в истории человечества, а также в прогнозировании особенностей возникновения глобального права.

Рассмотрим понятия «цивилизация» и «лидеры».

Термин «цивилизация» происходит от лат. *civilis* – городской, государственный, гражданский. Уже в античные времена оно противопоставлялось понятию *silvaticus* – лесной, дикий,

грубый. В дальнейшем данное понятие приобрело различные значения, например, в эпоху Просвещения под цивилизацией стали понимать высокоразвитое общество, имеющее письменность и города. В настоящее время сформулировано около 200 определений названной категории. Так, А. Тойнби (1889–1975), сторонник теории локальных цивилизаций, называл цивилизацией устойчивую общность людей, объединенных духовными традициями, сходным образом жизни, географическими, историческими рамками. В свою очередь, О. Шпенглер (1880–1936), основоположник культурологического подхода к историческому процессу, полагал, что цивилизация – это высший уровень, завершающий период развития культуры, предшествующий ее смерти (Теория государства и права : учебник / под ред. В. И. Червонюк. М., 2007).

По нашему мнению, наиболее полно отражает содержание понятия «цивилизация» следующее определение: «сообщество людей, имеющих сходную ментальность, общие основополагающие духовные ценности и идеалы, а также устойчивые особые черты в социально-политической организации, экономике, культуре» (История государства и права зарубежных стран : учеб. для вузов по специальности «Юриспруденция» / под ред. К. И. Батыра. 5-е изд. М., 2008). Из приведенной дефиниции следует, что при цивилизационном подходе в центре исторического процесса находятся человек с особенностями его менталитета, сложными взаимосвязями с обществом и общество как саморазвивающаяся система. На наш взгляд, исчезновение отживших цивилизаций и возникновение новых вызвано не

развитием производительных сил (они вторичны), а прежде всего изменениями в ментальности, системе основополагающих ценностей и идеалов. Человек и его миропонимание – первооснова всего, он – начало и конец земного мира. Созданные им цивилизации не являются чем-то неподвижным, они существуют, проходя ряд стадий: зарождение, расцвет, разложение и гибель. Уровень знаний о закономерностях существования цивилизаций таков, что, видимо, сегодня логичнее говорить о продолжительности существования конкретных цивилизаций, поскольку их возникновение, расцвет и гибель обусловлены слишком большим, трудно поддающимся усредненному учету количеством факторов (Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984).

Под термином «лидер» (англ. *leader* – ведущий, руководитель) понимается лицо, занимающее ведущее положение, пользующееся наибольшим авторитетом, влиянием в каком-либо коллективе, обладающее для этого соответствующими качествами (Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: свыше 25000 слов и словосочетаний. М., 2008. С. 467). Если руководство представляет собой процесс внешней социальной организации и управления общением и деятельностью членов группы, то лидерство – процесс ее внутренней социально-психологической самоорганизации и самоуправления (Гаджиев К. С. Политология : учеб. для высш. учеб. заведений. М., 2004. С. 45). Лидеры могут быть на всех уровнях социальной системы, в том числе на межгосударственном. В политологии странами-лидерами принято считать экономически сильные государства, оказывающие политическое влияние на страны, находящиеся на более низкой ступени цивилизационного развития (Кравченко В. И. Основы политологии. М., 2001. С. 78).

В настоящее время в мире параллельно идут два процесса. С одной стороны, каждая цивилизация стремится развить свою неповторимость, аутентичность и уникальность, усиливая при этом духовное начало, развивая традиционные парадигмы культуры, обычаев, языка, укрепляя господствующие технико-экономические и социальные уклады. С другой стороны, продолжается процесс геоэкономической глобализации как более высокой формы интернационализации хозяйственной жизни. Совокупность вассальных отношений, которая связывала центр той или иной цивилизационной системы и подконтрольные страны, уходит в небытие. Теперь на геоэкономическом уровне все более развиваются отношения конкуренции между так называемыми странами – цивилизационными лидерами, которые ориентированы на накопительную модель развития (наиболее мощные из них – США, Китай,

Индия, Венесуэла, Бразилия, Аргентина), и странами-аутсайдерами, которые направлены на потребительскую модель развития. Для последних характерно тотальное и быстрое «прожигание» своих духовных сил, материальных, людских, природных ресурсов, национального богатства в целом (Левич А. П. Мотивы и задачи изучения времени // Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Часть 1. Междисциплинарное исследование : сб. науч. тр. / под ред. Б. В. Гнеденко. М., 1996. С. 134).

Лидерство в цивилизационном процессе проявляется в различных сферах человеческой деятельности. Страна-лидер задает направление развития не только в экономике, политике и культуре, но и в праве (Кравченко В. И. Указ. соч. С. 79). При этом следует отметить, что право возникло не благодаря субъективным желаниям отдельных людей, групп, классов и т. д., а вследствие объективных потребностей человеческого социума. Становление права – это длительный исторический процесс, охватывающий несколько столетий и начавшийся еще в раннем Средневековье. Он протекал эволюционно и более плавно, чем соответствующие процессы в сфере политики и государства, где они нередко принимали форму общественных катаклизмов. В Древние века государства-лидеры определяли содержание права на локальном уровне, в Средние века – на региональном, в период капитализма они порождали глобальное право.

История свидетельствует, что право стало формироваться на этапе первобытных племен, но даже на самых ранних этапах своего развития первобытные общины и племена не существовали раздельно, а были объединены неписаными родовыми законами. Первые обычные нормы зарождались еще в период первобытно-общинного строя, еще до становления государственности. Данные археологии показывают, что уже в то время среди союзов племен существовали племена, которые возглавляли объединение и оказывали влияние на все стороны совместной деятельности, они организовывали внешнюю защиту, обеспечивали другие виды совместной деятельности и при этом определяли содержание первых форм права – правовых обычаев.

В следующие периоды цивилизационного развития лидеры (Древний Рим, Византийская империя, Французское, Английское, Германское государства и т. д.), сменяя друг друга, оказывали существенное влияние на формирование правовых норм. При этом необходимо учитывать, что эпицентры исторического развития, лежащие в основе формирования новых мировых цивилизаций, перемещаются по планете. В последние тысячелетия до нашей эры эпицентр цивилизации находился в Средиземноморье, а затем он сместился на Восток. В конце первого – начале второго тысячелетия вновь переместился в Европу, где

со временем появилась индустриальная цивилизация, перекинувшаяся затем в Северную Америку и охватившая всю планету. В настоящее время эпицентр глобального переворота вновь смещается на Восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион (Япония, США, новые индустриальные страны); просматривается новый подъем в странах Западной Европы. Наряду с лидирующими странами существуют группы стран второго и третьего эшелонов мирового прогресса, отстающие от лидеров на один-два этапа, а на самой дальней периферии – и на одну-две цивилизации (Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999. С. 230–241, 252–261). При этом именно страны-лидеры оказывают непосредственное влияние на становление международной системы права (Гаджиев К. С. Указ. соч. С. 79).

В современном мире в целом существуют два направления культурно-правового развития: западное и восточное. Если говорить о последнем, то оно в основном формировалось и существует на сегодняшний день в форме обычаев и религиозных правовых систем. Западное направление представлено светским правом, существует в двух основных формах: романо-германской и англо-американской. При этом следует заметить, что лидирующее место занимает западная культура права, получившая название в социальных науках как вестернизация (Богатырев В. В. Вестернизация и американизация как фундаментальная основа российской правовой системы // История и методология правовой науки: тенденции и перспективы : материалы междунар. симпозиума. Владимир, 2009. С. 88).

Историко-культурные корни современного западного права складывались на почве созданного в Римской империи римского права, оказавшего существенное влияние на обычное право франков, англов, германцев и т. д. в период Древних веков, а затем рецептировано в национальные правовые системы в период Возрождения и Реформации в конце Средних веков. Вместе с тем правовые системы в эпоху Средневековья были весьма несовершенны, а многие их положения тормозили развитие политической демократии и капиталистического предпринимательства. Эти черты средневековых правовых систем, отличавшихся также отсутствием внутреннего единства, препятствовали прогрессивным изменениям в праве (История государства и права зарубежных стран : учеб. для вузов по специальности «Юриспруденция» / отв. ред. Н. А. Крашенинникова, О. А. Жидков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 85).

Важную роль в реформировании феодального права на рубеже веков сыграла Англия в период английской революции XVII в. и Франция в период французской революции XVIII в. Данные события стали серьезным испытанием на прочность оставшейся от Средневековья правовой

надстройки. Как всякие общественно-политические катаклизмы, эти революции не способствовали непосредственному укреплению правовых начал в обществе. Как показал исторический опыт Франции и Англии, создание нового права происходило не только в годы революционных потрясений, но и в годы, характеризующиеся политической стабилизацией и духом консерватизма. Тем не менее в широкой исторической перспективе названные революции, положив начало перевороту в области экономики и политико-государственных структур, в конечном счете привели к значительным изменениям и в области права, а именно формированию нового правового порядка, способствовавшего возникновению и быстрому развитию капитализма. Таким образом, современное право в странах Запада (в первую очередь в Англии и Франции) складывалось и развивалось как логическое продолжение сложившихся ранее систем средневекового (например общего права) и даже античного (римского) права. Новое право не могло быть чем-то существенно иным, поскольку в своем развитии оно вобрало в себя, сохранило и использовало многие конструктивные, общественно полезные элементы предшествующего права. В древнем мире и в Средние века даже наиболее полные законодательные акты (например Свод законов Юстиниана и др.) никогда не создавали основной массы правовых норм, отличаясь казуистичностью.

Особенно заметным становится воздействие права ведущих держав мира (прежде всего Англии и Франции) на правовую жизнь стран, которые позднее вступили на путь создания капиталистического общества. Взаимодействие правовых систем в данных условиях принимает самые разнообразные формы, а их сходство значительно увеличивается. Этому способствовала аккультурация стран Азии и Африки западной правовой культуры, при этом в некоторых странах она осуществлялась в форме правовой экспансии, особенно в период колониального ига, а в некоторых государствах – в форме более мягкой трансплантации принципов права одних стран в правовые системы других. В немалой степени на процессы растущего взаимодействия и взаимовлияния отдельных национальных правовых систем разных стран в конце XIX – начале XX в. повлияли также новые технические возможности капитализма – современные средства транспорта, связи, информации и т. д.

Следует отметить, что в конце Средневековья существовало два государства-лидера – Англия и Франция, которые постоянно боролись за главенство сначала в европейском регионе, а затем в планетарном. В связи с широкими процессами рецепции и трансплантации права на базе английской и французской национальных правовых систем сложились глобальные правовые семьи –

англо-американская и романо-германская. Названные структурные общности представляли собой две большие группы национальных правовых семей, различающихся по своей внутренней структуре и внешним юридическим характеристикам. Каждая из указанных систем имеет свой «генетический код», свою историю. Несмотря на то, что французская и английская правовые системы уходят своими корнями в Средние века, возникновение мировых систем права связано именно с процессом утверждения господства капитализма (История государства и права зарубежных стран / отв. ред. Н. А. Крашенинникова, О. А. Жидков. С. 126). Доминирующее положение этих стран в сфере права определялось также тем, что в XIX в. они были наиболее богатыми и развитыми, превратившись к тому времени в крупнейшие колониальные державы.

Особенно тесно связано с колониальной политикой образование англо-американской системы права, которая первоначально была англо-саксонской, а при появлении американской правовой системы приобрела свое сегодняшнее значение. Роль колониального фактора в истории этой системы во многом определяется тем, что английское право, уникальное по способам своего образования, содержанию и форме, обладающее большим потенциалом саморазвития, было слишком традиционным, национальным, а потому сложным и недоступным для рецепции, для более или менее широкого восприятия в других странах мира. В итоге англо-саксонская правовая семья превратилась в международную систему не в результате рецепции трудных для понимания английских правовых форм, а путем их трансплантации или насильственного внедрения в процессе колониальной экспансии. Обычно англичане не уничтожали в колониях полностью традиционное местное право (например, индуское, мусульманское, обычное и т. д.), что было просто невозможно сделать, но это право действовало в пределах, установленных английским законодательством или колониальными властями. В таких условиях возникали и своеобразные смешанные правовые системы, состоявшие из элементов английского и местного туземного права (например англо-индуское право).

Традиционное право регулировало главным образом семейные отношения и сохраняло свое подчиненное положение по отношению к английскому праву, которое определяло развитие правовой системы в этих странах в целом. В колониях и протекторатах Англии и Юго-Восточной Азии (Сингапур, Гонконг, Бруней) английское право часто переплеталось с элементами индуского и китайского права, которое действовало в индийских и китайских поселениях и у торговцев, а также с нормами мусульманского права, которое утверждалось здесь по мере распространения ислама. В колониальных владе-

ниях Англии в Африке в определенных пределах (особенно в области семейных, наследственных и других отношений) действовали нормы обычного права, однако воздействие английского права в целом шло по возрастающей линии. Распространению его также способствовало появление нового государства, правовая система которого хоть и имела свои ярко выраженные особенности, но была основана на английском праве (США). В результате во второй половине XX в., когда завершился процесс деколонизации Британской империи, новые государства, возникшие на базе английских колоний, практически оказались в сфере влияния и действия уже англо-американской системы права.

Начиная с конца XIX в. английское право оказывало все большее воздействие на правовые системы и таких стран, которые официально сохраняли независимость, но фактически попали под британское и американское влияние (Египет, Афганистан и др.). Своеобразная смешанная система права возникла исторически и на самих британских островах – в Шотландии. Здесь еще в Средние века применялись многие институты римского права, дополненные практикой шотландских судов, не воспринявших в целом систему общего права. Однако после акта об унии Англии и Шотландии 1707 г., хотя шотландское право и сохранило свой обособленный статус, оно постепенно начало все больше тяготеть к образцам английского права. Укреплению мировых позиций английского права способствовало то обстоятельство, что дела из высших колониальных судов можно было обжаловать в судебном комитете Тайного совета в Лондоне. Несмотря на большое разнообразие правовых систем, выросших на базе бывших колониальных британских владений, они имеют сходство в основных моментах внутренней структуры и самого юридического мышления. В силу особой системообразующей роли в англосаксонской правовой семье общего права Англии эту систему часто называют семьей общего права. В ней преобладает прагматическая концепция права, согласно которой юридическая норма выступает не столько в виде общей и абстрактной нормы поведения, сколько в способе разрешения судебных тяжб. Естественно, что важное место при этом занимает прецедентное, судебское право, для которого процессуальные моменты самого ведения судебных дел (предъявление и оценка доказательств, заслушивание свидетельских показаний и т. д.) имеют нередко большее значение, чем выяснение истины. Таким образом, право в англо-американской семье приобретает процедурный и казуальный характер, а не законодательный и системно-логический. Отказ от широкой рецепции римского права в этой семье способствовал появлению множества юридических понятий, юридических конструкций и терминов, имеющих корни лишь в английской правовой истории.

Под влиянием английской судебной практики в англо-американской правовой семье большое внимание уделялось защите прав личности от произвола государства и общества (История государства и права зарубежных стран / отв. ред. Н. А. Крашенинникова, О. А. Жидков. С. 111).

Романо-германская система (семья) права складывалась под непосредственным влиянием правовых систем Франции и Германии, особенно наполеоновской кодификации, осуществленной еще в начале XIX в. Сам термин «континентальная система права» вошел в оборот в науке сравнительного правоведения в конце XIX в. Данный термин, как и англо-американская система права, оказался достаточно условным и неполно отражающим реальное положение вещей. Первоначально эта система (семья) включала в себя правовые системы ряда стран европейского континента, унаследовавших основные понятия, конструкции, а также общий дух римского права. К этой семье относились правовые системы таких родственных «романских» государств, как Франция, Голландия, Бельгия, Испания, Италия. К указанной группе также относилась Германия, влияние права которой на континентальную систему стало особенно заметным с конца XIX и в первой половине XX в. Германский фактор, отразивший синтез варварского (германского) и римского права, был столь существенным, что сама континентальная система стала называться романо-германской правовой семьей. Континентальная система права в своем развитии рано вышла за рамки европейского континента. В силу влияния римско-испанских правовых традиций ее уже в XIX в. восприняли практически все латиноамериканские республики, где рецепция французского и римского права была особенно глубокой. Основные элементы структуры и отдельные положения континентальной системы были перенесены в XIX в. и в начале XX в. в многочисленные африканские и азиатские колонии Франции, Бельгии, Голландии, Германии. Во второй половине XX в., когда эти колонии получили независимость, их правовые системы оказались «привязанными» к романо-германской правовой семье.

Таким образом, континентальная система права превратилась к концу XIX – началу XX в. в одну из двух мировых систем права. В странах континентальной системы сложились специальные юридические конструкции, обеспечивающие признание верховенства закона. Закон рассматривался здесь как акт верховной власти, наделенный правом устанавливать нормы, имеющие высшую юридическую силу. На законе (конституции) основывалась также иерархия всех соподчиненных и нижестоящих по своей правовой силе нормативных актов. Во Франции в XIX в., как и в континентальной системе в целом, сложилось положение, которое сами французские юристы называли «фетишизацией писаного закона» (История государства и права за-

рубежных стран / отв. ред. Н. А. Крашенинникова, О. А. Жидков. С. 231).

В конце XX – начале XXI в. в мире начался качественно новый этап своего развития, который характеризуется глубинными изменениями всех сторон человеческого бытия и нарастанием глобальных кризисов. В мировой науке эти процессы описываются как глобализация, формирование постиндустриального мира, информационного общества, как переход на ноосферный путь развития; соответственно высказываются спорные оценки происходящего, предлагаются различные направления дальнейшего развития мировой цивилизации (Афонцев С. Проблема глобального управления мирохозяйственной системой: теоретические аспекты // МЭИМО. 2001. № 5. С. 52). В указанный период времени государством-лидером становятся США. В современной науке это влияние стали называть американизацией. Последняя, являясь одной из форм вестернизации, представляет собой пример стихийного или сознательного использования идей синергетики для разрешения тех проблем, с которыми встречается современная западная цивилизация (Богатырев В. В. Указ. соч. С. 89). Суть сложившейся ситуации состоит в том, что США и подверженные ее влиянию индустриально развитые страны достигли значительного уровня благополучия в сфере экономики, технологии, получения, хранения, переработки информации, т. е. создали определенный порядок, который требует поддержания за счет усиления беспорядка во внешней среде. При этом индустриально развитые страны, или так называемый «золотой миллиард», не обеспокоены последствиями возрастания энтропии во внешней по отношению к развитым странам среде.

Таким образом, если до недавнего времени порядок в названных странах существовал преимущественно за счет организации внутренних возможностей этих стран (об этом свидетельствуют достижения в области технологии, науки, экономики), то со временем во многом иссякли возможности поддерживать низкую энтропию за счет внутренних ресурсов вещества, информации и энергии. Именно это обстоятельство вынуждает данные страны торопиться с распространением на весь мир неолиберальных ценностей и открытого рынка и западных, американизированных норм права (Взаимодействие культур Востока и Запада / отв. ред. Е. П. Челышев. М., 1987. С. 78).

Однако ученые прогнозируют появление новых стран-лидеров, влияние которых на развитие права все возрастает: Китай, Индия, Бразилия. Предполагаемые лидеры относятся к восточной традиции права. Они обладают обширными территориями, многочисленным населением и значительным экономическим, энергетическим и экологическим потенциалом. Китай, Индия, Бразилия и несколько в меньшей степени ЮАР оказывают огромное цивилизационно-культурное влияние на соседние с ни-

ми страны и регионы. Цивилизация – это не только и даже не столько экономика и политика. Это то, что через экономику и политику все более активно воздействует на формирование глобальных реальностей. Это культура.

В смысле культуры между «Большим Китаем», «Большой Индией» и «Большой Бразилией» в ее латиноамериканском антураже можно обнаружить больше общего, чем между Китаем, Бразилией, Индией как государствами со всеми их противоречивыми интересами. При этом уместно говорить не о «восходящих странах», а о «восходящих цивилизациях» современного мира (URL: <http://www.gs.com/english/research/reports/report6.html>). Для «коллективного портрета» новых лидеров типичны следующие черты:

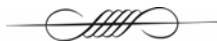
- наличие «имперского» (государственнического) настроения населения, которое связывает свое благополучие с усилением международного влияния своей страны;
- стремление принять на себя возрастающую долю ответственности за международные дела;
- осознание своей «цивилизационной миссии» в ближайшем геополитическом и геоэкономическом окружении;
- стремление к установлению многополюсного миропорядка на принципах равноправия, предсказуемости и порядка; уверенность в необходимости пересмотра ценностной основы существования человечества, отказа от безграничного потребительства, крайностей индивидуализма и морального релятивизма;
- нацеленность на создание глобальной культуры экологизма, коллективизма и духовности (Там же).

Вместе с тем восточные правовые традиции новых государств-лидеров не окажут существенного влияния на глобальное право, поскольку их правовые системы относятся к так называемым смешан-

ным правовым семьям, в которых публичная сфера представлена западными нормами права (например, в Китае – социалистическим правом; Индии – английским; Бразилии – германским), а частная сфера основана на религиозных нормах (например, в Китае – конфуцианстве; Индии – индуизме; Бразилии – католицизме). Данные особенности новых стран-лидеров, разумеется, отразятся на их деятельности в сфере построения глобального права. При этом возможно предположить, что при довольно широком спектре культурных составляющих их права они будут вынуждены проявлять толерантность в нормативно-правовой сфере, что сделает нормы глобального права более гибкими и восприимчивыми для других правовых культур различных стран мира.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что взятый на вооружение в современной науке цивилизационный подход в изучении права предполагает постижение, осмысление и анализ правовых явлений в контексте национальной культуры, что позволяет выделить особенности культурно-исторической преемственности в развитии формирующегося глобального права.

По нашему мнению, в идеале такое право должно взять от каждой эпохи развития человечества только самое лучшее, однако, как показывает практика, это не всегда возможно, так как развитие права стран-лидеров во многом зависит от выбора политической элиты. При этом можно утверждать, что даже при смещении центра цивилизационного развития в восточный регион планеты глобальное право по-прежнему будет основываться на западной традиции права (во всяком случае в публичной сфере), поскольку правовые системы предполагаемых лидеров цивилизационного процесса Китая, Индии, Японии созданы на ее базе, а его нормы будут более толерантны, так как новые лидеры в частной сфере представляют более широкий спектр религиозных нормативных блоков.

Библиографический список

1. *Алексеев, В. П.* Становление человечества / В. П. Алексеев. – М., 1984.
2. *Афонцев, С.* Проблема глобального управления мирохозяйственной системой: теоретические аспекты / С. Афонцев // МЭИМО. – 2001. – № 5.
3. *Богатырев, В. В.* Вестернизация и американизация как фундаментальная основа российской правовой системы / В. В. Богатырев // История и методология правовой науки: тенденции и перспективы : материалы междунар. симпозиума. – Владимир, 2009.
4. История государства и права зарубежных стран : учеб. для вузов по специальности «Юриспруденция» : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Крашенинникова, О. А. Жидков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2009.
5. *Яковец, Ю. В.* Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю. В. Яковец. – М., 1999.

Bibliographical list

1. *Alekseev, V. P.* Mankind Formation / V. P. Alekseev. – M., 1984.
2. *Afontsev, S.* The Problem of Global Management of the World Economic System: Theoretical Aspects / S. Afontsev // MEIMO. – 2001. – № 5.
3. *Bogatyryov, V. V.* Westernization and Americanization as the Fundamental Basis of the Legal System of Russia / V. V. Bogatyryov // History and Methodology of Legal Science: Tendencies and Prospects. – Vladimir, 2009.
4. History of State and Law of Foreign Countries : in 2 v. / ed. by N. A. Krashenninnikova, O. A. Zhidkov. – 3rd ed. rev. and suppl. – M., 2009.
5. *Yakovets, Yu. V.* Cycles. Crises. Forecasts / Yu. V. Yakovets. – M., 1999.

М. Д. Витина,
соискатель кафедры административного права
Московской государственной юридической академии
им. О. Е. Кутафина

M. D. Vitina,
applicant of the Department of Administrative Law
of the Kutafin Moscow State
Academy of Law

СИСТЕМА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

The Penitentiary System of Western Europe

Аннотация. В статье анализируются уголовно-исполнительные системы некоторых стран Западной Европы: Великобритании, Франции, Швейцарии, Финляндии и Бельгии. С позиций системного подхода раскрыты следующие аспекты: правовая регуляция исполнения наказаний, виды исправительных учреждений, структура и особенности исполнения наказаний в различных исправительных учреждениях, а также индивидуализация исполнения наказаний при различных условиях. Отдельно анализируются нормы международных документов в области регуляции исполнения наказаний и их влияние на пенитенциарную систему России.

Ключевые слова: пенитенциарная система европейских государств, виды исправительных учреждений, правовое регулирование исполнения наказаний, нормы международных документов, влияние на пенитенциарную систему.

Annotation. In the article the penal systems of such countries of Western Europe as Great Britain, France, Switzerland, Finland and Belgium are analyzed. With the help of the system approach the following aspects are covered: legal regulation of execution of punishments, kinds of corrective institutions, structure and features of execution of punishments in various corrective establishments, and the individualization of execution of punishments under various conditions. Norms of the international documents in the field of regulation of execution of punishments and their influence on the penitentiary system of Russia are separately analyzed.

Key words: penitentiary systems of the European states, kinds of corrective establishments, legal regulation of execution of punishments, norms of the international documents, influence on the penitentiary system.

Термин «пенитенциарный» происходит от лат. *poenitentarius* – исправительный и означает порядок отбывания наказания в виде лишения свободы по приговору суда. Появление понятия «пенитенциарная система» связано с именем монаха Бенедиктинского ордена Ж. Мабильона, который предложил особую систему мер исправления преступников. По его мнению, спасения человека, впавшего в грех преступления (его исправления), можно достичь через духовное очищение – молитвы и покаяние, а также содержание (наказание) греховной плоти в условиях сурового заключения. Со временем отдельные положения предложенной Ж. Мабильоном концепции нашли свое воплощение в создаваемых в Европе различного рода заведениях тюремного типа, таких как, например, исправительно-трудовые дома для детей в Генуе и Риме (1653 и 1735 гг.) и взрослых преступников в Милане (1766 г.) и др. (Иванов А. А. Научно-гуманистическая мысль и становление западноевропейской пенитенциарной системы в XVIII – первой половине XIX в. // Юрид. образование и наука. 2005. № 3. С. 33–36).

Тюремная служба **Великобритании** представлена Центральным управлением, расположенным в Лондоне, и 15 региональными управлениями, каждое из которых руководит деятельностью семи-восьми пенитенциарных учреждений графства.

В тюремной службе Великобритании существуют следующие категории учреждений, в которых содержатся заключенные:

- мужские тюрьмы – учреждения для мужчин-заключенных старше 21 года;
- женские тюрьмы – учреждения для женщин-заключенных всех возрастов;
- учреждения для молодых правонарушителей – учреждения для молодых преступников (мужчин с 17 до 21 года). Иногда в них содержатся несовершеннолетние правонарушители с 15 до 17 лет;
- учреждения для несовершеннолетних – учреждения для несовершеннолетних правонарушителей с 15 до 17 лет. Иногда там содержатся дети с 12 до 14 лет;
- местные тюрьмы – учреждения для находящихся под следствием осужденных (сразу после суда) или лиц, ожидающих распределения для отбывания наказания в конкретное подразделение;
- тюрьмы для заключенных с пожизненным сроком – учреждения, известные как центры пожизненного заключения. В них содержатся заключенные пожизненно или с определенными долгими сроками лишения свободы;
- «рассеиватели» (высокого уровня охраны) – используются для содержания заключенных с необходимым высоким уровнем охраны и некоторых особо опасных преступников;
- тюрьма категории А – высший уровень безопасности (стены);
- тюрьма категории В – высокий уровень безопасности (стены);
- тюрьма категории С – средний уровень безопасности (забор, перемещение внутри тюрьмы);

– тюрьма категории D – открытый режим (Хуторская Н. Б. Исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы в Англии и Уэльсе : лекция. М., 1995).

Современная тюремная система **Англии и Уэльса** представляет собой единую государственную структуру, обеспечивающую исполнение наказания в виде лишения свободы, а также содержание лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде содержания под стражей.

В Англии сформировалась специфическая система наблюдения и контроля за тюремной службой, в центре которой находится *Управление главного тюремного инспектора Министерства внутренних дел*. Данное Управление является независимым по отношению к тюремной службе и осуществляет ежегодные плановые и внеплановые проверки состояния дел во всех учреждениях тюремной службы, материалы которых докладываются государственному секретарю, а в отдельных случаях заслушиваются парламентом (Сафронов А. М. Правоохранительные органы Великобритании. М., 1986. С. 51).

Важнейшую роль в организации общественного контроля за тюрьмами Англии и Уэльса играют *комитеты посетителей*, осуществляющие не только общественный контроль за исполнением наказания в виде лишения свободы, но и определенные общественные управленческие функции в тюрьмах. Отличительная особенность английской тюремной службы состоит в том, что деятельность данной общественной структуры имеет четкую правовую основу. Задачи и функции комитета посетителей определены Тюремными правилами.

Деятельность тюрем во **Франции** регулируется Уголовно-процессуальным кодексом. Руководство тюрьмами осуществляет Министерство юстиции. Высшим органом пенитенциарной системы Франции является Дирекция пенитенциарной администрации, которой подчиняются региональные дирекции, миссия заморских территорий, тюремные учреждения, медицинское учреждение, службы реабилитации и пробации, служба пенитенциарной занятости, национальная школа пенитенциарной администрации.

Исполнение наказаний во Франции основано на применении прогрессивной системы и включает в себя центральные и местные тюрьмы для взрослых осужденных и специальные исправительные учреждения для несовершеннолетних преступников. Лица, осужденные на срок свыше одного года лишения свободы, направляются для отбывания наказания в центральные тюрьмы, осужденные на срок менее одного года – в местные тюрьмы. Первоначально, с целью привыкания к тюремному режиму и условиям изоляции, осужденные содержатся в одиночных камерах

(не более 45 суток), где они тщательно изучаются представителями администрации. Затем к ним применяются меры, соответствующие определенной ступени прогрессивной системы, которая складывается из следующих этапов: 1) одиночное заключение с классификацией на исправимых, неисправимых, сомнительных; 2) установление порядка, при котором исправимые осужденные днем работают вместе, а ночуют в одиночных камерах; 3) увеличение количества льгот; 4) переход на полусвободный режим (с возможностью трудиться за пределами тюрьмы и посещать родственников); 5) условное освобождение за хорошее поведение (Гришаев П. Г., Пипия А. Частные тюрьмы во Франции // Сов. юстиция. 1990. № 12).

Местные тюрьмы создаются в каждом департаменте. Они включают в себя арестные дома, исправительные центры и предназначены для содержания лиц, заключенных под стражу, и осужденных за малозначительные преступления.

Одной из особенностей пенитенциарной системы Франции можно считать существование частных заведений исполнения наказания для несовершеннолетних преступников. Данные заведения создаются благотворительными организациями и религиозными общинами, но государство постоянно держит их в поле зрения.

Другой особенностью пенитенциарной деятельности во Франции является роль судей в исполнении наказания. Закон предоставляет им большие полномочия в сокращении сроков лишения свободы и применении условного освобождения.

Во Франции контроль за деятельностью пенитенциарных учреждений осуществляют: местные органы (специальная комиссия по надзору под председательством префекта); вышестоящие в подчиненности тюремные органы; суды (в том числе Европейский Суд по правам человека); комиссии высших административных органов; международные организации (например Комитет по предотвращению пыток). Важная роль в осуществлении контроля принадлежит неправительственным организациям.

Местами лишения свободы в **Швейцарии** выступают тюрьмы, которые подразделяются на два вида: открытого типа и каторжные. В первых содержатся впервые осужденные, во вторых – рецидивисты. Однако различий в условиях тюремного содержания нет, отличаются они только степенью изоляции (безопасности).

Тюрьмы открытого типа в какой-то степени схожи с российскими колониями-поселениями: не имеют ограждений, их территория лишь обозначена, а заключенные могут работать за ее пределами. Тюрьмы закрытого типа имеют все тюремные атрибуты, т. е. инженерно-техничес-

кие сооружения и средства охраны (Поздняков В. М. Пенитенциарные системы зарубежных стран. М., 2000).

В Швейцарии имеется 26 видов (систем) исполнения наказания. Центральных, т. е. федеральных, исправительных учреждений не существует. Однако, поскольку не все кантоны могут самостоятельно с экономической точки зрения организовать и содержать тюремные учреждения, кантоны объединяются в конкордаты по исполнению наказаний.

Существует всего три вида наказания: штраф, лишение свободы и превентивные меры. Срок тюремного заключения не может превышать 20 лет.

В пенитенциарную систему Швейцарии входят учреждения полусвободного режима, в которых заключенные находятся только ночью и в выходные дни. В остальное время они продолжают работать там же, где трудились до вынесения приговора. Этот вид наказания применяется с учетом личности преступника, тяжести совершенного им преступления и уверенности суда в том, что человек, преступивший закон, может в данном случае исправиться без полной изоляции его от общества. Несовершеннолетние преступники в Швейцарии содержатся в воспитательных домах, где на каждого заключенного приходится один воспитатель (Тюремная реформа в странах бывшего тоталитаризма : материалы междунар. конф. М., 1993).

Тюрьмы **Финляндии** находятся в ведении Министерства юстиции. В 1972 г. в стране была отменена смертная казнь, поэтому лишение свободы рассматривается как самое суровое уголовное наказание, его максимальный срок не может превысить 15 лет (однако в исключительных случаях предусмотрено и пожизненное лишение свободы).

Пенитенциарная система Финляндии включает в себя тюремные заведения закрытого, открытого и смешанного типов. Все они подчиняются Тюремному департаменту Министерства юстиции. Имеется 17 закрытых и 5 открытых пенитенциарных учреждений. Помимо этого существуют: психиатрическая больница для заключенных в г. Турку, тюремная больница в г. Хямеэнлинна, Центр обучения тюремных служащих в г. Хельсинки. Большинство тюрем располагается в зданиях классической постройки, возведенных еще в XIX в. Например, тюрьма в г. Вааса построена в 1863 г., а в г. Хельсинки – в 1881 г.

Отличительной особенностью можно назвать то, что в одних и тех же тюрьмах, в основном в губернских, содержатся как заключенные (осужденные), так и подсудимые, причем на общих основаниях.

В зависимости от степени надзора и изолированности осужденных все тюрьмы подразделя-

ются на три вида: повышенной безопасности (3 тюрьмы), средней безопасности (11) и открытые тюрьмы (3).

Помимо тюрем в Финляндии есть трудовые колонии, в которых содержится по несколько десятков человек. Эти колонии, во многом похожие на колонии-поселения России, организуются при отдельных тюрьмах и предназначены для выполнения краткосрочных строительных работ (взлетно-посадочных полос аэродромов, шоссейных дорог, реконструкции или ремонта иных объектов). Заключенные таких колоний проживают в небольших деревянных домиках (в России их называют финскими).

Тюремная система **Бельгии** имеет давнюю историю. Еще с 1835 г. все городские тюрьмы преобразованы в учреждения одиночного заключения для всех категорий преступников. Система одиночного заключения в них была проведена с абсолютной последовательностью: заключенные работали в одиночных камерах; прогулки организовывались в одиночку в закрытых секторах тюремного двора; в тюремной церкви, куда заключенных обязательно водили, были построены изолированные клетки; вне камеры на заключенного надевалась маска, лишавшая его возможности кого-либо видеть. Максимальный срок одиночного заключения составлял 10 лет, но мог быть продлен, если осужденный был согласен и не просил о переводе на общее заключение. Такая система тюрем просуществовала в Бельгии до 1920 г. (85 лет). В 1915 г. более 9/10 всех заключенных отбывали наказание в одиночных камерах. Маски с заключенных были сняты лишь в 1920 г. В этот период движение по либерализации под воздействием идей «новой социальной защиты» коснулось и Бельгии.

В бельгийском уголовном законодательстве предусмотрены следующие формы лишения свободы: каторжные работы, тюремное заключение и арест, т. е. наказания, которые исполняются в основном в тюрьмах и арестных домах. Взамен старых тюремных правил в качестве основного правового акта, регулирующего порядок исполнения этих наказаний, в Бельгии был принят Регламент исправительных учреждений, введенный в действие с 1 июля 1965 г. Данный правовой акт содержит общие положения и определяет только основные принципы наказания в виде лишения свободы. Что касается многих других вопросов исполнения наказания, режима содержания осужденных и методов обращения с ними, то они предусматриваются в положениях, принимаемых отдельно для каждого учреждения (Обследование пенитенциарных систем в государствах – членах Совета Европы. М., 1991).

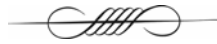
Руководство карательно-исправительными учреждениями осуществляет Министерство юс-

тиции. Учреждения подразделяются на три основных типа: закрытые, полуоткрытые и открытые. Последние отличаются режимом содержания, который базируется на личной дисциплине самих заключенных. Закрытые учреждения характеризуются жесткой системой охраны и контроля за заключенными. В полуоткрытых учреждениях охрана сведена до необходимого минимума. Здесь заключенные могут свободно передвигаться по территории учреждения.

Следует учитывать, что именно на основании норм основных международных документов,

регламентирующих деятельность зарубежных пенитенциарных учреждений, будут в дальнейшем определяться основные направления социальной политики в отношении осужденных к лишению свободы в России.

Несмотря на национальные и другие особенности, опыт Западной Европы в построении и управлении системой исполнения наказаний позволит Российской Федерации в условиях реформирования своей пенитенциарной системы избежать ряда ошибок в перестройке деятельности учреждений, их исполняющих.

Библиографический список

1. *Гришаев, П. Г.* Частные тюрьмы во Франции / П. Г. Гришаев, А. Пипия // Сов. юстиция. – 1990. – № 12.
2. *Иванов, А. А.* Научно-гуманистическая мысль и становление западноевропейской пенитенциарной системы в XVIII – первой половине XIX в. / А. А. Иванов // Юрид. образование и наука. – 2005. – № 3.
3. Обследование пенитенциарных систем в государствах – членах Совета Европы. – М., 1991.
4. *Поздняков, В. М.* Пенитенциарные системы зарубежных стран / В. М. Поздняков. – М., 2000.
5. *Сафронов, А. М.* Правоохранительные органы Великобритании / А. М. Сафронов. – М., 1986.
6. *Хуторская, Н. Б.* Исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы в Англии и Уэльсе : лекция / Н. Б. Хуторская. – М., 1995.

Bibliographical list

1. *Grishaev, P. G.* Private Prisons in France / P. G. Grishaev, A. Pipiya // Sovetskaya Yustitsiya. – 1990. – № 12.
2. *Ivanov, A. A.* Scientific and Humanistic Idea and Formation of the West European Penal System of the XVIIIth Century and in the First Half of the XIXth Century / A. A. Ivanov // Yuridicheskoe Obrazovanie. – 2005. – № 3.
3. Inspection of the Penal Systems in the Member States of the Council of Europe. – М., 1991.
4. *Pozdnyakov, V. M.* Penal Systems in Foreign Countries / V. M. Pozdnyakov. – М., 2000.
5. *Safronov, A. M.* Law Enforcement Agencies in the UK / A. M. Safronov. – М., 1986.
6. *Khutorskaya, N. B.* Execution of a Criminal Penalty in the Form of Confinement in England and Wales // N. B. Khutorskaya. – М., 1995.

Р. А. Махмутов,
*адъюнкт кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России*

R. A. Makhmutov,
*post-graduate student of the Department
of Management of Crime Investigation Bodies
of the Academy of Management of the Ministry
of the Internal Affairs of Russia*

**НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ О СРОКАХ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

**Some Issues Concerning the Period of Detention
(Considering the Example of the Kyrgyz Republic)**

Аннотация. Статья посвящена проблемам исчисления срока содержания обвиняемого под стражей. Автор анализирует действующее законодательство Кыргызской Республики и других стран, правоприменительную практику и делает вывод о необходимости внесения изменений в уголовное судопроизводство Кыргызской Республики.

Ключевые слова: сроки содержания под стражей и следствия, досудебные стадии, прокурорский надзор.

Annotation. The article deals with the problems of calculating the period of detention for the accused. The author analyzes the current legislation of the Kyrgyz Republic and other countries, the law enforcement practice and draws the conclusion about the necessity of introducing changes in the criminal court proceedings of the Kyrgyz Republic.

Key words: periods of detention and investigation, pre-trial stages, prosecutor's supervision.

В системе мер пресечения заключение под стражу занимает особое место, поскольку оно связано с ограничением права на неприкосновенность личности, гарантированного Конституцией Кыргызской Республики (далее: КР). Существенно ограничивая личную свободу человека, данная мера должна применяться лишь в действительно необходимых случаях и в строгом соответствии с законом. Важнейшей гарантией законности применения меры пресечения в виде заключения под стражу являются процессуальные сроки.

В УПК КР сроки содержания под стражей обвиняемых установлены ст. 111 «Сроки содержания под стражей и порядок их продления», где сказано, что основной срок содержания под стражей составляет два месяца. Данное требование является общим при избрании такой меры пресечения, как заключение под стражу, причем этот срок не должен превышать двух месяцев с момента задержания обвиняемого до направления дела в суд.

В результате анализа российского уголовно-процессуального законодательства было выявлено несоответствие срока содержания обвиняемого под стражей (не может превышать двух месяцев по ст. 109 УПК РФ) сроку предварительного следствия, который согласно ст. 162 УПК РФ составляет также два месяца. Однако в срок следствия входит время со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением. То есть в течение двух месяцев содержания обвиняемого под стражей следствие должно быть закончено, все потерпевшие и обвиняемые ознакомлены с материалами уголовного дела, при этом дело должно быть передано прокурору, изучено им в течение

десяти суток и направлено в суд. Таким образом, разница во времени составляет десять дней, в течение которых уголовное дело находится у прокурора, и последний согласно ст. 221 УПК РФ обязан принять решение по делу, поступившему к нему с обвинительным заключением (Анашкин О. А. Сроки в уголовном процессе на досудебных стадиях : учеб. пособие. М., 2006. С. 86).

Вышеприведенный пример свидетельствует о том, что вопрос об исчислении процессуальных сроков в международной правоприменительной практике и юридической науке до сих пор однозначно не решен.

В советский и современный периоды в России также высказывались различные точки зрения по данному вопросу. Например, Ю. Д. Лившиц полагал, что срок содержания под стражей во время расследования (два месяца) равен сроку предварительного следствия (Лившиц Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 80).

Такие ученые, как: Н. В. Жогин, А. Любавин, С. Некрасов, И. Л. Петрухин, В. Шимановский – полагали, что установленный законом срок содержания обвиняемого под стражей охватывает весь период содержания под стражей в качестве меры пресечения при расследовании дела, поэтому в срок содержания под стражей входит и время нахождения дела у прокурора (Жогин Н. В. Строго соблюдать сроки следствия // Соц. законность. 1970. № 3. С. 18 ; Любавин А., Шимановский В. Исчисление сроков на предварительном следствии // Соц. законность. 1968. № 10. С. 39 ; Некрасов С. Исчисление сроков предварительного следствия и содержания под стражей // Законность. 1997. № 6 ; Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 186).

Так, Устав уголовного судопроизводства, принятый в Российской империи в 1864 г., не устанавливал специальные сроки содержания под стражей в досудебных и судебных стадиях уголовного процесса. Эти сроки определялись сроками расследования и судебного разбирательства.

В Кыргызской Республике к данному вопросу законодатель подошел весьма своеобразно: Законом КР от 25 июня 2007 г. № 91 «О внесении изменений и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики» (Эркинтоо. 2007. 18 июля) были исключены моменты начала и окончания следствия в ч. 2 ст. 166 УПК КР. Однако, как и ранее, в настоящий момент в срок следствия также включается время с момента возбуждения уголовного дела до направления его в суд либо до дня вынесения постановления о прекращении дела, причем следствие по делу должно быть окончено с учетом пяти дней (по УПК РФ – десять дней), отведенных законом прокурору для изучения дела. Между тем данное исключение авторы научно-практического комментария к УПК КР считают «не совсем верным» (Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Кыргызской Республики. Бишкек, 2008. С. 388), и мы полностью разделяем их мнение. Так, фактически пять суток, в течение которых прокурор может рассматривать материалы уголовного дела, вычитаются из сроков следствия, и получается, что реальный срок следствия составляет уже не два месяца, а один месяц и двадцать пять дней. Если учесть и тот факт, что необходимо время на ознакомление обвиняемого и его защитника, а также потерпевшего с материалами уголовного дела, то срок следствия сокращается еще на пять-десять дней (согласно ст. 217 УПК РФ этот срок не имеет ограничения), так как в соответствии с ч. 2 ст. 166 УПК КР «срок ознакомления защитника и обвиняемого с материалами уголовного дела в случаях, предусмотренных частями четвертой и пятой настоящей статьи, а также частями второй и третьей статьи 111 настоящего Кодекса, засчитывается в срок следствия»¹.

Кроме того, после проведения следствия необходимо еще примерно пять дней на то, чтобы уголовное дело прошить, пронумеровать и составить опись, и в результате получается, что срок следствия составляет в целом только полтора месяца. Этого времени для расследования уголовного дела явно недостаточно, поскольку экспертизы проводятся в течение пятнадцати-двадцати дней; свидетели не всегда являются в

установленные сроки; обвиняемые и адвокаты затягивают проведение следственных действий, большинство из которых необходимо согласовывать с прокурором и получать согласие в суде, что особенно проблематично, если учесть, что в производстве у следователя нередко находится по десять-пятнадцать уголовных дел, и т. д.

Правильное решение вопроса о том, необходимо или нет различное исчисление срока следствия и срока содержания под стражей, имеет большое значение для следственной практики. Объясняется это следующим обстоятельством: при отрицательном ответе на поставленный вопрос нередко возникает необходимость возбуждения ходатайства о продлении срока содержания под стражей, тогда как при положительном ответе в ряде случаев дело может быть закончено без продления этого срока в полном соответствии с принципиальным положением законодательства цивилизованных государств о том, что «заключение под стражу должно быть как можно менее продолжительно...» (Михайлов В. А. Процессуальные сроки содержания обвиняемых под стражей. М., 1995. С. 3).

Не менее спорным является вопрос о том, почему деятельность прокурора по делу, поступившему к нему с постановлением об окончании следствия, входит в стадию производства следствия.

По УПК Болгарии деятельность прокурора на данном этапе включена в состав досудебного производства в качестве самостоятельной стадии (Милушев Д. В. Особенности предварительного производства в уголовном процессе Народной Республики Болгарии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 8).

В соответствии с п. 5 ст. 6 УПК Республики Беларусь полномочия прокурора и решение им вопроса о направлении дела в суд не входят в досудебное производство, но и не относятся к производству в суде, составляя самостоятельную стадию процесса – действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему для направления в суд (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001).

Согласно уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации (п. 9 ст. 5), Республики Узбекистан (гл. 46 разд. 9), Таджикской Республики (гл. 19 разд. 3), Республики Казахстан (ч. 28 ст. 7) и Кыргызской Республики (ст. 5) действия прокурора по делу, поступившему к нему с постановлением об окончании следствия (обвинительным заключением), входят в досудебное производство, а именно в стадию производства следствия (предварительного расследования).

По нашему мнению, действия прокурора по делу, поступившему к нему с постановлением об окончании следствия, образуют самостоятель-

¹ Ранее, до вступления в силу Закона КР от 25 июня 2007 г. № 91, срок ознакомления не включался в срок следствия.

ную стадию досудебного производства, ту стадию, где прокурор в полном объеме проверяет соблюдение требований закона по законченному расследованием делу.

Согласно УПК КР уголовное дело заканчивается постановлением либо об окончании следствия, либо о прекращении уголовного дела, либо о передаче уголовного дела в суд для применения мер медицинского характера. С момента поступления таких постановлений к прокурору и начинается заключительная часть прокурорского надзора за расследованием, во время которой в полном объеме проверяется соблюдение требований закона по законченному расследованием делу. После передачи дела следователем прокурору уже никаких действий следственного характера не производится. На данном этапе уголовного судопроизводства прокурор выполняет свою функцию надзора вне рамок предварительного расследования (Михайлов В. А. Указ. соч. С. 14).

Окончание расследования с постановлением об окончании следствия определяют специфику прокурорского надзора на данном этапе. Здесь прокурор обязан изучить все материалы уголовного дела, учесть и оценить установленные по делу обстоятельства в их совокупности, проверить на этой основе полноту произведенного расследования, обоснованность предъявленного обвинения, имеющиеся в деле доказательства, правильность вывода о событии и составе преступления, об объеме и квалификации обвинения, соблюдение всех иных требований закона. Вполне очевидно, что перечисленные задачи не равнозначны задачам текущего прокурорского надзора. Их осуществлением обеспечивается цельность и завершенность прокурорского надзора за производством следствия.

Особенностью заключительного этапа прокурорского надзора за следствием является то, что он осуществляется не параллельно с производством следствия, а после его завершения, образуя промежуточную часть между производством следствия и подготовительными действиями к судебному заседанию (преданием обвиняемого суду).

Кроме того, в предусмотренные пять суток заключительной части прокурорского надзора прокурор обязан рассмотреть поступившее к нему дело с постановлением об окончании следствия и принять по нему одно из предусмотренных в законе решений (ст. 238 УПК КР).

Перечисленные особенности заключительного этапа прокурорского надзора за производством следствия и определяют ее самостоятельность по отношению к той части процесса, на протяжении которой непосредственно осуществляется производство следствия. Вывод о том, что действия прокурора по делу, поступившему к нему с постановлением об окончании следствия,

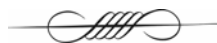
представляют собой самостоятельную часть стадии производства следствия, вытекает также из того, что в данной части, в отличие от той, в которой производится расследование дела, закон не предусматривает приостановления исполнения решения прокурора об изменении объема обвинения, о квалификации преступления и прекращении дела в случае обжалования следователем такого решения вышестоящему прокурору.

Что же касается процессуального положения обвиняемого, то оно действительно не меняется при поступлении дела с постановлением об окончании следствия к прокурору. Однако это обстоятельство не влияет на вывод о том, что рассматриваемая часть прокурорского надзора – самостоятельная часть стадии производства следствия. Изменение процессуального положения обвиняемого не является обязательным условием перехода дела даже из одной стадии процесса в другую. Поступление, например, уголовного дела в суд само по себе не влечет изменения процессуального положения обвиняемого. Кстати, прекращение дела, а следовательно, и изменение процессуального положения обвиняемого возможны и при рассмотрении дела прокурором.

Кроме того, согласно результатам анализа проведенного нами анкетирования следственных работников органов внутренних дел КР почти 85 % респондентов указали, что требование закона об ознакомлении прокурора с материалами уголовного дела в течение пяти суток не соблюдаются в полном объеме, оно действует лишь формально, а прокуроры данную процедуру изучения уголовного дела нередко осуществляют за полчаса, а при выявлении нарушения направляют дело на восполнение пробелов следствия в установленном законом порядке.

Таким образом, в уголовном процессе КР прокурорский надзор в досудебном производстве представляет собой своего рода совокупность двух относительно самостоятельных частей: 1) часть, на протяжении которой осуществляется непосредственный надзор за расследованием по уголовному делу, т. е. текущий надзор; 2) заключительная часть прокурорского надзора за исполнением законов после производства следствия, т. е. заключительный надзор.

Не менее очевидным представляется вывод о том, что предусмотренный в ст. 166 УПК КР двухмесячный срок производства следствия не включает в себя время рассмотрения прокурором дела с постановлением об окончании следствия, поскольку данный срок, как это прямо указано в законе, предусмотрен для расследования дела (а не для прокурорского надзора). Поэтому и срок содержания под стражей обвиняемого должен быть предусмотрен только для расследования уголовного дела.

Библиографический список

1. Гуляев, А. П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования / А. П. Гуляев. – М., 1976.
2. Лившиц, Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе / Ю. Д. Лившиц. – М., 1964.
3. Михайлов, В. А. Процессуальные сроки содержания обвиняемых под стражей / В. А. Михайлов. – М., 1995.
4. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – М., 1989.

Bibliographical list

1. Gulyaev, A. P. Procedural Deadlines at the Stages of Criminal Proceedings and Preliminary Investigation / A. P. Gulyaev. – M., 1976.
2. Livshits, Yu. D. Measures of Restraint in the Soviet Criminal Process / Yu. D. Livshits. – M., 1964.
3. Mikhailov, V. A. Procedural Deadlines for the Detention of the Accused / V. A. Mikhailov. – M., 1995.
4. Petrukhin, I. L. The Inviolability of the Person and Coercion in the Criminal Process / I. L. Petrukhin. – M., 1989.

Б. Т. Молдобаев,
адъюнкт кафедры
государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России

B. T. Moldobaev,
post-graduate student
of the Department of State Law Studies
of the Academy of Management of the Ministry
of the Internal Affairs of Russia

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КАК ОСНОВНОГО СУБЪЕКТА КОНСТИТУЦИИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

The Constitutional Court as the Main Body Conducting Legal Protection of the Constitution of the Kyrgyz Republic: Problems of the Legal Status

Аннотация. Статья посвящена вопросам определения главенствующего статуса Конституционного суда Киргизии в системе органов, призванных осуществлять правовую охрану Конституции Кыргызской Республики. Раскрывается и анализируется законодательная база, регламентирующая деятельность Конституционного суда Киргизии, предлагается внесение некоторых изменений в законодательство в части, касающейся материальной и финансовой независимости деятельности Конституционного суда Киргизии.

Ключевые слова: Конституция Кыргызской Республики, законы, правовой статус, конституционный контроль, правовая охрана конституции, принципы и гарантии деятельности судебной системы, «разделение властей».

Annotation. The article is devoted to determining the dominant status of the Constitutional Court of the Kyrgyz Republic among the bodies designated to conduct legal protection of the Constitution of the Kyrgyz Republic. The author reveals and analyzes the legal base regulating the activities of the Constitutional Court. Certain changes of the legislation in the sphere of material and financial independence of the Constitutional Court of the Kyrgyz Republic are suggested.

Key words: the Constitution of the Kyrgyz Republic, laws, legal status, constitutional control, legal protection of the constitution, the principles and guarantees of the activity of the judicial system, the separation of powers.

Мировая практика свидетельствует, что каким бы совершенным ни был законодательный орган, периодически неизбежно принятие им законов, в той или иной мере противоречащих или не соответствующих конституции. Это связано, во-первых, с тем, что законы разрабатываются парламентариями и специалистами с неодинаковой степенью квалифицированности; во-вторых, законы периодически лоббируются различными политическими силами, иногда ставящими свои конъюнктурные и корпоративные интересы выше государственных. Этому также способствует несовершенство самой человеческой природы с присущей человеку возможностью ошибаться. Между тем антиконституционные законы и иные акты наносят большой вред, поскольку ставят под сомнение компетентность всего государственного аппарата и влияют на принятие решений, размывающих конституционный порядок, от которых страдают важнейшие достижения человеческой цивилизации – права и свободы человека и гражданина.

Исходя из принципа «разделения властей» функцию обеспечения конституционной законности следует доверить судебной власти, поскольку самому парламенту было бы трудно и нецелесообразно осуществлять контроль за своей же деятельностью, а глава государства часто исполняет функцию также главы исполнительной власти, которая не может контролировать власть законодательную.

В Кыргызской Республике функции осуществления конституционного контроля принадлежат Конституционному суду Киргизии (далее: Конституционный суд), созданному в 1993 г.

Конституционный суд занимает особое место в системе государственных органов. Согласно ст. 1 Закона КР от 18 декабря 1993 г. № 1335-ХП «О Конституционном суде Кыргызской Республики» он является высшим органом судебной власти по защите Конституции КР и учреждается в целях обеспечения верховенства Основного закона страны на территории Киргизии, защиты конституционного строя, прав и свобод граждан (Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1994. № 2. С. 46, 48).

Правовой статус, полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного суда четко определяются Конституцией КР, законами КР «О Конституционном суде Кыргызской Республики» и от 18 декабря 1993 г. № 1337-ХП «О конституционном судопроизводстве Кыргызской Республики», принятыми 18 декабря 1993 г., действующими в редакции от 20 июля 2009 г. Основной нормативной правовой базой организации, компетенции и деятельности Конституционного суда в соответствии со ст. 82 Конституции КР являются Конституция Кыргызстана, вышеуказанные законы и Регламент Конституционного суда. Конституционный суд учреждается в единственном числе, а не возглавляет систему органов конституционной юстиции.

Конституцией КР 1993 г. закреплена трехзвенная система конституционного контроля: Президент КР, Жогорку Кенеш (Парламент) КР, Конституционный суд. Главная роль в осуществлении правовой охраны Конституции КР принадлежит Конституционному суду. Таким образом, можно сказать, что в Киргизии идет процесс перехода от чисто парламентского конституционного контроля, принятого в Советской Киргизии, к чисто конституционному правосудию, что во многом соответствует европейской модели конституционного контроля. Как подчеркивает Р. М. Мырзалимов, «заложенная в законах 1993 года модель конституционного правосудия во многом соответствует континентальной классической форме конституционного контроля. Именно с этих позиций необходимо рассматривать Конституционный суд КР» (Мырзалимов Р. М. Вопросы конституционного правосудия в Кыргызстане. Бишкек, 2001. С. 66).

В юридической литературе нет единого мнения о характере, месте Конституционного суда в системе государственных органов в условиях разделения властей. Полагаем, что это связано с двойственностью его природы. С одной стороны, Конституционный суд является судебным органом, о чем недвусмысленно говорится в самом его названии, а также частью судебной системы. С другой стороны, Конституционный суд можно рассматривать как особый орган государственной власти, осуществляющий контрольные функции, который находится в одном ряду с высшими звеньями государственной власти – Президентом, Парламентом, Правительством. Так, по мнению Л. В. Лазарева, статус Конституционного суда как органа одного уровня с высшими звеньями власти определяют: конституционная компетенция данного Суда, юридическая сила принимаемых им актов, роль в обеспечении баланса властей и неподнадзорность никаким инстанциям. Ученый отмечает, что «особое положение Конституционного суда в механизме государственной власти обусловило тот факт, что из всех высших судебных органов только его компетенция наряду с компетенцией Президента, Парламента, Правительства достаточно развернуто определена в самой Конституции» (Лазарев Л. В. Конституционное правосудие: механизмы реализации, проблемы // Рос. Федерация. 1995. № 10. С. 13–14).

Говоря о характере и месте Конституционного суда в системе государственных органов, Ю. Л. Шульженко отмечает, что «Конституционный суд полностью отвечает двум критериям, выделяющим контроль в самостоятельную власть – универсальность контрольной функции государственной власти и наличие органов (системы однородных органов), для которых контрольная функция является основной, главенствующей»

(Шульженко Ю. Л. Конституционный контроль в России. М., 1995. С. 15–16). В. Е. Чиркин полагает, что «Конституционный суд имеет много общего с судебной властью, но это не дает оснований рассматривать его как составную часть правосудия и включать в судебную власть» (Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государственного управления. М., 1994. С. 125). В обоснование своих доводов он обращает внимание на специфику решений, принимаемых в ходе конституционного контроля, которая заключается в том, что основным результатом конституционного контроля являются решения о соответствии или несоответствии конкретной правовой нормы положениям конституции, а не о применении правовой нормы к конкретным обстоятельствам разбираемого судебного дела; в ряде стран процедура конституционного контроля может возникнуть и до вступления закона в силу или же автономно, т. е. не в связи с применением закона по конкретному делу; основное решение, выносимое органом конституционного контроля во всех случаях, имеет общенормативное значение.

В гл. 7 «Судебная власть Кыргызской Республики» Конституции КР содержатся нормы о Конституционном суде; данная глава включает статьи, комплексно регулирующие деятельность судов различной юрисдикции. Помимо этого нормы о Конституционном суде присутствуют в тех главах Основного закона страны, где закрепляется статус таких институтов, как «Президент» и «Жогорку Кенеш». Особая роль Конституционного суда прописана в гл. 9 «Порядок принятия Конституции, новой редакции Конституции, а также закона о внесении изменений и дополнений в Конституцию» Конституции КР. В главе «Судебная власть Кыргызской Республики» Конституции КР говорится об осуществлении судебной власти посредством конституционного и иных видов судопроизводства (ст. 82, 85), о требованиях, предъявляемых к кандидатам в судьи Конституционного суда, порядке назначения судей, компетенции и правовом статусе судей Конституционного суда (ст. 83, 84). Состав, правовой статус и место Конституционного суда в системе судебной власти подчеркивается в ст. 85 Конституции КР, согласно п. 1 которой «Конституционный суд является высшим органом судебной власти по защите Конституции». В данном определении отражены основные черты юридической природы Конституционного суда: правовой статус – высший судебный орган, функция – защита Конституции. При этом неясным остается вопрос о том, почему в Конституции КР Конституционный суд определяется как «высший орган судебной власти», ведь ст. 82 Основного закона страны обозначает равный и независимый статус Конституционного и Верховного судов

Киргизии. М. В. Баглай, говоря о Конституционном Суде РФ, отмечает, что «Конституционный Суд не наделяется в Конституции эпитетом “верховный” или “высший”, поскольку он учреждается как федеральный суд в единственном числе, а не возглавляет федеральную систему органов конституционной юстиции» (Баглай М. В. Конституционное право РФ : учеб. для юрид. вузов и фак. М., 1998. С. 635). По мнению же А. А. Кулманбетовой, названная статья указывает, с одной стороны, на то, что функция по защите Конституции КР принадлежит и другим органам судебной власти: Верховному суду, местным судам, а также специально учрежденным конституционным законом специализированным судам (п. 3 ст. 82 Конституции КР). С другой стороны, данная статья закрепляет статус Конституционного суда как высшего судебного органа по защите Конституции страны, подчеркивая, что данный орган специально создан для осуществления функции конституционного контроля (Кулманбетова А. А. Конституционный суд как орган конституционного контроля в Кыргызской Республике (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2009. С. 77). На наш взгляд, данная формулировка определения Конституционного суда создает ненужную неразбериху и как бы предполагает его главенствующее место во всей судебной системе.

Важной чертой статуса Конституционного суда является то, что он призван решать исключительно вопросы права, не вмешиваясь в установление и исследование фактических обстоятельств дела. Это служит своеобразной гарантией от вмешательства Конституционного суда в политику, и наоборот. В связи с этим М. В. Баглай отмечает: «Суд ни при каких обстоятельствах не должен отдавать предпочтение политической целесообразности, пытаться оценивать чьи бы то ни было практические действия вне их правовых форм» (Баглай М. В. Указ. соч. С. 635).

Преимущество любой судебной власти, определяющее ее справедливость, состоит в особой процедуре (методах) осуществления. Суть данной процедуры сводится к тому, чтобы, как писал видный русский государствовед Б. Н. Чичерин, «держат весы, равные для обеих сторон, разобрать права и требования каждой и окончательно постановить свой приговор» (Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894–1898). Отсюда такие признаки судебной власти, как гласность, состязательность, независимость, коллегиальность. Так, с учетом специфики Конституционного суда основными принципами его деятельности являются принципы: законности, коллегиальности и гласности, независимости и подчиненности только Конституции. Данные принципы определены в ст. 2 Зако-

на КР «О Конституционном суде Кыргызской Республики». Кроме того, указанный Закон конкретизирует и развивает положения Конституции КР о составе и структуре суда, статусе его судей и гарантиях их деятельности, компетенции суда.

По нашему мнению, конституционные реформы, продолжающиеся в Киргизии с момента принятия первой Конституции КР в 1993 г., имели помимо несомненного положительного эффекта также негативные стороны, поскольку некоторые важные моменты были утрачены в результате многочисленных переписываний текста Основного закона страны. Так, согласно ч. 3 ст. 79 Конституции КР 2001 г. «статус судов и судей Кыргызской Республики определяется конституционными законами». Организация и порядок деятельности судов определяются законом. Между тем принятые впоследствии документы, а также действующая Конституция КР 2007 г. не придает законам КР «О Конституционном суде Кыргызской Республики» и «О конституционном судопроизводстве Кыргызской Республики» статуса конституционного закона и ограничивается лишь описанием структуры судебной власти. Так, в соответствии со ст. 82 Конституции КР «судебная система Кыргызской Республики устанавливается Конституцией и законами, состоит из Конституционного суда, Верховного суда и местных судов. Конституционным законом могут учреждаться специализированные суды».

С нашей точки зрения, Конституционный закон КР от 9 июля 2008 г. № 141 «О статусе судей Кыргызской Республики», в котором определены статус, гарантии независимости судей Киргизии, порядок избрания, назначения, перевод, освобождение от должности, меры материального и социального обеспечения деятельности судей Киргизии и иные положения, связанные с данным статусом, не препятствует приданию статуса конституционного закона законам КР «О Конституционном суде Кыргызской Республики» и «О конституционном судопроизводстве Кыргызской Республики». Более того, необходимо учитывать особую важность решаемых в Конституционном суде вопросов, которые обязывают законодателя придать статус конституционного закона вышеуказанным документам. Обладая статусом конституционного закона, названные законы займут должное положение в иерархии нормативных правовых актов и обретут соответствующую юридическую силу. Как отмечает Р. М. Мырзалимов, «конституционный закон – новое, заслуживающее внимания явление в конституционной практике стран СНГ. Конструкция “конституционный закон” имеет важное значение в формировании конституционного фундамента, она позволяет провести грань между те-

кущим законодательством и законодательством, влияющим на Конституцию, поскольку сами эти законы принимаются только по вопросам, предусмотренным Конституцией» (Мырзалимов Р. М. Указ. соч. С. 67).

Так, многие более развитые государства, чем Киргизия, осознавая огромную значимость функций институтов конституционного контроля, и во имя сохранения баланса в системе сдержек и противовесов приняли именно конституционные законы, определяющие их правовое положение. Например, правовое положение и деятельность Конституционного Суда РФ регулируется Федеральным конституционным законом от 1 июля 1994 г. № 1 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13, ст. 1447).

Несмотря на круг чрезвычайно важных вопросов, нередко затрагивающих интересы сильных государственных органов, Закон КР «О Конституционном суде Кыргызской Республики» не обладает статусом конституционного закона. На наш взгляд, наличие у данного Закона этого статуса позволило бы дополнительно гарантировать Конституционному суду независимость и стабильность, поскольку внесению изменений и дополнений в конституционные законы согласно ч. 4 ст. 65 Конституции КР предшествуют более сложные процедуры. Указанная мера также подчеркивает важность этого органа в механизме государственной власти.

Необходимость придания Закону КР «О Конституционном суде Кыргызской Республики» статуса конституционного закона очевидна, тем более в свете событий конфликтного характера, имевших место между Парламентом и Конституционным судом, в связи с Решением Конституционного суда о признании гл. 16-1 «О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» (Слово Кыргызстана. 2007. 19 сент.) не соответствующей Конституции КР. Результатом данного решения явилась отмена действия законов КР «О новой редакции Конституции Кыргызской Республики» от 8 ноября 2006 г. и 30 декабря 2006 г.

Второго октября 2007 г. Жогорку Кенеш Кыргызской Республики вынес постановление № 2046-III «О результатах работы депутатской комиссии по изучению деятельности Конституционного суда Кыргызской Республики» (Документ опубликован не был. Доступ из информ.-правовой системы «ТОКТОМ»).

Согласно данному постановлению Конституционный суд: превысил свои полномочия, дав заключения по результатам незаконных референдумов 1994, 1996, 1998 и 2003 гг.; решением от 13 июля 1998 г. фактически узаконил возможность баллотироваться на третий срок бывшему Президенту КР А. Акаеву, тем самым грубо на-

рушив Конституцию КР; решением от 28 февраля 2003 г. отказал в удовлетворении представлениям депутатов Законодательного собрания Жогорку Кенеша, которые считали, что при рассмотрении проекта Закона КР от 10 апреля 1998 г. «О ратификации Соглашения между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой о кыргызско-китайской государственной границе» нарушена конституционная процедура принятия закона, в результате чего Киргизии нанесен огромный непоправимый ущерб.

Жогорку Кенеш Кыргызской Республики отмечает, что решение Конституционного суда от 14 сентября 2007 г. является неправосудным, так как он руководствовался нормами утратившей силу Конституции КР в редакции от 18 февраля 2003 г.

Исходя из вышеизложенного Жогорку Кенеш Кыргызской Республики постановил следующее:

1. Информацию депутатской комиссии принять к сведению.

2. Отметить, что всенародные референдумы 1994 и 1996 гг. по внесению изменений и дополнений в Конституцию КР 1993 г. проведены с нарушением Основного закона страны и Закона КР от 28 июня 1991 г. № 533-ХII «О референдуме в Республике Кыргызстан».

3. Отметить неправосудность решения Конституционного суда Кыргызской Республики, принятого 9 ноября 1995 г., по проектам законов КР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики», представленным Президентом КР в Конституционный суд 24 апреля 1995 г. и 4 сентября 1995 г.

4. Поручить Счетной палате Кыргызской Республики проверить финансово-хозяйственную деятельность Конституционного суда с 1993 г., учитывая, что он полностью финансировался из республиканского бюджета, несмотря на отсутствие в определенных периоды полного состава судей.

5. Предложить Президенту КР образовать Государственную комиссию по изучению деятельности Конституционного суда начиная с момента его образования, включив в ее состав известных юристов, специалистов в области права, и по результатам проверки принять конкретные меры.

Двадцать второго октября 2007 г. данный конфликт был разрешен Указом Президента КР № 457 «О роспуске Жогорку Кенеша Кыргызской Республики», где говорится: «Жогорку Кенеш Кыргызской Республики своими действиями и решениями создал кризис, вызванный непреодолимыми противоречиями между Жогорку Кенешем Кыргызской Республики, представляющим законодательную ветвь власти, и Конституционным судом Кыргызской Республики, представляющим судебную ветвь власти.

Конституция Кыргызской Республики, устанавливающая, что Президент Кыргызской Рес-

публики является главой государства и гарантом Конституции Кыргызской Республики, прав и свобод человека и гражданина, обязывает главу государства принять полные и исчерпывающие меры по недопущению нарушений Основного закона, прав и свобод граждан, надлежащему функционированию и согласованному взаимодействию государственных органов Кыргызской Республики.

Принимая во внимание эти обстоятельства, обращения Конституционного суда Кыргызской Республики, а также руководствуясь статьями 7, 42, пунктом 2 статьи 63 и пунктом 7 статьи 56 Конституции Кыргызской Республики, принятой на двенадцатой сессии Верховного Совета Республики Кыргызстан двенадцатого созыва 5 мая 1993 года, изложенной в Законе Кыргызской Республики “О новой редакции Конституции Кыргызской Республики” от 18 февраля 2003 года № 40, принятом референдумом 3 февраля 2003 года, постановляю:

1. Досрочно распустить Жогорку Кенеш Кыргызской Республики, сформированный по итогам выборов депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в феврале-марте 2005 года, и считать прекращенными полномочия депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики данного созыва» (Эркин Тоо. 2007. 23 окт.).

С экономической точки зрения роспуск парламента и проведение новых выборов предполагают большие расходы и отрицательно сказываются на состоянии бюджета государства, с юридической – Президент воспользовался своим конституционным правом «по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия государственных органов» (ст. 3 Конституции КР).

Реализация принципов независимости и подчиненности только Конституции КР возможна лишь при условии существования гарантий независимости Конституционного суда. Наряду с иными гарантиями важнейшее значение имеют финансовая и материально-техническая независимость. Так, согласно ст. 18 Закона КР «О Конституционном суде Кыргызской Республики» «финансирование деятельности Конституционного суда обеспечивается из средств республиканского бюджета. Смета расходов Конституционного суда определяется сессией Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по представлению Председателя Конституционного суда». Указанная статья, с одной стороны, подчеркивает, что смета расходов представляется Председателем Конституционного суда, который заинтересован в финансовой независимости; с другой – устанавливает необходимость определения сметы расходов Конституционного суда сессией Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. Полагаем, что данная статья не полностью соответству-

ет духу конституционного положения ч. 1 ст. 83 Конституции КР о независимости Конституционного суда. Между тем ч. 2 ст. 87 Конституции КР содержит в себе положение о том, что «бюджет судебной системы формируется самостоятельно судебной властью и по согласованию с исполнительной и законодательной властями включается в республиканский бюджет». По нашему мнению, необходимость согласовывания бюджета Конституционного суда с исполнительной и законодательной властями порождает его зависимость от этих властей, поэтому препятствует должной независимости данного Суда. В связи с этим мы предлагаем внести изменения в ч. 2. ст. 87 Конституции КР, исключив вторую часть статьи, касающейся необходимости согласования сметы расходов с другими ветвями власти, а также внести поправку в ст. 18 Закона КР «О Конституционном суде Кыргызской Республики» в следующей редакции: «Конституционный Суд Кыргызской Республики независим в организационном, финансовом и материально-техническом отношении. Финансирование Конституционного суда производится за счет республиканского бюджета и обеспечивает возможность независимого осуществления конституционного судопроизводства в полном объеме. В республиканском бюджете отдельной статьей ежегодно предусматриваются необходимые для обеспечения деятельности Конституционного суда средства, которыми он распоряжается самостоятельно.

Конституционный суд самостоятельно и независимо осуществляет информационное и кадровое обеспечение своей деятельности, а также обладает правом оперативного управления имуществом, необходимым ему для осуществления своей деятельности.

Так, «какое бы то ни было ограничение правовых, организационных, финансовых, информационных, материально-технических, кадровых и других условий деятельности Конституционного Суда Кыргызской Республики, установленных настоящим законом, не допускается».

Правовой статус Конституционного суда подчеркивается делегированием ему законодателем полномочия по регламентированию внутренних вопросов своей деятельности, неурегулированных законодательством. Данное полномочие Конституционного суда обусловило принятие 4 августа 1995 г. Регламента Конституционного суда. Юридическая природа данного Регламента состоит в том, что он принимается самим судом, но не законодателем, на основе Конституции КР и законов «О Конституционном суде Кыргызской Республики», «О конституционном судопроизводстве Кыргызской Республики», он призван конкретизировать, развивать, дополнять нормы данных законов. Кроме того, Регламент регулирует вопросы организации работы Кон-

ституционного суда и его аппарата, а также ограничен предметом регулирования и касается только вопросов внутренней деятельности Конституционного суда. Предписания Регламента обязательны для всех участников процесса – сторон, их представителей, свидетелей, экспертов, переводчиков, всех участвующих или присутствующих в заседаниях суда, для всех подразделений и сотрудников его аппарата. Положениями Регламента руководствуются также сами судьи Конституционного суда.

Ряд вопросов организационного характера в отношении Конституционного суда урегулиро-

ван на уровне постановлений Жогорку Кенеша, в частности это касается утверждения описания и образца мантии судьи и вопросов, связанных с приведением судей к присяге (Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики // Вестн. Жогорку Кенеша КР. 1995. № 6, ст. 157, 176).

Таким образом, несмотря на закрепление высокого правового статуса Конституционного суда в важнейших законодательных актах, в том числе в Конституции КР, имеются недостатки, способные негативно повлиять на самое главное в судебном деле – возможность самостоятельно и независимо принять правосудное решение.

Библиографический список

1. Конституционное право Российской Федерации / М. В. Баглай [и др.]. – М., 1998.
2. *Кулманбетова, А. А.* Конституционный суд как орган конституционного контроля в Кыргызской Республике (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук / Кулманбетова А. А. – Бишкек, 2009.
3. *Лазарев, Л. В.* Конституционное правосудие: механизмы реализации, проблемы / Л. В. Лазарев // Рос. Федерация. – 1995. – № 10.
4. *Мырзалимов, Р. М.* Вопросы конституционного правосудия в Кыргызстане / Р. М. Мырзалимов. – Бишкек, 2001.

Bibliographical list

1. The Constitutional Law of the Russian Federation / M. V. Baglay [et al.]. – M., 1998.
2. *Kulmanbetova, A. A.* The Constitutional Court as the Body of the Constitutional Control in the Kyrgyz Republic (Questions of the Theory and Practice) / Kulmanbetova A. A. – Bishkek, 2009.
3. *Lazarev, L. V.* Constitutional Justice: Mechanisms of Realization, Problems / L. V. Lazarev // Rossiyskaya Federatsiya. – 1995. – № 10.
4. *Myrzalimov, R. M.* Questions of the Constitutional Justice in Kyrgyzstan / R. M. Myrzalimov. – Bishkek, 2001.

E-mail наших авторов

№ п/п	ФИО	E-mail
1	Абозин Р. В.	ZASHITA1000@yandex.ru
2	Агарков А. В.	agarkov2107@rambler.ru
3	Амелин Н. М.	nikolayamelin@yandex.ru
4	Андреева А. Е.	nastya.saf@mail.ru
5	Афанасьева А. Н.	afanaceva_ksaba@mail.ru
6	Баландин Д. А.	ekonomika@vui.vladinfo.ru
7	Богатырев В. В.	valerii.bg@rambler.ru
8	Веселов М. И.	ord@vui.vladinfo.ru
9	Виноградов В. В.	lumex2006@mail.ru
10	Витина М. Д.	bananchik-procuror@yandex.ru
11	Волков В. С.	vladimirs.volkov@yandex.ru
12	Головинский М. М.	irgolovinskaya@yandex.ru
13	Голубев В. Б.	filosof@mail.ru
14	Григорьев А. С.	a-grigorev@list.ru
15	Гришина Т. Ю.	adunkt@vui.vladinfo.ru
16	Дементьев С.И.	sergeyi83@yandex.ru
17	Ерин Д. А.	gospravo@vui.vladinfo.ru
18	Злобин В.С.	zlobin-28@mail.ru
19	Иваняков Р. И.	iri274@rambler.ru
20	Илиджев А. А.	ilidsasha@yandex.ru
21	Карасев Е. В.	evkar75@mail.ru
22	Кирилова Ю. С.	yuliya.kirilova@mail.ru
23	Кисляков С. В.	kislyakovs.v.@mail.ru
24	Климов Е. В.	egorklimov@gmail.ru
25	Коломенцев Д. В.	070002@mail.ru
26	Косых А. А.	lexovip36@mail.ru
27	Кудрявцев А.В.	ord@vui.vladinfo.ru
28	Кулаженкова Н. В.	natalia_kyl@mail.ru
29	Ланцов В. М.	lancov_ksaba@mail.ru
30	Ланцов М. В.	mikhail-lancv@rambler.ru
31	Лапшин В. Е.	kurs@vui.vladinfo.ru
32	Левит А. А.	andrey33.80@mail.ru
33	Лопатин С. А.	serge999911@mail.ru
34	Лысенко Т. И.	Tatjanka_ia@pochta.ru

№ п/п	ФИО	E-mail
35	Малолеткина Н. С.	levkovka707@mail.ru
36	Маликов С. В.	a_vua@rambler.ru
37	Махмутов Р. А.	rustamsledak@mail.ru
38	Михайлов А. Е.	Urgantfk@mail.ru
39	Молдобаев Б. Т.	bekzat_mt@mail.ru
40	Сенатов А. В.	ord@vui.vladinfo.ru
41	Смирнова И. Н.	parshkov_78@mail.ru
42	Ткачук Т. А.	Tatkachyk@mail.ru
43	Устинов А. Э.	phdustinov@mail.ru
44	Фортова Л. К.	gospravo@vui.vladinfo.ru
45	Халак О. Н.	mercury06@inbox.ru
46	Чайковский А. А.	Alex_chaykovskiy@mail.ru
47	Черкашина Н. В.	natasha8181@mail.ru
48	Шаханов В. В.	shahanoff@mail.ru
49	Ябанжи И. И.	ivan.iabanji@gmail.com

Требования к рукописям, представляемым для опубликования в «Вестнике Владимирского юридического института»

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более 1 печатного листа. Критерии отбора: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению рукописей: формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman; кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см; междустрочный интервал полуторный; поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см.

Рукопись должна включать: сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, почтовый адрес, e-mail); основной текст; ключевые слова; библиографический список (3–4 источника), оформленный по ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Библиографические ссылки должны быть внутритекстовыми и оформлены в соответствии с ГОСТ Р7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Обращаем внимание авторов на то, что совокупность библиографических ссылок не является библиографическим списком.

Сведения об авторе, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: на русском и английском языках.

В случае изменения сведений об авторе, последний обязан уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К представляемой рукописи необходимо приложить аннотацию и рецензию. Кроме того, необходимо приложить анкету автора публикации и оператора персональных данных. Заполненная и подписанная автором анкета является письменным согласием на обработку его персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, в котором освещаются проблемы ведущих отраслей российского и зарубежного права, деятельности уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов. Статьи печатаются под рубриками: «Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», «Актуальные проблемы российской юридической науки и правоприменительной практики», «История отечественного государства и права», «Правовые системы зарубежных стран». Авторы несут ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат.

Работы авторов, не отвечающие вышеназванным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Рукописи представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института в распечатанном и электронном виде.

Бумажный вариант рукописи вместе с сопроводительным письмом, анкетой автора публикации и оператора персональных данных, аннотацией и рецензией необходимо выслать заказным письмом или бандеролью по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, электронный вариант – по e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru, с обязательным указанием в поле «Тема письма» «Статья в Вестник».

Рукописи адъюнктов и аспирантов публикуются бесплатно, всех других авторов – на платной основе. Стоимость одной публикации 3500 руб.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 32-49-73, 32-25-60, e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКАТО 17401000000) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 03281175960)	Сч. №	40503810900001000001
	БИК	041708001
Банк получателя ГРКЦ ГУ БАНКА РОССИИ ПО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛ. Г.ВЛАДИМИР	Сч. №	
	Назначение платежа: 32030201010010000130 п.3 Доход от издательской деятельности (реализация журнала «Вестник»)	

Анкета автора публикации и оператора персональных данных*

(заполняется, подписывается автором публикации и высылается
в адрес редакции научно-образовательного журнала
«Вестник Владимирского юридического института»)

1. _____

(фамилия, имя, отчество автора публикации, номер паспорта, сведения о дате выдачи паспорта и выдавшем его органе,
место работы (службы), занимаемая должность, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства,
адрес электронной почты, контактные телефоны)

2. Данилова Ирина Борисовна. Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ВЮИ ФСИН России). Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, 600020.

(фамилия, имя, отчество оператора персональных данных, получающего согласие на обработку персональных данных
автора публикации, место работы (службы), почтовый и юридический адрес)

3. Размещение персональных данных автора публикации в электронной и печатной версиях научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(цель обработки персональных данных автора публикации)

4. Фамилия, имя, отчество автора публикации, место работы (службы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства, адрес электронной почты, контактные телефоны.

(перечень персональных данных, на обработку которых дается согласие автора публикации)

5. Запись персональных данных автора публикации в память ЭВМ, их тиражирование в электронном и печатном виде.

(перечень действий с персональными данными, на совершение которых дается согласие автора публикации;
способы обработки персональных данных)

6. Пять лет – для размещения персональных данных автора публикации на Интернет-сайте института <http://vui-fsin.ru>, в системе Российского индекса научного цитирования, системе цитирования Social Sciences Citation Index (база по социальным наукам); неопределенный срок – для размещения персональных данных автора публикации в печатной версии научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(срок, в течение которого действует согласие автора на обработку персональных данных)

7. Допускается отзыв согласия автора публикации на обработку персональных данных путем уведомления последним оператора персональных данных за месяц до выхода научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института» из печати и размещения его электронной версии в Интернете (дата выхода из печати указывается в «Вестнике Владимирского юридического института», дата размещения электронной версии – на Интернет-сайте института: <http://vui-fsin.ru>).

(порядок отзыва согласия автора публикации на обработку персональных данных)

Автор публикации _____ / _____ / « ____ » _____ 20 ____ г.
(подпись, фамилия и инициалы)

Оператор персональных данных _____ / _____ / « ____ » _____ 20 ____ г.
(подпись, фамилия и инициалы)

* Настоящая анкета разработана в соответствии с письмом Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации от 27 июля 2009 г. № 17-110 «Об обеспечении защиты персональных данных».